

WISCONSIN

STATE OF WISCONSIN

County of _____

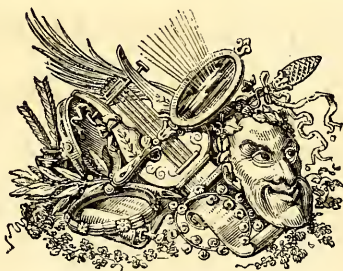
ss. I, _____

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН.
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца *Александра Смирдина.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВДОВЫ П. ПЛОШАРЬ СЪ СЫНОМЪ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цен-
зурный Комитетъ три экземпляра.

С.-Петербургъ, 1835 года Февраля 27 дня.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Ъ С Н И

ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

1.

ВИДѢНІЕ КОРОЛЯ.

Король ходитъ большими шагами
Взадъ - и - впередъ по палатамъ;
Люди спать — королю лишь не спится:
Короля Султанъ осаждаетъ ,
Голову отсѣчь ему грозитъ
И въ Стамбуль отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку;
Не услышитъ - ли какого шума?
Слышитъ, воетъ ночная птица,
Она чуетъ бѣду неминучу,

Скоро ей искать новой кровли
Для своихъ птенятъ горемычныхъ.

Не сова воетъ въ Ключь-Градъ,
Не луна Ключь-Городъ озаряетъ,
Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
И идетъ одинъ въ Божию церковь.

Сталъ на паперти, дверь отворяетъ...
Ужасомъ въ немъ замерло сердце,
Но великую теоритъ онъ молитву
И спокойно въ церковь Божию входитъ.

Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
На помостъ валяются трупы,
Между ими хлещетъ кровь ручьями
Какъ потоки осени дождливой.
Онъ идетъ шагая черезъ трупы,
Кровь по щиколку ему достягаетъ...

Горе! въ церкви Турки и Татары
И предатели враги *Богумилы*.
На амвонѣ самъ Султанъ безбожный
Держитъ онъ на голо саблю,
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ вострія до самой рукоятки.

Короля незапный обуялъ холодъ:
Тутъ-же видитъ онъ отца и брата
Предъ Султаномъ старикъ бѣдный справа
Униженно стоя на колѣнахъ,

Подаетъ ему свою корону;
Слѣва, также стоя на козлахъ,
Его сынъ, Радивой окаанный,
Бусурманскою чалмою покрытый
(Съ тою самою веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго старца),
Край полы у Султана цѣлуеъ,
Какъ холопъ показанный *фалангой*.

И Султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взявъ корону, растопталъ ногами,
И промолвилъ потомъ Радивою:
«Будь надъ Босніей моею ты властелиномъ,
Для гяуръ-христіанъ беглербеемъ.
И отступникъ билъ челомъ Султану,
Трижды полъ окровавленный цѣлуя.

И Султанъ прислужниковъ кликнулъ,
И сказалъ: «Дать кафтанъ Радивою!
Не бархатной кафтанъ, не парчевой,
А содрать на кафтанъ Радивоя
Кожу съ брата его роднаго.»
Басурмане на короля паскочили,
До пага всего его раздѣли,
Атаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже! меня наказуя!
«Плоть мою предай на растерзанье,
«Лишь помилуй мнѣ душу, Иисусе!»

При семъ имени церковь задрожала,
Все внезапно утихнуло, померкло, —
Все исчезло — будто не бывало.

И король ошупью въ потемкахъ
Коё-какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба,
И пошли бусурмане на приступъ.

==

2.

ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

Что въ разъездахъ Бей Янко Марнавичъ?
 Что ему дома не сидится?
 Отчего двухъ почей онъ сряду
 Подъ одною кровлей не почуетъ?
 Али недруги его могучи?
 Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится Бей Янко Марнавичъ
Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья.
Но онъ бродить, какъ гайдукъ бездомный,
Съ той поры какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались,
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умеръ
Отъ руки имѣ избраннаго брата.

Веселѣе было пированье,
Много пили меду и горѣлки;
Охмѣляли, обезумили гости,
Два могучіе бѣи побранились.

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.

Въ супротивника своего не попалъ онъ,
А попалъ онъ въ своего друга.
Съ того времени онъ тоскуя бродить,
Словно волъ ужаленный змією.

Наконецъ онъ на родину воротился,
И вошелъ въ церковь святаго Спаса.
Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
И отужиналъ со своей семьею,
Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
«Посмотри, жена, ты въ окошко.
Видишь ли церковь Спаса отсель?»
Жена встала, въ окошко поглядѣла,
И сказала: «На дворъ полночь,
За рѣкою густые туманы,
За туманомъ ничего не видно.»
Повернулся Янко Марнавичъ,
И тихонько сталъ читать молитву.

Помолившись, онъ опять ей молвилъ:
«Посмотри, что ты видишь въ окошко?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу, вонъ, малый огонѣчикъ
Чуть-чуть брежжетъ въ темнотѣ за рѣкою.
Улыбнулся Янко Марнавичъ,
И опять сталъ тихонько молиться.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
«Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что тамъ еще видно?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу я на рѣкѣ сіяніе,
Близится оно къ нашему дому.»
Бей вздохнуль, и съ постели свалился.
Тутъ и смерть ему приключилась.

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ.

Радивой поднялъ желтое знамя:
Онъ идетъ войной на бусурмана.
А Далматы, завидя наше войско,
Свой длинные усы закрутили,
На бекрень надѣли свои шапки,
И сказали: «Возьмите насъ съ собою:
Мы хотимъ воевать бусурмановъ.»
Радивой дружелюбно ихъ принялъ
И сказалъ имъ: «Милости просимъ!»
Перешли мы заповѣдную рѣчку,
Стали жечь Турецкія деревни,
А жидовъ на деревьяхъ вѣшать.
Беглербей со своими Бѣшняками
Противъ насъ пришелъ изъ Баняловки;
Но лишь только заржали ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбѣжались измѣнники Далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
Мы домой воротимся съ тобою
И расскажемъ эту битву нашимъ дѣтямъ.»
Стали биться мы тогда жестоко,
Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоимъ;
Кровью были покрыты наши сабли
Съ острія по самой рукояти.
Но когда черезъ рѣчку стали
Тѣсною кучкою мы переправляться,
Селихтаръ съ крыла на насъ ударилъ
Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
Радивой сказалъ тогда намъ: «Дѣти,
«Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
«Намъ управиться съ ними невозможно.

«Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
 «И спасайся тамъ отъ Селихтара.»
 Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать,
 Всѣ друзья, родные Радивою,
 Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
 Закричалъ Георгій Радивою:
 «Ты садись, Радивой, поскорѣе
 На коня моего воронаго;
 Черезъ рѣчку вплавъ переправляйся,
 Конь тебя изъ погибели вымчитъ.»
 Радивой Георгія не послушалъ,
 Наземь стѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
 Тутъ враги на него наскочили,
 Отрубили голову Радивою.

=

4.

ТЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

.....

 Стамати былъ старъ и безсиленъ,
 А Елена молода и проворна;
 Она такъ-то его оттолкнула,
 Что ушелъ онъ охая да хромая.
 По дѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
 Ай да баба! отдѣлалась славно!

Вотъ Стамати сталъ думать думу:
 Какъ ему погубить бы Елену?
 Онъ къ жиду лиходѣю приходитъ,
 Отъ него онъ требуетъ совѣта.
 Жидъ сказалъ: «Сгупай на кладбище,
 Отыщи подъ камнями жабу,
 И въ горшокъ сюда принеси мнѣ.»

На кладбище приходитъ Стамати,
Отыскалъ подъ камнями жабу,
И въ горшкѣ жиду ее приносить.
Жидъ на жабу проливаетъ воду,
Нарекаетъ жабу Иваномъ
(Грѣхъ великъ Христіанское имя
Нарещи такой поганой твари!).
Они жабу всю потомъ изкололи,
И ее — ея жъ кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспѣлую сливу.

И Стамати мальчику молвилъ:
«Отнеси ты Еленѣ эту сливу,
Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
Принесъ мальчикъ Еленѣ сливу,
А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
Показалось бѣдной молодицѣ,
Что змія у ней въ животѣ шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молокомъ напоила,
Но змія въ животѣ все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баять: Елена брюхата.
Каково-то будетъ ей отъ мужа,
Какъ воротится онъ изъ-за моря!
И Елена стыдится и плачетъ,
И на улицу выдти не смѣетъ,
День сидитъ, ночью ей не спится.
Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и — Теодоръ
Воротился на свою сторонку.

Вся деревня бѣжитъ къ нему на встрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ ни ищетъ онъ ее глазами.
«Гдѣ жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой, — и видитъ,
На постелѣ сидитъ его Елена.
«Встань Елена,» говоритъ Θεодоръ.
Она встала, — онъ взглянулъ сурово.
Господинъ ты мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,
Предъ тобою я невиновата,
Испортили меня злые люди.»

Но Θεодоръ женѣ не повѣрилъ:
Онъ отскѣкъ ей голову по плечи.
Отскѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
«Не сгублю я невиннаго младенца,
Изъ нее выну его живаго,
При себѣ воспитывать буду.
Я увижу, на кого онъ походитъ,
Такъ навѣрно отца его узнаю
И убью своего злодѣя.»

Распоролъ онъ мертвое тѣло.
Что-жъ! — на мѣсто милаго дитяти,
Онъ черную жабу находитъ.
Взвывъ Θεодоръ: «Горе мнѣ убійцѣ!»
Я сгубилъ Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди.»

Поднялъ онъ голову Елены,
Сталъ ее цѣловать умиленно,

И мертвые уста отворились,
Голова Елены провѣщала:

«Я невинна. Жидъ и старый Стамати
Черной жабой меня окормили.»
Тутъ опять уста ея сомкнулись
И языкъ пересталъ шевелиться.

И Феодоръ Стамати зарѣзалъ,
А жидъ убилъ какъ собаку,
И отпѣлъ по жентъ панихиду.

=

5.

ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦИИ.

Какъ покинула меня Парасковья
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ Далматъ пришелъ ко мнѣ лукавый:
«Ступай, Дмитрій, въ морской ты городъ,
Тамъ цехины что у насъ каменья.

«Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтанахъ,
И только что пьютъ да гуляютъ:
Скоро тамъ ты разбогатѣешь,
И воротнись въ шитомъ долиманѣ
Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусляхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,
И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отпирвайся моремъ;
Воротись, когда разбогатѣешь.»

Я послушался лукаваго Далмата.
Вотъ живу въ этой каменной лодкѣ,

Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по нашему молвлю;
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай:
Я завялъ какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
Слышу — Здравствуй Дмитрій Алексичъ!
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Занесенная въ озеро бурей.

=

6.

ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ.

Въ пещерь, на острыхъ каменьяхъ
Притаился храбрый Гайдукъ Хризичъ.
Съ нимъ жена его Катерина,
Съ нимъ его два милые сына,
Имъ нельзя изъ пещеры выдти,
Стерегутъ ихъ недруги злые.
Коли чуть они голову подымутъ,
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадинѣ камня.
На четвертый взошло красно-солнце,
И вода во впадинѣ изсякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь Богъ! помилуй наши души!»

И упала мертвая на землю.
 Хризичъ глядя на нее не заплакалъ,
 Сыновья плакать при немъ не смѣли;
 Они только очитирали
 Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
 Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
 Сталъ глядѣть онъ на мертвую мать,
 Будто волкъ на спящую козу.
 Его братъ, видя то, испугался.
 Закричалъ онъ старшему брату:
 «Милый братъ! не губи свою душу;
 Ты напейся горячей моею кровью,
 А умремъ мы голодною смертию,
 Станемъ мы выходить изъ могилы
 Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ.»
 Хризичъ всталъ и промолвилъ: «Полно!
 «Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.»
 И всѣ трое со скалы въ долину
 Сбѣжали какъ бѣшенныя волки.
 Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
 Семью пулями каждый изъ нихъ прострѣленъ;
 Головы враги у нихъ отсѣкли
 И на коцья свои насадили, —
 А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли.
 Такъ имъ страшенъ былъ Хризичъ съ сыновьями.

=

7.

ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ,

Іакинфа Маглановича.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
 Съ Богомъ! нынѣ въ честь твою,

Помолясь усердно Богу,
Кубокъ я прощальный пью.

Пуля легче лихорадки;
Волею умеръ ты какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.

Вспоминай насъ за могилой,
Коль сойдстесь какъ-нибудь;
Отъ меня отцу, братъ милый,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила;
Я здоровъ, — и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ:
Умный мальчикъ у меня;
Ужъ владѣтъ Атаганомъ,
И стрѣляетъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгортъ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ или нѣтъ, — узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Съ Богомъ! нынѣ въ честь твою,
Помолясь усердно Богу,
Кубокъ я прощальный пью.

=

8.

МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
Т. IX. — От. I.

А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ,
Блѣденъ онъ и чуть ноги волочить,
Просить онъ напиться, ради Бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковчикъ,
И прохожій до дна его выпилъ.
Вотъ, напившись, говоритъ онъ Маркѣ:
«Это что подъ горою тамъ видно?»
Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
«То кладбище наше родовое»
Говоритъ незнакомый прохожій:
«Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
Потому что мнѣ жить ужъ не долго.»
Тутъ широкій развилъ онъ поясъ,
Кажетъ Маркѣ кровавую рану.
«Три дня, молвилъ, ношу я подъ сердцемъ
Бусурмана свинцовую пулю.
Какъ умру, ты зарой мое тѣло
За горой, подъ зеленою ивой.»
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный былъ воинъ.

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко сталъ осматривать рану.
Вдругъ сказала молодая Зоя:
«Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ
Поддержать гостя нашего долѣ.»
Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко сѣлъ на коня вороного,
Взялъ съ собою мертвое тѣло,
И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
Тамъ глубокую вырыли могилу,
И съ молитвой мертвеца схоронили.
Вотъ проходитъ недѣля, другая,

Стаѣ худѣтъ сыночнкъ у Марка ;
 Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
 Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
 Къ Якубовичу Калуеръ приходитъ, —
 Посмотрѣлъ на ребенка, и молвилъ :
 «Сынъ твой боленъ опасною болѣзнію ;
 Посмотри на бѣлую его шею:
 Видишь ты кровавую ранку?
 Это зубъ Вурдалака, повѣрь мнѣ.»

Вся деревня за старцемъ Калуеромъ
 Отправилась тотчасъ на кладбище ;
 Тамъ могилу прохожаго разрыли,
 Видятъ, — трупъ румяный и свѣжій, —
 Ногти выросли какъ вороньи когти,
 А лице обросло бородою, —
 Алой кровью вымазаны губы, —
 Полна крови глубокая могила.
 Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
 Но мертвецъ завизжалъ, и проворно
 Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
 Онъ бѣжалъ быстрее чѣмъ лошадь
 Стремянами острыми лѣзвима ;
 И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись,
 А суки деревъ такъ и трещали,
 Ломаясь какъ замерзлыя прутья.

Калуеръ могильною землею
 Ребенка больного всего вытеръ,
 И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
 На закатъ краснаго солнца
 Зоя мужу своему сказала:
 «Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
 Въ эту пору умеръ злой прохожій.»

Вдругъ собака громко завыва,
 Отворилась дверь сама собою,
 И вошелъ великанъ, наклонившись,

Сълъ окъ, ноги подъ себя поджавши,
 Потѣлка головою касаясь.
 Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
 Неподвижно глядѣлъ на него Марко
 Очарованъ ужаснымъ его взоромъ ;
 Но старикъ, молитвенникъ раскрыши,
 Запалилъ кипарисную вѣтку ,
 И подулъ дымъ на великана.
 И затрясся Вурдалакъ проклятый,
 Въ двери бросился, и бѣжать пустился,
 Будто волкъ охотникомъ гонимый.

На другія сутки въ ту же пору
 Песъ залаялъ, дверь отворилась,
 И вошелъ человекъ незнакомый.
 Былъ онъ ростомъ, какъ Цесарскій рекрутъ.
 Сълъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марко;
 Но старикъ молитвой его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый, —
 Могъ бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,
 Но сверкали у него злыя глазки.
 И старикъ въ третій разъ его погналъ,
 И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

=

9.

БОНАПАРТЪ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?»
 Бонапарта спросилъ:
 «Правда ль: это племя злое,
 «Не боятся нашихъ силъ?»

«Такъ расскажте жъ пахамъ:
 «Объявить ихъ старшинамъ,

«Чтобы ружья и кинжалы
«Всѣ несли къ своимъ ногамъ.»

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты, —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы.....

Мы зашли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ, —
Вотъ они вступили, въ горы,
Истребляя все кругомъ.

.....
.....

Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ, смятеніе!... Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Стой! пали! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не проситъ:
Не щадите жъ никого!»

Ружья грянули, — упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Прятаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы Французамъ: -- «Это что?»

Удивясь, они сказали:
«Эхо, что-ли?» Нѣтъ не то!

Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать человекъ.
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.

И Французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край;
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу не възначай.

==

10.

СОЛОВЕИ.

Соловей мой, соловейко
Птица малая лѣсная!
У тебя ль у малой птицы
Незамѣшныя три пѣсни,
У меня ли у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота,
Рано молодца жспили;
А вторая-то забота, —
Воронъ конь мой притомился;
Какъ ужъ третья-то забота —
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,

Такъ сплѣтутъ себѣ вѣночки.
Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнуть.

=

||.

ПѢСНЯ О ГЕОРГІѢ ЧЕРНОМЪ.

Не два волка въ оврагѣ грызутся,
Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
Старый Петро сына укоряетъ:
«Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый!
Не боишься ты Господа Бога,
Гдѣ тебѣ съ Султаномъ тягаться,
Воевать съ Бѣлградскимъ пашею!
Аль о двухъ головахъ ты родился?
Пропадай ты себѣ, окаянный,
Да за чѣмъ ты всю Сербію губишь?»
Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
«Изъ ума старикъ, видно, выжилъ,
Коли лагетъ безумныя рѣчи.»
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ.
Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
Туркамъ выдать ослушнаго сына,
Объявить убѣжище Сербовъ.
Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
Георгій старика догоняетъ:
«Воротися, отецъ, воротися!»
Отпусти мнѣ невольное слово.»
Старый Петро не слушаетъ, грозитъ:
«Вотъ уже, разбойникъ, тебѣ будетъ!»
Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.

Не взглянулъ на сына старый Петро.
 Догоняетъ вновь его Георгій,
 И хватаетъ за сивую косу.
 «Воротись, ради Господа Бога:
 Не введи ты меня въ искушенье!»
 Отпихнулъ старикъ его сердито,
 И пошелъ по Бѣлградской дорогѣ.
 Горько, горько, Георгій заплакалъ,
 Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
 Взявъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ же.
 Закричалъ Петро, зашатавшись:
 «Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
 И упалъ на дорогу бездыханенъ.
 Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
 Его мать вышла ему на встрѣчу.
 «Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
 Отвѣчаетъ Георгій сурово:
 «За обѣдомъ старикъ пьянъ напился,
 И заснулъ на Бѣлградской дорогѣ.»
 Догадалась она, завопила:
 «Будь же Богомъ проклятъ ты, черный,
 Коль убилъ ты отца роднаго!»
 Съ той поры Георгій Петровицъ
 У людей прозывается Черный.

=

12.

ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смилуйся Ты, Боже!
 Забѣдаютъ насъ волки Янычары!
 Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
 Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
 Сыновей въ исвою забираютъ,
 Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку

Распѣвать зазорныя пѣсни
 И плясать басурманскія пляски.
 Старьики даже съ нами согласны:
 Унимать насъ они перестали, —
 Ужъ и имъ пестерпимо насилье.
 Гусляры насъ въ глаза укоряютъ:
 Долго ль вамъ мирволить Янычарамъ?
 Долго ль вамъ терпѣть оплеухи?
 Или вы ужъ не Сербы, — Цыганы!
 Или вы не мужичиы, — старухи?
 Вы бросайте ваши бѣлые дома,
 Уходите въ Велийское ущелье, —
 Тамъ гроза готовится на Турокъ,
 Тамъ дружину свою собираетъ
 Старый Сербинъ, воевода Милошъ.

=

15.

ВУРДАЛАКЪ. *

Трусовать былъ Ваня бѣдный:
 Разъ онъ поздною порой,
 Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
 Чрезъ кладбище шелъ домой.

Бѣдный Ваня еле дышетъ,
 Спотыкаясь, чуть бредетъ
 По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ, —
 Кто-то кость, ворча, грызетъ.

Ваня сталъ; — шагнуть не можетъ.
 Боже! думаетъ бѣднякъ,
 Это вѣрно кости гложетъ
 Красногубый вурдалакъ.

* Вурдалакъ, Вудкодлакъ, Упырь (vampire).

Горе! малый я не сильный;
 Съѣсть Упырь меня совѣмъ,
 Если самъ земли могильной
 Я съ молитвою не съѣмъ.

Что-жь? вмѣсто Вурдалака —
 (Вы представьте Вани злость!)
 Въ темнотѣ предъ нимъ собака
 На могилѣ гложетъ кость.

=

14.

СЕСТРА И БРАТЬЯ.

Два дубочка выростали рядомъ,
 Между ими тонковерхая елка.
 Не два дуба рядомъ выростали,
 Жили вмѣстѣ два братца родные:
 Одинъ Павель, а другой Радула,
 А межъ ими сестра ихъ Елица.
 Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
 Всякую ей оказывали милость;
 Напоследокъ ей пожъ подарили
 Золоченый въ серебряной оправѣ.
 Огорчилась молодая Павлиха
 На золовку, стало ей завидно;
 Говорить она Радуловой любѣ:
 «Невѣстушка, по Богу сестрица!
 Не знаешь ли ты зелія такова,
 Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
 Отвѣчаетъ Радулова любя:
 «По Богу сестра моя, невѣстка,
 Я не знаю зелія такова;
 Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала;
 И меня братья мои любили,
 И мнѣ всякую оказывали милость.»

Вотъ пошла Павлиха къ водоною ,
Да зарѣзала коня воронаго,
И сказала свосму господину :
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь ,
На бѣду даришь ей подарки:
Извела она коня воронаго.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ :
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ :
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью ,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ ,
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый ,
Сиваго сокола тамъ заколола,
И сказала своему господину :
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь ,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Вѣдь она сокола заколола.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ :
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ :
«Не я братецъ, клянусь тебѣ жизнью ,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ .
Вотъ Павлиха по вечерамъ поздно
Ножъ украла у своей золовки ,
И ребенка своего заколола
Въ колыбелькѣ его золоченой .
Рано утромъ къ мужу прибѣжала ,
Громко воя и лице терзая .
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь ,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Заколола у насъ она ребенка.
А когда еще ты мнѣ не вѣришь ,
Осмотри ты ножъ ея злеченый.»
Вскочилъ Павелъ , какъ услышалъ это ,
Побѣжалъ къ Елицѣ , во свѣтлицу :

На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ пожъ вистѣлъ злачный.
Изъ поженъ вынулъ его Павелъ, —
Ножъ злаченый весь былъ окровавленъ.
Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
«Ой сестра, убей тебя Боже!
Извела ты коня вороного,
И въ саду сокола заколола;
Да за что ты зарѣзала ребенка?»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
Выведи меня въ чистое поле,
Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
Пусть они мое бѣлое тѣло
Разорвутъ на четыре части.»
Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ алыя цвѣточки;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молодая Павлиха:
Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ, —
Выросла трава сквозь ея кости,
Въ той травѣ лютой змѣй гнѣздится
Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
Люто страждетъ молода Павлиха;
Говоритъ она своему господину:
«Слышишь ли, господинъ ты мой, Павелъ,
Сведи меня къ золовкиной церкви,
У той церкви авось исцѣлюся.»
Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,

И какъ были они уже близко,
 Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
 «Не входи, молодая Павлиха,
 Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
 Какъ услышала то молодая Павлиха,
 Она молвила своему господину:
 «Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
 Не веди меня къ бѣлому дому,
 А вьжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
 И пусти ихъ по чистому полю.»
 Своей любви послушался Павелъ,
 Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
 И погналъ ихъ по чистому полю.
 Гдѣ попала капля ея крови,
 Выросло тамъ тернѣе да кропива;
 Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
 На томъ мѣстѣ озеро провалило.
 Боронъ конь по озеру выплываетъ,
 За конемъ золоченая люлька,
 На той люлькѣ сидитъ соколъ птица,
 Лежитъ въ люлькѣ маленькій мальчикъ:
 Рука матери у него подъ горломъ,
 Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

=

15.

ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ.

Полюбилъ Янышъ королевичъ
 Молодую красавицу Елицу.
 Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
 Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
 На Любушѣ, Чешской королевнѣ.
 Съ прежней любовью идетъ онъ проститься.
 Ей приносить съ червонцами чересь,
 Да гремучія серги золотыя,

Да жемчужное тройное ожерелье.
Самъ ей вдѣлъ онъ серги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересь,
Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
И поѣхалъ своею дорогою.
Какъ одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Изъ ушей выдернула серги,
Ожерелье на двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица:
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И се нарекла Водяницей.

Вотъ проходятъ три года и болѣ,
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы;
Захотѣлъ онъ коня вороного
Напоить студеною водою.
Но лишь только запѣнешную морду
Сунулъ конь въ студеною воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
Хватъ коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ испугѣ,
На уздѣ виситъ Водяница
Какъ на удѣ пойманная рыбка, —
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою;
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня воронова,
Осадивъ могучею рукою.
Говорить ей Янышъ королевичъ:
«Разскажи, какое ты творенье:
Женищина ль тебя породила.

Иль Богомъ проклятая Вила?»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица;
Мой отецъ Янышъ королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей.»
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня воронова,
Обнялъ дочь свою, Водяницу
И слезами заливаясь, молвилъ:
«Гдѣ, скажи, твоя мать Елица?
Я слыхалъ, что она потонула.»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ,
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»
Водяница молвилъ королевичъ:
«Такъ иди же къ водяной царицѣ,
И скажи ей: Янышъ королевичъ.
Ей поклонъ усердный посылаетъ,
И у ней свиданія просить
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходить;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлымъ груди,
Поднялась царица водяная,
И сказала: «Янышъ королевичъ,
У меня свиданія просилъ ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица,

Выдь ко мнѣ на зеленой берегъ,
Поцѣлуй меня по прежнему сладко,
По прежнему полюблю тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимаетъ,
Не внимаетъ, головою киваетъ:
«Нѣтъ, не выду, Янышъ королевичъ,
Я къ тебѣ на земный берегъ.
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Разскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль проживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою? «
Отвѣчаетъ Янышъ королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ.»

А. ПУШКИНЪ.

П Р О З А.

IMBROGLIO.

(Изъ записокъ путешественника.)

Одинъ изъ моихъ пріятелей сообщилъ мнѣ описаніе страннаго приключенія, случившагося съ нимъ во время его путешествія по Итали. Мой пріятель не авторъ, и не умѣетъ разсказывать красно и витѣсвато; желаю, чтобы интересъ самаго происшествія замѣнилъ для моихъ читателей красоту разсказа. Повторяю, мой пріятель не авторъ, но простой путешественникъ, туристъ, для очистки совѣсти принявшійся за перо.

Солнце уже заходило. Пароходъ нашъ летѣлъ стрѣлою. Неаполитанскій заливъ открывался во всемъ своемъ величій. Пассажиры бросились на палубу. Хотя мы уже седьмой день все больше и больше подвигались подъ Италианское небо, но при видѣ берега оно показалось намъ еще прекраснѣе. Я не буду описывать нашихъ восклицаній, нашихъ восхищеній, нашей радости: надобно испытать ее.

Дымъ изъ пароваго котла, какъ-будто сердясь на долгое заключеніе, съ шипѣніемъ и брызгами выскочилъ изъ трубы, колеса замерли; насъ окружили тысячи лодокъ. Путешествуя безъ слуги, я взвалилъ на плеча свой маленькій чемоданчикъ, и бросился въ одну изъ нихъ.

— Alle crocelle, a Santa Lucia, сказалъ я гребцу, справившись съ своимъ Guide du Voyageur: какой трактиръ всѣхъ дешевле.

— Si, signore, отвѣчалъ лодочникъ, и сильно взмахнулъ веслами.

Добравшись до трактира, я занялъ первую мнѣ попавшуюся комнату, сбросилъ скорѣе съ плечъ мою котомку, отдалъ мои бумаги трактирщику, и со всею нетерпѣніемъ сѣвернаго жителя, выбѣжалъ на улицу, чтобъ насладиться роскошною Италіанскою ночью и величественной картиной, бывшею у меня передъ глазами. Долго бродилъ я по улицамъ, и не чувствительно дошелъ до Villa-reale, на берегъ моря. Все поражаало меня, все приковывало мое вниманіе, — и архитектура зданій, и новая для меня одежда, и черты лицъ опаленныхъ солнцемъ. Я прислушивался къ пѣнію рыбаковъ, къ повѣстямъ ихъ разскащиковъ, заходилъ въ церкви, заглядывалъ въ окошки домовъ, словомъ наслаждался вполне, какъ только можетъ наслаждаться человекъ, внезапно черезъ море перенесенный изъ далекаго сѣвера въ поэтическое отечество Тасса. Въ этомъ наслажденіи я не замѣчалъ времени, какъ вдругъ небо потемнѣло; тутъ я вспомнилъ, что въ южныхъ странахъ не бываетъ сумерекъ, и что мнѣ, иностранцу, легко можно заблудиться: впрочемъ другихъ опасностей я не предвидывалъ. Время романтическихъ приключеній прошло и для Италіи; грозныхъ поэтическихъ разбойниковъ уняла полиція; ктому жъ мой небогатый парядъ, и еще менѣе богатый кошелекъ, не могли обратить на себя корыстолюбиваго вниманія. Я подумалъ, и рѣшился повѣрить мой органъ мѣстной памяти, — добратъ до ночлега, нікого не спрашивая. Признаюсь, мнѣ почти хотѣлось не найти моего трактира, чтобы имѣть случай провести ночь подъ открытымъ небомъ. Не успѣлъ я пройти нѣсколько шаговъ, какъ почувствовалъ, что двѣ сильные руки схватили меня сзади; въ ту же минуту другія двѣ руки накиннули мнѣ платокъ на лицо, и затянули такъ крѣпко, что я не могъ даже кричать, не только видѣть, кому вздумалось такъ забавляться надо мною.

Но было не до шутокъ, когда я почувствовалъ, что мнѣ связали руки и ноги, и потащили Богъ-знаетъ куда, съ большою быстротою. Всякое сопротивленіе было тщетно; я позволилъ дѣлать съ собою все, что было угодно моимъ насильщикамъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ развязки этого страннаго приключенія. Наконецъ мы остановились. Я услышалъ шумъ весель, и скоро почувствовалъ, что нахожусь въ лодкѣ. Это меня нѣсколько успокоило. «Если бы я былъ взятъ разбойниками, подумалъ я, то они не стали бы столько со мною церемониться». Но тутъ мнѣ пришли въ голову рассказы о людяхъ, которые были задержаны шайкою воровъ, и могли освободиться только посредствомъ большаго выкупа, въ ожиданіи котораго і bravi занимаются обрѣзываніемъ носовъ и ушей жертвъ своихъ. Отъ этой мысли дрожь у меня пробѣжала по членамъ: понятіе о богатствѣ Русскихъ, которое имѣютъ въ Италіи; мое слишкомъ недостаточное состояніе; увѣренность, что я не легко могу освободиться отъ бездѣльниковъ, и что можетъ-быть очень горькая участь меня ожидаетъ, — все это стѣснилось въ головѣ моей, и рисовало картину ужасную. Но тутъ я вспомнилъ, что никогда не слыхано о подобныхъ приключеніяхъ въ Неаполѣ, и снова началъ теряться въ догадкахъ. Тщетно хотѣлъ я прислушаться къ разговору моихъ товарищей: они хранили глубокое молчаніе. Наконецъ лодка причалила къ берегу, снова мои проводники подняли меня на руки, пронесли нѣсколько шаговъ, — я услышалъ скрипъ дверей, и почувствовалъ, что меня тащутъ по лѣстницѣ. Послышались звуки нѣсколькихъ голосовъ ближе, ближе; наконецъ сильная рука схватила меня за грудь и грубый, задыхающійся отъ гнѣва голосъ, проговорилъ: — *Scelerato!* Между-тѣмъ развязали мнѣ ноги, протащили еще нѣсколько шаговъ, и раздался крикъ женщины. Въ эту минуту повязка, закрывавшая мое лицо, была сорвана, и я увидѣлъ себя въ комнатѣ,

обитой чернымъ сукномъ, — передъ собой молодую прекрасную женщину въ черномъ платьѣ, которая бросилась въ мои объятія, и вдругъ отступила, стала на колѣни, и съ радостнымъ крикомъ начала благодарить Бога. Возмъ меня стоялъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, съ обнаженнымъ кинжаломъ въ рукѣ, и еще другой, уже посыдѣвшій.

— Тщетно ты хочешь обмануть насъ, сказалъ первый по-Италіянски, обращаясь къ молодой женщинѣ: вмѣсто этихъ сценъ лучше спѣши проститься съ нимъ; его послѣдняя минута наступила.

Молодая женщина ничего не отвѣчала: она смотрѣла на меня, и, казалось, была въ нерѣшимости. Наконецъ она какъ-бы перевозмогла себя и вскричала: — Судьба обманула васъ; это не онъ.

Тутъ я постарался вспомнить все слова, которыя слыхалъ въ Италіянскихъ операхъ, и, запинаясь каждую минуту, сказалъ почти слѣдующее:

— Я вижу, милостивые государи, что я здѣсь жертва какого-то недоразумѣнія, и что вы меня принимаете за другаго. Я не буду говорить вамъ, какъ противно чести нападать на безоружнаго человѣка.....

— Тутъ не о чести дѣло, вскричалъ старикъ съ гнѣвомъ.

Однако жъ мой иностранный выговоръ, казалось, поразилъ ихъ: я видѣлъ на ихъ лицѣ недоумѣіе.

— Я иностранецъ, милостивые государи, продолжалъ я.

— Не правда! вскричали оба.

— Я сейчасъ только съ парохода.

— Это мы знаемъ.

— Я офицеръ Русской службы.

— И это мы знаемъ; мы знаемъ все твои обстоятельства.

— Если такъ, милостивые государи, то я уже рѣшительно не понимаю, зачѣмъ я здѣсь. Я никогда не бывалъ въ Италіи, даже не имѣю здѣсь ни одного знакомаго. Я Русскій, милостивые государи, повторяю вамъ; и прибавлю, что мое правительство не потерпитъ, чтобы мнѣ была нанесена какая-нибудь обида.....

Мои странныя фразы, мой иностранный выговоръ, видимо поражалъ ихъ; они смотрѣли въ нерѣшимости то другъ на друга, то на молодую женщину, которая, сидя въ креслахъ, спокойно ожидала окончанія нашего разговора.

— Покажите ваши бумаги? сказалъ мнѣ одинъ изъ незнакомцевъ.

Тутъ я вспомнилъ, какъ неосторожно поступилъ я, оставивъ свои бумаги у трактирщика, и не побывавши прежде у нашего посланника. Какъ-бы упавшій съ неба среди людей, мнѣ совершенно незнакомыхъ, въ странѣ иноземной, незнаемой ни кѣмъ изъ моихъ соотечественниковъ, я былъ въ полной власти моихъ гонителей.

— Мои бумаги остались въ трактирѣ, отвѣчалъ я. Вы можете объ нихъ справиться.

— Прекрасная выдумка! Вы знаете, что мы не можемъ объ нихъ справляться.

Съ этими словами незнакомецъ разстегнулъ мой фракъ, безъ церемоніи опустилъ руку въ карманъ и вынулъ изъ него случайно оставшуюся въ немъ записку одного изъ моихъ пріятелей, писанную по-Русски.

— Языкъ, на которомъ писана эта записка, сказалъ я, можетъ вамъ доказать, что я не тотъ, за кого вы меня принимаете.

— Эта записка ничего не доказываетъ, мы повторяемъ: намъ извѣстно, что вы пріѣхали изъ Россіи. Скажите, если вы въ самомъ дѣлѣ иностранецъ, что заставило васъ остановиться не въ такомъ трактирѣ, гдѣ обыкно-

венно только останавливаются иностранцы? что васъ заставило такъ поспѣшно выскочить изъ парохода? зачѣмъ вы бѣжали по улицамъ? чего вы смотрѣли въ окошкахъ?

Кровь моя взволновалась; но я постарался скрыть свою досаду.

— На эти вопросы, сказалъ я, можетъ, должно было бы мнѣ отвѣчать вамъ также вопросомъ, — какое вы имѣете право требовать отъ меня отчетовъ. Но въ положеніи, въ которомъ нахожусь, я скажу вамъ, что всѣ эти по-видимому странныя обстоятельства легко объясняются нетерпѣніемъ путешественника, изъ дальней страны въ первый разъ попавшему въ Неаполь, гдѣ, признаюсь, онъ не ожидалъ себѣ такого пріема.

— Это все выдумки, вскричали незнакомцы. Мы не ребята; насъ обмануть трудно, и это вы сейчасъ увидите.

Съ этими словами старикъ вышелъ изъ комнаты. Прошло нѣсколько минутъ въ совершенномъ молчаніи; мои руки все еще были связаны, и младшій изъ незнакомцевъ все стоялъ подлѣ меня съ обнаженнымъ кинжаломъ. Онъ примѣчалъ каждое мое движеніе. Тяжка была для меня эта минута; я задыхался отъ различныхъ чувствованій, волновавшихся въ моемъ сердцѣ. Если бъ это состояніе еще нѣсколько продолжилось, я бы не вытерпѣлъ, и, несмотря на неровность силъ, постарался бы, хоть съ потерею жизни, выйти изъ моего страннаго положенія; но дверь открылась, и лице, какъ мнѣ казалось, старой женщины, закрывавшейся платкомъ, выставилось изъ-за двери.

— Это не онъ, сказала она, взглянувъ на меня, и скрылась.

Крикъ досады вырвался изъ груди двухъ мужчинъ; они отошли въ сторону, и начали тихо разговаривать между собою. Мало-по-малу голосъ ихъ во-

вышлася, и изъ словъ, отражавшихся отъ сводовъ залы, могъ я заключить, что я слишкомъ много зналъ для ихъ безопасности. Бездѣльники спорили, что будетъ лучше, — оставить ли меня въ живыхъ, или бросить въ море.

Минута была рѣшительная, и я сказалъ имъ:

— Вы, кажется, увѣрились теперь, господа, что я не тотъ, кого вамъ надобно. Какъ ни обидно мнѣ то положеніе, въ которое вы меня поставили, и какъ бы ни хотѣлъ я потребовать у васъ отчета въ вашихъ со мною поступкахъ, но я вхожу и въ ваше положеніе: я могу дать вамъ слово, что, если вы отпустите меня, то я сохраню все произшедшее въ неварушимой тайнѣ: она умретъ вмѣстѣ со мною.

Они посмотрѣли на меня, снова отошли въ сторону, и снова заспорили.

— Я долженъ вамъ напомнить, продолжалъ я, что для вашей же собственной пользы вамъ гораздо безопаснѣе положиться на честное слово благороднаго человѣка, нежели скрыть это происшествіе невымъ преступленіемъ. Я не имѣю ни какого интереса узнавать ваши тайны, и черезъ нѣсколько дней оставлю Неаполь, разумѣется, навсегда. Смерть моя рано или поздно можетъ довести до открытія тайны; мои бумаги вѣроятно уже извѣстны полиціи; мои соотечественники, пріѣхавшіе со мною на пароходъ, Русское посольство употребятъ, увѣряю васъ, всѣ возможные средства для открытія истины. Я оставляю вамъ на судъ, что для васъ выгоднѣе.

Эти слова, кажется, произвели надъ ними нѣкоторое дѣйствіе: они снова отошли въ сторону, но разговоръ ихъ былъ гораздо спокойнѣе. Наконецъ молодой человѣкъ подошелъ ко мнѣ:

— Дѣйствительно, милостивый государь, сказалъ онъ мнѣ, мы ошиблись. Станный случай открылъ

вамъ до нѣкоторой степени тайну нашего семейства. Собственная наша безопасность заставляла бы насъ прибѣгнуть къ самому вѣрному средству для сохраненія этой тайны; но мы хотимъ лучше вѣрить вашему честному слову. Мы рѣшились отпустить васъ, милостивый государь; но знайте, что съ этимъ происшествіемъ связана участь знатнѣйшихъ фамилій Италіи; что малѣйшая ваша нескромность будетъ въ ту же минуту наказана смертію. Случившееся съ вами сегодня можетъ показать вамъ, что мы имѣемъ всѣ нужные для того способы. Вы должны намъ поклясться всѣмъ, что для васъ есть святаго въ жизни, — вашей родиной, — вашими родными, — вашей честью, — что вы нигдѣ, никогда, ни въ какомъ случаѣ, ни на исповѣди, ни въ терзаніяхъ пытки, ни словомъ, ни движеніемъ, не только не откроете всего съ вами происшедшаго, но даже не будете искать объяснить его себѣ, даже встрѣчаться съ кѣмъ: либо изъ насъ.

Дѣлать было нечего — я поклялся.

— Теперь вы свободны, сказалъ молодой человѣкъ: васъ сію минуту отвезутъ на вашу квартиру; но вы извините насъ, если мы принуждены будемъ принять прежнюю предосторожность и завязать вамъ глаза. Руки ваши останутся свободны; мы полагаемся на ваше благородство, и вѣримъ, что вы не сдѣлаете ни малѣйшаго усилія поднять повязку.

Я позволилъ имъ дѣлать все, что имъ было угодно.

— Съ этой минуты, продолжалъ молодой человѣкъ, мы какъ будто-бы никогда не существовали другъ для друга. Старайтесь, советуя вамъ для вашей пользы, истребить изъ памяти даже черты лицъ нашихъ. Мы дѣлаемъ для васъ великую жертву; умѣйте цѣнить ее.

Двѣ сильныя руки снова взяли меня подъ мышки, снова мы сошли нѣсколько ступеней лѣстницы; снова

заскрипѣли двери, снова я услышалъ шумъ весель, и почувствовалъ качаніе лодки. Мои проводники по-прежнему погрузились въ глубокое безмолвіе.

Уже довольно долго продолжалось наше плаваніе; я уже думалъ, что приближается минута моего освобожденія, какъ вдругъ, между моими проводниками, я замѣтилъ нѣкоторое движеніе.

— Здѣсь кто-то есть, сказалъ шепотомъ одинъ голосъ.

— Это свернутый парусъ отвѣчалъ другой.

— Нѣтъ, здѣсь что-то живое, возразилъ первый.

Послѣ минуты безмолвія, я услышалъ крикъ, — шелесть скользящаго книжала, — слабый стонъ умирающаго.

— Стой! стой! закричали вокругъ насъ нѣсколько голосовъ.

Это было уже слишкомъ: я не вытерпѣлъ, сорвалъ съ себя повязку. Луна свѣтила, — у ногъ моихъ лежалъ окровавленный трупъ! Я еще не могъ притти въ себя при видѣ ужаснаго зрѣлища, какъ лодка, на которой я находился, была примкнута крючьями къ другой, изъ которой въ то же мгновеніе выскочили незнакомые мнѣ люди, по мундирамъ которыхъ я догадался, что это должны быть полицейскіе служители. Проводниковъ моихъ уже въ лодкѣ не было; нѣсколько выстрѣловъ, сдѣланныхъ солдатами, заставили меня заключить, что мои прежніе знакомые брошены въ море.

Новые мои знакомцы не оставили мнѣ ни минуты на размышленіе, не дали мнѣ выговорить ни слова, а безъ церемоній связали мнѣ руки и положили въ полицейскую барку. На вопросъ мой, куда они везутъ меня! — Туда отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ сбировъ, куда обыкновенно везать такихъ храбрыхъ молодцевъ какъ ты.

Въ этомъ отвѣтъ не было для меня ничего утѣшительнаго. На всѣ мои слова, на всѣ доказательства, что я ничего не понимаю въ этомъ происшествіи, мнѣ отвѣчали, что это не ихъ дѣло, и что завтра разберутъ все по порядку.

Лодка причалила къ берегу; мы вышли, и, прошедши недалеко по какимъ-то переулкамъ, остановились передъ большимъ зданіемъ, возлѣ котораго стояли часовые. Огромныя желѣзныя двери поворотились на своихъ вереляхъ передо мною, но едва подвели меня къ нимъ, какъ не знаю кто-то сунулъ мнѣ въ руку небольшую бумажку: я машинально сжалъ ее въ рукѣ, и продолжалъ слѣдовать за провожатыми, думая, что наконецъ встрѣчу кого-нибудь, съ кѣмъ можно будетъ объясниться; но мое ожиданіе было тщетно. Провожатые поворотили въ маленькой корридоръ, отворили небольшую низенькую дверь, втокнули меня въ нее, дверь захлопнулась, — за мной заперли нѣсколько дверей. Тщетны были бы всѣ мои крики: я рѣшился терпѣливо ожидать конца моей участи. Я посмотрѣлъ вокругъ себя: то была маленькая четвероугольная комната, безъ постели, безъ стула, даже безъ оконъ; небольшое отверстіе, сажени двѣ отъ полу, съ желѣзною рѣшеткою, пропускало въ комнату свѣтъ отъ фонаря находившагося снаружи. Когда вокругъ меня воцарилось совершенное безмолвіе, прерываемое иногда шагами часового, а иногда стонами, какъ-бы выходившими изъ сосѣдственныхъ комнатъ, я рѣшился подойти къ свѣтлому кругу, производимому отраженіемъ тусклаго фонаря; развернулъ записку, и съ трудомъ разобралъ въ ней слѣдующія слова: «Не забывайте даннаго вами обѣщанія, и будьте спокойны.»

Признаюсь, эта записка мало меня порадовала. Я видѣлъ въ ней только странную цѣнь, которая привя-

зывала меня къ кровавой тайнѣ; второй половинѣ записки я довѣрялъ мало.

И грустно мнѣ было, и досадно, и холодно; я не могъ даже ходить по моей Итальянской квартирѣ: полъ былъ вымощенъ плитою, я безпрестанно посклизался отъ находившейся на немъ сырости. Удушливый воздухъ захватывалъ дыханіе, сырость проникала члены, и холодный потъ лился съ меня градомъ.

Вся твердость меня оставила: въ отчаяніи, я прислонился къ стѣнѣ, покрытой плесенью, и горькія размышленія взволновали во мнѣ душу.

Вотъ судьба человѣческая! думать я. Какихъ препятствій не долженъ былъ я преодолѣть для этого путешествія? Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я трудился, откладывалъ деньги, отказывалъ себѣ во всемъ, чтобъ сохранить небольшую сумму, — все для того, чтобы видѣть Италію; съ этою мыслию засыпалъ и просыпался; наконецъ достигъ желаемой цѣли, оставилъ отечество, родныхъ, друзей, все милое моему сердцу.... Для чего? Чтобы едва не лишиться жизни, испытать все возможное униженіе отъ какихъ-то бездѣльниковъ; чтобы, мнѣ, отворачивавшемуся отъ порѣзаннаго пальца, видѣть у ногъ своихъ человѣка, плавающего въ крови, и въ заключеніе, попасть въ тюрьму, быть почти обвиненному въ уголовномъ преступленіи и провести первую ночь въ Италіи на голѣ полу, подъ заплесневѣлымъ сводомъ.... И кто знаетъ, что еще ждетъ меня? Мысли мои дѣлались часъ-отъ-часу мрачнѣе; я понялъ защитниковъ исправительной системы, которые совѣтуютъ запираеть преступника въ темную комнату, и удалять его отъ всякаго сообщенія съ людьми: ничто такъ не погружаетъ человѣка въ самого себя, ничто такъ не переноситъ его въ міръ отвлеченныхъ понятій, какъ одиночество, темнота, безмолвіе. Я, веселый, беззаботный житель столицы, для котораго наемъ квартиры былъ самою

отвлеченною въ жизни идеей, — я вдругъ обратился въ философа, и неожиданно дошелъ до самыхъ важныхъ вопросовъ человеческой жизни, которыми заниматься мнѣ до-сихъ-поръ казалось пустымъ педантизмомъ или мечтами, ни къ чему не ведущими.

Скоро усталость, однообразные шаги часового, погрузили меня въ родъ дремоты. Мысли мои часъ-отъ-часу мѣшались болѣе, соединяясь съ полугрезами: то холодныя руки хватили меня за плеча, то ледяная гора скользнула по моимъ щекамъ, то являлись безжизненные, свинцовыя лица, — и изъ глазъ ихъ, по синимъ бороздамъ, катились кровавыя слезы, — растягивались, и паутиною обвивались вокругъ меня; то мнѣ казалось, что я былъ прикрѣпленъ къ маятнику [огромныхъ часовъ, и при каждомъ взмахѣ тщетно старался прицѣпиться за скользящую стѣну: я просыпался и засыпалъ безпрестанно. Не знаю, какъ долго находился я въ этомъ состояніи: когда я пришелъ въ себя, то очень удивился, что шаги часового, единственный признакъ жизни въ этомъ ужасномъ безмолвіи, прекратились. Вѣроятно, это самое обстоятельство заставило меня и проснуться. Но мое удивленіе еще увеличилось, когда я почувствовалъ, что стѣна за мною шевелится. Сначала я подумалъ, что это мечта разстроеннаго воображенія; но привставши, явственно увидѣлъ, что кирпичи въ стѣнѣ шевелятся. Невольное чувство заставило меня къ нимъ прикоснуться. Я очень легко вынулъ одинъ изъ нихъ; и едва я его выпулъ, какъ въ отверзтіи показался желѣзный ломъ. Незнакомый голосъ шепотомъ говорилъ мнѣ по-Итальянски — «Русскій, Русскій.» Въ просонкахъ, не будучи въ состояніи отдать себѣ отчета въ своихъ мысляхъ, я, по невольному движенію и по естественному, сильному

желанію вытти изъ темницы, схватился за ломъ и началъ обрушивать остальные кирпичи; но въ самую эту минуту двери моей темницы съ шумомъ отворились, изъ отверстія раздался крикъ, послышались выстрѣлы, тревога. Я увидѣлъ себя окруженнаго тюремщиками. Тутъ уже мнѣ говорить было нечего: ломъ былъ въ моихъ рукахъ!.... Желаніе убѣжать — явно!.... И я, въ совершенномъ ослабленіи силъ, позволилъ себя связать, не говоря ни слова. Изъ этой комнаты меня перевели въ другую, еще ужаснѣйшую первой: въ ней была едва сажень въ длину и ширину. Меня бросили на пукъ гнилой соломы, и приковали къ ввернутой въ стѣну цѣпи. Эта комната не имѣла никакого отверстія, кромѣ небольшой скважины въ двери, въ которую безпрестанно выставлялось лицо часоваго. Нѣсколько часовъ провелъ я въ этомъ ужасномъ состояніи; мысль, что я, своимъ побѣгомъ далъ себѣ видъ преступника, безпокойное положеніе, въ которомъ я находился, не позволили мнѣ свести глазъ ни на одну минуту. Наконецъ я замѣтилъ какой-то бѣлесоватый свѣтъ въ отверстіи двери, по которому догадался, что наступило утро.

Этотъ свѣтъ былъ большимъ для меня услажденіемъ. Чѣмъ бы это ни кончилось, думалъ я, по крайней-мѣрѣ я выйду изъ мучительнаго положенія! Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени послышался шумъ, дверь отворилась, вошедшіе сборы отперли поясъ, приковывавшій меня къ стѣнѣ, и окруживъ меня, съ обнаженными саблями, вывели изъ тѣснаго почлега; мы прошли нѣсколько корридоровъ, и очутились на внутреннемъ дворѣ тюремнаго замка. Солнце всходило, легкій вѣтерокъ обвѣвалъ меня теплымъ воздухомъ, и я понялъ то чувство, которое ощущаютъ люди, выходящіе изъ долгаго заключенія на свѣтлое небо.

Скоро мои провожатые ввели меня въ комнату, гдѣ за столами сидѣли писцы. Мы прошли мимо ихъ; они едва подняли головы, — вѣроятно, имъ были въ привычку такія явленія. Наконецъ, провожатые ввели меня въ комнату, гдѣ за большимъ столомъ сидѣлъ человекъ, въ черномъ фракѣ, довольно тучный, который, прищуривая свои маленькіе глазки, спросилъ мое имя. Я сказалъ ему имя, и прибавилъ, что нахожусь въ такомъ странномъ положеніи, которое могу объяснить только Русскому посланнику. Въ ту же минуту мой новый знакомецъ отправилъ чиновника за моими бумагами, и потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Желаніе ваше видѣть Русскаго посланника будетъ исполнено, если, разумѣется, онъ согласится на вашу просьбу. Но я долженъ васъ предупредить; что если вы и въ самомъ дѣлѣ тотъ, за кого вы себя выдаете, то вашъ посланникъ не будетъ имѣть права, и даже не захочетъ вмѣшиваться въ дѣло смертоубійства. Во всякомъ случаѣ вы будете судимы по законамъ той земли, въ которой вы находитесь, и никто на свѣтѣ не будетъ въ состояніи спасти васъ отъ участи, ожидающей смертоубійцу. Одно добровольное ваше признаніе, и — если вы назовете вашихъ соумышленниковъ, возможно нѣсколько смягчить строгость законовъ.

— Смертоубійцу? вскричалъ я: соумышленниковъ? Но, именемъ Бога, кого же умертвилъ я?

— Вы знаете, что васъ застали надъ трупомъ полицейскаго чиновника, который былъ отправленъ для наблюденія за приготовлявшимся злодѣяніемъ.

— Милостивый государь! отвѣчалъ я: я не могъ убить никого, потому что самъ находился пльвинкомъ на той же лодкѣ, на которой меня застала полиція.

— Платинникомъ? Но чѣмъ вы это докажете?

— Тѣмъ, милостивый государь, что я сидѣлъ въ лодкѣ съ завязанными глазами.

Судья взялъ лежавшій на столѣ кусокъ полотна, въ которомъ я узналъ бывшую на мнѣ повязку; приложилъ ее къ моему лицу, стараясь сохранить отпечатки, на ней оставшіеся, и дѣйствительно увидѣлъ, что они приходились мнѣ по мѣркѣ.

— Это доказательство, правда, нѣсколько служитъ подтвержденіемъ вашихъ словъ; но зачѣмъ и какимъ образомъ вы попались на эту лодку?

— Этого я не могу сказать вамъ. Я далъ страшную клятву честнаго человѣка никому не открывать этой тайны.

— Вы можете сами разсудить, сказалъ мнѣ судья, что это обстоятельство увеличиваетъ подозрѣніе правосудія, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнюю ночь было сдѣлано покушеніе освободить васъ. Это не могло быть сдѣлано безъ вашего согласія, — что впрочемъ доказывается и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ васъ застали.

Я старался объяснить сколько могъ, что я не имѣлъ понятія о людяхъ, желавшихъ освободить меня; старался объяснить то невольное чувство, которое, въ минуту пробужденія отъ сна, заставило меня противъ собственной моей воли способствовать неизвѣстнымъ моимъ освободителямъ — но я самъ чувствовалъ, что всѣ слова мои были темны. Между-тѣмъ принесены были мои бумаги; посмотрѣвъ ихъ, судья сказалъ мнѣ:

— Дѣйствительно, по вашимъ бумагамъ я вижу, что вы иностранецъ, вчера только вечеромъ пріѣхавшій въ Неаполь, и что не вѣроятно предполагать въ васъ убійцу неизвѣстнаго полицейскаго чиновника; но вы согласитесь сами, что обстоятельства дѣла вашего такъ странны, что правительство не будетъ въ состо-

яни оправдать васъ, если вы не дадите нужныхъ объясненій. Напишите письмо къ вашему посланнику : можетъ-быть, онъ убѣдитъ васъ быть откровеннѣе.

Я благодарилъ судью за его участіе во мнѣ, и успѣшилъ написать письмо. Когда я его окончилъ, судья сказалъ мнѣ :

— Ваше письмо будетъ сію минуту отправлено; въ ожиданіи отвѣта, вы извините насъ, если мы должны соблюсти мѣры предосторожности, которыя обыкновенно принимаются въ такихъ случаяхъ.

Меня отвели въ прежнюю мою комнату, но цѣпей уже болѣе не надѣвали.

Черезъ нѣсколько минутъ, я получилъ позволеніе явиться къ посланнику, однако жъ въ сопровожденіи жандарма. Посланникъ принялъ меня какъ — нельзя лучше, и, имѣя уже обо мнѣ свѣдѣніе какъ по письмамъ, такъ и по словамъ моихъ товарищей на пароходѣ, вошелъ совершенно въ мое положеніе; понялъ то чувство чести, которое воспрещало мнѣ открыть всю тайну, однако жъ сказалъ мнѣ, что все, что онъ можетъ сдѣлать въ мою пользу, — это засвидѣтельствовать передъ Неаполитанскимъ правительствомъ о моемъ званіи и о моемъ поведеніи. Онъ присовокупилъ, что все прочее онъ долженъ будетъ предоставить на произволъ туземныхъ судилищъ.

Все это, признаюсь, мало меня утѣшало, особливо, когда при выходѣ отъ посланника, я былъ приглашенъ жандармскимъ офицеромъ въ прежнюю карету. «Чортъ возьми!» думалъ я: «за дѣломъ я пріѣхалъ въ Неаполь. Прекрасное леченіе, — ходить для здоровья подъ обнаженными шпагами и дышать заплесневѣлымъ воздухомъ тюремныхъ замковъ!» По возвращеніи въ мою печальную квартиру, мнѣ отвели комнату нѣсколько лучше прежней. На этотъ разъ всѣ предосторожности ограничились лишь моимъ честнымъ словомъ, что я не предприиму ничего предо-

судительнаго до рѣшенія моей участи. Въ такомъ положеніи я провелъ день до вечера, и одно захожденіе солнца напомнило мнѣ, что уже болѣе сутокъ у меня ничего не было въ желудкѣ: такъ сильное движеніе чувствъ можетъ побѣдить въ человѣкѣ физическія потребности! Но едва я вспомнилъ объ этомъ, какъ въ ту же минуту почувствовалъ жесточайшій голодъ, и принесенные запачканнымъ сбиромъ нѣсколько волоконъ макаронъ показались мнѣ самымъ вкуснымъ блюдомъ, которое когда-либо мнѣ попадалось въ продолженіе жизни. Таковъ былъ мой первый обѣдъ въ Неаполѣ. Я не успѣлъ еще окончить скуднаго пиршества, когда снова вошелъ ко мнѣ полицейскій офицеръ.

— Вашъ посланникъ, сказалъ онъ, принялъ васъ на свое поручительство; съ сей минуты вы свободны, но потрудитесь прежде подтвердить подписью ваши словесныя показанія передъ судьей нынѣшнимъ утромъ, равно и подписать обѣщаніе по первому позыву являться въ судъ.

Я подписалъ все чего хотѣли, и, внѣ себя отъ радости, выскочилъ изъ мѣста своего заключенія. Я не хотѣлъ болѣе оставаться въ томъ трактирѣ, который былъ виною моего несчастнаго приключенія, и въ тотъ же день переѣхалъ, или лучше сказать, перенесъ мою котомку въ другой, alla Vittoria, у самыхъ воротъ прелестной Villa-reale. Не успѣлъ я отдохнуть, какъ вошедшій трактирщикъ подалъ мнѣ небольшой свертокъ.

— Отъ кого? спросилъ я.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ мнѣ.

Признаюсь, съ большимъ неудовольствіемъ развернулъ я этотъ свертокъ, — такъ я былъ напуганъ всякою таинственностью.

Въ сверткѣ находился перстень стариной работы, на которомъ изображены были какія-то, какъ мнѣ

казалось, Египетскія фигуры, — змѣя съ львиной головою, какой-то сосудъ, непонятные знаки и буквы. При перстнѣ находилась записка:

«Вы сами, не зная того, спасли жизнь одной особы. Люди, которые одолжены вами, боялись оскорбить васъ денежною платою; но они надѣются, что вы не откажетесь принять въ знакъ памяти, прилагаемый при семъ перстень. Онъ когда-нибудь можетъ вамъ пригодиться; сверхъ того, какъ вы сами можете замѣтить, этотъ перстень принадлежитъ къ числу такихъ рѣдкостей, которыми дорожатъ ваши соотечественники и которыя не приобретаются деньгами. Однако жъ до нѣкотораго времени вы хорошо сдѣлаете, если никому не будете его показывать. Мы боимся снова нарушить ваше спокойствіе.»

Мало знакомый съ древностями, я едва обратилъ вниманіе на чудесный перстень и чуть не бросилъ его изъ окошечка, — такъ одна мысль обо всемъ относившемся къ моему приключенію обдавала меня холодомъ; однако, по нѣкоторомъ размышленіи, я положилъ перстень въ свой бритвенный ящичекъ.

Я провелъ нѣсколько дней въ совершенномъ уединеніи, ожидая новаго посѣщенія полицейскаго чиновника, но онъ не являлся: не знаю, ходатайство ли посланника, интриги ли моихъ незнакомыхъ друзей-враговъ, были причиною тому, что меня оставляли въ покоѣ? Наконецъ я ободрился. Журналы, которые приносилъ мнѣ трактирщикъ, толковали о новой пѣвицѣ, приводившей въ восхищеніе весь Неаполь. Я рѣшился отправиться въ Сантъ-Карло. Сходя съ лѣстницы трактира, я замѣтилъ сшедшаго съ верхняго этажа низенькаго старика, въ черномъ фракѣ, напудреннаго: во всей его особѣ было какое-то странное безпокойство; переступая ступени, онъ весь шевелился; его руки, ноги, носъ, глаза, все было въ какомъ-то движеніи. Смотря на него, можно было подумать, что онъ чему-то разъ въ жизни удивился, и навѣкъ застылъ въ этомъ положеніи. Всѣ эти наблюденія я уже сдѣлалъ впоследствии, а въ ту минуту, взглянувъ на него съ тѣмъ равнодушнымъ любопыт-

ствомъ, съ какимъ смотришь на сосѣда, ибо, по разговору его со встрѣтившимся трактирщикомъ, я догадался, что мой старикъ живетъ со мною въ одномъ домѣ. Не желая заводить новаго знакомства, я пошелъ своею дорогой. Прошедши нѣсколько улицъ, я оборотился, и къ чрезвычайному моему удивленію увидѣлъ, что мой старикъ слѣдуетъ за мною. Напуганный всѣмъ, со мною случившимся, я очень былъ не доволенъ этимъ сообществомъ. Желая избавиться отъ моего провожатаго, я подошелъ къ первому встрѣтившемуся человѣку, и просилъ его указать мнѣ ближайшую дорогу въ Санъ-Карло. Въ эту минуту старичекъ догналъ меня, и, услышавъ мой вопросъ, сказалъ съ чрезвычайною быстротою: «Вы идете въ Санъ-Карло? Вы вѣрно иностранецъ? Вы не знаете дороги? Я иду туда же.... угодно вамъ идти вмѣстѣ со мною?»

Отказаться было не возможно. Въ продолженіе дороги, мой старикъ говорилъ безпрестанно; закидалъ меня вопросами, не дожидаясь отвѣтовъ; успѣлъ мнѣ рассказать, что онъ большой любитель древностей, имѣетъ большое собраніе монетъ, живетъ со мной въ одномъ домѣ; что сегодня на театрѣ будетъ играть пѣвица, которая давно уже не являлась на сценѣ; что въ Россіи должно быть очень холодно; что въ нашемъ трактирѣ столъ не всегда хорошъ; что у сипьоры Грандини въ голосѣ двѣ или три ноты фальшивыхъ; что онъ самъ умѣетъ дѣлать прекрасные макароны.....

Все это чуднымъ образомъ мѣшалось въ разговорѣ Г. Амброзія Беневоло: такъ назывался мой новый знакомецъ.

Мы вошли въ театръ, и заняли рядомъ два порожнія мѣста. Давали Анну Болену, Доницетти. Пораженный великолѣпіемъ спектакля, я не сводилъ глазъ съ него. Но вообразите мое удивленіе, когда въ при-

мадоннѣ я узналъ ту женщину, которую видѣлъ въ первую ночь моего прїѣзда въ Неаполь. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать: во всякомъ случаѣ выйти вонъ было бы смѣшно, и могло только возбудить подозрѣніе моихъ гонителей. Между-тѣмъ мой товарищъ выходилъ изъ себя отъ восхищенія, всѣ рулады пѣвицы, онъ повторялъ всѣмъ своимъ тѣломъ, а передъ каденцею спускалъ съ себя башмаки, складывалъ руки; удерживалъ дыханіе, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, и въ концѣ трели въ полномъ безпамятствѣ вскакивалъ съ мѣста безъ башмаковъ, выкрикивалъ нѣсколько междометій и билъ въ ладоши изо всей силы. Во время речитатива онъ успокоивался, и снова очень хладнокровно обращался ко мнѣ съ вопросами: много ли шубъ носятъ въ Россіи? есть ли у меня собраніе медалей? какъ мнѣ нравятся *frutti di mare*? Но едва начиналась новая арія примадонны, снова Беневоло выходилъ изъ себя, спускалъ башмаки и билъ въ ладоши. Во всякое другое время, меня, холодного съвернаго жителя, оченьбы забавляло это превращеніе, тѣмъ болѣе, что подобныя судорожныя движенія я замѣчалъ во многихъ другихъ мѣстахъ залы. Но теперь много развлекало меня мое странное свиданіе съ примадонною; во мнѣ боролись—желаніе, спросить объ ней что-нибудь у новаго знакомаго, и страхъ, не будетъ ли это нарушеніемъ моей клятвы; мнѣ показалось даже, что примадонна узнала меня, и что часто ея глаза невольно поворачивались въ мою сторону. Я почти не смѣлъ смотрѣть на нее: сцена суда съ ея гробовою музыкой такъ живо напомнила мнѣ мои приключенія, что я почти задыхался.

Беневоло посматривалъ на меня изъ-подлобья, однако жъ не сказалъ ни слова. Я не могъ навѣрное узнать, замѣтилъ ли онъ мое смущеніе или нѣтъ. Несмотря на то, невольное чувство привлекало меня къ синьорѣ Грандини: она была прекрасна на сценѣ;

нѣсколько рѣзкія черты лица ея смягчались отдаленіемъ; въ голосъ ея было что-то проникающее, что-то трогательное, — онъ не былъ совершенно чистъ и ясенъ, но звученъ и мягокъ, какъ-будто подернутъ бархатомъ. Однако жъ, признаюсь, я очень былъ радъ, когда занавѣсъ опустился.

На другой день проснувшись, я увидѣлъ на своемъ столѣ записку, но писанную новою для меня рукою:

«Люди, желающіе вамъ добра, не совѣтуютъ вамъ ходить въ театръ Санъ-Карло.»

Признаюсь, это меня взорвало: я видѣлъ себя привязаннымъ къ интригѣ, которая накладывала цѣпь на всѣ мои поступки, и отъ которой я никакъ не могъ освободиться. Въ тотъ же день я рѣшился оставить Неаполь. Я еще былъ въ размышленіи о своихъ планахъ, когда у дверей моихъ услышалъ, что кто-то трепещущимъ голосомъ напѣваетъ — *Cerca un lido, dove sicuro.....* Дверь отворилась: то былъ Беневоло. Онъ тотчасъ подскочилъ ко мнѣ съ распросами, — какъ провелъ я ночь? какъ мнѣ понравился театръ Санъ-Карло? пилъ ли я шеколадъ? что я думаю о Доницетти, о Беллини? — и перемѣшивалъ свои вопросы восклицаніями — *Stupendo, stupenda!*..... нельзя было догадаться, къ чему они относились, къ музыкѣ, къ Доницетти, къ Беллини или къ шеколаду.

Я не успѣвалъ отвѣчать на его вопросы: да Амброзіо и не дожидался отвѣта; онъ принесъ мнѣ цѣлую кучу монетъ, медалей, показывалъ мнѣ каждую по-одиначкѣ, восхищаясь надъ каждою, и предлагалъ мнѣ мѣнять ихъ на Русскія деньги, какія у меня случились. Это было искусное приглашеніе купить у него нѣкоторые изъ его рѣдкостей. Чтобъ отвязаться отъ докучливаго старика, я промѣнялъ нѣсколько десятковъ Русскихъ рублевиковъ, бывшихъ со мною, на его рѣдкости, и поспѣшилъ отправиться къ послан-

нику, за паспортомъ и моими другими бумагами. Въ посольствѣ мнѣ сказали, что прежде нежели мнѣ выдадутъ паспортъ, посольству необходимо будетъ снестись съ Неаполитанскимъ правительствомъ: это должно было замедлить мой отъѣздъ на нѣсколько дней.

Съ тѣхъ поръ я не выходилъ болѣе никуда. Беневоло не забывалъ посѣщать меня; каждый день приносилъ онъ мнѣ по прежнему медали, камни и забавлялъ меня, снимая съ нихъ слѣпки съ величайшимъ проворствомъ. Однажды онъ мнѣ принесъ позеленѣвшій и почти стертый отъ времени Русскій рубль, и много и долго говорилъ мнѣ объ его древности, о своихъ догадкахъ, какимъ образомъ за триста лѣтъ передъ этимъ могъ онъ быть занесенъ въ Италію. Я прекратилъ его диссертацию замѣчаніемъ, что за триста лѣтъ не существовало въ Россіи круглой монеты. Это замѣчаніе его нѣсколько смутило. Въ другой разъ, принесъ онъ мнѣ нѣсколько мышковъ разныхъ медалей, и просилъ меня, на нѣсколько времени оставить ихъ у меня въ комнатѣ, говоря, что онъ имѣетъ подозрѣніе на нѣкоторыхъ любителей древности, которые хотятъ украсть у него его сокровище, и которые вѣрно не пойдутъ искать ихъ въ моей комнатѣ, тѣмъ болѣе, что я никуда не выхожу отъ себя. Я позволилъ дѣлать, что было ему угодно, чтобы только отъ него отвязаться.

Наконецъ, къ величайшей радости, я получилъ извѣстіе отъ одного изъ моихъ пріятелей, служащихъ при посольствѣ, что я завтра могу получить мой паспортъ. Я не хотѣлъ медлить ни минуты, нанялъ вотюрина, и принялся собирать мой небольшой гардеробъ: въ этомъ занятіи засталъ меня Беневоло: «Вы уже собираетесь! Куда вы ѣдите? вѣрно въ Римъ? Не забудьте остановиться въ Миланѣ въ Амвросіевской Библіотекѣ..... Тамъ много рѣдкостей..... на театрѣ новая пѣвица..... въ трактиръ *dal Basalà* пре-

красный столъ», и прочая, и прочая. Я продолжалъ мои занятія, отвѣчая старику одними междометіями. Не знаю какъ, перебирая бритвенный ящикъ, я выронилъ мой таинственный перстень; онъ покатился по полу; я нагнулся и столкнулся съ Беневоло; онъ было также протянулъ руку за перстнемъ, и когда я, не показывая моей рѣдкости, сжалъ ее между пальцами, Беневоло поблѣднѣлъ. Въ жизнь мою не забуду его фигуры въ эту минуту: онъ весь пошелъ ходенемъ, локти его приросли къ бокамъ, и между-тѣмъ онъ махалъ обѣими руками, подымалъ то одну ногу, то другую, раскрывалъ ротъ, мигалъ глазами и вытягивалъ шею.

— Продайте мнѣ этотъ перстень, говорилъ онъ мнѣ, задыхаясь.

— Нѣтъ, не продамъ, отвѣчалъ я.

— Позвольте мнѣ по-крайней-мѣрѣ снять съ него слѣпокъ.

— И этого не могу.

— Покажите мнѣ по-крайней-мѣрѣ его.

— И этого не могу. Пріѣзжайте за нимъ въ Россію, тогда, пожалуй, я вамъ даже подарю его.

— Въ Россію, въ Россію! сказалъ Беневоло: это не возможно. Да почему вы здѣсь не можете мнѣ его показать? Развѣ къ вашему перстню привязана какая-нибудь тайна.

— Да! тайна, отвѣчалъ я.

— Хороша тайна! вскричалъ Беневоло. Хотите ли я расскажу вамъ, что изображено на вашемъ перстнѣ: на немъ сосудъ, змѣя съ львиною головою, мумія съ птичьимъ носомъ, кругомъ слова Іао,—не такъ ли?

— Можетъ быть; но все таки я вамъ не могу показать перстня.

— Это странно! говорилъ Беневоло, прыгая по комнатамъ: очень странно! чрезвычайно какъ странно!....

Такъ вы не хотите дать мнѣ перстня? сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не могу, отвѣчалъ я съ нѣкоторою досадою.

— Рѣшительно не хотите?

— Рѣшительно.

— Нѣтъ, скажите правду! Вы въ самомъ дѣлѣ никакъ не можете показать мнѣ перстня?

Я отворотился отъ него молча.

Неотвязчивый старикъ почелъ это знакомъ нерѣшимости: онъ забѣжалъ ко мнѣ съ другой стороны, уперъ локти въ бока, и проговорилъ мнѣ съ видомъ превеличайшаго подобострастія:

— Вамъ, кажется, можно показать мнѣ перстень.

— Вы выводите меня изъ терпѣнія, сказалъ я ему наконецъ грознымъ голосомъ и притопнувъ ногой.

Беневоло сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ по комнатѣ, вышелъ, и уже болѣе ко мнѣ не являлся.

Ввечеру, когда я ложился спать, въ сладкой надеждѣ выѣхать наконецъ изъ этого несчастнаго для меня города, трактирщикъ снова явился ко мнѣ съ запискою.

— Что еще? спросилъ я съ гнѣвомъ: кто тебѣ отдалъ эту записку?

— Незнакомый мнѣ человекъ, отвѣчалъ онъ.

Содержаніе записки имѣло все право разсердить меня, въ ней были только слѣдующія слова:

«Друзья ваши советуютъ вамъ, если вы дорожите своею жизнію, не выѣзжать изъ Неаполя въ продолженіи нѣкотораго времени.»

Я проклялъ моихъ друзей отъ чистаго сердца. Сперва я подумалъ, что это была штука Беневоло, но почеркъ руки былъ одинаковый съ тою запискою, которую я получилъ еще до знакомства съ нимъ; однако жъ, несмотря ни на что, я рѣшился, во что бы то ни стало, выѣхать изъ Неаполя и даже изъ Италіи, которая уже мнѣ опротивѣла.

На другой день я поспѣшилъ за моимъ паспортомъ,

но, едва вошелъ въ канцелярію посланника, меня тотчасъ позвали къ нему въ кабинетъ. Посланникъ принялъ меня съ такимъ видомъ, который не на шутку испугалъ меня.

— Къ величайшему моему сожалѣнію, сказалъ онъ, я не могу вамъ выдать вашего паспорта. Напротивъ я долженъ пригласить васъ явиться въ здѣшній судъ. Ваше дѣло запуталось новыми обстоятельствами; оно такъ странно, что я не могу вѣрить вашему въ немъ участию, и вмѣстѣ такъ важно, что не могу отказать здѣшнему правительству. Вамъ можетъ-быть уже извѣстно, что одна изъ пѣвицъ здѣшняго театра, Евлалія Грандини, пропала безъ вѣсти. Она была очень любима здѣшнею публикою, и общее безпокойство объ ея участи заставляетъ полицію принимать строжайшія мѣры.

— Я такъ мало выходилъ изъ дому, что даже въ первый разъ слышу объ этомъ.

— Однако жъ у васъ видѣли кольцо или перстень, принадлежавшій этой актриссѣ, сказалъ мнѣ посланникъ, устремивъ на меня проницательный взоръ.

Я невольно смутился, однако жъ собравъ всѣ свои силы, рѣшился открыть посланнику ту часть тайны, въ сохраненіи которой я не былъ обязанъ честнымъ словомъ.

— Дѣйствительно, сказалъ я: я получилъ какой-то перстень, но не знаю, отъ кого.

— Съ какими-то мистическими знаками и съ надписью Іао, сказалъ посланникъ.

— Точно такъ, отвѣчалъ я.

— Это очень странно; по бумагамъ я вижу, что этотъ перстень принадлежалъ какому-то тайному обществу, которое очень дорожило имъ, и котораго члены подвергаются теперь преслѣдованіямъ правительства.

Я объяснилъ посланнику, какимъ образомъ достался мнѣ этотъ перстень.

— Дѣйствительно, сказалъ онъ мнѣ, здѣшнее правительство предполагаетъ какую-то связь между этимъ обстоятельствомъ и похищеніемъ Грандини, какъ равно и съ умерщвленіемъ полицейскаго офицера. Этого мало, продолжалъ посланникъ: васъ обвиняютъ въ связи съ какимъ-то Амброзіо Беневоло, подозрѣваемымъ въ дѣланіи фальшивой монеты.

Руки у меня опустились.

— Я увѣренъ, продолжалъ посланникъ, что вы оправдаетесь отъ взводимыхъ на васъ обвиненій, но долгъ мой заставляетъ меня выдать васъ Неаполитанскому правительству. Не пеняйте на меня за это; поставьте самого себя на мое мѣсто, — вы бы поступили также. Я имѣю все нравственное убѣжденіе въ вашей невинности, но юридическаго, благодаря вашей скромности, ни какого.

Я благодарилъ посланника за его истинно отеческое во мнѣ участіе, но съ твердостью повторилъ, что я лучше подвергнусь всѣмъ возможнымъ непріятностямъ, нежели измѣню торжественно данному мной честному слову.

Посланникъ, какъ я уже сказалъ, былъ человѣкъ благородный; онъ совершенно понялъ меня, обѣщалъ употребить все съ своей стороны, чтобы вывести меня изъ моего непріятнаго положенія, и засимъ.... предложилъ мнѣ снова сообщество жандармскаго офицера.

Я не буду болѣе вамъ скучать разговоромъ о моихъ переговорахъ съ допрашивавшими меня судьями: это было бы повтореніе почти тѣхъ же обстоятельствъ, которыя вы уже знаете; прибавлю только, что всѣ разспросы ни мало не объяснили мнѣ самому моей тайны.

Ясно было одно, что дѣло хотѣли кончить ни чѣмъ: всѣ предложенные мнѣ вопросы были какъ-будто лишь приговорительные, неопредѣленные, поверхностные, иногда страшные до невѣроятности; меня спрашивали о всѣхъ мелочахъ моей частной жизни, въ кото-

ромъ часу я встаю, что я дѣлаю поутру, что вечеромъ, знаю ли я древніе языки, умѣю ли рисовать..... Изъ всего этого я однакоже понялъ, что Беневоло былъ на меня допощикомъ: но какимъ образомъ онъ самъ попался въ обвиненные? Между тѣмъ прошло болѣе трехъ педѣль; каждый день я приготавлился къ чему-нибудь рѣшительному, и наконецъ, къ несказанному моему удовольствію и удивленію, объявили мнѣ, что я свободенъ. Мнѣ возвратили мои вещи, которыя были у меня забраны въ продолженіе процесса, за исключеніемъ перстня: объ немъ я мало сожалѣлъ, и, что всего для меня было уладительнѣе, я получилъ наконецъ позволеніе выѣхать изъ Неаполя.

Съ тѣхъ поръ я почти годъ проѣздилъ по Италіи совершенно спокойно, и наконецъ, среди разсѣянной жизни путешественника, почти забылъ о моемъ Неаполитанскомъ приключеніи.

Однажды въ Венеціи, на балѣ у графини Граціани, я увидѣлъ женщину въ голубомъ платьѣ, которая промелькнула мимо меня въ другомъ контрадансѣ. Лице ея мнѣ показалось знакомымъ: я спросилъ объ ея имени у танцовавшей со мной дамы. Эти предосторожности необходимы для путешественника: такъ много встрѣчаешь лицъ, такъ быстро являются и исчезаютъ они передъ глазами, что всегда рискуешь заговорить съ незнакомою дамою и пройти мимо той, у которой бывалъ въ домѣ.

— О, эта знаменитая графиня Лукенсини!

— Знаменитая! Почему? спросилъ я.

— Это женщина большаго характера, отвѣчала она. Берегитесь попасть въ ея сѣти. Она пятнадцати лѣтъ умѣла выйти замужъ за своего учителя; между-тѣмъ обѣщать свою руку другому молодому челоуку; въ продолженіе шести лѣтъ скрывать свой бракъ; обмануть опекуна; наконецъ развестись съ своимъ мужемъ и не выйти за другаго, и все носить имя своего мужа.

— Но какъ же? сказалъ я моей дамѣ: развѣяучителемъ былъ графъ Лукенсини?

— Такъ точно, отвѣчала мнѣ дама. Графъ Лукенсини былъ сынъ того Лукенсини, который, какъ можетъ быть слышали, погибъ на эшафотѣ; имѣніе его было конфисковано, и сынъ принужденъ былъ давать уроки.

— Нельзя однако жъ обвинять бѣдную графиню, сказала другая дама, вслушавшись въ нашъ разговоръ: мать ея была женщина страннаго нрава, который сдѣлался несноснѣе отъ ея безпрестанной болѣзни; бѣдная графиня до самой ея смерти принуждена была жить совершенною затворницею; единственные люди, которыхъ она видала, были ея учителя: мудрено ли, что она влюбилась въ того изъ нихъ, который былъ молодъ, прекрасенъ, и въ тѣсныя сношенія учителя съ ученицею умѣлъ внести всѣ очарованія свѣтскаго человѣка? Онъ влюбился въ нее, она въ него. Но какъ мать никогда бъ не согласилась на бракъ ея съ такимъ человѣкомъ, то что удивительнаго, что она рѣшилась обвиняться съ нимъ тайпо?

Контрадансъ кончился, я раскланялся съ моей дамой, и невольно обратилъ глаза на графиню, чтобы вспомнить, кого она мнѣ напоминала. Сверхъ-того, взоръ мужчины всегда невольно останавливается на женщинѣ, имѣвшей довольно твердости духа, чтобы презрѣть мнѣніе общества: она возбуждаетъ любопытство, смѣшанное съ какимъ-то невольнымъ уваженіемъ. Умъ невольно вспоминаетъ о борьбѣ, которую должна была претерпѣть эта женщина съ самой собою и со всѣмъ ее окружающимъ, а сердце воображаетъ тѣ страданія, которыя пришлось ей перенести, чтобъ избавиться отъ другихъ, еще жесточайшихъ страданій.

Всѣ эти мысли толпились въ головѣ моей, когда я смотрѣлъ на графиню, и мнѣ показалось, что я обратилъ на себя ея вниманіе. Дѣйствительно, она также

стала всматриваться въ меня, и когда я проходилъ мимо ея, она мнѣ сказала:—Signore!....

Я остановился: голосъ ея поразилъ меня.

— Вы, кажется, не узнаете меня, продолжала она.

Я отступилъ шагъ назадъ, ибо мнѣ показалось, что передо мною стояла синьора Грандини. Минуты волненія, въ которыя я ее видѣлъ, вмѣстѣ съ прической,—тогда только дамы начали поднимать волосы вверхъ,—помѣшало мнѣ узнать ее въ первое мгновеніе.

— Я не знаю, сказалъ я, долженъ ли я узнавать васъ.

— О, будьте спокойны! отвѣчала мнѣ графиня съ улыбкой. Тѣ, которые наложили на васъ страшную клятву, почти не существуютъ. Я имѣю полное право разрѣшить васъ отъ всѣхъ вашихъ клятвъ. Если хотите узнать больше, то прїѣзжайте ко мнѣ завтра вечеромъ. Надобно, чтобъ вы были награждены за то унижительное положеніе, въ которомъ вы находились по моей милости. Кстати продолжала она: скажите, пригодился ли вамъ мой перстень?

— Вашъ перстень? съ мистическими знаками? Онъ остался въ рукахъ Неаполитанскаго правительства.

— Вѣрно этотъ бездѣльникъ Беневоло имъ воспользовался.

— Такъ вы знали Беневоло?

— Беневоло? повторила она съ улыбкой. Завтра вамъ все объяснится.

На другой день въ назначенный часъ я поспѣшилъ къ графинѣ Лукенсини, и сначала былъ очень удивленъ, когда швейцаръ сказалъ мнѣ, что графиня не принимаетъ; но когда я назвалъ себя, швейцаръ немедленно позвонилъ въ колокольчикъ, и двери отворились передо мной. Я прошелъ рядъ великолѣпныхъ комнатъ, роскошно и со вкусомъ убранныхъ. Графиня ожидала меня въ павильонѣ, находившемся на концѣ дома, и котораго балконъ выходилъ съ одной стороны на

Canal-grande, а съ другой на пустую площадку. Она сидѣла въ легкомъ кисейномъ платьѣ на диванѣ, окруженномъ цвѣтущими померанцами, и показала мнѣ мѣсто подлѣ себя.

— Вы должны знать, что вы мой избавитель, сказала она.

— Вашъ избавитель? повторилъ я.

— Да; безъ васъ я бы можетъ-быть должна была распрощаться съ жизнью. Вы, сами того не зная, развязали узелъ въ моемъ существованіи. Я думаю, уже вамъ рассказали мою исторію прежде. Ее всѣ рассказываютъ съ разными нелѣпыми прибавленіями. Я не буду оправдывать себя передъ вами. Скажу вамъ только одно слово: мнѣ не лѣзя было не выйти замужъ за Лукенсини, потому что меня преслѣдовалъ тотъ самый Беневоло, котораго вы знаете. Пользуясь болѣзнію моей матери, живя въ нашемъ домѣ, гдѣ онъ занималъ должность сначала учителя, потомъ маіордома Амброзіо не давалъ мнѣ минуты покоя. Лукенсини былъ молодъ и прекрасенъ. Беневоло былъ почти всегда такимъ, какъ вы его видѣли. Я предпочла перваго. Долго мнѣ рассказывать вамъ мою исторію; на моего тайнаго мужа пало подозрѣніе, которому причиною были связи его отца. Желая открыть себѣ какую-нибудь дорогу, онъ, послѣ женидбы, отправился искать счастья въ Россіи. На мѣсто его явился ко мнѣ новый обожатель: мой дальній родственникъ Леонардо Амати. Вамъ ужъ вѣрно рассказывали, что я обѣщала ему выйти за него замужъ. Это правда; но вотъ какъ это случилось. Съ помощію хитраго своего отца и матушкина духовника, онъ успѣлъ до того довести мою матушку, физически и нравственно разстроенную, что она при послѣднемъ издыханіи потребовала отъ меня, чтобы я вышла за Леонардо. Въ минуту горести, я ей все обѣщала; матушка скончалась, и въ оставленномъ ею завѣщаніи она назначила Винченцо Амати, отца Леонардова, опекуномъ

моямъ надо мною и надъ всѣмъ моимъ огромнымъ имѣніемъ. Послѣ первой горести, произведенной во мнѣ кончиной матушки, Леонардо сталъ мнѣ напоминать о моемъ обещаніи. Я рѣшительно объявила, что я уже замужемъ. Это открытіе взбѣсило Леонардо и отца его, которые надѣялись посредствомъ брака завладѣть навсегда моимъ имѣніемъ; они употребили всѣ возможные средства, чтобы заставить меня расторгнуть бракъ съ Лукенсини. Одаренная отъ природы характеромъ рѣшительнымъ, я убѣжала изъ Венеціи, перемѣнила имя, и синьора Грандини явилась на разныхъ театрахъ Италіи, при шумѣ рукоплесканій и — окруженная толпою обожателей. Большія деньги, которыя я получала моимъ талантомъ, доставляли мнѣ средство уничтожать всѣ происки Аматі для расторгненія моего брака. Между-тѣмъ мой родъ жизни мнѣ такъ понравился, что я скоро забыла моего мужа; да и онъ, кажется, забылъ обо мнѣ. Мой опекунъ, послѣ тщетныхъ исканій, нашелъ меня наконецъ въ Неаполѣ: я тогда еще не достигла до совершеннолѣтія, и опекунъ сохранялъ еще всю власть надо мною; онъ выхлопоталъ ложное свидѣтельство о кончинѣ моего мужа, и настоятельно требовалъ исполненія моего обещанія. Я знала, что это не правда, потому что почти въ то же время получила письмо отъ графа, въ которомъ онъ уведомлялъ меня, что наконецъ ему удалось увѣрить правительство въ своей невинности и что онъ возвращается въ Италію. Я притворилась, будто вѣрю моимъ гонителямъ, надѣла на себя черное платье вдовы, позволила обить мою комнату чернымъ сукномъ для того только, чтобы выиграть время, потому что уже не долго оставалось до моего совершеннолѣтія; но хитрый Аматі угадалъ мое притворство, и узналъ въ то же время, что Лукенсини находился на первомъ пароходѣ, который долженъ былъ пріѣхать въ Неаполь. Для Аматі это была минута рѣшительная; онъ видѣлъ, что

я ускользала отъ него, но не хотѣлъ заставить меня торжествовать безъ отомщенія; можетъ-быть, онъ надѣялся, что по смерти мужа я буду къ нему благосклоннѣе; можетъ-быть также хотѣлъ онъ испугать насъ обоихъ и дать намъ на выборъ смерть или замужство съ Леонардомъ. Я никогда не могла хорошо понять его намѣренія: можетъ, это было просто внушеніе его дикаго Калабрскаго характера. Вамъ извѣстно средство, которое онъ употребилъ для достиженія своей цѣли. Отдаленный домъ, въ которомъ мы жили, подкупленные слуги, — все, казалось, должно было имъ способствовать, но Провидѣніе употребило васъ средствомъ для уничтоженія этаго замысла. Когда, послѣ нашего съ вами свиданія, онъ увезъ васъ съ собою, я рѣшилась, во что бы то ни стало, выйти изъ подъ власти моихъ мучителей. Такъ какъ мое имѣніе было главнѣйшею причиною ихъ преслѣдованія, я воспользовалась смущеніемъ стараго Аматі, и предложила ему въ родъ выкупа все мое имѣніе. Онъ безъ труда согласился. Не доставало двухъ дней до моего совершеннотія, и я подписала переднимъ числомъ бумагу, въ которой, изъявивъ благодарность Аматі за прекрасное управленіе моимъ имѣніемъ, объявляла себя ему должною въ значительной суммѣ денегъ. Между-тѣмъ возвратился Леонардо въ изодраномъ платьѣ, весь мокрый и въ величайшемъ волненіи. Онъ согласился на все. Я тогда замѣтила въ немъ что-то странное, но еще не могла узнать, что съ нимъ случилось, потому что въ ту же минуту оставила ихъ, и явилась снова на сценѣ. Уже въ послѣдствіи, когда разнесся слухъ объ убійствѣ полицейскаго чиновника, мнѣ пришла въ голову мысль, что въ этомъ случаѣ долженъ былъ участвовать Леонардо. Дѣйствительно, мѣсяць спустя, одинъ изъ слугъ его объявилъ все правительству. Леонардо погибъ на эшафотѣ, отецъ его умеръ съ отчаянія. Полицейскій служитель попалъ въ это приключе-

ченіе по несчастному случаю. Въ нашей сторонѣ были разныя воровства; замѣтивъ въ лодкѣ Леонарда что-то подозрительное, полицейскій чиновникъ, увлекаемый ревностью къ своему ремеслу, рѣшился скрыться подъ парусомъ, чтобы узнать что-нибудь вѣрное. Все это я узнала въ послѣдствіи; когда до меня дошли слухи объ арестованіи Леонардо — я боясь быть замѣшанною въ этой исторіи, поспѣшно скрылась изъ Неаполя.»

Графиня остановилась.

— Я вамъ рассказала, продолжала она, все, что было любопытнаго для васъ въ моей исторіи. Прибавлю вамъ только то, что мое имѣніе снова возвратилось ко мнѣ: мы свидѣлись съ графомъ и оба замѣтили другъ въ другъ такое равнодушіе, что безъ труда рѣшились разстаться. Онъ хлопочетъ теперь въ Римъ объ уничтоженіи нашего брака.

— Благодарю васъ, графиня; но для меня въ исторіи осталось еще лице непонятное, — Беневоло.

— Беневоло! повторила съ важнымъ видомъ графиня: на это ничего не могу вамъ сказать въ сію минуту. Если вы хотите что-нибудь узнать объ немъ, то выйдите изъ моего дома, пройдите по всѣмъ комнатамъ, сядьте въ лодку, возвратитесь сюда этимъ переулкомъ и войдите ко мнѣ черезъ этотъ балконъ: вамъ будетъ спущена лестница.

Я былъ въ перьшинности; но графиня такъ улыбнулась, съ такимъ видомъ подала мнѣ руку, что я не могъ отказать ей.

Я исполнилъ въ точности все ея предписанія; но признаюсь, сердце мое было не совсѣмъ намѣстъ, когда я сталъ взбираться по веревочной лѣстницѣ, спущенной мнѣ съ балкона. Я засталъ графиню въ томъ же легкомъ платьѣ; она встрѣтила меня съ улыбкою, и показала мнѣ двѣрь небольшого кабинета. Вошедши въ него, я увидѣлъ все принадлежности мужскаго

ночного туалета и не замедлилъ ими воспользоваться. Когда я выглянулъ изъ двери, графиня захохотала и показала мнѣ мѣсто на диванѣ возлѣ себя, позвонила въ колокольчикъ и положила на столъ пару пистолетовъ.

— Что это значить? спросилъ я у нея.

— Это необходимо, сказала мнѣ графиня важнымъ тономъ.

Я задумался, и невольно осмотрѣлъ курки пистолетовъ.

Дверь отворилась, Беневоло вбѣжалъ въ комнату.

— Амврозіо! сказала ему графиня: знаешь ли ты этого человѣка?

Беневело затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Ты видишь, Амврозіо, я оставила одного мужа, отказалась отъ другаго, вотъ у меня третій, а все не ты! Бѣдный Амврозіо! Но теперь дѣло не о томъ: ты знаешь все, что ты сдѣлалъ противъ этого молодаго человѣка; онъ требуетъ у меня отмщенія; твоя послѣдняя минута наступила, — признавайся. Допрашивайте его, графъ, сказала она, обратившись ко мнѣ.

Я не могъ смотрѣть безъ смѣха на Беневоло; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ возбуждалъ во мнѣ невольное сожалѣніе.

Графиня замѣтила во мнѣ это чувство, и сказала:

— О, какъ вы добры, графъ, вы еще обънемъ жалте! Вы не знаете, что онъ за человѣкъ! Этого мало, что онъ осмѣлился влюбиться въ меня, — нѣтъ! взбѣшенный неудачею, онъ перешелъ на сторону моихъ враговъ, онъ помогалъ Аматіи, онъ былъ отъ нихъ подосланъ къ вамъ шпиономъ, писалъ къ вамъ записки; онъ препятствовалъ мнѣ видѣться съ вами, потому что Леонардо боялся, чтобы наше свиданіе не открыло его преступленія. Этого мало: когда онъ узналъ, что

у васъ находится мой перстень, котораго онъ долгое время отъ меня добивался, онъ рѣшился взвести на васъ пелѣный доносъ въ моемъ похищеніи, чтобы между судейскими интригами воспользоваться этою рѣдкостію..... Въдь вы вѣрно знаете,— онъ любитель древности!

— Онъ, кажется, замѣтилъ я, больше любитель денегъ, нежели древности: онъ самъ былъ остановленъ за дѣланіе фальшивой монеты.

— О, нѣтъ! сказала графиня: на это у него и не достало бы духу. Правда, онъ дѣлалъ фальшивую монету, только не новую, а древнюю; онъ занимался самымъ невиннымъ ремесломъ, выдумывалъ небывалыхъ царей, или дѣлалъ подражанія рѣдкимъ медалямъ, и приводилъ въ отчаяніе антикваріевъ.

Амврозіо трясся всѣмъ тѣломъ и только изрѣдка проговаривалъ — *Pregioti mia signora!... Signor conte!* Наконецъ, когда графиня замолчала, онъ вскричалъ со слезами на глазахъ:

— Все это правда, совершенная правда; но вспомните, что я спасъ жизнь Русскаго графа.

— Да; это правда. Помните лице, которое выглянуло изъ-за двери въ первое наше свиданіе: за это, кажется, можно простить его, графъ, — какъ вы думаете?

Мнѣ такъ былъ жалокъ бѣдный Амврозіо, что я сталъ просить графиню окончить эту шутку.

— Благодари графа и ступай вонъ, сказала синьора: а завтра поутру сочини мнѣ стихи на это приключеніе.

Беневоло бросился къ ней въ ноги, и выскочилъ изъ комнаты.

— Онъ добрый старикъ, продолжала графиня, обратясь ко мнѣ: то есть, пока его держишь въ рукахъ. Онъ досихъ-поръ влюбленъ въ меня безъ памяти; я сама при-

выкла къ нему, какъ къ постельной собачкѣ. Онъ безпрестанно рисуешь мой силуеты, пишетъ въ честь мнѣ стихи, и бываетъ внѣ себя отъ восхищенія, когда я ему позволю поцѣловать мой пальчикъ. Я хотѣла, графъ, доставить вамъ это маленькое удовольствіе, ибо никогда бы не простила себѣ, чтобъ за меня благородный человѣкъ подвергся оскорбленію и остался неотмщеннымъ. Если бы Леонардо былъ живъ, я бы непременно доставила вамъ съ нимъ свиданіе; но это, къ сожалѣнію, невозможно. Теперь ваша роль кончилась. Прощайте!

— Какъ! сказалъ я графинѣ: мнѣ опять итти одѣваться? Опять спускаться съ балкона въ эту темную, дождливую ночь?.....

Ревель

В. БЕЗГЛАСНЫЙ.

ЭБСАМБУЛЪ.

НУБІЙСКІЯ СЦЕНЫ.

=

II.

ПОСѢЩЕНІЕ ХРАМА. ПНКЪ-ПНКЪ. МОТОРЕЯ.

=

Ночь летела тихо въ хрустальномъ воздухѣ, дыша на Нубію сномъ чистымъ и свѣжимъ, сметая съ умовъ крыломъ своимъ весь соръ дневныхъ мыслей и рождая въ нихъ изъ своего совинаго клева пестрыя, причудливыя грезы, которыя воображеніе усыпленнаго подхватываетъ съ такой жадностью, чтобы играть ими на этомъ отрадномъ досугѣ хлопотливой животной жизни, — разноцвѣтные мыльные пузыри, выдуваемые кѣмъ-то въ темнотѣ изъ испареній нашей памяти и, къ сожалѣнію, лопающіе отъ перваго свѣтлаго луча дѣйствительности. Наступающее утро обѣщало быть обильнымъ будущностью: ожиданія, любопытство, общая склонность къ потѣхѣ, стеченіе характеровъ разнородныхъ, живописныхъ, странныхъ, заклеяменныхъ каждый печатью какого-нибудь притязанія, — въ путешествіяхъ всякой превращается въ особенный родъ оригинала, — могли разрѣшиться бездною забавныхъ случаевъ. Какъ бы не такъ! каждый изъ насъ надѣялся, что его пріятель или сосѣдъ сдѣлаетъ первый какую-нибудь глупость, надъ которой всѣ мы посмѣемся еще до завтрака! Глупость, но порядочная глупость, — была намъ необходима для того, чтобы соединиться въ одноцѣлое и образовать изъ себя правильное просвѣщенное общество, для котораго на Нубійскомъ пескѣ лежали всѣ нужные матеріалы, и только не доставало основанія. Глупость должна быть одарена магнитнымъ свойствомъ: бросьте ее въ толпу Европейцевъ, совершенно чуждыхъ, даже незнакомыхъ

другъ другу, и она тотчасъ станетъ притягивать къ себѣ ихъ умы и увеличиваться въ объемѣ, покрываясь самыми блестящими частицами ихъ мысли; она постепенно привлечетъ, сблизитъ и сольетъ ихъ въ одну массу, которая наконецъ сзернуется вокругъ нея въ кристалъ дружескаго и пріятнаго общества. Эта теорія обществъ начертана крупными іероглифами на каждомъ Египетскомъ и Эѳіопскомъ памятникѣ: жаль только, что такъ мало людей умѣютъ читать іероглифы. Но кто изъ насъ сдѣлаетъ первую глупость? кто будетъ такъ великодушенъ, чтобы пожертвовать собою для блага общаго? Увы, никто добровольно! Въ такихъ обстоятельствахъ обыкновенно случай бросаетъ жребій, и назначаетъ жертву.

Утро открыло намъ новыя сокровища общественности. Синьоръ Д — чи пріѣхалъ ночью, и раскинулъ свои палатки на самомъ берегу Нила. Безцѣнный синьоръ Д — чи! онъ заслуживалъ быть произведеннымъ въ великіе хранители погреба Нубійскаго царя, если бѣ въ Нубіи былъ царь, за совѣстливое сбереженіе своего шампанскаго. Подлѣ него, еще двѣ барки, прибывшія поутру, выгружали путешественниковъ: одна изъ нихъ, съ Сардинскимъ флагомъ, принадлежала доброму моему пріятелю, товарищу по горной лихорадкѣ и страданіямъ, вмѣстѣ претерпѣннымъ въ Сиріи, и котораго пріѣздъ чрезвычайно меня обрадовалъ; другая пожилому Англичанину. Оба они были изъ числа самыхъ странныхъ путешествующихъ характеровъ, но совершенно противоположныхъ. Одинъ странствовалъ уже пятый годъ; осматрѣлъ всѣ углы Европы, неисключая даже Лапландіи, посѣтилъ Сибирь и Америку, и все помнилъ; другой блуждалъ пятнадцать лѣтъ по Западу и Востоку, и ничего не удерживалъ въ памяти. Одинъ путешествовалъ систематически, по книгѣ, съ печатнымъ собраніемъ вопросовъ, которые аккуратный странникъ

долженъ предлагать жителямъ обозрѣваемой земли о всѣхъ возможныхъ предметахъ ея статистики, географіи, этнографіи, правленія, правовъ и обычаевъ; читалъ по порядку эти вопросы первому попавшемуся туземцу, отбиралъ отъ него показанія, грабилъ всѣ бесѣды, разорялъ своимъ любопытствомъ всѣ терпѣнія, записывалъ каждое слышанное слово, и могъ сказать безъ запинки цѣну огурцевъ, моркови и говядины въ Торнео, Тобольскѣ, Бруссѣ и Лиссабонѣ, такъ же хорошо какъ характеристическіе анекдоты обо всѣхъ примѣчательнѣйшихъ лицахъ, тамъ живущихъ. Другой, ища только новыхъ зрѣлищъ, не помнилъ даже того, на какой живетъ онъ планетѣ, и если, машинально переѣзжая изъ одной страны въ другую, въ теченіе лѣтъ пятнадцати ни однажды не попалъ обратно въ свое отечество, то единственно оттого, что, забывъ о существованіи Англіи, никогда не подумалъ, что онъ еще не бывалъ на родинѣ. Первый былъ графъ В—уа, молодой Пьемонтзецъ, родившійся со страстью къ путешествіямъ, какъ иные рождаются со страстью къ охотѣ: онъ путешествовалъ трудолюбиво, строго, мучительно, какъ только можно путешествовать въ наказаніе, и умеръ потомъ на островѣ Явъ, оставивъ за собою во всѣхъ четырехъ концахъ свѣта безконечный слѣдъ своего любопытства, усыпанный вопросительными знаками, и у своихъ знакомцевъ память милого и благороднаго челоуѣка, «но ужаснаго распрашивателя.» Второй былъ мистеръ Б—къ, общій нашъ знакомецъ по Каиру, старикъ угрюмый и своенравный, и котораго, признаться, мы не очень любили за его разныя притязанія и постоянную склонность къ ссорамъ: лишенный вовсе силъ памяти, иногда посѣщалъ онъ городъ или государство во второй и въ третій разъ, и былъ увѣренъ, что видитъ его впервые. Я имѣлъ удовольствіе повстрѣчаться съ нимъ въ Смирнѣ въ двѣ различныхъ

эпохи; при вторичномъ свиданіи, гуляя со мной по набережной залива, онъ однако жъ сказалъ мнѣ, въ одномъ изъ свѣтлыхъ проблесковъ своей памяти:

— Какъ это мѣсто похоже на гавань одного города, который я гдѣ-то видѣлъ!

И очень справедливъ: онъ уже въ четвертый разъ былъ въ Смирнѣ! Но какъ бы то ни было, а это новое приумноженіе нашего сборища случилось весьма кстати: намъ именно не доставало такого оригинала, каковъ былъ мистеръ Б — къ. Не знаю, кто выдумалъ первый, только съ появленія его на берегу, по всѣмъ палаткамъ распространился проектъ — мистифицировать почтеннаго путешественника, удостовѣривъ его, что онъ уже во второй разъ въ Эбсамбулъ, и что его видѣли здѣсь въ прошедшемъ году. Заговоръ составлялся быстро, и находилъ всюду ревностныхъ сообщниковъ; даже тѣ, которые, изъ важности или по особеннымъ причинамъ, не хотѣли въ немъ участвовать, дали слово не мѣшать потѣхѣ. Дѣятельность вдругъ проявилась въ нашемъ станѣ: бѣгали, предостерегали другъ друга, совѣщались о томъ, что и какъ говорить, и скоро все собраніе было связано узломъ одной тайны. Общество учредилось! Глупость одного изъ насъ подобныхъ, — или быть-можетъ наша собственная, — сдѣлалась его сердцемъ, котораго бѣнія должныствовали стройно отражаться во всѣхъ членахъ новаго тѣла, — такъ, какъ это и было написано іероглифами на фасадѣ Эбсамбульскаго храма. Египетская мудрость несповѣдима!

Съ тѣхъ поръ уже всѣ стали короткими знакомцами. Все должно быть обще! — Что теперь дѣлать? — Отрывать входъ во храмъ на общій счетъ! — А послѣ? — Послѣ пикъ-пикъ: будемъ обѣдать всѣ вмѣстѣ, и пригласимъ Б-ка! Каждый доставитъ потребное коли-

чество лучшихъ своихъ припасовъ; снести всю посуду въ одну ставку и избрать распорядителѣй!—Предложеніе было принято съ радостью. Общество одушевилось жизнью. Огонь веселости сталъ кружить по жиламъ, потерявшимъ уже Европейскую свою упругость въ мягкомъ бездѣйствіи Востока. Безъ Б—ка мы вѣроятно обѣдали бы каждый въ своей палаткѣ, и личная важность всякаго поразила бы холодною тиши сообщенія.

— Что жъ не отрываютъ храма?

— Скоро придутъ люди, отвѣчалъ одинъ изъ толмачей: мы уже два раза ходили въ деревню, да есть маленкое затрудненіе.

Расположеніе къ веселости еще усилилось, когда мы узнали о родѣ затрудненія. Съ ранняго утра лордъ Д—н и сиръ Гсиръ С—тъ вели жаркіе переговоры съ мѣстными поселянами о томъ, чтобы работники, которые будутъ расчищать фасадъ, и мѣстные зрители, желающіе присутствовать при обозрѣніи памятника, явились непременно въ длинныхъ своихъ рубахахъ, потому что Его Милость желаетъ показать Эбсамбульскій храмъ миссъ Марін, своей благородной дочери. *Шейхъ-аль-беледъ*, староста деревни, какъ чловѣкъ съ высшими взглядами и въ новой синей рубахѣ, превосходно постигалъ глубокую нравственную мысль лорда, но находилъ ее несудобисполнимою, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, рубаха есть парадный мундиръ Нубійскаго гражданина, и его подчиненные не согласятся копать землю въ праздничныхъ своихъ нарядахъ; во-вторыхъ, вся деревня, отъ мала до велика, захочетъ быть при вскрытіи храма, въ качествѣ работниковъ или зрителей, такъ какъ она еще никогда не видала столь значительнаго стеченія *милордовъ* и философовъ; а между-тѣмъ не всѣ жители имѣютъ рубахи, — да дѣвицамъ и неприлично являться

передъ людьми въ рубашкахъ, какъ-то Его Милости должно быть извѣстно! Въ самомъ дѣлѣ обстоятельство было столько же затруднительное, сколько забавное. Многіе хотѣли помочь лорду въ его переговорахъ, и своими предложеніями сдѣлали вопросъ еще сложнее. Споры съ представителями деревни длились безъ пользы и слѣдствія. Нѣкоторые вздумали-было пожертвовать частію своего бѣлья и одѣть Берберовъ въ наши Европейскія рубашки: опытъ былъ сдѣланъ на двухъ или трехъ туземцахъ, и представилъ неудобства еще важнѣйшія, чѣмъ совершенное отсутствіе одежды. Наши короткія и бѣлыя рубашки, надѣтыя на ихъ дюжія черныя туловища, придавали имъ уморительную наружность: ихъ товарищи не могли смотрѣть на нихъ безъ хохота. Надобно было прибѣгнуть къ покровительству Сева: какъ бей и полковникъ паши, одинъ онъ могъ бросить тяжесть Турецкой власти на вѣсы нашихъ переговоровъ съ Эбсамбульскими поселянами, и, при его шумномъ посредничествѣ, мигомъ былъ заключенъ трактатъ съ Нубійскими нравами объ охраненіи правъ Великобританской стыдливости миссъ Маріи. Главнѣйшія условія этого знаменитаго въ исторіи Дипломатіи трактата состояли въ слѣдующемъ: I. Всѣ находящіеся налице въ Эбсамбулѣ новыя и старыя рубахи будутъ собраны и принесены къ фасаду храма. II. Наслѣдники славы и величія древнихъ Эѳіоповъ, нынѣшніе подданные Его Высочества Египетскаго паши, предоставляютъ себѣ право раскапывать землю и производить всѣ нужныя въ томъ мѣстѣ работы согласно стариннымъ обычаямъ ихъ богочраимаго государства, безъ всякихъ Европейскихъ церемоній и отягощенія себя излишнимъ платьемъ. III. Когда входъ будетъ открытъ и Франкскіе милорды и философы явятся съ своими философами, всѣ находящіеся здѣсь потомки гордыхъ Фараоновъ надѣнутъ рубахи, а тѣ, для кого ихъ не достанетъ, спрячутся за

гору. IV. Такъ какъ замужныя женщины всѣ носятъ шерстяныя простыни, то онѣ могутъ присутствовать въ своихъ обыкновенныхъ нарядахъ, съ тѣмъ только, чтобы старались тщательнѣе закутывать въ нихъ тѣло чѣмъ лице; что касается до прекрасныхъ Нубійскихъ барышень, то Франкскіе милорды и философы, уважая съ одной стороны врожденное ихъ полу любопытство, и съ другой не желая нарушать принятыхъ приличій, существенно классическихъ, позволяютъ имъ приходить въ мѣстномъ неглижѣ, будучи впрочемъ увѣрены, что онѣ по-крайней-мѣрѣ опоянутся всѣ безъ исключенія и безъ различія возрастовъ своими херразами, или ременными бахрамами съ украшеніемъ изъ мелкихъ раковинъ, которыя придаютъ имъ столько прелести.

Прочія статьи договора относились къ исключенію дѣтей изъ собранія, и къ цѣнѣ, которую слѣдовало заплатить поселянамъ за работу и за всѣ эти уступки непостижимымъ прихотямъ пріятелей наши, гяуровъ. Черезъ полчаса явилась многочисленная толпа Берберовъ съ лопатами, и песчаная гора, закрывающая фасадъ памятника, начала осушаться къ Нилу.

Археологическія изысканія прекраснаго Евронейскаго пола въ Нубіи, конечно, встрѣчаютъ важную преграду въ недостаточномъ количествѣ бѣлья у жителей этого края, но она кажется важною только издали, и одно притворство можетъ почитать ее за непреодолимую. Чтобы постигнуть странность мѣръ, принятыхъ изысканнымъ цѣломудріемъ лорда Д—и, довольно пробыть однѣ сутки въ такой землѣ, гдѣ употребленіе платя не составляетъ перваго условія общежитія. Если бъ даже глазъ путешественника не привыкалъ къ этому постепенно, по мѣрѣ приближенія пути къ ея предѣламъ, то и въ такомъ слу-

чаѣ вы поражаетесь необыкновенностью вида только въ первое мгновеніе, очутясь неожиданно средь чернаго и обнаженнаго общества: черезъ нѣсколько часовъ вы уже не обращаете вниманія на его наготу, и не чувствуете ни какого различія между вашимъ и его нарядомъ. Таково могущество всеобщаго обыкновенія. Въ странахъ, обитаемыхъ поколѣніемъ безобразнымъ, равнодушіе посторонняго зрителя при-
 нуждено бороться долѣе съ впечатлѣніями, которымъ оно подвергается; но въ Нубіи глазъ Европейца свыкается весьма скоро, встрѣчая всюду формы пріятнымъ и живописнымъ. Нубійское племя, древнее племя *Нуба*, сообщившее въ послѣдніе вѣка имя свое прежней Сѣверной Эѳіопіи, по-истинѣ одно изъ прекраснѣйшихъ на землѣ, и составляетъ примѣчательное изъятіе въ Естественной Исторіи человѣка: оно черно, и между-
 тѣмъ не принадлежитъ къ породѣ негровъ, сохраняя черты и сложеніе тѣла совершенно Европейскія. Овальныя ихъ лица отличаются отъ нашихъ только легкою толстотою губъ, которая впрочемъ не имѣетъ ничего непріятнаго, и даже цвѣтъ ихъ кожи не похожъ на рѣзкую, лоснящуюся черноту негра, образуя особенный отливъ, который описать весьма трудно, но который, по мнѣнію моему, неподражаемо выразилъ Птоломей, назвавъ его — *ирема мелас*, «тихо-
 чернымъ.» Въ этомъ краю, можно постигнуть причину неизмѣримаго превосходства древней Греческой скульптуры передъ нашею: тамъ, гдѣ постоянная теплота неба позволяетъ человѣку освободить свои члены отъ лишнихъ покрововъ, — тамъ онъ переноситъ въ свое тѣло то чувство изящности, которое мы сосредоточиваемъ все въ платьѣ и въ наружныхъ украшеніяхъ особы. Нубіецъ щеголяетъ своимъ тѣломъ; онъ добровольно принимаетъ такіа благородныя и живописныя положенія, какихъ изобрѣтеніе сдѣлало бъ у насъ честь творческому гнію первѣйшаго художни-

ка; онъ вполне чувствуетъ красоту формъ, которыми природа выразила его существованіе, и если бъ рука его повиновалась чувству, онъ былъ бы Праксительмъ. Древнѣйшіе Греки были полунагіе, и внутри своихъ домовъ часто обходились безъ одежды: члены ихъ, естественно, располагались съ изящностью; глаза ихъ были наполнены красотою человѣческаго строенія, и такъ же тонко замѣчали ея отгибки, какъ мы теперь покроемъ одежды и самыя мелкія подробности наружныхъ ея особенностей. Въ этомъ обстоятельстве таится источникъ понятія идеальной красоты, которую умѣли они придавать своимъ изваяніямъ боговъ и смертныхъ. Для насъ оно не существуетъ: поэтому плѣнительная чистота и благородство формъ и линий тѣла, которыми отличалось древнее Искусство, потеряны для нашихъ вдохновеній, и покупаются у насъ только цѣною подражательства; поэтому и общій недостатокъ новѣйшаго художества человѣческаго тѣла — манерность, какъ въ формъ членовъ такъ и въ положеніяхъ, переходящая въ грубость отъ излишества животности, какъ у Рубенса, или въ болезненное изнѣженіе отъ перехитренной утонченности, какъ у Кановы. Мы уйдемъ далеко эффектами перспективы, свѣто-тѣни и колорита; но главнаго изящнаго, — идеальной красоты тѣла нашего поколѣнія, уже никогда не превратимъ мы для себя въ живое, быющее чувство: источникъ его изсякъ подъ нашими платьями. Оно всегда останется для насъ идеей, отвлеченною и холодною. Помощію этого понятія объ его началѣ, я легко отдаю себѣ отчетъ въ неизмѣримой разности между изяществомъ статуй и изяществомъ произведеній плоскаго рисунка у древнихъ Египтянъ и Эѳіоповъ, и, вопреки мнѣнію многихъ, заключаю, что художество этихъ народовъ не выходило изъ дѣтства. Ихъ статуи и колоссы, сравнительно, прекрасны: это простое слѣдствіе чувства изящности

извѣстныхъ формъ и положеній тѣла, — чувства столь сильнаго и столь естественнаго всюду, гдѣ половина населенія большею частію является безъ платья; это — матеріальное осуществленіе первѣйшаго понятія объ изящномъ. Ихъ плоскій рисунокъ неуклюжъ и хуже Китайскаго, — потому что для рисунка потребны высшія соображенія искусства и ученое наблюденіе природы.

Красота Нубійскаго поколѣнія представляется въ Физіологіи въ видѣ очень любопытнаго вопроса; и хотя наша самонадѣянность придумала уже нѣсколько прекрасныхъ способовъ истолковать ее естественнымъ образомъ, однако жъ всѣ до-сихъ-поръ предложенныя гипотезы только обходятъ фактъ, а не открываютъ его причину. Не входя въ споръ о томъ, по которую сторону Нила жили древніе Нубы, или Нобаты, можно быть увѣреннымъ, основываясь на согласномъ свидѣтельствѣ Греческихъ и Римскихъ писателей, что они жили далеко внутри пустыни, гораздо южнѣе нынѣшней Нубіи, и принадлежали къ настоящей породѣ негровъ. Въ концѣ третьяго вѣка, императоръ Діоклеціанъ, по словамъ Прокопія, поселилъ ихъ въ Эѳіопію, назначивъ имъ жилища отъ Мухарраки почти до вторыхъ пороговъ. Между Мухарракою и первыми порогами, или границею Египта, жила около того же времени часть народа Блеміевъ, извѣстнаго уже со временъ Эратосѣена, и который также не состоялъ изъ красавцевъ: по-крайней-мѣрѣ Плиній и Помпоній Мела, которые помѣщаютъ ихъ вмѣстѣ съ Сатирами, Эгиптапами и другими чудовищами, увѣряя, что они твари безъ головъ, съ однимъ глазомъ въ серединѣ груди, не имѣли высокаго понятія о пріятности ихъ наружнаго вида. Нубы занимаютъ по-сю-пору мѣста, отведенныя имъ Римлянами; нынѣшніе жители первыхъ пороговъ Нила, или такъ называемые Шемлани, которыхъ поселенія про-

стираются почти до Мухарраки, безъ всякаго сомнѣнія суть потомки Блеміевъ: они другаго происхожденія, другаго цвѣта, и говорятъ языкомъ различнымъ отъ Нубійскаго, хотя это еще и не встѣмъ антикваріямъ извѣстно. Что жъ? какъ тѣ, такъ и другіе теперь отличаются совершенною правильностью лица, и чертами удивительно похожи на изображенія, представляющія, на памятникахъ, древнихъ жителей Египта и Эѳіопіи, съ которыми они однако жъ исторически не имѣютъ ничего общаго, потому что, когда Римляне оставили нынѣшнюю Нубію въ концѣ III вѣка, она была уже пуста. Я готовъ допустить, вмѣстѣ съ нѣкоторыми объяснителями этого чудеснаго превращенія, что смѣшеніе Нубовъ и Блеміевъ съ остатками прежняго Эѳіопскаго населенія могло произвести въ здѣшнемъ участкѣ Нильской долины, существенное измѣненіе въ устройствѣ ихъ лицеваго угла и цвѣта ихъ кожи, хотя эти остатки повидимому были очень не значительны и ужъ конечно не многимъ бѣлѣе новыхъ поселенцевъ: самое названіе *aïōiōns*, употребляемое Геродотомъ, Эратосѣеномъ и Птолемеемъ, показываетъ, что классическіе Эѳіопы, несмотря на сходство языка ихъ съ Египетскимъ, были чернаго цвѣта, а послѣдній изъ трехъ писателей даже опредѣлилъ его отливъ. Но Нубійцы живутъ не въ одной только Нубіи: поселенія ихъ простираются далеко къ югу за Вади-Халфою; Сеннааръ занятъ также ими, и въ горахъ Кордуфана обитаютъ поколѣнія того же языка и имени. Всюду, гдѣ они или другіе негры перешли на берега Нила, черты ихъ быстро исправились и цвѣтъ сталъ нѣжнѣе: тѣ, которые остались въ прежнихъ своихъ жилищахъ, по сіе время сохраняютъ безобразіе и черноту первобытной своей породы. Кордуфанскіе Нубы заняли Сеннааръ въ концѣ XVI вѣка. Понсетъ, посѣщая эту страну въ 1695 году, зналъ ихъ еще неграми. Брусь, во второй поло-

винъ прошедшаго столѣтія, нашелъ уже удивительную перемѣну въ ихъ физіономіи, которая своей правильностью и красотою напоминала ему людей Кавказскаго, или Европейскаго колѣна. Нынче Сеннаарцы славятся уже стройностью своего сложенія, и кожа у нихъ темно-бронзоваго цвѣта, тогда какъ ихъ Кордуфанскіе соплеменники и теперь похожи на обезьянъ, совершенно черны, съ приплюснутымъ носомъ и шерстію на головѣ. Брусь, въ своемъ удивленіи, приписывалъ этотъ необычайный переворотъ вліянію Нильскаго климата: физіологи надъ нимъ смѣялись, и поръшились на томъ, что тутъ была примѣсь бѣлой породы. Откуда? Того никто не знаетъ! Ни Понсетъ, ни Брусь, ни Камльо, бывшіе въ Сеннаарѣ каждый въ иномъ столѣтіи, не видали тамъ бѣлыхъ: напротивъ, всѣ прибрежныя породы Нила безпрестанно пополняются невольниками изъ внутренней части Африки, и этотъ постоянный приливъ чистой черной породы долженствовалъ бы еще усилить сходство ихъ съ неграми. Прибавьте къ тому, что и въ самомъ Египтѣ физіономія негровъ, привозимыхъ изъ Буру и другихъ юго-западныхъ областей, видимо измѣняется во второмъ и третьемъ поколѣніи, и красивые, Европейскіе очерки лицъ у черныхъ невольниковъ, рожденныхъ на берегахъ Нила, изумятъ въ Каирѣ всякаго внимательнаго наблюдателя, который приметъ на себя трудъ поговорить съ ними и узнать объ ихъ происхожденіи. Незнаніе мѣстнаго языка путешественники обыкновенно скрываетъ отъ ихъ вниманія самыя существенныя частности, и приводитъ ихъ къ несбыточнымъ теоріямъ, которыя однако жъ списываютъ себя послѣдователей, потому что объясняютъ загадку какимъ-нибудь принятымъ афоризмомъ, освобождающимъ отъ хлопотъ изслѣдованія. Брусово предположеніе, быть-можетъ, не такъ смѣшно, какъ оно кажется многимъ: существенный его недостатокъ

въ томъ, что оно выражено слишкомъ просто и не-искусно.

Мы долго говорили объ этомъ съ лордомъ Д—и, за завтракомъ у сирь Г. С—та. Его Милость согласился со мною, что Нубійцы въ самомъ дѣлѣ люди очень достойные любопытства, но былъ того мнѣнія, что все-таки лучше, чтобъ они надѣли рубахи.

Между-тѣмъ почтенный мистеръ Б—къ на другомъ концѣ лагеря всѣми силами оборонялся отъ шалуновъ, которые его морочили и исторгали у него удовольствіе увидѣть здѣсь что-нибудь новаго. Каждый встрѣчалъ его условленнымъ привѣтствіемъ: — А, мистеръ Б—къ! вы опять въ Эбсамбуль? — Какъ, вы уже второй разъ здѣсь? — Старикъ сначала хладнокровно увѣрялъ вопрошателей, что онъ никогда не бывалъ въ Нубіи; потомъ разсердился; наконецъ сталъ самъ спрашивать тѣхъ, къ которымъ имѣлъ довѣріе, слышали ли они отъ кого-нибудь, чтобъ онъ въ прошломъ году ѣздилъ въ Эбсамбуль; но двусмысленные ихъ отвѣты поставили еще въ большую неизвѣстность, и онъ уже не зналъ, что о себѣ думать. Вдругъ является староста съ нѣсколькими поселянами, и произносить ему длинную рѣчь по-Арабски.

— Чего они хотятъ? вскричалъ мистеръ Б—къ. Что это за люди? Подите прочь, негодяи!

— Они пришли къ вамъ, сказалъ одинъ изъ толмачей, поздравить съ благополучнымъ къ нимъ возвращеніемъ. Шейхъ-эль-беледъ изъясняетъ, отъ имени всѣхъ жителей, что съ тѣхъ поръ какъ вы изволили уѣхать отсюда, они не могли ни ѣсть, ни спать, не видали солнца, и совершенно изсохли отъ любви къ вамъ и отъ пламеннаго ожиданія, не пріѣдете ли вы еще разъ озарить ихъ долину блескомъ своего лица. Они говорятъ, что ввѣкъ не видали такого щедрого и великодушнаго милорда, и что никогда васъ не забудутъ.

Б — къ принужденъ былъ подарить имъ нѣсколько Египетскихъ піастровъ: они уже были заплачены за эту продѣлку однимъ изъ его соотечественниковъ, который всегда преслѣдовалъ его своею насмѣшливой изобрѣтательностью. Но это обстоятельство поколебало его до основанія: онъ сталъ убѣждаться, что, въ самомъ дѣлѣ, это мѣсто нѣсколько ему знакомо, — къ чему безъ-сомнѣнія помогло много и общее сходство видовъ здѣшняго края. Молча проводилъ онъ испытующій взоръ по всемъ лицамъ, но ни одно изъ нихъ не измѣняло тайнъ: всѣ превосходно выдерживали свои роли, и, казалось, отнюдь не занимались его недоумѣніемъ. Б — къ ушелъ съ явною досадою въ свою намотку, и, спустя не много, отправился къ сирѣ Генри С — ту, въ надеждѣ узнать съ достовѣрностью изъ его разговора, который разъ онъ въ Эбсамбулѣ. Но холодный дипломатъ — антикварій завелъ съ нимъ рѣчь о трехъ способахъ приготовленія мумій у древнихъ, и не входилъ ни въ какіе распросы касательно его путешествія. Потерявъ терпѣніе, Б — къ спросилъ самъ, можетъ ли это быть, чтобы онъ, себѣ невѣдомо, попалъ сюда вторично.

— Я думаю, это съ вами часто случается, сказалъ С — ть съ важною улыбкою. Что касается до третьяго способа приготовленія мумій, о которомъ говорить и Геродотъ.....

Б-къ посмотрѣлъ ему въ глаза, и замолкъ. Онъ былъ совершенно разстроенъ этимъ отвѣтомъ, послѣ котораго ему уже нельзя было сомнѣваться. Онъ призналъ себя чистосердечно стариннымъ посѣтителемъ Эбсамбула, и, вышедъ отъ С — та, превращенный въ мумію въ растворъ его Египетской учености, удивлялся только тому, какой онъ разсѣянный, что забылъ подобное обстоятельство, хотя память у него, слава Богу, превосходная. Онъ объявилъ, къ большой потѣхѣ сочи-

нителей мистификаціи, что впередъ будетъ вести дневникъ своимъ путешествіямъ и съ особеннымъ вниманіемъ записывать мѣста, которыя посѣщаетъ.

Пріятель сньюра Д — чй, выѣхавшій позже всѣхъ насъ изъ Каира, привезъ Англійскія и Французскія газеты и письма къ разнымъ путешественникамъ, полученные изъ Европы. Д—чи, который не показывался съ самага пріѣзда, разослалъ ихъ по палаткамъ, и нашъ станъ испыталъ одно изъ тѣхъ странныхъ пробужденій, которымъ подвергаются общества, когда среди ихъ упадутъ вѣсти важныя и неожиданныя. Газеты говорили о переворотахъ въ политическомъ мірѣ, письма о происшествіяхъ внутри семействъ нашихъ, отъ которыхъ многіе изъ насъ болѣе года не получали извѣстій. Мгновенная перемѣна декорацій послѣдовала во всѣхъ головахъ: муміи, обелиски, храмы, колоссы, старая и новая Нубія, съ своими черными обществами и желтыми горами, умчали за края зрѣлища, и новые кулисы, — наши богатые города, наши прекрасныя дороги, величественные лѣса, пышная зелень луговъ, вся наша пестрая, блестящая Европа, съ своими странными теоріями, съ своимъ безпокойнымъ движеніемъ, съ своей роскошью золота, словъ, наукъ и сумасбродствъ, высунулись и обставили сцену, въ серединѣ которой мелькнули наши дома: здѣсь мать выглядываетъ въ окошко, направляя взоръ, полный любовію и благословеніемъ, къ дальней, неизвѣстной ей Африкѣ, — тамъ свадебныя гирлянды окружаютъ юную сестру вѣнцомъ счастья и навсегда отнимаютъ ее у брата, — индѣ быть-можетъ докторъ сидитъ у постели добраго родителя, — управитель васъ обкрадываетъ, — тянутся похороны друга, — въ знакомой рощицѣ, по той же дорожкѣ какъ и за два года, гуляетъ молодая дѣвушка, не думая о тѣхъ, которые теперь въ Нубіи!..... Грузъ пѣжныхъ семейныхъ чувствованій! Двѣ революціи на югѣ! Конгрессъ въ центрѣ

*

мечтательною материка! И зловѣщіе крики газетъ, отъ которыхъ уши наши нѣсколько было поотвыкли! Этого ужъ слишкомъ для бѣдной Нубійской поляны, не говоря уже о письмахъ отъ добрыхъ пріятелей, забытыхъ вами по разнымъ городамъ, — письмахъ, начинающихся извиненіемъ, что давно къ вамъ не писали, и, подобно Перкинсову паровому ружью, стрѣляющихъ по двѣсти анекдотовъ на минуту. Все это разразилось надъ поляною. Все это произвело такой взрывъ пересказовъ, толковъ, междометій и умозаключеній, что едва Африка не потряслась. Политическія извѣстія изъ всѣхъ концовъ свѣта, сплетни изъ всѣхъ Европейскихъ столицъ, глупости изъ-подъ всѣхъ географическихъ шпротъ, сперлись на песчаной площадкѣ нашего лагеря и превратили ее въ гостиную клуба: кто рассказываетъ забавный случай съ общимъ его и другихъ знакомцемъ или приключеніе съ извѣстною актрисою; кто изумленъ и опечаленъ переворотомъ въ своемъ отечествѣ; тотъ бранить, тотъ радуется; о каждомъ событіи столько же противоположныхъ системъ, сколько присутствующихъ разноплеменныхъ народностей; одни шутятъ, другіе ссылаются на газеты, иные важно разсуждаютъ, — и вѣтеръ тутъ же разметаешь по обѣимъ пустынямъ ихъ политическія теоріи, опасенія и надежды, наши народныя вражды, и печальные факты общей нашей образованности, вмѣстѣ съ газетными объ нихъ толкамн. Если пустыни хорошо слушали, и поняли все, что и какъ дѣлается, говорится и пишется въ земляхъ, имѣющихъ счастье быть населенными, то онѣ вѣрно сказали себѣ: — Такъ лучше жъ намъ быть пустынями.

Эта Европа въ глухомъ уголку Нубіи, — настоящая Европа! — не прежде прекратилась, какъ по полученіи извѣстія, что входъ въ храмъ расчищенъ. Насъ вдругъ перебросило съ послѣдней почты въ глубочай-

шую древность. Политическія системы превратились въ іероглифы. То было въ два часа по полудни.

Событія быстро слѣдовали однѣ за другими въ этотъ день, обильный для насъ событіями. Новаго рода суматоха раздалась въ станѣ. Каждый желалъ быть первымъ свидѣтелемъ дива, возвращеннаго дневному свѣту: эта прихоть въ дѣлѣ любопытства имѣетъ почти прелесть запрещеннаго плода по другой части. Всѣ торопливо вооружались зонтиками, портфелями, рисовальными досками, карандашами, складными футами, и спѣшили выступить на поляну, чтобъ вмѣстѣ идти во храмъ, какъ скоро дамы будутъ готовы. Сиръ Генри, великій жрецъ Эбсамбулскій, долженствовалъ управлять обрядомъ заклатія скотины ученаго любопытства на жертвенникъ забытаго народами божества, и правильное исполненіе этого жертвоприношенія имѣло для насъ въ ту минуту почти религіозную важность. Мы были проникнуты такимъ же благоговѣніемъ къ пустопорожнему святилищу, съ какимъ приближались къ нему Эѳіопы, когда оно еще заключало въ себѣ таинства ихъ неба и сокровища земной мудрости. Рота археологовъ стояла подъ зонтиками, и обливалась потомъ. Жара была ужасная.

— Севъ! что жъ Италіянка-то?

— Ст!... Я скажу вамъ послѣ. Тутъ происходятъ забавныя вещи. Она, я думаю, теперь выйдетъ изъ палатки, и вы ее увидите..... Посмотрите на Л-на! Онъ на себя не похожъ.

Въ самомъ дѣлѣ нашъ молодой, розовый живописецъ былъ блѣденъ, разстроенъ, задумчивъ. Онъ, видно, провелъ ночь въ мучительной безсонницѣ. Помните ли удивительное своей простотою и вѣрностью выраженіе Гомера, — но вы, господа, нынче его не читаете! — одно изъ тѣхъ выраженій первичнаго наблюденія свѣжей еще природы, какихъ мы уже не изобрѣтаемъ, — *пері гγναίκα πασχειν*, «страдать женщиною»? Бѣд-

ный Л — нъ, съ жалкимъ видомъ, поодавъ отъ другихъ, державшій въ одной рукъ зонтикъ, въ другой, подъ мышкою, свой рисовальный приборъ, былъ очевидно — болѣнъ женщиною!

Въ это время явились наши Англичанки, — миссъ Марія, спрятанная подъ огромнымъ кисейнымъ покрываломъ, — мистриссъ У — ё въ Турецкомъ женскомъ плащѣ и съ чернымъ на лицѣ ситомъ, по послѣдней Каирской модѣ. Италіянка не приходила. Синьоръ Д — чи одинъ присоединился къ намъ. Д — чи былъ съдой, низенькій, боченковатый весельчакъ, очень потышной наружности, но пріятнаго характера: притомъ отличный хлѣбосоль. Всѣ его знакомцы бросились къ нему съ поздравленіями, съ шутками, съ запросами. Онъ выдержалъ за свою неожиданную гостью грозу пріятельскихъ эпиграммъ, не измѣнивъ своей веселости, но никакъ не хотѣлъ признаться, что она его невѣста, и даже сердился, когда ему доказывали противное. Онъ увѣрялъ, что мать ея родственница его пріятелю, и что онъ путешествуютъ съ нимъ для своего удовольствія.

— Она открыла сегодня въ Нубіи любопытную древность, сказала мистриссъ У — ё одному изъ насъ, обозрѣвая синьора Д — чи и душась отъ смѣху подъ ситомъ.

— Вы ужасно взыскательны, возразилъ ей мой товарищъ, Петръ Ивановичъ. Синьоръ Д — чи можетъ еще нравиться дамамъ.

Мы двинулись къ Пилу цѣлой ватагой, которую еще увеличила толпа служителей несшихъ наши ружья. Черезъ пять минутъ мы уже стояли передъ храмомъ, по лодыжки въ песокъ и окруженные сотнею Эбсамбульцевъ обоего пола, для которыхъ наши лица и наряды составляли такую же рѣдкость, какъ для насъ ихъ памятникъ. Мужчины, по трактату, были всѣ въ рубахахъ.

— Не примѣчали ли вы, сударыня, важно спросилъ мой товарищъ Г-жу У—ё: посятъ ли здѣшнія дѣвушки Англійскіе корсеты?

— Вы человѣкъ безстыдный, возразила строгая пуританка, не зная куда дѣваться отъ этихъ барышень, которыя тѣснились вокругъ нея и указывали пальцами на ея бѣлые чулки.

Если кому-нибудь еще неизвѣстно, что Эбсамбульскій храмъ не построенъ подъ открытымъ небомъ, а изсѣченъ въ горѣ, то я готовъ сказать это ему за новостъ. Ливійская цѣпь, состоящая въ этой сторонѣ изъ желтаго, очень мягкаго песчаника, выгнулась здѣсь колѣномъ, которое почти упирается въ рѣку. Скатъ его довольно отлогъ. Онъ срѣзанъ отвѣсно въ одномъ мѣстѣ, такъ, что оставшіяся по сторонамъ части ска-та приняли видъ двухъ каменныхъ отводоу, какъ бы подпирающихъ гору. Этотъ отрѣзъ есть именно фасадъ храма, — очень простой въ архитектурномъ отношеніи, потому что тутъ ничего болѣе не сдѣлано, кромѣ высокихъ дверей, ведущихъ внутрь зданія, и четырехъ огромныхъ колоссовъ, опертыхъ спинами о фасадъ и изваянныхъ изъ уничтоженной массы ската, по два съ каждой стороны входа. Песокъ, накопившійся въ теченіе многихъ вѣковъ въ углу колѣна, обращенномъ къ пустынѣ, образовалъ тамъ сугробъ, который уже поровнялся съ вершиною горы. При сильномъ западномъ вѣтрѣ, песчаная волна, песущаяся въ пустынѣ подобно нашему сухому снѣгу въ полѣ, взлетаетъ по отлогости этого сугроба на гору, переходитъ черезъ ея вершину, и струится съ ней по отрѣзу ската. Такимъ образомъ, у подошвы фасада возникъ другой сугробъ песку, который засыпалъ двери гораздо выше верхней ихъ перекладины и четыре колосса по самую шею. Нѣтъ ничего забавнѣе вида этихъ исполинскихъ головъ, торчащихъ изъ песку и улыбающихся зрите-

лю тою жирной, сладостной улыбкой, которую Египтяне придали толстымъ губамъ почти всѣхъ своихъ колоссовъ: четыре великана сидятъ, кажется, въ ваннѣ и счастливы тѣмъ, что имъ жарко! Но должно сказать, что только трое изъ нихъ наслаждаются этою отрадою въ раскаленномъ пескѣ сугроба: четвертый обрушился, и утонулъ въ своей купальнѣ. Само собою разумѣется, что песокъ, заваливъ и наполнивъ двери, пустилъ другую отлогость своего холма внутрь зданія, отъ перекладины до пола, и что эта покато́сть должна быть гораздо стремительнѣе наружной, простирающейся отъ верхней части фасада до самаго берега Нила. Чтобы проникнуть во храмъ, надобно раскопать песокъ надъ дверями, и прорыть подъ перекладиною нору, въ которую потомъ антикварское любопытство, съ портфелемъ подъ мышкою, влѣзаетъ, согнувшись вчетверо и утопая въ пескѣ на каждомъ шагѣ. Прибывающій сюда путешественникъ долженъ всегда нанимать Берберовъ для изготовленія ему такого прохода, потому что нору его предшественника, если не скоро заноситъ пескомъ, поселяне засыпаютъ самп, чтобъ не лишиться удовольствія оказать новому гостю услугу за его деньги. Наши условія съ ними были гораздо прихотливѣе тѣхъ, какія обыкновенно заключали они съ другими посѣтителеми. Мы требовали, во-первыхъ, чтобы проходъ былъ въ человѣческой ростъ, и, во-вторыхъ, чтобы они отрыли намъ одинъ колоссъ весь до основанія, въ южномъ углу фасада, потому что мы хотимъ его измѣрить. Колоссъ этотъ былъ уже отрытъ однажды лордомъ Валенси́я, за нѣсколько лѣтъ до нашего посѣщенія, но опять погрузился въ пескѣ до половины. Второе условіе исполнили гораздо лучше перваго, рассчитавъ, что вѣтеръ не скоро задѣлаетъ большое отверзтіе въ дверяхъ, и что имъ будетъ стоить большаго труда помогать ему.

Глаза наши устремились на каменнаго гигапта, возставшаго изъ могилы во всемъ своемъ могуществѣ. Онъ поразителенъ, даже для тѣхъ, кто видѣлъ Сфинкса у пирамидъ въ Джизе и Оивскаго Мемнона съ супругою. Эбсамбульскіе колоссы представлены сидящими на стулахъ, и, подобно Мемнону, держатъ руки на колѣняхъ. Ширина ихъ плечъ три сажени; вышина девять сажень. Въ нихъ особенно замѣчательны лица, прекрасно сохранившіяся въ климатѣ, который ничево не разрушаетъ. Они, какъ и лица всѣхъ прочихъ Нубійскихъ истукановъ, носятъ легкій отпечатокъ поколѣнія негровъ, отнюдь не противный Европейскому глазу, но отдѣлка ихъ превосходна и выраженіе весьма пріятно. Мы удивлялись сходству ихъ чертъ съ фізіогноміею бывшихъ тутъ Берберовъ, хотя послѣдніе совсѣмъ различнаго происхожденія съ древними строителями храма. Остальныя части тѣла отдѣланы съ Египетскою неловкостью.

Какъ мы ни горѣли нетерпѣніемъ увидѣть внутренность храма, но проходъ оказался слишкомъ неудобнымъ для нашихъ спутницъ. Нубійцы доказывали намъ, что онъ неподобенъ и что лучше быть не можетъ. Споръ продолжался уже нѣсколько минутъ, какъ одно слово Турецкаго полковника, Сева, вдругъ перемѣнило ихъ образъ мыслей, и они поклялись своими глазами, что мигомъ можно будетъ проѣхать въ *бирбе* на верблюдахъ. Они схватили лопаты, въ одно мгновеніе ока сорвали съ себя рубахи, бросили ихъ на песокъ, и усердно принялись углублять отверзтіе. Трактатъ былъ уничтоженъ, и съ такой быстротою, что не было возможности остановить вѣроломства, невольно вырвавшегося изъ глубины этихъ черныхъ сердецъ. Лордъ Д — и сердился и кричалъ имъ по-Италіянски; сиръ Генри кричалъ на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ; прочіе смѣялись. Берберы, не понимавшіе ни того, ни другаго, закричали также на своемъ нарѣчій, и ту же

минуто высыпала изъ-за горы, съ лопатами, толпа ихъ одноплеменниковъ, занимавшихъ эту позицію за немѣнѣемъ рубахъ. По счастью, миссъ Марія ничего не видала сквозь кисею. Ея надзирательница быстро отвернулась въ сторону, и, какъ наблюдательная женщина, замѣтила Г-ну М — ку, что вода въ Нилѣ очень *черна*. Она хотѣла сказать — *желта*.

Мы заслонили прекрасныхъ путешественницъ стѣною изъ зонтиковъ, и съ тѣхъ поръ онѣ были въ совершенной безопасности. Лордъ Д — и казался очень благодаренъ намъ за эту остроумную выдумку. Между — тѣмъ собраніе представляло самое забавное зрѣлище. Наше общество было перемѣшано купами туземцевъ по всѣмъ направленіямъ; путешественники одни сохраняли свое народное платье, другіе были одѣты по образцу разныхъ восточныхъ поколѣній; нныя ни по какому образцу: наряды Турецкіе и мамлюкскіе, фраки и бедуинскіе одѣяла, Египетскія фуфайки, Арнаутскіе куртки и Европейскіе сюртуки переплетаются съ кожею мѣстныхъ хозяевъ; бѣлыя и черныя лица, соединенныя въ группы, образуютъ пестрыя и живописныя массы головъ; бѣлые и черные нравы глядятъ другъ на друга съ удивленіемъ; и тутъ же, рядомъ стоятъ стыдливость тщательно закутанная и стыдливость нагая, гордая той чистотою, которая дозволяетъ ей еще не прятаться подъ покровы. Сиръ Александръ С***, ставъ на грудъ песку, доказывалъ передъ фасадомъ Эбсамбульскаго храма, что нарядъ Нубійской дѣвицы гораздо скромнѣе бальнаго вырѣзнаго платья Европейки, — но сиръ Александръ былъ извѣстенъ въ цѣлой Нубіи своими парадоксами! Одинъ изъ бывшихъ съ нами живописцевъ сдѣлалъ со скуки очень умный скицъ нашей разнородной толпы въ ту минуту, — и этотъ скицъ остался у меня.

Покуда поселяне работали, путешественники разхаживали, разсуждали, спорили, сидѣли на обломкахъ горы или придумывали разныя потѣхи въ Эѳіопскомъ вкусѣ. Одни заставили Берберовъ плясать. Другіе бились объ закладъ въ томъ — кто пробѣжитъ по Нубійскому песку на солнцѣ двадцать шаговъ босыми ногами? Тѣ, которые были одѣты въ восточное платье, поочередно скидали туфли, и пытались извѣдать чувствительность своихъ подошвъ къ жару, — ни кто не могъ сдѣлать десяти шаговъ. Предложили Берберамъ двадцать Египетскихъ піастровъ за тотъ самый подвигъ, и, изъ многихъ сореvнователей, одинъ молодой негръ изъ Дарфура выигралъ призъ при громогласномъ одобреніи всего чернаго общества. На послѣднемъ шагу, онъ упалъ спиною наземь, и вздернулъ ноги вверхъ съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ боли, что жалко было на него смотреть.

Я подошелъ къ дамской группѣ, постоянно обведенной услужливыми зонтиками. Миссъ Марія и ея надзирательница любовались на большія, красивыя яблока, которыми былъ осыпанъ кустъ колокинта, росшій на самомъ берегу Нила. Палевый цвѣтъ этого горькаго плода, пустаго въ серединѣ, когда онъ достигнетъ зрѣлости, и прелестныя красныя жилки, правильно исписывающія его сухую, гладкую какъ атласъ поверхность, долго восхищали обѣихъ путешественницъ, и онѣ просили срѣзать для нихъ нѣсколько яблоковъ. Налюбовавшись, всѣ отвернулись отъ куста, ища другаго предмета для своего вниманія. Намъ занялъ огромный крокодилъ, вышедшій изъ воды грѣться на солнцѣ на маленькомъ островку, возникшемъ, отъ убывающей воды, почти на серединѣ рѣки. Невинныя опасенія зрительницъ при видѣ крокодила тотчасъ разсѣялись, какъ скоро имъ объяснили, что высота отвѣсно усѣченнаго берега, на которомъ мы

стояли, защищаетъ насъ отъ всѣхъ посяганій алчнаго сосѣда.

— Пафъ!!!.....

— Ахъ!

— Ахъ!..... Кто выстрѣмилъ?

Путешественницы ужасно перепугались. Кто-то невзначай выстрѣмилъ подлѣ насъ изъ карманнаго пистолета. Да и многіе изъ насъ были нѣсколько встревожены. Берберы хохотали.

Одинъ изъ толмачей, типъ Каирскаго толмача, подошелъ, и доложилъ, почтительно извиняясь передъ нами, что выстрѣмилъ-то колокинтовое яблоко на кустъ. Когда яблоко совершенно созрѣло, то, — извините, господа! — оно лопаеъ съ трескомъ какъ-бы пистолетнаго выстрѣла, — извините, сударыни! — и распыскиваетъ зерна свои очень далеко во всѣ стороны, — покорнѣйше прошу извинить меня, сударыни!

Онъ со страху побросали наземь собранныя для нихъ яблока, опасаясь, что они станутъ стрѣлять въ ихъ мѣшечкахъ и взорвутъ ихъ на воздухъ.

Почтительный толмачъ подобралъ яблока, и поднесъ обратно дамамъ, удостовѣряя, что какъ скоро ихъ срѣжешь съ куста, то, — извините сударыни! — они больше не стрѣляютъ, потому что, — извините, господа! — изъ зеренъ этихъ яблоковъ аптекари дѣлаютъ слабительное, — покорнѣйше прошу извинить, милостивые государи и государыни!

Посмѣявшись надъ этимъ приключеніемъ, мы тоже просили нашихъ собесѣдницъ извинить насъ и позволить намъ поохотиться за крокодиломъ. Сирѣ Александръ С***, одинъ изъ Нѣмецкихъ натуралистовъ и я, взявъ двустольныя ружья, условились всадить ему три пули въ желудокъ, метя всѣ трое въ одно

мѣсто, и, когда послѣ перваго выстрѣла онъ будетъ уходить въ воду, стараться поймать его въ голову изъ другаго ствола. Мы подошли къ самой водѣ, и выстрѣлили. Одна пуля, видно, задѣла его за чувствительное мѣсто, потому что онъ вспрыгнулъ на-мѣсть и бросился въ воду. Второй залпъ не произвелъ никакого слѣдствія. Мы скорѣе взобрались на берегъ.

Черезъ минуту, голова чудовища показалась внизу изъ воды, насупротивъ того мѣста, гдѣ мы стояли. Всѣ схватили ружья, но чуть принялись метить, онъ нырнулъ въ воду. Вниманіе цѣлой толпы было теперь устремлено на дерзкаго гада: мы держали ружья на прикладѣ, ожидая, что онъ снова появится, чтобъ привѣтствовать его ту же минуту двумя десятками пуль. Онъ дѣйствительно показался еще разъ, и вышелъ до половины на сушу, но уже въ другомъ мѣстѣ, и на такомъ отъ насъ разстояніи, что пока мы подбѣжали къ нему на ружейный выстрѣлъ, уродъ скрылся. Староста съ нѣсколькими поселянами принялись объяснить намъ, что мы напрасно его преследуемъ: онъ хитеръ, — онъ дядя всѣхъ здѣшнихъ крокодиловъ, — и такъ его не уходишь; а надобно удить его. Если для этого мы пожелаемъ имъ лопатку баранины, то, *иншаллахъ*! «по милости Аллаха», къ вечеру они его поймаютъ. Этотъ родъ рыбной ловли чрезвычайно понравился нашимъ Англичанамъ, которые вообще большіе охотники удить, и они обѣщали поселянамъ тридцать піястровъ за «дядю». Приготовленія были сдѣланы въ нѣсколько минутъ: изъ лагеря принесли большой кусокъ мяса; Берберы отыскали большой желѣзный гвоздь, согнули его, привязали къ длинной веревкѣ изъ пальмовыхъ волосъ, продѣли въ баранину и бросили въ рѣку. Въ Англіи, рыбная ловля сдѣлалась однимъ изъ пріятнѣйшихъ удовольствій свѣтской жизни: составляютъ неболь-

шія общества изъ десяти и болѣе человекъ мужчинъ и молодыхъ женщинъ, и ѣдутъ лѣтомъ на отдаленныя рѣки и озера, въ живописныя мѣста Шотландіи или Ирландіи, по-времени даже въ Норвегію, — удить рыбу. Занимательность этихъ кочевыхъ эпизодовъ длинной мелодрамы осядлаго быта увеличивается маленькими приключеніями дороги, забавными случаями на-мѣстѣ, наблюденіями надъ странною и нравами жителей, веселостью и остроуміемъ самихъ рыбаковъ и милыхъ рыбачекъ. Воротясь въ столицу кто-нибудь изъ общества, опишетъ все это съ своими примѣчаніями, и публика получитъ милую и умную книгу: такимъ образомъ возникъ тамъ особый, очень пріятный родъ легкой литературы, Angling Literature, «Рыболовная Словесность», которой нѣтъ у другихъ народовъ. У насъ столько создателей, которые все создаютъ, подражая, — а никто не подумаетъ о созданіи Русскаго рыболовнаго романа. Пора, пора удить и намъ! Вотъ я сдѣлаю предложеніе охотникамъ до веселой жизни: вмѣсто того, чтобъ ѣхать на дачи, соберемтесь нынѣшней весною человекъ двадцать, тридцать, дамъ и мужчинъ, и отправимся въ Верхній Египетъ удить крокодиловъ. По возвращеніи, мы напишемъ книгу, и будемъ удить читателей. Надобно жъ сдѣлать начало!

Намъ нѣкогда было наблюдать далѣе за удою нашихъ Берберовъ: входъ во храмъ достаточно былъ уже расчищенъ, и всѣ мы бросились взбираться на сугробъ. Но они поймали его часа черезъ два.

Сиръ Генри, какъ предводитель, и лордъ Д-чи первые вошли въ отверстіе. За ними, миссъ Марія и мистрисъ У-ѐ. С*** подавъ рукупослѣдней, я имѣлъ удовольствіе поддерживать ея робкую воспитанницу въ многотрудномъ бореніи съ сыпучимъ пескомъ, осу-

вавшимя подъ нашими ногами и въ которомъ мы часто погружались по колѣни. Прочіе ползли за нами. Приходилось падать и приподниматься почти на каждомъ шагу, и, когда приподнимаясь, упирались мы рукою въ песокъ, она вязла въ немъ глубже ногъ, и увлекала насъ въ новое паденіе. Это мучительное шествіе сопровождалось общимъ хохотомъ, который издали гремѣлъ глухимъ эхомъ въ пустынномъ святилищѣ Озириса. Толщина стѣны образуетъ въ дверяхъ довольно длинный корридоръ; свѣтъ, вторгающійся снаружи, постепенно въ немъ ослабѣваетъ, и глаза ваши, раздраженные солнечнымъ блескомъ, наполняются чернымъ мракомъ. Мы были вдругъ застигнуты совершенною темнотою, и ошупью брели въ песокъ, часто ударяясь головами въ потолокъ глубокой двери, какъ вдругъ послышалось подлѣ пронзительное—Ай!!!!... Прежде чѣмъ я постигъ смыслъ этого междометья, миссъ Марія произнесла другое—Ай! Мы отнюдь не подумали о томъ, что песчаный холмъ, заваливающій двери, долженъ имѣть внутри храма опасную покатость, и не знали, что уже стоимъ на краю пропасти. Песокъ вдругъ обрушился лавиною подъ прелестною Англійскою ножкою моей спутницы, которая крѣпко, обѣими ручками, держалась за мою руку; она упала на меня бокомъ, я опрокинулся навзничъ, и мы сперва поѣхали внизъ вмѣстѣ, накучѣ песку, потомъ покатались по одиначкѣ по стремительному скату внутренней части сугроба. Слава Богу, что было темно. Ушибиться тутъ невозможно, потому что полъ первой залы усыпанъ очень далеко пескомъ, который чрезвычайно мягокъ и пріятенъ при вставаніи.

Всѣ, шедшіе за нами, подвергались тому же приключенію, и громкій смѣхъ стоявшихъ уже на земли, который потолоки зданія повторяли грубымъ пещернымъ басомъ, знаменовалъ каждое новое низверженіе

путешественника. Археологи падали съ потолка храма какъ груши съ дерева. Наконецъ упалъ Б-къ, и представленіе кончилось. Въ отверстіи начали появляться Берберы, которые, зная мѣстоположеніе, спускались оченъ покойно. Теперь они были въ рубашкахъ.

Удивленіе наше росло, по мѣрѣ того, какъ зрачки, сжатые первымъ впечатлѣніемъ темноты, расширялись и привыкали къ мраку. Мы очутились посреди грозной толпы великановъ! Два ряда черныхъ колосовъ, выстроенныхъ вдоль зданія по сторонамъ входа, опертыхъ объ огромные пиластры, поддерживающія потолокъ величественной палаты, производятъ здѣсь неописанное дѣйствіе надъ зрителемъ. Ни какая кисть не въ состояніи дать понятія о волшебствѣ этого зрѣлища. Въ глубинѣ храма господствуетъ темнота. Въ отверстіе, прорытое высоко въ дверяхъ, мчится волна яркаго цвѣта, насыщенная бѣлизною песка, и свѣтистыми брызгами раздражается объ это могучее каменное народонаселеніе, которое достойно родиться и обитать только въ нѣдрахъ горы. Одна сторона колоссовъ освѣщена полуденнымъ днемъ, другая залита самою черною ночью. Сложенныя на груди руки, въ которыхъ держатъ они обыкновенныя эмблемы Озириса, придаютъ имъ выраженіе священнаго смиренія, какъ-бы напоминающаго зрителю о присутствіи божества въ храмѣ. Вамъ становится страшно между этими неподвижными незнакомцами, въ этой борьбѣ дневнаго свѣта съ таинственнымъ, зловѣщимъ мракомъ, въ этой тишинѣ, одаренной такимъ громкимъ эхомъ: вы приказываете подать факеловъ, — и вы все потеряли. Тогда видите вы только извалный камень. Тогда вы разсматриваете барельефныя картины, которыми покрыты стѣны, считаете отдѣленія подземнаго чертога, удивляетесь его обширнымъ заламъ, — пожалуй, можете даже ихъ измѣрить. Вы будете знать навѣрное, что онъ больше всего вамъ извѣстнаго; но

это знать каждый, читающій книги. Вы станете искать любопытнаго въ подробностяхъ, чудесъ по угламъ, и потеряете единственное чудо, какое есть въ Эбсамбуль,—это его освѣщеніе. Если когда-нибудь вамъ случится быть въ этомъ удивительномъ памятникѣ, послушайте меня, не зажигайте факеловъ,—смотрите на него только при свѣтѣ, быющемъ изъ поры, которую Нубійцы для васъ пророкоутъ, и, наполнивъ взоры этимъ видомъ, утѣжайте скорѣе, чтобъ на васъ не нашла охота разстроить волшебство мелочнымъ любопытствомъ. Тогда у васъ останется въ душѣ на всю жизнь единственная картина чудеснаго жилища духовъ, представленіе фантастическое, высокое, невообразимое, которое будетъ ваша исключительная собственность,—потому что вы никогда не передадите ея другому ни перомъ, ни кистью.

Чтобъ вамъ не вздумалось посмотрѣть со свѣчкою, что такое находится на стѣнахъ и по угламъ зданія, и вносить нищій огонь въ эту пышную, великолѣпную темноту, я напередъ скажу вамъ, что тамъ такое. Тамъ есть десять комнатъ, расположенныхъ различнымъ образомъ вокругъ этой заколдованной залы, и ничѣмъ не примѣчательныхъ для того, кто уже знаетъ другіе Египетскіе и Нубійскіе храмы. Самая зала имѣетъ шестьдесятъ футовъ длины и тридцать вышины. Колоссы, поставленные на высокихъ пьедесталахъ, заключаютъ въ себѣ три человѣческихъ роста: числомъ, ихъ восемь, по четыре съ каждой стороны. Всѣ они одинаковы, и изображаютъ Озириса. Выходя отсюда въ двери, противоположныя входу, вы проникаете въ большую комнату, гдѣ находится жертвенникъ: потомъ прямо въ другую, или самое святилище. Тутъ сидятъ на скамьѣ рядомъ пять различныхъ истукановъ, не одинаковой величины, очень хорошо сохранныхъ. Вся длина подземнаго зданія,

отъ входа до этого мѣста, двадцать сажень. Остальныя восемь комнатъ, находящіяся по сторонамъ, совершенно пусты. Стѣны главной залы покрыты іероглифами и барельефами, изображающими воинскіе подвиги царей. Огромнаго роста герой, одѣтый кожею тигра, стоитъ на колесницѣ, и напрягаетъ лукъ, между-тѣмъ какъ пущенныя имъ стрѣлы пронзаютъ по нѣскольку крошечныхъ враговъ вдругъ: онъ беретъ приступомъ замокъ, лежащій на скалѣ; уstraшенный гарнизонъ изъ пигмеевъ, стоя на колѣняхъ, молитъ его о помилованіи; испуганный пастухъ бѣжитъ отъ него съ своимъ стадомъ. Далѣе тотъ самый молодецъ убиваетъ одного воина копьемъ, а другаго топчетъ ногами. Далѣе, схвативъ за волосы по нѣскольку миниатюрныхъ плѣнныхъ, всѣмъ имъ вдругъ отсѣкаетъ онъ головы коротенькою сѣкирою. Жрецъ стоитъ за нимъ съ жертвеннымъ ножомъ. Связанные плѣнники стоятъ за жрецомъ. Все та же исторія, которую вы сто разъ видали въ Фивскихъ дворцахъ и разныхъ храмахъ, съ тѣмъ только различіемъ, что самая масса камня, мягкая и крупнозернистая, не позволяла здѣсь художнику отличиться чистотою отдѣлки. Тѣ, которые почитаютъ подобныя картины за историческія и современныя самимъ событіямъ, обрѣтаются, я думаю, въ пріятномъ заблужденіи, изъ котораго и исторгать не должно. Ихъ повсемѣстное сходство доказываетъ, что это только принятые украшенія, общія статьи орнаментальной архитектуры, въ родѣ поэтическихъ помысловъ, красующихся на нашихъ потолкахъ, и подъ которыми жрецы или сами художники произвольно подписывали собственныя имена прежнимъ числомъ. Теперь ужъ не знаешь съ которой стороны и ударить, чтобъ поколебать мнѣніе, получившее прочность стали отъ безпрестанныхъ ударовъ молота, которымъ неразмышляюще валяютъ брошенную имъ идею: кто-то сказалъ первый, и за нимъ всѣ повто-

ряютъ, будто выдолбленные въ горахъ храмы принадлежатъ къ глубочайшей древности, и что они — первыя архитектурныя произведенія стараго міра, потому что напоминаютъ собою пещеры. Въ такомъ случаѣ, они бы должныствовали по-крайней-мѣрѣ быть похожи вѣдомъ на пещеры, а не представлять вылитую съ одного разу идею того, что разнородный трудъ, отдѣльныя художества, собираютъ отвсюду по частямъ для украшенія жилища, воздвигаемаго подъ открытымъ небомъ. Отчего находите вы во всѣхъ этихъ изсѣченіяхъ не пещерные своды, но плоскіе потолки, опертые на двухъ рядахъ пиластровъ, какъ въ Египетскихъ дворцахъ, гдѣ вся ширина потолка покрыта тремя большими плитами? Я постигаю нужду и естественное начало пиластровъ въ зодчествѣ, складывающемъ зданіе свое изъ отдѣльныхъ брусевъ, но не вижу ни какой надобности выдумывать ихъ въ долбящей архитектурѣ: вѣдь гора не обрушится отъ того, что вы, для своей залы, вынули изъ нея двѣсти кубическихъ сажень камня. Въ той самой Ливійской цѣпи есть пещеры, которыхъ пустота во сто разъ больше. Отчего окружности этихъ изсѣченій нигдѣ не являютъ круглыхъ формъ природныхъ горныхъ полостей, отъ которыхъ, какъ всѣ говорятъ, онѣ происходятъ, но прямые углы и линіи архитектуры, укрѣпляющей кубъ на кубъ и связывающей отдѣльные параллелограммы между собою? Согласитесь, что истуканы дѣлались изъ дерева и валяющихся на земли глыбъ камня, переносились съ мѣста на мѣсто, и стояли гдѣ-нибудь въ комнатахъ у пиластровъ гораздо прежде, нежели какъ человеку могла прійти въ голову сложная мысль — изваять ихъ вдругъ вмѣстѣ съ пиластрами и съ комнатою, которую хотѣлъ онъ выдолбить внутри камня. Я вижу въ идеѣ архитектуры долбящей обратный оттискъ идеи архитектуры строящей, и въ ея подробностяхъ, какъ здѣсь, такъ и въ Индіи, рабское подражаніе тому,

что уже воздвигнуто подъ открытымъ небомъ. Это отвлеченность, это роскошь, развратъ некусства, разбогатѣвшаго и поднимающагося на странныя прихоти, на диковинки, а не первые его опыты. Безъ Оивекнихъ чертоговъ ни Эбсамбуль, ни Гирше, не могли бы существовать: они бѣ не имѣли себѣ образца, чтобы изсѣчь изъ цѣльнаго куска то, что тамъ сдѣлано изъ нагроможденныхъ брусьевъ, — а это очевидно была идея строителя какъ здѣшняго храма, такъ и всѣхъ имъ подобныхъ. Поэтому я смѣю считать Эбсамбульскій памятникъ, вопреки веѣмъ возгласамъ объ его неслыханной древности, очень не многимъ древнѣе Дендеры, несмотря даже на гіероглифическія его надписи, которымъ я не вѣрю, потому что онѣ явно общія мѣста, — да притомъ, кромѣ собственныхъ именъ, мы ничего не умѣемъ разобрать въ нихъ съ достовѣрностью. Не странное ли дѣло, что этотъ чудесный памятникъ, которому нѣтъ ничего равнаго во всей Нильской долинѣ, совершенно неизвѣстенъ древнимъ писателямъ? Мы не можемъ подобрать нынѣшнему Эбсамбулу ни одного названія во всей Эѳіопской географіи. Геродотъ не зналъ его, онъ никогда объ немъ не слыхивалъ, хотя очень хорошо слыхалъ о «священномъ Тальмнѣ», который не стоитъ Эбсамбула, и который уже, за старостью лѣтъ, разрушился. Вся загадка, быть-можетъ, состоитъ въ томъ, что во времена Геродота еще его начинали.

Но оставимъ это: въ храмъ такъ жарко, что нельзя выдержать. Жара этого подземелья превосходитъ даже духоту пирамидъ въ Джизе; и паръ Русской бани показался бы въ сравненіи съ нею суровымъ стѣвернымъ климатомъ. Потъ лился изъ насъ потокомъ. Я хотѣлъ срисовать внутренней видъ чертога, освѣщеннаго факелами: нѣтъ возможности! Наклеенная на доску бумага была въ одно мгновеніе потоплена крупными каплями пота. Миссъ Марія, которая прелестно ри-

сова, принялась также за карандашъ, и онъ выпалъ тотчасъ изъ ея розовыхъ пальчиковъ, лишившихся упругости. Многіе другіе пытались сохранить въ своихъ альбомахъ собственноручный очеркъ зрѣлища, приводившаго ихъ въ такое восхищеніе, и принуждены были оставить. Наши живописцы сдѣлали для насъ кой-какіе «Внутренніе виды Эбсамбула». Впоследствии, я видѣлъ множество рисунковъ, подъ которыми эти слова были подписаны, и ни на одномъ не узналъ предмета. Мы блуждали по обширному зданію, осматривая съ огнемъ всѣ стѣны. Мистеръ Солмонъ давно уже наплевалъ и ушелъ. Бѣдный Б — къ упалъ въ обморокъ. Лордъ Д — и едва тащился. Спръ Генри, мужчина дородный и полнокровный, лежалъ на пескѣ, пыща и восхищаясь.

Староста, покуривая свою коротенькую трубку, съ важностью подошелъ къ Его Милости, и началъ толковать ему что-то съ сильнымъ убѣжденіемъ. Тотъ не понималъ его, и звалъ своего переводчика. Многіе собрались съ любопытствомъ вокругъ блѣднаго и измученнаго лорда, который былъ въ большомъ затрудненіи.

— *Non star bono, мусью! Мушу тайебъ! Харръ шедидъ! Мушу тайебъ!.....*

— Что онъ говоритъ? Чего этотъ болванъ хочетъ?.....

— *Харръ шедидъ, signor!*

— Да что такое онъ толкуетъ? Гдѣ жъ переводчикъ?..... Джованни! Джованни!

— *Мушу тайебъ! Харръ шедидъ! Тетмаррадъ. Биддакъ бтензаа этъ тоубъ, эль камисъ.*

— Джованни! Джованни! Ахъ, вотъ вы здѣсь очень кстати! сказалъ мнѣ лордъ, увидѣвъ, что я присоединился къ ихъ купъ. Объясните, Бога ради, объ чемъ онъ хлопочетъ.

— Онъ говоритъ, что здѣсь очень жарко; что это не

хорошо, — вы будете больны, милордъ. Онъ вамъ крайне совѣтуетъ, чтобы вы.....

— Ну, что такое?

— Чтобы вы скинули платье и рубашку.

Всѣ расхохотались, и самъ лордъ не могъ удержаться отъ смѣха. Мудрый староста прекрасно догадался, къ кому обратиться съ совѣтомъ!

Однако жъ наставленія его не были для насъ безполезны. Онъ увѣрялъ насъ, что, вышедъ отсюда, мы простудимся на воздухъ, какъ бы ни было жарко на дворѣ. Мы послали въ палатки за шинелями, и предосторожность оказалась очень умѣстной. Тѣ, которые не послѣдовали нашему примѣру, продрогли при 25° Реомюра. Въ Нубин, привыкшіе къ одеждѣ, одѣваются ночью въ шубы, хотя тамъ никогда не бываетъ меньше 12° тепла.

Для перваго разу было довольно. Въ пять часовъ мы начали расходиться. Севъ, окруженный нѣсколькими человѣками путешественниковъ, рассказывалъ имъ на берегу Нила какую-то исторію, которая ихъ сильно тѣшила.

— Что такое, Севъ? Что такое? Расскажи, пожалуй.

— Мы толковали о Д — чи и его невѣсть. Я все узналъ. Кажется, что они очень не понравились другъ другу. По-крайней-мѣрѣ, она приняла его холодно, и это его взбѣсило. Онъ примѣтилъ, что Л — нъ за ней приволакивается, и что она его не отвергаетъ... Мать сказала еще какую-то глупость, и Д — чи крайне не доволенъ.

Такъ что жъ? Вотъ ты вчера хотѣлъ на ней жениться: теперь и дѣло въ шляпѣ. Предложи ему сдѣлку.....

— Ба! Я не дуракъ. Л — нъ не въ шутку въ нее влюбился, и просидѣлъ у ней вечеръ, когда мы уже спали. Этотъ юноша очень нравится и матери и дочери: такъ тутъ ужъ я не совайся. Да Богъ съ ними!.... Вотъ

о чемъ мы смѣялись: пріятель нашего Д—чи хочетъ скорѣе здать ихъ жениху и ѣхать далѣе, а Д—чи, которому она не понравилась по всѣмъ вышесказаннымъ причинамъ, разсердился на него за то, что онъ привезъ ихъ сюда, и объявилъ ему, что онъ можетъ везти ихъ, куда угодно. Д—чи, вы знаете, упрямъ. Пріятель въ отчаяніи! Онъ говоритъ, что броситъ ихъ здѣсь на берегу, и уѣдетъ.

— Какъ? Неужто?

— Ну, этого не будетъ! Разумѣется, что Д—чи долженъ взять ихъ съ собою. Въ нужномъ случаѣ, я самъ вступлюсь за этихъ бѣдныхъ женщинъ. Нельзя жъ бросать ихъ здѣсь, отдавать бѣленькую, пригожую дѣвушку на съядѣніе этимъ чернымъ уродамъ. Однако жъ это любопытно!.... А она, право, красавица!... Но что мы здѣсь толкуемъ? Въдь я одинъ изъ распорядителей обѣда: милостивые государи, прошу собираться ровно въ половинѣ шестаго, я иду дѣлать вамъ салатъ изъ индиго.

Мы пошли перемѣнить бѣлье и очистить себя немного отъ песку и отъ сажи, которою покрылись, присвѣчивая себѣ факелами. Въ половинѣ шестаго собралось все общество. Три большія палатки были соединены вмѣстѣ, и образовали столовую. Обѣдъ, благодаря искусству повара лорда Д—и и заботливости распорядителей, былъ превосходный, — обѣдъ эклектическій, — энциклопедическій, — столько же примѣчательный по выбору блюдъ Европейскихъ, Азіятскихъ и Африканскихъ, сколько по составу общества, мѣсту, въ которомъ происходилъ, и искренней веселости, царствовавшей во все его продолженіе. У насъ были бифтекъ изъ газели, жаренныя горлицы, и на десертъ, кромѣ свѣжихъ, превосходныхъ финиковъ, благовонныя Нубійскіе бананы, — гастрономическія рѣдкости, въ которыхъ самъ Апицій могъ бы намъ позавидовать. Севъ господствовалъ за столомъ: его десертъ

ный характеръ ярко сіялъ уже до жаркаго, и вернулся въ полной силѣ своей проказливости, когда досталъ онъ въ руки неоткупоренную бутылку съ шампанскимъ.

— Ахъ, сударыня! вскричалъ испуганный сосѣдъ миссъ Марін, порываясь со стула: по вашему платью бѣгаетъ скорпіонъ.

Она хотѣла вскочить тоже, но сиръ Генри схватилъ ее за руку, и приковалъ къ мѣсту, произнеся повелительнымъ голосомъ: — Не трогайтесь, сударыня!

— Не шевелитесь, сударыня! отозвались уstraшенные голоса съ разныхъ сторонъ стола. Бога ради, сидите покойно! Если вы сдѣлаете малѣйшее движеніе, онъ тотчасъ васъ ужалитъ! Позвольте ему бѣгать!

Многіе оставили свои мѣста, и столпились около ея стула. Отчаяніе отца, ужасъ Г-жи У — ё, были раздирающи. Всѣ старались ихъ успокоивать и ободряли мужество бѣдной дѣвушки, которая измѣнялась въ лицѣ, дрожала всѣмъ тѣломъ. Послушная наставленіямъ собесѣдниковъ, она сидѣла неподвижно какъ Эбсамбульскій идолъ, но когда отвратительное животное съ рукава взбѣжало на ея шею, когда она ощутила на своей шѣжной кожѣ быстрое и холодное прикосновеніе тонкихъ ногъ опаснаго гада, лице ея сдѣлалось синю, ледовитаго цвѣта, глаза наполнились слезами, дыханіе пресѣклось на набѣлѣвшихъ устахъ. Съ шепъ скорпіонъ направилъ путь свой на другой рукавъ, по которому промчался онъ на руку омертвѣлой страдальницы, лежавшую на столѣ. Тутъ его одинъ изъ пасть ловко накрылъ стаканомъ.

— Онъ плѣнникъ! — Вы героиня! — Вы спасены единственно вашей твердостью! — Поздравляемъ васъ, сударыня, вы избѣгнули ужаснаго приключенія.

Она ожила, и мало-по-малу розовая кровь начала сверкать въ жилкахъ ея блѣднаго, миленькаго личика. Радость родителя была выше всякаго описанія.

Мистриссъ У — ѣ обнимала ее, и плакала. Обыскали весь шатеръ, чтобъ удостовѣриться, нѣтъ ли гдѣ гнѣзда скорпионовъ. Но мѣсто подь ставкою и ея окрестности были совершенно чисты и безопасны. Вѣрно кто-нибудь принесъ гостя изъ храма въ складкахъ своего платья. Это замѣчаніе возвратило умамъ спокойствіе и обычную беззаботность: впрочемъ въ Нубіи нечего обращать вниманія на скорпионовъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста. Севъ опять взялъ бутылку въ руки, и началъ ловко обрѣзывать проволоку, сопровождая это дѣйствіе своими прибаутками и проводя испытующій взоръ по лицамъ всѣхъ обѣдающихъ. Глаза его, казалось, остановились на бывшемъ съ нами квакрѣ, который сидѣлъ въ другомъ концѣ стола, и не трогался съ мѣста во все время суматохи, какъ-будто ни опасность, ни избавленіе дѣвушки, все до него не касались. Хладнокровный Американецъ разсматривалъ съ большимъ вниманіемъ рисунокъ попавшей ему тарелки. Французскій гусаръ все болталъ и мастерилъ подь столомъ бутылку.

— Пафъ!

— О? вскричалъ испуганный гражданинъ Новаго Свѣта.

— Извините, сударь! сказалъ Севъ. Я въ отчаяніи отъ своей неловкости.

Быстрѣлившая пробка пошла прямо въ носъ безчувственному квакру. Онъ былъ ошеломленъ неожиданнымъ ударомъ, и представлялъ самую потѣшную фигуру среди хохочущихъ гостей. Тѣ, которымъ искусство Сева было извѣстно, съ радостью растолковали миссъ Маріи, что она имъ отомщена.

— Здоровье миссъ Маріи!

Тостъ былъ принятъ съ восторгомъ, и осушенъ съ тѣмъ наслажденіемъ, какое поражается только общимъ живѣйшимъ участіемъ въ особѣ и мыслию — вкушать шампанское въ Нубіи. Вторая рѣмка, по пра-

ву, принадлежала чувству благодарности, и была посвящена Г-пу Д-чи. Дамы хотѣли удалиться.

— Минутку, сударыни! вскричалъ сирѣ Александръ С***. За страхъ, который вы испытали, должны вы по-крайней-мѣрѣ насладиться забавнымъ зрелищемъ, и быть свидѣтельницами самоубійства. Эй, жаровню!

Миссъ Марія смотрѣла на него въ остоленіи, но оно было непродолжительно. Припесли жаровню, построили на тарелкѣ круглый валъ изъ красныхъ горящихъ угольевъ, вынули виновника ея страха изъ-подъ стакана и положили его въ середину. Тѣсная площадка, обведенная огненною стѣною, была теперь его узникомъ. Жаръ сильно дѣйствовалъ на него отовсюду. Скорпіонъ долго ходилъ по кружку, и, не видя средствъ къ побѣгу, сталъ предаваться отчаянію. Безславная смерть ожидала его въ этомъ мѣстѣ: ему предстояло быть сжареннымъ, и онъ рѣшился на великую мѣру. Вооружась философіей Вертера, онъ распустилъ кольца своего хвоста, приподнялся, и произвелъ себя въ грудь ядовитымъ жаломъ. Онъ упалъ замертво. Миссъ Марія была тронута его великодушіемъ, и уходя, сказала намъ, что мы жестоки. Женщины готовы плакать и о несчастномъ скорпіонѣ.

Смерть его подала поводъ къ большой диссертациі о скорпіонахъ, исцѣлахъ, и искусствѣ нѣкоторыхъ Пубійцевъ лечить отъ уязвленія этимъ гадомъ. Во времена Геродота такіе врачи были очень многочисленны. Но во времена Геродота, для каждой болѣзни былъ особый врачъ, и онъ говоритъ, что доктора составляли почти половину Египетскаго населенія.

— Господа! вскричалъ кто-то: мы всѣ были въ Египтѣ, и многіе изъ насъ конечно издадутъ свои наблюденія. Мы нынче чрезвычайно просвѣщены и учены. Мы большіе писакни. Но кто изъ насъ въ состояніи написать такое дѣльное, занимательное, превосходное

путешествіе по Египту, какова вторая книга Геродота, «Евтерпа»?

Одинъ изъ натуралистовъ улыбнулся.

— Вы напрасно улыбаетесь, съ жаромъ сказалъ сиръ Александръ: Геродотъ былъ первый естествоиспытатель и геологъ, какъ первый историкъ и антикварій, и его система физическаго строенія Египта право не хуже всѣхъ системъ нынѣшней Геологіи.

— За здоровье Геродота Галикарнасскаго, отца всѣхъ Египетскихъ путешественниковъ!

Севъ схватилъ бутылку. Пробка попала въ лобъ натуралисту.

— За здоровье Геродота!

— Визать, Геродотъ, умнѣйшій изъ путешественниковъ!

— Нур, нур, нур, нуртггаааа!

Оба берега Нила прогремѣли шумнымъ тостомъ, черезъ двадцать два столѣтія провозглашеннымъ въ честь челоуѣку, безвѣстному въ Греціи, въ свое время непримѣченному въ Египтѣ, и котораго каждый шагъ въ этой странѣ сдѣлался лучемъ свѣта для отдаленнаго потомства, каждое слово спасло или низвергло какую-нибудь славу. Это волшебное могущество ума, владѣющаго литературными орудіями, заслуживало рюмки шампанскаго, послѣ которой лордъ Д—и и многіе другіе путешественники вышли изъ шатра гулять по полямъ. Остались только пріатели и знакомцы снѣора Д—чи, которымъ дружба къ нему давала большее право на его бутылки. Бокалы долго еще шипѣли огненною влагою, — единственнымъ напиткомъ, которымъ умственной образованности напиться не стыдно.

— Д—чи! сказалъ сиръ Генри, одушевленный дивною веселостію: чортъ возьми, да мы забываемъ тость, который всѣхъ важнѣе. Какъ же это мы не пи-

ли за здоровье одной особы, которая, говорятъ, очень близка вашему сердцу?

— Моему сердцу? Какая жъ это особа? спросилъ Д-чи.

— Полно притворяться, сказалъ С***. Всѣ знаютъ, что сюда прѣѣхала ваша невѣста.

— Эти двѣ таинственныя Италіянки, сказалъ М-къ.

— Какая она моя невѣста! Перестаньте, Бога ради.

— Однако жъ, сказалъ Севъ, она! вмѣстѣ съ вами поѣдетъ отсюда въ Каиръ.

— Со мной? Кто вамъ сказалъ это? Отнюдь не сомной.

— Такъ съ кѣмъ же?

— Рег Вассо! Пусть ѣдетъ съ кѣмъ угодно.

— Знаете ли, синьоръ Д-чи, сказалъ М-къ, что если вы предоставляете ихъ кому угодно, такъ между нами найдется много охотниковъ, готовыхъ предложить имъ мѣсто на своемъ суднѣ. Мы имѣли удовольствіе встрѣтить ее поблизости этого мѣста, возвращаясь изъ храма: она очень хороша собою.

— Что, вы изъ числа этихъ охотниковъ? сказалъ Д-чи.

— Почему знать! сказалъ М-къ. Я готовъ подняться на великій подвигъ вѣжливости, и уступить имъ свою каюту, чтобъ только пользоваться всю дорогу сообществомъ такой миленькой спутницы.

— Ну, такъ рѣшитесь.

— Извольте! Я готовъ. Вы уступаете мнѣ свои права?

— Я ни какихъ правъ не имѣю. Но вы мнѣ окажете большую услугу. Мой пріятель, который привезъ этихъ дамъ сюда, Богъ знаетъ за чѣмъ, навязываетъ мнѣ ихъ, а у меня на баркѣ даже нѣтъ для нихъ мѣста.

— Ого, господа! сказалъ Севъ. Вы рѣшаете дѣло слишкомъ скоро. Я не вижу, почему другіе будутъ исключены изъ права сдѣлать одолженіе Г-цу Д-чи и доказать свою вѣжливость къ дамамъ.

— Безъ-сомнѣнія! вскричали многіе, смѣясь.

— Такъ учредить конкурсъ дляохотниковъ, сказалъ сиръ Генри.

— Я на все согласенъ, сказалъ Д-чи.

— Ежели дѣлать глупости, такъ ужъ дѣлать ихъ основательно! вскричалъ Севъ. Я надѣлалъ ихъ много въ свою жизнь, и знаю весь порядокъ. С***, давай свою фуражку! Мы тотчасъ разыграемъ ихъ въ лотерею.

— Браво, Севъ!

— Хорошо! въ лотерею!

— Вотъ карандашъ и бумага, сказалъ сиръ Александръ, вынимая изъ кармана портфель, въ которомъ находились бумажки, приготовленныя для записыванія отѣтокъ въ путешествіяхъ. Пишите имена. Сиръ Генри, хотите ли участвовать?

— Пожалуй. Я знаю, что я не выиграю. Я ужасно несчастенъ.

Д-чи взялся самъ писать билеты, по среди шума и смѣха.

— Кто болѣе?

— Я! — Я! — Я! — И я!

— Пять человѣкъ.

— Д-чи долженъ взять билетъ тоже.

— Извольте.

— Шесть человѣкъ. Хорошо! Теперь написать на одной бумажкѣ названіе разыгрываемой вещи. Какъ имя?

— *Italiana in Algieri!*

— Ха, ха, ха, ха!

— Нѣтъ, пишите *Italiana in Nubia.*

— *Italiana in Nubia! Italiana in Nubia!*

— Но тотъ, кто выиграетъ, не имѣетъ права отказаться.

— Да! да!

С*** смѣшалъ билеты, и поднесъ ихъ въ двухъ фуражкахъ сиръ Генри С-ту. Тотъ вынулъ бумажку

изъ одной урны, и — прочиталъ вслухъ свое имя. Любопытство предстоявшихъ возрасло до высочайшей степени, когда онъ, положивъ руку во вторую фуражку, долго размѣшивалъ въ ней билеты. Наконецъ онъ вынулъ одинъ свитокъ, развернулъ его и расхохотался.

— Что такое? что такое?

— *Italiana in Nubia!*

— Браво! браво!

И общій взрывъ веселости возбужденной столь страннымъ случаемъ, заключилъ эту лотерею, которая сама по себѣ была еще страннѣе случая, ниспославшаго важному дипломату, глубоко-ученому антикварію, двухъ предприимчивыхъ Итальянокъ, изъ которыхъ одна молодая и хорошенькая.

— А вы говорили, сиръ Генри, что вы несчастливый?

Д-чи! сказалъ онъ: надѣюсь, что вы по-крайней-мѣрѣ представите меня моему вынгрышу.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Шампанскаго!

Это обстоятельство доставило намъ на весь вечеръ обильный предметъ разговоровъ и соображеній. Мы пробыви еще три дня въ Эбсамбуль, занимаясь изученіемъ подробностей большого и меньшаго храмовъ, списываніемъ видовъ, вырѣзкою нашихъ именъ на орбитѣ глаза одного изъ наружныхъ колоссовъ, охотою и бесѣдою.

На третій день, поутру, встрѣтили мы Сиръ Генри С-та гуляющего при рѣкѣ съ дамою въ черномъ левантиновомъ плащѣ, и съ черною вуалью на головѣ.

— Вы еще долго здѣсь пробудете, сиръ Генри?

— Имѣю честь представить вамъ мою супругу, отвѣчалъ онъ. Надѣюсь, господа, что вы будете у насъ на свадьбѣ, въ Каирѣ?

— Ну, онъ рѣшительно несчастливъ въ лотарей! сказалъ сиръ Александръ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТАРИКЪ ГОРЮ.

НОВѢЙШЕЕ СОЧИНЕНІЕ Г. ВАЛЬЗАКА.

Часть вторая.

Къ концу той же недѣли, Растиньякъ получилъ два письма, одно отъ матери, другое отъ старшей сестры. Они заставили его затрепетать и съ радости и со страху. Въ этихъ двухъ бумажкахъ заключался приговоръ на жизнь и на смерть всѣхъ надеждъ его, всей его будущности. Дрожащими руками распечаталъ онъ письмо отъ матери: она уведомляла, что отправила съ дилижансомъ тысячу двѣсти франковъ, о которыхъ просилъ Евгеній, и рассказывала, какихъ трудовъ стоило ей, бѣдняжкѣ, собрать эти деньги, даже при содѣйствіи доброй его тетки.

Растиньякъ заплакалъ. Онъ вспомнилъ о Горіо, который ломалъ свое серебро, чтобы уплатить дочернинъ вексель.

— Твоя мать тоже изломала серебро свое! Тетка твоя продала свои старинныя, священные для нея вещи! Какое же право имѣешь ты проклинать Анастасію? Ты сдѣлалъ для своей себялюбивой будущности то же самое, что она для своего любовника! Кто же изъ васъ лучше? Ты, или она?

Вся внутренность Растиньяка горѣла. Онъ хотѣлъ уже отказаться отъ большаго свѣта, отослать назадъ деньги. Онъ

испытывалъ тѣ благородныя, тайныя угрызенія совѣсти, которыхъ люди не умѣютъ цѣнить, судя о себѣ подобныхъ, но за которыя ангелы небесные оправдываютъ иногда преступниковъ, осужденныхъ на землѣ.

Растиньякъ распечаталъ письмо сестры и веселыя, милыя выраженія этого письма освѣжили его сердце. Лора забавно и простодушно описывала, какъ онъ съ сестрою обрадовались, что могли отдать ему сбереженные ими деньги; какъ онъ хитрили, чтобы, потихоньку отъ матери, снести свои триста пятьдесятъ франковъ въ контору дилижансовъ: затѣмъ слѣдовали ихъ желанья, надежды, мечты о блестящей будущности любимаго ихъ брата, и прочая.

— О, да! сказалъ самъ себѣ Евгеній: во что бы то ни стало, я долженъ добиться блестящей будущности и богатства! Ни какія сокровища не заплатятъ за эту преданность. Лора совѣтуетъ мнѣ сшить на ея деньги бѣлье, она права: у меня бѣлье такое толстое. Странное дѣло! для счастья другаго дѣвушка становится хитрѣе вора. Невинная для себя, она предусмотрительна для меня. Милая моя! она какъ ангелы, которые прощаютъ земные проступки, не постигая ихъ.

Растиньякъ воображалъ, что уже весь свѣтъ принадлежитъ ему. Онъ призывалъ портнаго, испыталъ, завоевалъ его. Увидѣвъ Г. Траля, онъ постигъ, какое вліяніе имѣетъ портной на жребій молодаго человѣка. Тутъ нѣтъ середины: портной или смертельный врагъ, или благодѣтельный другъ, посланный намъ судьбою. Евгеній, къ счастью, попалъ на художника въ своемъ родѣ, на человѣка, который постигалъ всю важность своего назначенія и почиталъ себя рѣшителемъ будущности молодыхъ людей. Зато благородный Растиньякъ прославилъ этого портнаго одною изъ тѣхъ острогъ, на которыя онъ впоследствии былъ такой мастеръ.

— Я знаю два его фрака, говаривалъ онъ, которые женились на двадцати тысячахъ годового дохода.

Полторы тысячи франковъ и полный гардеробъ! Съ этимъ нашъ Ангудемецъ не боялся уже ничего на свѣтѣ, и пошелъ завтракать съ тѣмъ невыразимымъ видомъ, который принимаетъ на себя студентъ, когда у него есть деньги.

Черезъ нѣсколько минутъ явился въ столовую артель-

щикъ изъ конторы дилижансовъ, и подалъ Растиньяку два мѣшка съ деньгами и разсылную книгу. Вотренъ бросилъ на него взглядъ, который какъ кнутъ обвился вокругъ Евгенія.

— Теперь вамъ будетъ чѣмъ заплатить за уроки фехтованья и стрѣлянья, сказалъ онъ.

— Ого! видно корабли пришли, сказала Г-жа Вокè, взглянувъ на мѣшки.

Дѣвица Мишонò не смѣла посмотреть на деньги, боясь обнаружить свою жадность.

— У васъ, видно, добрая матушка, сказала Г-жа Кутюръ.

— У васъ добрая матушка, сказалъ Г. Поарè.

Умъ Г. Поарè состоялъ въ томъ, что онъ переводилъ послѣднія слова того, кто говорилъ передъ нимъ.

— Да видно маменька-то собрала послѣднія свои крохи! сказалъ Вотренъ. Теперь вы можете дурачиться сколько угодно, отличаться въ большомъ свѣтѣ, искать приданыхъ, и танцовать съ графинями. Только послушайте меня, Г. Растиньякъ, учитеcь стрѣлять!

И, говоря это, онъ прицѣпился.

Растиньякъ хотѣлъ дать на водку артельщику, но не нашелъ въ карманѣ у себя ничего. Вотренъ бросилъ франкъ посыльному, и сказалъ Евгенію:

— Теперь вамъ можно повѣрить въ долгъ.

Растиньякъ принужденъ былъ поблагодарить его, хотя съ тѣхъ поръ какъ они поспорили за обѣдомъ о старикѣ Горіо послѣ разговора Евгенія съ Г-жею Босеанъ, этотъ человѣкъ сталъ ему несносенъ. Всю недѣлю они почти не говорили между собою, и молча другъ друга наблюдали.

Голова Растиньяка была одна изъ тѣхъ, которыя всегда наполнены порохомъ, и производятъ взрывъ при первой искрѣ. Умственное его зрѣніе было также ясно и дальновидно, какъ и его рысьи глаза. Притомъ, въ послѣдніе нѣсколько дней, въ немъ развилось множество новыхъ качествъ, дурныхъ и хорошихъ. Дурныхъ требовали отъ него свѣтъ и постепенное исполненіе его возрастающихъ желаній. Въ числѣ хорошихъ его качествъ, была та полуденная живость, которая заставляетъ человѣка лѣзть прямо на преграду,

чтобы сокрушить ее, и не позволяет уроженцу за-Луарскому оставаться въ недоумѣніи или нерѣшимости: жители сѣвера почитаютъ это качество недостаткомъ, помня, что хотя оно послужило къ возвышенію Мюрата, но оно же было и причиною его гибели. Если сынъ полудня умѣетъ присоединить хитрость сѣвернаго Француза къ дерзости ладдзарона, онъ дѣлается императоромъ Французовъ. Ясно, что Растиньякъ не могъ долго оставаться подъ выстрѣлами батарей Вотрена, не добившись, другъ онъ ему или недругъ. По-временамъ, ему казалось, что этотъ человѣкъ проникаетъ всѣ его страсти и безъ запинки читаетъ въ его сердцѣ, между-тѣмъ какъ у него самого все такъ хорошо закрыто, что онъ походилъ на сфинкса, который все знаетъ и ничего не говоритъ. Евгенийъ безъ денегъ терпѣлъ. Евгенийъ съ деньгами сталъ мятежникомъ.

— Подождите немножко, сказалъ онъ Вотрену, когда тотъ, допивъ свой кофе, всталъ, чтобы итти.

— Зачѣмъ? спросилъ Вотренъ, надѣвая свою шляпу съ широкими полями, взявъ свою желѣзную палку, и помахивая ею какъ человѣкъ, который не побоялся бы и полдесятка разбойниковъ.

— Я расплачусь съ вами, отвѣчалъ Растиньякъ, поспѣшно развязавъ одинъ мѣшокъ и отсчитавъ Г-жѣ Вокè сто сорокъ франковъ за столъ и за квартиру.

— Деньги счетъ любятъ, сказалъ онъ ей. Потрудитесь, сударыня, размѣнять мнѣ эти пять франковъ. Я хочу уплатить долгъ Г. Вотрену.

— Счетъ деньги любятъ, повторилъ переводчикъ Поарè, поглядѣвъ на Вотрена.

— Вы какъ-будто боитесь быть мнѣ обязаннымъ! вскричалъ Вотренъ, запустивъ въ душу Евгения испытующій взоръ свой и бросивъ на него одинъ изъ тѣхъ насмѣшливыхъ, Діогенскихъ взглядовъ, которые уже неразъ его бѣснли.

— Да, боюсь! отвѣчалъ Растиньякъ, собираясь итти съ мѣшками въ свою компанію.

Вотренъ поспѣшно вышелъ въ дверь, ведущую въ гостиную, а Растиньякъ пошелъ въ другую, которая изъ столовой вела на лѣстницу. Они встрѣтились въ сѣняхъ.

— Знаете ли, милостивый государь, маркизь Растиньякъ, что вы отвѣчали мнѣ не совсѣмъ учтиво! сказалъ Вотренъ, подойдя къ студенту, который холодно посмотрѣлъ на него.

Растиньякъ затворилъ дверь столовой, и сказалъ ему: Господинъ Вотренъ, я не маркизь! Я говорилъ вамъ, что я не маркизь! Я не люблю шутокъ.

— Они пошли драться, сказала мамзель Мишонъ равнодушно.

— Пошли драться, повторилъ Поарѣ.

— О, нѣтъ! сказала Г-жа Вокѣ, пересчитывая свои деньги.

— Однако жъ они пошли въ садъ! вскричала Викторина, вставъ, чтобы посмотрѣть въ окно. А между-тѣмъ этотъ бѣдный молодой человекъ правъ!

— Пойдемъ въ нашу комнату, моя милая, сказала Г-жа Кутюръ: это до женщинъ не касается.

Тутъ Вотренъ вошелъ въ столовую.

— Не пугайтесь, сказалъ онъ Г-жѣ Вокѣ, если услышите выстрѣлъ. Я хочу попробовать въ саду мои пистолеты.

— Ахъ, не убивайте Евгенія! вскричала Викторина, сложивъ руки.

Вотренъ отступилъ на два шага, и внимательно посмотрѣлъ на нее. Онъ уже перазъ замѣчалъ нѣжные взгляды, которые бѣдная дѣвушка украдкой бросала иногда на Растиньяка.

— Вотъ новость! вскричалъ насмѣшливымъ голосомъ, который привелъ ее въ краску. Авдѣ онъ не дурень? не правда ли? Постойте, моя милая, мнѣ хорошая мысль пришла въ голову: я обоихъ васъ осчастливорю!

Г-жа Кутюръ взяла питомицу свою подъ руку, и сказала ей на ухо: — Ты сегодня удивительно странна, Викторина!

— Я не позволю у меня стрѣлять, сказала Г-жа Вокѣ. Вы взбулгачите всѣхъ сосѣдей, и накличете ко мнѣ полицію!

— Ну, ну, матушка, не сердись! Мы пожалуй, пойдемъ въ другое мѣсто, отвѣчалъ Вотренъ.

Онъ догналъ Растиньяка и по-пріятельски взялъ его подъ руку.

— Что, если бъ я доказалъ вамъ, что въ тридцати пяти

шагахъ пять разъ сряду всажу пулю въ пиковаго туза? Я думаю, васъ и это не испугало бы? Вы опрометчивы, молодой человѣкъ: этакъ васъ, какъ гуся, ни за что убьютъ!

— Вы трусите? сказалъ Евгений.

— Не сердите меня! отвѣчалъ Вотренъ. Сядемте тутъ подъ деревомъ. Здѣсь насъ никто не услышитъ. Мнѣ надо поговорить съ вами. Вы добрый малой, и я не хочу вамъ зла. Я даже люблю васъ, и сейчасъ скажу, за что я васъ люблю. Положите ваши мѣшки вотъ тутъ.

Растиньякъ положилъ деньги на скамейкѣ, и съѣлъ, мучимый любопытствомъ въ высочайшей степени по случаю такой внезапной переменны въ человѣкѣ, который только-что собирался убить его, и вдругъ вздумалъ сдѣлаться его покровителемъ.

— Вамъ бы, вѣрно, очень хотѣлось знать, кто я, что я дѣлаю: что дѣлаю, не правда ли? продолжалъ Вотренъ. Вы слишкомъ любопытны, мой другъ!..... Ну, ну, не сердитесь, будьте похладнокровнѣе; вы еще и не то услышите. Отвѣчать успѣете еще и послѣ. Сначала выслушайте. Я перенесъ разныя несчастія. Вотъ вамъ прежняя жизнь моя! Кто я такой? Вотренъ. Что дѣлаю? Что мнѣ вздумается. Теперь далѣе. Хотите ли вы знать мой характеръ? Я добръ съ тѣми, которые хороши со мною и которые мнѣ нравятся; имъ все позволяется; они могутъ, пожалуй, тузить меня, и я даже не скажу имъ — Мнѣ больно! Но я золъ какъ чортъ съ тѣми, кто меня задираетъ, или кто мнѣ не понутру. Я, сударь мой, изъ тѣхъ, которыхъ вы называете *артистами*. Я дерусь, принявъ пужныя мѣры предосторожности. Бросилъ жеребій, — да и бацъ: вотъ настоящая дуэль! Я ужъ говорилъ вамъ, что пять пуль сряду могу вколотить въ пиковаго туза, вгоняя одну другою, да еще въ тридцати пяти шагахъ. Съ этимъ маленькимъ искусствомъ, кажется, можно бы быть увѣреннымъ, что человѣка съумѣешь сдуть съ земли. Что жъ, сударь мой, я стрѣлялъ по одному пріятелю въ двадцати пяти шагахъ, и далъ промахъ! А онъ отъ роду не бралъ въ руки пистолета, и, посмотрите!....

Тутъ онъ разстегнулъ жилетъ и раскрылъ грудь свою, мохнатую какъ спина медвѣдя, и покрытую какою-то ры-

жегатою шерстью, на которую было отвратительно и страшно смотрѣть.

— Этотъ молокососъ продырилъ мнѣ грудь, прибавилъ онъ, положивъ палецъ Растиньяка въ ужасный шрамъ, бывшій у него на груди. Но въ то время я былъ еще ребенкомъ, въ ваши лѣта, двадцати одного года. Я тогда былъ иной, — вѣрилъ женской любви. Мы бы стали съ вами драться. Положимъ, вы бы меня убили. Ну что жъ? Я бы былъ подъ землею, а вы гдѣ? Вы бы принуждены были бѣжать въ Швейцарію и проживать папенькины деньги: а у него ихъ немного! Это не поведетъ васъ къ добру. Лучше оставайтесь здѣсь. Я вамъ сейчасъ объясню ваше положеніе, и сдѣлаю это съ превосходствомъ челоуѣка, который размышлялъ о вещахъ. У васъ теперь полторы тысячи франковъ. А знаете ли вы, сколько вамъ надобно для такой жизни, какую начали вести у насъ, въ Парижѣ? Миліонъ, сударь, миліонъ! не больше и не меньше. Да притомъ какъ можно скорѣе; иначе вы надѣлаете безчисленное множество глупостей. Такъ и быть, я доставлю вамъ миліонъ, на первый случай.

Онъ остановился и поглядѣлъ на Евгенія.

— Ага, теперь, не бойсь, полно дуться! Вы смотрите на пріятеля Вотрена повеселѣе прежняго. При словѣ «миліонъ» онъ улыбается какъ дѣвушка, которой ея любезный сказалъ — Я приду къ тебѣ сегодня вечеромъ! Дѣло вотъ въ чемъ. Выбѣдны, семейство вашебѣдно, хотя вашъ папенька-то и баронъ, по старой привычкѣ. Вы честолюбивы, а сапоги у васъ съ заплатками. Вамъ съ родни Босеаны, а вы ходите пѣшкомъ. Вы покушиваете у Г-жи Вокё добродѣтельный картофель, а страхъ какъ любили-бы гордые объѣды баръ Сентъ-Жерменскаго Предмѣстья. Вы спите на саломенномъ тюфякѣ, а вамъ бы хотѣлось жить въ палатахъ. Ну, не правдали?... Я не охуждаю вашихъ желаній. Не всякой въ состояніи быть честолюбивымъ. Спросите у женщинъ, какіе мужчины имъ нравятся? Честолюбивые! Честолюбцы сильнѣе другихъ; въ ихъ крови больше желѣза; сердце ихъ бьется скорѣе. Позвольте спросить васъ, — какія средства намѣрены вы припасти для того, чтобы удовлетворить своему честолюбію? Выучиться Правамъ. Что жъ? оно прекрасно! Лѣтъ черезъ пять вы

можете надѣяться быть адвокатомъ, подъячимъ. Баронъ Растиньякъ — подъячій! Куда — какъ хорошо! Если найдете протекцію, то лѣтъ въ тридцать будете, можетъ, и прокуроромъ съ тремя тысячами жалованья. Плохо!..... Не хотители жениться? Пожалуй, вы можете жениться на какой-нибудь пожилой богачкѣ. Но скверно, знайте! Это значить падѣть себѣ камень на шею. Да при томъ, если вы женитесь для денегъ, такъ куда жъ дѣнутся ваши правила чести, ваши чувства благородства? Это бы еще ничего, иреспубликаться змѣею передъ женщиной, лизать попки матушки и дѣлать низости, которыя опротивѣли бы свиньѣ. Это все еще ничего: да вы будете несчастливы съ этой женщиной, какъ камень въ помойной ямѣ. Право, ужъ лучше бороться съ людьми, чѣмъ со своей женою. Ну вотъ ваша жизнь, молодой человекъ! Выбирайте. Да вы ужъ выбрали! Вы были у виконтессы Боссеанъ, и поглядѣли на роскошь; были у графини Рестò, дочери нашего Горіо, и понюхали Парижанку. Въ этотъ день вы возвратились домой съ надписью на лбу — «Выйти въ люди!» Выйти въ люди во что бы то ни стало! Bravo! сказалъ я: этотъ молодой человекъ мнѣ нравится. Но для этого вамъ надобно денегъ. Гдѣ жъ ихъ взять? Вы станете работать, трудиться? Хорошо! съ этимъ подѣ старость и вы будете имѣть возможность нанимать у Г-жи Вокè двѣ комнаты, какъ Поарè, который всю жизнь свою былъ въ службѣ и трудился. Въ Парижѣ есть пятьдесятъ тысячъ молодыхъ людей, такихъ же какъ вы, которые то и думаютъ, какъ бы скорѣе обогатиться и выскочить въ люди. Вы единица этого числа, и можете вообразить, легко ли вамъ будетъ выдраться изъ толпы. Вамъ, господа, надобно будетъ съѣдать другъ друга, какъ пауки въ горшкѣ, потому что пятидесяти тысячъ хорошихъ мѣстъ не сыщешь. Знаете ли, чѣмъ выдираются въ Парижѣ изъ толпы? блескомъ генія или продажностію. Толпа всегда сгибается подъ могуществомъ генія; его ненавидятъ, на него клеветаютъ, но ему покоряются. Здѣсь передъ нимъ бросаются на колѣни, тамъ, если удастся, затаптываютъ его въ грязь. Но геніевъ всюду мало, а продажныхъ, у насъ особенно, очень много, и вы всегда будете ощущать ихъ тайные удары. Въ здѣшнее общество, сударь мой, надо влетѣть ядромъ, или прилѣпиться къ нему какъ

язва, сдѣлаться его чумой. Я не лъщу Парижскому свѣту, но я его знаю; онъ далъ мнѣ право говорить объ немъ такимъ образомъ. Не думайте однако жъ, чтобъ я порицалъ его. Нисколько! я люблю его, потому что умѣю имъ пользоваться. Испытайте себя; подумайте, поглядите размыслите, въ состояніи ли вы выдержать эту ежедневную борьбу, въ которой каждая неудача называется несчастіемъ, каждое низложеніе нищетою. Вы видите, что все это плохо. Но я вамъ предложу нѣчто, отъ чего никто на свѣтѣ не откажется. Слушайте хорошенько. У меня есть мысль, которая меня давно мучитъ. Мнѣ бы хотѣлось вести патріархальную жизнь, посреди большого помѣстья, тысячъ въ сто десятинъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ-нибудь на югѣ. Я заведу плантаціи, накуплю негровъ, накоплю милліонъ доллеровъ, продавая быковъ, табакъ!, лѣсъ, и заживу дикимъ царькомъ, да стану вести жизнь, о которой здѣсь люди, прячась въ кирпичныхъ норахъ, не имѣютъ ни понятія. На эти вещи я великій поэтъ. Теперь у меня есть пятьдесятъ тысячъ франковъ; но на пятьдесятъ тысячъ купишь не больше сорока негровъ, а мнѣ надобно тысячъ двѣсти, чтобъ имѣть двѣсти негровъ, для удовлетвореніемоей страсти къ патріархальной жизни. Съ этимъ чернымъ капиталомъ у меня въ десять лѣтъ будетъ пять милліоновъ франковъ. Если я успѣю, ни кто не вздумаетъ спросить меня — Кто ты? Я буду Г. фанъ-Милліонъ-доллеръ, гражданинъ Новаго Свѣта, и баста! Мнѣ будетъ тогда пятьдесятъ лѣтъ, и я стану веселиться по-своему. Однимъ словомъ, если я вамъ доставлю приданое въ милліонъ, дадите ли вы мнѣ двѣсти тысячъ франковъ? Двадцать процентовъ за комиссію: это, право, не дорого! Вы напередъ заставите жену любить себя безъ памяти; черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, вы начнете выказывать безпокойство, и, пожалуй, притворитесь недѣли на двѣ печальнымъ; потомъ, когда-нибудь, между двухъ поцѣлуевъ, вы скажете женѣ: Ахъ, душинька, у меня двѣсти тысячъ долгу! Этотъ водевиль играется каждый день самыми отличными щеголями. Молодая, любящая жена не отказывается въ деньгахъ тому, кто ее страстно цѣлуетъ. Убытку вамъ тутъ ни какого не будетъ. Вы тотчасъ

приобрѣтете эти двѣсти тысячъ какимъ-нибудь оборотомъ. Съ вашими деньгами и съ вашимъ умомъ вы наживете такое имѣніе, какое хотите. Ergo, сударь мой, вы въ полгода составите свое собственное счастье, потомъ счастье милой женщины, и пріятеля вашего, Вотрена, не говоря уже о вашихъ родныхъ, которые, за неимѣніемъ дровъ, дуютъ теперь въ кулакъ. Не удивляйтесь ни тому, что я вамъ предлагаю, ни тому, чего отъ васъ требую. Изъ шестидесяти богатыхъ женидбъ въ Парижѣ, сорокъ семь основаны на *таковыхъ* обстоятельствахъ....

— Что-жъ мнѣ надобно дѣлать? вскричалъ съ жадностью Растиньякъ, прерывая Вотрена.

— Почти ничего! сказалъ тотъ, радуясь какъ рыбакъ, который видитъ, что рыба схватилась за удочку. Слушайте хорошенько. Сердце дѣвушки, живущей въ нищетѣ, въ несчастіи, жаждетъ любви больше всякаго другаго. Это губка, которая расширится, какъ скоро въ нее упадетъ хоть капля чувства. Волочитесь за дѣвушкой, которая находится въ подобныхъ обстоятельствахъ! Чортъ возми, да это значить играть на-вѣрняка! На этомъ основаніи вы построите любовь неразрушимую. Теперь, получи эта дѣвушка миліоны,—она броситъ вамъ пхъ подъ ноги, какъ камешки. Возьми, мой милый, возьми, Альфредъ, Адольфъ! Возьми, Евгеній, — если Альфредъ, Адольфъ или Евгеній былъ такъ благоразуменъ, что жертвовалъ собою для нея во-время. Подъ словомъ пожертвованія, я разумѣю — продать старое свое платье, чтобы полакомить ее или свозить въ театръ, — заложить свои часы, чтобы купить сѣ шаль. Нужно ли еще говорить вамъ о тѣхъ любовныхъ фарсахъ, которыя такъ нравятся женщинамъ: на примѣръ, будучи въ разлукѣ съ нею, капнуть на письмо водою, чтобы подумала, будто вы плакали? Вы уже должны знать все это! Парижъ, изволите видѣть, не что иное какъ Американскій лѣсъ, населенный дикими звѣрями, которыхъ зовутъ милліонами; вы охотникъ за милліонами; и чтобы поймать ихъ, вы употребляете обыкновенныя охотничьи хитрости, — капканы, западни, сѣти. Охотиться можно разнымъ образомъ. Одни гоняются за приданымъ; другіе за барышами на биржѣ; третьи ловятъ силками совѣсти; иные удаютъ поднистниковъ.

Какъ бы то ни было, но если они нажились, то всѣ имъ кланяются, всѣ ихъ уважаютъ, ласкаютъ, принимаютъ въ высшее общество. Парижъ городъ самый снисходительный. Аристократія другихъ Европейскихъ столицъ не приметъ въ свои гостинныя безчестнаго милліонщика; а Парижъ протягиваетъ къ нему руки, ѣздитъ къ нему на вечеринки, ѣстъ его обѣды и чокается съ его срамомъ.

— Да гдѣ жъ найти такую дѣвушку? сказалъ Евгеній.

— Вы се всякой день видите.

— Неужли Викторина?

— Именно.

— Помилуйте!

— Будущая баронесса Растиньякъ и теперь ужъ васъ любитъ.

— Да у ней нѣтъ ни гроша за душою!

— Въ томъ-то и дѣло! Еще два слова и все объяснится. Отецъ ея, москѣ Тальферъ, старый негодяй. Онъ, говорятъ, во время революціи, обогатился тѣмъ, что убилъ короткаго своего пріятеля. Онъ банкиръ, главный общникъ въ домѣ Фредерикъ Тальферъ и Комп. У него есть единственный сынъ, которому хочетъ онъ оставить все свое имѣніе во вредъ Викторинѣ. Я не люблю такихъ несправедливостей! Я какъ Донъ Кихотъ люблю защищать угнетенныхъ. Если бъ Тальферъ лишился сына, онъ взялъ бы къ себѣ Викторину, чтобы имѣть какого-нибудь наследника. Но это дѣло счастья. Викторина мила, любезна; она разомъ привяжетъ къ себѣ старика, и нѣжными своими чувствованіями заставитъ его вертѣться какъ кубарь. Она не забудетъ вашей любви, и тогда вы на ней женитесь. Я во всемъ этомъ беру зароль счастья. Я сдѣлаю все, что дѣлаютъ самые счастливые случаи. У меня есть пріятель, человекъ совершенно мнѣ преданный! Онъ старый Наполеоновскій полковникъ и теперь принятъ въ королевскую гвардію. Онъ послушался меня и сдѣлался ультра-роллистомъ. Франческини не изъ тѣхъ глупцовъ, которые обѣими руками держатся за свои мнѣнія! Если и у васъ есть мнѣнія, то, ради Бога, продавайте ихъ, мой милый: они въ Парижѣ такой же товаръ, какъ и шерсть. Мнѣ стоитъ сказать ему только слово. Онъ сейчасъ поссорится съ

молодымъ Тальферомъ , который не даетъ сестрѣ ни пяти фрапковъ, и.....

Вотренъ вскочилъ со скамейки, сталъ какъ фехтмейстеръ, протянулъ руку впередъ, и *выпалъ*.

— И въ сторону! сказалъ онъ.

— Какая мерзость! вскричалъ Евгеній. Вы шутите, Г. Вотренъ?

— Ну, ну, будьте похладнокровнѣе, не ребячьтесь! Впрочемъ, пожалуй, если вамъ охота есть, сердитесь, бѣситесь! Ругайте. меня Ну же, ругайтесь, что ли! Я необижусь, не стану на васъ сердиться. Въ ваши лѣтаэто очень естественно. Я самъбылъ такой же. Толькоподумайте о моемъ предложеніи. Придетъ время, что вы и хуже этого сдѣлаете. Въ нашемъ любезномъ Парижѣ, тайна вѣсѣхъ большихъ богатствъ безъ видимой причины заключается всегда въ какомъ-нибудь преступленіи, — забытомъ, потому что оно чистенько сдѣлано.

— Молчите, сударь! Я не хочу слушать болѣе ни слова; вы меня заставите въ самомъ себѣ сомнѣваться. Покуда, вся моя наука заключается въ чувствѣ.

— Какъ вамъ угодно, другъ мой. Ребячьтесь, сколько есть силы. Я право, считалъ васъ рѣшительнѣе. Я не стану убѣждать васъ. Однако жъ еще слово.

Онъ пристально посмотрѣлъ на Евгенія.

— У васъ въ рукахъ моя тайна, сказалъ онъ.

— Тотъ, кто отказывается отъ подобнаго предложенія, легко и забудетъ его.

— Хорошо! Другой не былъ бы такъ совѣстливъ. Помните, что я говорилъ вамъ. Я вамъ даю двѣ недѣли на размышленіе, а тамъ какъ хотите, принимайте или отказывайтесь.

— Что за мѣдный лобъ у этого человѣка! подумалъ Рас-тиньякъ, видя, что Вотренъ преспокойно уходитъ съ палкою подъ мышкою. Но онъ мнѣ прямо сказалъ тоже самое, что Г-жа Босеанъ говорила съ околичностями. Онъ раздиралъ мнѣ сердце стальными когтями, и объяснялъ цѣль, для которой я хочу ѣхать къ Г-жѣ Нюсингенъ. Этотъ разбойникъ двумя словами сказалъ мнѣ о жизни болѣе, чѣмъ сколько узналъ я отъ людей и изъ книгъ. Добиваться богатства или величія, значитъ рѣшиться агать, сгибаться, под-

зять, выпрямляться, лстить, притворяться; значить сдѣлаться слугою тѣхъ, которые дгали, сгибались, ползали; потому, что надобно быть ихъ слугою, если хочешь сдѣлаться со временемъ ихъ товарищемъ. Такъ нѣтъ же, не будетъ этого! Я хочу работать, трудиться честно, благородно; буду работать день и ночь, и своими трудами приобрѣту себѣ состояніе. Конечно, такимъ образомъ наживешься не скоро, но по-крайней-мѣрѣ спишь спокойно, и ни какія тягостныя мысли не будутъ по ночамъ тревожить. Что можетъ быть пріятнѣе, какъ, взглянувъ на прошедшую свою жизнь, увидѣть, что она чиста какъ лилія! Покажѣсь мы съ жизнію—новобрачные..... Вотрѣпъ однако жъ показавъ мнѣ, что бываетъ черезъ десять лѣтъ послѣ брака! Чортъ возьми, у меня голова кружится! Не стану ни объ чемъ думать. Сердце лучшій путеводитель, чѣмъ разумъ.

Евгеній былъ выведенъ изъ своихъ размышленій голосомъ толстой Сильвін, которая кричала, что портной пришелъ. Онъ пошелъ къ нему на встрѣчу, съ двумя мѣшками въ рукахъ, чему, впрочемъ, и былъ очень радъ.

Примѣнивъ свое вечернее платье, Растиньякъ надѣлъ утрешній костюмъ, въ которомъ онъ казался совсѣмъ другимъ человекомъ.

— Право, я стою Г. Траля! Наслу-то я сдѣлался настоящимъ дворяниномъ!

— Вы меня спрашивали, Г. Растиньякъ, гдѣ бываетъ Г-жа Нюсингенъ! сказалъ Горіо, входя въ его комнату.

— Да; мнѣ бы хотѣлось знать.

— Она будетъ въ понедѣльникъ на балѣ у маршала Карильяно. Если вы тамъ будете, то расскажите мнѣ, веселы ли были мои дочери, какъ онѣ были одѣты; все, все.

— Какъ вы это узнали, почтеннѣйшій Г. Горіо? сказалъ Евгеній, усаживая его у камина.

— Горничная ея мнѣ сказала. Черезъ Жозефину и Констанцію я знаю все, что онѣ дѣлаютъ, прибавилъ онъ съ радостнымъ видомъ.

Бѣдный старикъ походилъ на пожилаго влюбленнаго, который радуется счастливой хитрости, что, посредствомъ горничной, успѣлъ прійти въ соприкосновеніе съ любезною, хотя она этого не знаетъ.

— Вы их увидите! Ахъ какъ вы счастливы! сказалъ онъ съ простодушнымъ выраженіемъ печальной зависти.

— Не знаю. Я сейчасъ пойду къ Г-жѣ Босеанъ спросить, можетъ ли она ввести меня въ этотъ домъ.

Евгению весело было показаться виконтессѣ въ новомъ своемъ костюмѣ. Видя на себѣ хорошее платье, хорошіе сапоги, хорошія перчатки, Растиньякъ забылъ добродѣтельную свою рѣшимость. Молодые люди не смѣютъ поглядѣться въ зеркало совѣсти, когда опрокидываются въ сторону порока, а зрѣлый возрастъ видывалъ уже себя въ этомъ положеніи. Вотъ вся разница между этими двумя эпохами жизни человѣческой!

Съ нѣкотораго времени, Евгенийъ и Горіо сдѣлались пріятелями. Дружба ихъ происходила отъ тѣхъ же психологическихъ причинъ, которыя породили противоположныя чувствованія между Вотреномъ и Растиньякомъ.

— Какъ вы могли подумать, мой любезный, сказалъ старикъ Евгению на другой день послѣ того, какъ тотъ при всѣхъ говорилъ о дочеряхъ Горіо: какъ вы могли подумать, будто Анастасія сердится на васъ за то, что вы при ней произнесли мое имя! О, дочери мои меня очень любятъ! Я отецъ самый счастливый. Только зятья поступаютъ со мной не совсѣмъ хорошо. Я не хотѣлъ, чтобы бѣдняжки мои дочери терпѣли отъ ссоръ моихъ съ ихъ мужьями; оттого-то я и выдаюсь съ ними по секрету. Вы не можете вообразить, какія удовольствія доставляетъ мнѣ эта танцевальность, удовольствія совершенно неизвѣстныя отцамъ, которые могутъ видѣть дочерей, своихъ когда имъ вздумается. Я этого не могу, понимаете? Зато, въ хорошую погоду я отправляюсь на гулянье, когда узнаю отъ служанокъ, что дочери мои тамъ будутъ. Я поджидаю ихъ; сердце у меня бьется, когда ихъ кареты приближаются; я люблюсь ими въ нарядѣ; а онѣ, проѣзжая мимо, дарятъ меня улыбкою, которая разсвѣчиваетъ мнѣ всю природу какъ лучъ солнца.....

Бѣдный старикъ!

Евгений одѣлся и отправился въ Тюльерійскій садъ, въ ожиданіи того времени, когда можно будетъ идти къ Г-жѣ Босеанъ.

Эта прогулка была пагубна для Растиньяка. Нѣкоторые женщины замѣтили его. Онъ былъ такъ молодъ, такъ хорошъ, одѣтъ съ такимъ вкусомъ! Видя, что сдѣлался предметомъ вниманія и чуть не удивленія, онъ забылъ о ссѣстрахъ и теткѣ и о своей добродѣтельной совѣстливости. Слова Вотрена, несмотря на цинизмъ ихъ, запали въ сердце Евгенія, какъ въ памяти бѣдной дѣвушки запечатлѣвается неблагородный профиль старой коварной торговки порока, которая сказала ей: — Золота и любви, сколько хотите!

Побродивъ безопасно по саду, Растиньякъ часовъ въ пять отправился къ Г-жѣ Босеанъ, и получилъ тамъ одинъ изъ тѣхъ ударовъ, отъ которыхъ сердца молодыхъ людей ничѣмъ не прикрыты. До-тѣхъ-поръ виконтесса принимала его съ учтивостію, съ той медоточивою прелестью, которую придаетъ знатное воспитаніе, и которая бываетъ истинно восхитительна, ежели происходитъ изъ сердца. Когда онъ вошелъ, Г-жа Босеанъ сдѣлала сухой жестъ, и сказала ему отрывистымъ голосомъ: — Господинъ Растиньякъ, мнѣ сегодня не возможно принять васъ, по-крайней-мѣрѣ теперь: я занята.....

Для наблюдателя, а Евгеній очень скоро сдѣлался наблюдателемъ, эти слова, этотъ жестъ, этотъ взглядъ, этотъ звукъ голоса, содержали въ себѣ всю исторію характера и привычекъ цѣлой касты. Онъ увидѣлъ желѣзную руку подъ бархатною перчаткою; тусклый эгоизмъ подъ глянцемъ воспитанія; дерево, подъ позолотою. Евгеній слишкомъ легко, слишкомъ опрометчиво увѣрился въ благородствѣ женщинъ. При томъ, онъ добродушно подписалъ восхитительный договоръ, связывающій благодѣтеля съ облагодѣтельствованнымъ, договоръ, котораго между людьми великодушными, первую статью постановляется совершенное равенство. Благотворительность есть страсть небесная, столь же мало понимаемая, столь же рѣдкая, какъ и истинная любовь. И та и другая не что иное какъ мотовство прекрасныхъ душъ. Евгенію непременно хотѣлось ѣхать на балъ къ герцогинѣ Кариліано, и онъ вытерпѣлъ этотъ неучтивый пріемъ.

— Сударыня, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: я бы не осмѣлился беспокоить васъ, если бъ не имѣлъ до васъ боль-

шой надобности. Сдѣлайте милость, позвольте мнѣ прійти попозже; я охотно подожду.

— Такъ приходите ко мнѣ обѣдать, сказала Г-жа Босеанъ, стыдясь нѣсколько суровости своихъ словъ, потому что она была истинно добра.

Евгеній былъ тронутъ этою переменною, но однако жъ сказалъ самъ себѣ: — Ползай! сноси все на свѣтъ! Чего жъ тебѣ ожидать отъ другихъ, когда лучшая изъ женщинъ въ одну минуту уничтожаетъ всѣ свои дружескія общанія, и бросаетъ тебя какъ старый башмакъ. Всякой за себя! Съ этими людьми надобно быть, какъ говорить Вотренъ, пушечнымъ ядромъ.

Горькія размышленія студента были вскорѣ разсѣяны мыслию объ удовольствіи, котораго онъ ожидалъ отъ обѣда Г-жи Босеанъ. Такъ, и малѣйшія обстоятельства въ его жизни, какъ-будто нарочно увлекали его на поприще, гдѣ, по замѣчанію ужаснаго сфинкса дома Г-жи Вокё, все уподобляется тому, что происходитъ на полѣ сраженія. Когда Евгенийъ возвратился къ виконтессѣ, она приняла его съ тою добродѣтельною учтивостію, которую всегда ему оказывала. Они вмѣстѣ пошли въ столовую, гдѣ виконтъ уже ждалъ жену, и гдѣ сіяла обѣденная роскошь, которая въ царствованіе Людвига XVIII была доведена до высшей степени. Г. Босеанъ, пресыщенный удовольствіями, любилъ одинъ только столъ. Обѣдъ его отличался превосходствомъ и содержащаго и содержамаго: никогда еще подобное зрѣлище не поражало взоровъ Евгения, который только въ первый разъ обѣдалъ въ одномъ изъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ почести переходятъ изъ рода въ родъ. При видѣ этого выработаннаго, великолѣпнаго серебра и тысячи изысканностей роскошнаго стола, при видѣ этой прислуги, проворной безъ шума, безъ суматохи, бѣдный студентъ поневолѣ сталъ отдавать преимущество жизни постоянной пзящности передъ жизнью лишений, на которую осудилъ онъ себя утромъ. Когда мысль его на минуту перелетѣла въ домъ Г-жи Вокё, онъ почувствовалъ такое омерзѣніе, что рѣшился непремѣнно выѣхать оттуда въ январѣ, какъ для того, чтобы перебраться въ другой домъ почище, такъ и для того, что-

бы избавиться отъ Вотрена, желѣзную руку котораго онъ безпрестанно чувствовалъ у себя на плечѣ.

— Не поѣдете ли вы сегодня со мною въ Италіанскій театръ? сказала Г-жа Босеанъ мужу.

— Вы знаете, какъ мнѣ пріятно было бы исполнить вашу волю, отвѣчалъ онъ: но, къ несчастію, я обѣщалъ одной дамѣ проводить ее въ театръ des Variétés.

— Свою любовницу! сказала она про себя.

— Развѣ Ажудо-Пинто съ вами сегодня не будетъ? спросилъ Г. Босеанъ.

— Нѣтъ! отвѣчала она съ досадою.

— Если вамъ непременно надобно кавалера, то возьмите съ собою Г-на Растиньяка.

Виконтесса, улыбаясь, взглянула на Евгенія.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже летѣлъ съ Г-жею Босеанъ въ великолѣпной каретѣ, въ модный театръ, и думалъ, что попалъ въ волшебный свѣтъ, когда, войдя въ ложу, увидѣлъ, что всѣ лорнеты обратились на него и на виконтессу, которая была одѣта прелестно. Онъ переходилъ отъ восхищенія къ восхищенію.

— Вы хотели со мной поговорить?.... сказала ему Г-жа Босеанъ. А! посмотрите, вотъ Г-жа Нюсингенъ, черезъ три ложи отъ насъ. А вотъ, на другой сторонѣ, сестра ея съ Г. Тралемъ.

Говоря это, Г-жа Босеанъ глядѣла на ложу Рошгюдовъ, и лице ея вдругъ просвѣтлѣло, — потому что Г. Ажудо-Пинто тамъ не было.

— Она прелестна! сказалъ Евгеній, поглядѣвъ на Г-жу Нюсингенъ.

— У ней бѣлыя рѣсницы.

— Но какая ловкая, тоненькая талія!

— У ней толстыя руки.

— Но какіе прекрасные глаза!

— Лице длинное.

— Эта форма лица благороднѣе.

— Счастье ея, что у ней хоть по этому благородная! Посмотрите, какъ она беретъ и опускаетъ свой лорнетъ. Горіо и лобазъ такъ и проглядываютъ во всѣхъ ея движеніяхъ, присовокупила Г-жа Босеанъ, къ величайшему удив-

влению Евгения, которому показалось что она не смотритъ даже на ея ложу.

И дѣйствительно, виконтесса смотрѣла въ то время совсѣмъ въ другую сторону; казалось, будто она не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на Г-жу Нюсингенъ, и за всѣмъ тѣмъ она не пропускала ни одного изъ ея движеній. Собраніе было блистательно. Дельфина Нюсингенъ съ гордостію замѣчала, что обращаетъ на себя все вниманіе молодого, прекраснаго родственника Г-жи Боссанъ, который только на нее и смотрѣлъ.

— Если вы не перестанете обременять ее своими взглядами, то обратите на себя глаза всего театра. Когда хотите имѣть успѣхъ, то не бросайтесь же такимъ образомъ на людей.

— Милая кузина, сказалъ Евгений: вы уже приняли меня подъ свое покровительство; такъ довершите жъ свои благодѣянія, окажите мнѣ еще одну услугу, которая для васъ ничего не значить, а мнѣ принесетъ большую пользу. Я рѣшительно влюбленъ.

— Такъ скоро?

— Да.

— И въ эту женщину?

— Кто же другая позволить мнѣ обожать себя? сказалъ онъ, бросивъ проникательный взглядъ на Г-жу Боссанъ. Герцогиня Карпильяно состоитъ при дворѣ герцогини Беррійской: вы вѣрно у нея бываете? Сдѣлайте мнѣ милость, познакомьте меня съ нею; возьмите меня съ собою на балъ, который дастъ она въ понедѣльникъ. Тамъ будетъ Г-жа Нюсингенъ, и я....

— Съ удовольствіемъ! сказала она. Если вы уже чувствуете къ ней наклонность, то ваше сердце скачетъ на почтовыхъ. Вотъ и ея другъ, Г. Марсѣ, въ ложѣ княгини Сусиска. Г-жа Нюсингенъ досадуетъ: она терпитъ пытку!... Это самая благопріятная минута для знакомства съ женщиною, особенно съ банкиршей. Эти дамы коммерческаго клуба всѣ охотницы до мщеній.

— Что же бы вы сдѣлали въ подобномъ случаѣ?

— Я!... Я бы страдала молча.

Въ эту минуту Г. Ажуда вошелъ въ ложу Г-жи Босеанъ.

— Дѣла мои падутъ дурно, сказалъ онъ, и я васъ уведомляю объ этомъ, чтобы не выдавать возвращенія моего къ вамъ за пожертвованіе.

Лице виконгессы заблестало. Тутъ Евгеній научился распознавать выраженіе страстной любви и не смѣшивалъ его съ гримасами Парижскаго кокетства. Онъ былъ пораженъ сіяющимъ видомъ Г-жею Босеанъ, замолчалъ и уступилъ мѣсто свое Г-ну Ажуда.

— Какое дивное созданіе женщина, которая такъ пламенно любить! сказалъ онъ самъ себѣ. И этотъ человѣкъ измѣнилъ ей для куклы!

Въ сердцѣ его кипѣло ребяческое бѣшенство. Онъ хотѣлъ бы взять себѣ Г-жу Босеанъ; онъ желалъ могущества демоновъ, чтобы унести ее въ своею сердцѣ, какъ орелъ, завидѣвъ на лугу ягнска, уносить его въ гнѣздо свое. Ему казалось стыдно, что въ этомъ музеумъ красота у него одного нѣтъ своей картины, нѣтъ своей любовницы. Имѣть любовницу—значить быть въ слухъ! говорилъ онъ самъ себѣ.

Онъ поглядѣлъ на Г-жу Нюсингенъ, какъ человѣкъ, подувшій обиду, смотреть на своего противника. Виконтесса обернулась къ нему, чтобы однимъ взглядомъ сто разъ возблагодарить его за его скромность. Первое дѣйствіе оперы было кончено.

— Вы вѣдь довольно знакомы съ Г-жею Нюсингенъ, чтобы представить ей Г. Растиньяка? сказала она Г. Ажудѣ.

— Она очень будетъ рада съ нимъ познакомиться, отвѣчалъ маркизъ.

Прекрасный Португалецъ всталъ, взявъ студента подъ руку, и черезъ минуту они были въ ложѣ Г-жи Нюсингенъ.

— Баронесса, имѣю честь представить вамъ Г. Растиньяка, родственника виконтессы Босеанъ. Вы производите на него такое живое впечатлѣніе, что я хотѣлъ довершить его благополучіе, приблизивъ его къ предмету его восторга.

Эти слова были сказаны съ легкимъ отгѣнкомъ насмѣшливости, прикрывшимъ наготу мысли. Г-жа Нюсингенъ улыба-

нула, и предложила Евгению место своего мужа, который только-что вышелъ.

— Я не смѣю предложить вамъ остаться со мною, сказала она ему: кто можетъ-быть вѣложъ у Г-жи Босеанъ, тотъ не пойдетъ въ другую.

— Но, отвѣчалъ вполголоса Евгений: чтобы угодить виконтессѣ, я долженъ остаться съ вами. До прихода маркиза мы говорили о васъ, о вашей красотѣ, объ изящности вашего наряда, сказалъ онъ вслухъ.

Г. Ажуда ушелъ.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ останетесь у меня? сказала баронесса. Мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться. Сестра моя, Г-жа Ресто, возбудила во мнѣ живѣйшее желаніе васъ видѣть.

— А между-тѣмъ, вообразите, она запретила пускать меня къ себѣ!

— Какимъ это образомъ?

— Я, сударыня, скажу вамъ всю правду; но заранее прошу извиненія въ моей откровенности. Я живу въ одномъ домѣ съ вашимъ батюшкой, и, не зная, что Г-жа Ресто — дочь его, имѣлъ неосторожность заговорить объ немъ у ней въ домѣ. Я разсердился этимъ и сестрицу вашу, и Г-на Ресто. Вы не можете вообразить, какъ это отвращеніе отъ отца не поправилось моей кузинѣ и герцогинѣ Ланжѣ. Я рассказывалъ имъ эту сцену, и онѣ хохотали отъ чистаго сердца. Г-жа Босеанъ начала тутъ сравнивать васъ съ вашею сестрицею, и говорила объ васъ съ большими похвалами; она рассказывала, какъ вы милы съ моимъ почтеннымъ сосѣдомъ, Г. Горіо. Да и какъ вамъ не любить его! Онъ обожаетъ васъ такъ страстно, что я начиналъ ревновать. Цѣлые два часа говорили мы о васъ сегодня утромъ. Потомъ, помня то, что толковалъ мнѣ вашъ батюшка, я сказалъ за обѣдомъ моей кузинѣ: Не можетъ-быть, чтобы Г-жа Нюсингенъ не была такъ же хороша, какъ пѣжня! Оттого-то Г-жа Босеанъ, по обыкновенной своей любезности, привезла меня сюда, говоря, что я васъ здѣсь увижу.

— Какъ, сударь? отвѣчала банкирша: я уже обязана вамъ благодарностію! Право, мы скоро сдѣлаемся старинными друзьями.

— Дружба съ вами должна быть чувствомъ очень сла-
достнымъ; но я никогда не захочу быть вашимъ другомъ.

Эти стерсотишные глупости, изданныя для употребленія
начинающихъ, всегда правятся женщинамя, и кажутся жал-
кими только тогда, когда ихъ хладнокровно читаешь въ
книгѣ. Жесты, выраженіе голоса, взглядъ молодаго чело-
вѣка, придаютъ имъ неисчислимую цѣну. Растиньякъ чрез-
вычайно поправился Г-жѣ Нюсингенъ; потомъ, какъ всѣ
женщины, которыя находятся въ затрудненіи отвѣчать на
вопросъ, слишкомъ искренно предложенный, она заговорила
о другомъ.

— Да; сестра моя очень вредитъ себѣ своимъ обхождені-
емъ съ батюшкой, который, право, былъ для насъ неопи-
санно добръ. Мужъ рѣшительно запретилъ мнѣ принимать
его иначе, какъ утромъ, и я тогда только на это согласилась.
Я долго объ этомъ плакала. Эти непріятности, случившіяся
тотчасъ послѣ первыхъ неудовольствій брака, совершенно
разстроили насъ съ мужемъ. Въ глазахъ Парижа я самая
счастливая, а на дѣлѣ самая несчастная женщина во
всемъ свѣтѣ. Вамъ, можетъ-быть, покажется страннымъ,
что я говорю такъ откровенно, но вы знакомы съ батюш-
кой: вы мнѣ не чужой, и вѣрно все знаете.

— Во всемъ свѣтѣ вы не найдете человѣка, который бы
пламеннѣе меня желалъ принадлежать вамъ, сказалъ Евге-
ній. Чего ищутъ всѣ женщины? Блаженства! прибавилъ онъ
голосомъ, который вливался прямо въ душу. А если для
женщины блаженство состоитъ въ томъ, чтобы быть люби-
мой, обожаемой, имѣть друга, которому бы можно было ввѣ-
рять всѣ свои желанія, прихоти, горести и радости, рас-
крывать предъ нимъ всю свою душу, со всеми ея милыми
недостатками и превосходными качествами; то вы ни у кого
не найдете сердца столь преданнаго, столь пламеннаго, кро-
мѣ молодаго человѣка, который радъ будетъ умереть по
первому вашему знаку, который еще не знаетъ свѣта и не
хочетъ знать его, потому что весь свѣтъ заключается для
него въ васъ. Я, — вы станете смѣяться надъ моею откro-
венностью, — я еще недавно изъ провинціи, повичекъ во
всемъ, прекраснаго зналъ однѣ только души, и думалъ не
любить. Но я увидѣлъ мою кузину; она слишкомъ прибли-

зила меня къ своему сердцу, раскрыла передо мною всѣ сокровища страсти, и я теперь, какъ Херубинъ, — влюбленъ во всѣхъ женщинъ на свѣтѣ, покуда еще не нашель одной, которой бы стоило посвятить себя. Войдя въ театръ, я увидѣлъ васъ, и меня, какъ-будто электрическимъ теченіемъ, повлекло къ вамъ. Я уже такъ много о васъ думалъ. Но портретъ вашъ, который я составилъ себѣ въ воображеніи, далеко отсталъ отъ подлинника. Г-жа Босеанъ запретила мнѣ смотрѣть на васъ. О, она не постигаетъ, какъ сладостно любоваться прелестными губками, нѣжнымъ цвѣтомъ лица, обворожительными глазками..... Я говорю вамъ глупости, сударыня, но позвольте мнѣ говорить: не сердитесь на меня!....

Всѣ эти пошлости, повторяю я, очень нравятся женщинамъ, хотя онѣ очень пошлы на бумагѣ и непростительны присвидѣтеляхъ. Но на словахъ и вдвоемъ, самая строгая жена ихъ слушаетъ, если даже и не хочетъ отвѣчать на нихъ. Начавъ такъ отважно, Растиньякъ продолжалъ въ томъ же тонѣ, говорилъ глухимъ, страстнымъ голосомъ, и Г-жа Нюсингенъ ободряла его улыбками, посматривая по-временамъ на Г-на Марсѣ, который не выходилъ изъ ложи княгини Сусискѣ. Растиньякъ оставался съ Г-жею Нюсингенъ до тѣхъ поръ, когда мужъ пришелъ, чтобы везти ее домой.

— Я буду имѣть честь быть у васъ, сударыня, до бала герцогини Карлиіано, сказалъ онъ.

Она отвѣчала ему прелестнымъ движеніемъ руки и едва примѣтною улыбкою, которую однако жъ онъ хорошо примѣтилъ.

«Дѣла мои идутъ хорошо, подумалъ онъ: она не разсердилась, когда я говорилъ ей о любви. О, теперь она моя!» Бѣднякъ и не зналъ, что баронесса была разсѣяна, что она ожидала отъ Г-на Марсѣ одного изъ тѣхъ рѣшительныхъ писемъ, которыя раздражаютъ душу. Онъ былъ совершенно счастливъ своимъ воображаемымъ успѣхомъ.

Раскланившись съ Г-жею Босеанъ, бѣдный студентъ возвращался изъ Италіанскаго театра илькомъ, и мечталъ о своихъ планахъ. Онъ очень замѣтилъ, съ какимъ вниманіемъ посматривала на него графиня Ресто и въ ложѣ виконтессы, и когда онъ былъ у сестры ея: онъ былъ увѣренъ, что

графиня снова будетъ принимать его. Въ короткое время онъ уже составилъ себѣ въ самомъ высшемъ обществѣ четыре связи, — потому что онъ надѣялся поправиться еще и маршалшѣ Карильяно. Не отдавая себѣ отчета въ средствахъ, которыми будетъ дѣйствовать, онъ уже догадывался, что въ сложномъ механизмѣ свѣта ему удастся ухватиться за какое-нибудь колесо, и что тогда онъ будетъ наверху машины.

«Если баронесса Нюсингенъ полюбитъ меня, говорилъ онъ самъ себѣ, я научу ее управлять мужемъ; а какъ онъ превосходно обрабатываетъ дѣла свои, то и поможетъ мнѣ какъ-нибудь обогатиться.....»

Правда, онъ не говорилъ этого себѣ прямо: онъ еще не успѣлъ сдѣлаться такимъ политикомъ, чтобы обратить свое положеніе въ цифры и вычислить его ариѳметически; но мысли его носились по этому горизонту въ видѣ легкихъ облаковъ, и въ плавилиномъ тиглѣ совѣсти оставили бы не слншкомъ чистый королскъ.

Дорогою Растиньякъ совершенно влюбился въ Г-жу Нюсингенъ. Онъ вспоминалъ обворожительность ея влажныхъ глазъ; нѣжную, шелковистую ткань ея кожи, сквозь которую, какъ ему казалось, видно было обращеніе крови; пріятность ея голоса, прелесть свѣтлорусыхъ волосъ. Онъ шелъ скоро, и это, можетъ-быть, еще болѣе разгорячало его.

Возвратясь домой, онъ постучался въ двери Г. Горіо.

— Любезный сосѣдъ, я видѣлъ Дельфицу.

— Гдѣ?

— Въ Италіанскомъ театрѣ.

— Что, она вссдлалась! Да войдите же?

Старикъ всталъ въ одной рубашкѣ, отперъ дверь, и проворно опять легъ.

— Разкажите же мнѣ что-нибудь объ ней!

Евгеній въ первый разъ былъ въ комнатѣ Горіо: онъ только что удивлялся богатому, изящному наряду дочери, и пришель въ остолененіе, увидѣвъ, въ какой канурѣ живетъ отецъ. Окно было безъ гардинъ; обои во многихъ мѣстахъ отдѣлились отъ сырыхъ стѣнъ и выказывали законную штукатурку; бѣдный старикъ спалъ на соломенномъ тюфякѣ и прикрывался изодранымъ одеяломъ, а на ноги

клатъ для тепла сшитые доскутки грязныхъ капотовъ Г-жи Вокѣ. На чердакъ послѣдняго носильщика мебели бывають лучше тѣхъ, которыми хозяйка убрала жилище Горіо. При взглядѣ на эту сырую и холодную комнату, дрожь невольно пробѣгала по всему его тѣлу. Къ счастью, Горіо не видалъ выраженій лица Евгенія: поставивъ свѣчу на столъ, онъ закрылся до самой головы, и повернулся къ нему.

— Ну, которая же вамъ больше правится, Анастасія или Дельфина?

— Дельфина мнѣ больше правится, отвѣчалъ Растиньякъ: потому что она больше къ вамъ привязана.

При этихъ словахъ, произнесенныхъ съ чувствомъ, старикъ пѣжно пожалъ руку Евгенія.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ тронутымъ голосомъ. Что жъ она говорила вамъ обо мнѣ?

Студентъ повторилъ слова баронессы съ нѣкоторыми прикрасами; бѣднякъ Горіо слушалъ съ благоговѣніемъ.

— Милая моя Дельфина! Да, да; она меня очень любитъ. Но не вѣрьте тому, что она говорила вамъ объ Анастасіи. Онѣ меня такъ любятъ, что ревнуютъ другъ къ другу. Анастасія тоже ко мнѣ очень привязана, я это знаю. Видите, что значитъ отецъ со своими дѣтьми: онъ проникаетъ во внутренность сердецъ и судитъ о намѣреніяхъ! Охъ, если бы у меня были хорошіе зятя: я бы былъ слишкомъ счастливъ! Не понимаю, какъ Дельфина могла выйти за этого толстаго чурбана Альзаеца, который такъ дурно съ ней обходится! Я, почти не въ правѣ сердиться на нее за то, что у ней есть милой другъ: женщина не можетъ обойтись безъ любви.... Но говорятъ, что этотъ Марсѣ негодяй. Мнѣ часто приходитъ охота свернуть ему шею. Боже мой, если бы кто сдѣлалъ мою Дельфину счастливою, если бы онъ любилъ ее какъ она заслуживаетъ, я бы въ состояніи былъ чистить ему сапоги! Я ихъ люблю до безпамятства! Ахъ, если бъ я жилъ съ ними! Одно уже то, что я бы зналъ, что онѣ тутъ, близко; что слышалъ бы, какъ онѣ говорятъ, видѣлъ бы, какъ онѣ уѣзжаютъ, или прѣзжаютъ домой.... Вы не можете вообразить, какъ все это вѣсслю меня, когда онѣ

еще жили у меня. Скажите мнѣ, хорошо ли была одѣта моя Дельфина?

— Прелестно. Но скажите мнѣ, ради Бога, мой почтеннѣйшій, какъ вы можете жить въ такой конурѣ, когда ваши дочери замужемъ за такими богачами?

— Да къ чему мнѣ жить лучше? сказалъ онъ съ безпечнымъ видомъ. Я не умѣю вамъ этого объяснить, потому что я не мастеръ говорить.... У меня все тутъ! прибавилъ онъ, указавъ на сердце. Жизнь моя вся въ моихъ дочеряхъ. Если онъ веселится, если онъ счастливъ, хорошо одѣтъ, ходять по коврамъ, что за надобность, какое на мнѣ сукно и гдѣ я сплю! Мнѣ не холодно, когда имъ тепло; я не скачу, если онъ смѣются. Горюю я только ихъ горемъ, — своего у меня нѣтъ. Вы этого не понимаете теперь, молодой сосѣдъ. Погодите, когда у васъ будутъ дѣти: вы увидите, что это такое. При видѣ вашихъ дѣтей, вы будете, чувствовать, что это нѣчто ваше, чревъ вашего чрева, чистѣйшая капля вашей крови: оно и дѣйствительно такъ! — вамъ будетъ казаться, что вы сами движитесь, когда они ходятъ.....

Въ эту минуту старикъ Горіо казался чѣмъ-то неземнымъ. Евгенийъ еще его не видывалъ освѣщенного пламенемъ своей родительской страсти. Существо самое грубое, выражая чувство истинное и сильное, окружается облакомъ какой-то эфирной жидкости, которая облагороживаетъ физиономію, вливаетъ душу въ тѣлодвиженія, придаетъ радужный цвѣтъ голосу. Оно движется тогда въ свѣтлой сферѣ. Въ ту минуту въ жестахъ, въ голосѣ старика Горіо, была сила сообщенія, составляющая великаго актера.

—Такъ вамъ, вѣрно, пріятнобудетъ узнать, сказалъ Растиньякъ, что Дельфина скоро поссорится съ Г. Марсѣ. Онъ покидаетъ ее и волочится за княгиней Сусискѣ. А я сегодня рѣшительно влюбился въ Г-жу Нюсиенгенъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ Горіо.

— Да. Кажется, что и я ей не противенъ. Мы съ ней цѣлый часъ толковали о разныхъ вещахъ, относящихся къ сердцу. Я буду у ней послѣ завтра, въ субботу.

— О, какъ я буду любить васъ, если вы сдѣлаетесь ея другомъ! Вы добры, вы не станете ее мучить. Но если

вы ей измѣните, я васъ убью! Женщина два раза не любить. Боже мой, я заврался! Прощайте, Г. Растиньякъ, вамъ здѣсь холодно. Не вслѣзла ли она что-нибудь сказать мнѣ?

— Ничего, подумалъ Евгеній. — Она сказала, что посылаетъ вамъ поцѣлуй любящей васъ дочери, продолжалъ онъ вслухъ.

— Прощайте. Спокойной ночи! Мнѣ будетъ всю ночь спиться этотъ поцѣлуй.

«Бѣднякъ! подумалъ Евгеній, ложась спать: онъ право тропетъ каменное сердце. Она думаетъ объ немъ столько же, какъ о Турецкомъ Султанѣ.»

Съ этого разговора Горіо почиталъ Евгенія своимъ по-вѣреннымъ, своимъ другомъ. Между ними установились единственныя соотношенія, какими только Горіо могъ привязаться къ другому человѣку. Онъ воображалъ себѣ, что сблизится со свосію Дельфиною, что она будетъ лучше принимать его, когда Евгеній подружится съ нею. Онъ и не думалъ объ ея добромъ имени, забывалъ, что онъ, какъ отецъ, долженъ быть покровителемъ ея добродѣтели..... Правду сказать, уже нечего было и покровительствовать!

На другой день, за завтракомъ, въ жилы Г-жи Вокё съ удивленіемъ увидѣли, что Горіо подселъ къ Растиньяку, что между ними учредились особенныя отношенія, что фізіономія старика, котораго лице обыкновенно походило на старую измятую маску, дышитъ удовольствіемъ и жизнію. Вотренъ, который въ первый разъ видѣлъ Евгенія со времени ихъ совѣщанія, казалось, хотѣлъ прочесть въ душѣ его. Вчера, ложась спать, Евгеній измѣрялъ мысленно обширное поприще, открывшееся передъ нимъ; вспомнилъ о предложеніи Вотрена, и думалъ о приданомъ дѣвицы Тальферъ. Теперь, за завтракомъ онъ глядѣлъ на нее, — глядѣлъ такъ, какъ молодой человѣкъ, самый добродѣтельный, невольно смотритъ на богатую наследницу. Глаза ихъ встрѣтились. Евгеній, въ своемъ новомъ костюмѣ, очень правился бѣдной дѣвушкѣ. Взоръ, которымъ они обмѣнялись, былъ довольно значителенъ, и студентъ могъ счесть себя предметомъ тѣхъ неясныхъ желаній, которыя всегда мучатъ молоденькую дѣвушку, и которыя она готова сосредоточить на первомъ нѣскольکو миломъ существѣ. Какой-то тай-

ный голосъ кричалъ Растиньяку — Восемь сотъ тысячъ франковъ! Но онъ тотчасъ обратился къ воспоминаніямъ вчерашняго дня, и надѣлся, что заказная страсть его къ баронессѣ будетъ противоядіемъ дурнымъ мыслямъ, которыми невольно приходили ему въ голову.

— Вчера играли, въ Италіянскомъ театрѣ, Севильскаго Цирюльника Россини, сказалъ онъ. Я никогда не слыхивалъ такой восхитительной музыки!

— А какъ вы возвратились изъ театра? спросилъ Вотрешъ.

— Пѣшкомъ, отвѣчалъ Евгенийъ.

— Этого я не понимаю, сказалъ соблазнитель. Что за радость въ этихъ половинныхъ удовольствіяхъ! По мнѣ, въ театрѣ пріятно быть въ своей ложѣ, пріѣхать туда въ своей каретѣ, и возвратиться въ своей, спокойно и удобно. Мой девизъ — Все или ничего!

— Право, славный девизъ! сказала Г-жа Вокё.

— Не пойдете ли вы къ Дельфинѣ? сказалъ Евгенийъ потихоньку старику Горіо. Она приметъ васъ съ распростертыми объятіями: ей, вѣрно, пріятно будетъ распросить васъ обо мнѣ. Я слышалъ, что ей очень хотѣлось бы познакомиться съ виконтессою Босеанъ. Не забудьте сказать ей, что я готовъ доставить ей это удовольствіе.

Растиньякъ отправился въ свой юридическій факультетъ. Ему непріятно было оставаться въ классѣ; онъ вышелъ, и сталъ бродить по улицамъ, мучимый лихорадкою, извѣстною всемъ молодымъ людямъ, питающимъ слишкомъ блестящія надежды. Вспоминая слова Вотрена, онъ размышлялъ о Парижской жизни, когда встрѣтился въ Люксембургскомъ Саду съ пріятелемъ своимъ Біаншономъ, студентомъ медицины, который всякой день обѣдалъ у Г-жи Вокё.

— Что ты такъ задумался? сказалъ Біаншонъ, взявъ Евгения подъ руку, чтобы походить передъ дворцомъ.

— Меня мучать разныя мысли.

— Какія это? Отъ мыслей можно вылечиться.

— Какимъ образомъ?

— Предавшись ихъ влеченію.

— Ты шутишь, не зналъ, въ чемъ дѣло.

— Вообрази, сказалъ Бiаншонъ, переходя вдругъ къ другому предмету: я былъ въ Ботаническомъ Саду, на лекціи Кювьё; выхожу оттуда и вижу нашу мамзель-Мишюно и Поарё: они сидятъ на лавкѣ и толкуютъ съ какимъ-то чело-вѣкомъ, который, какъ мнѣ кажется, долженъ быть переодѣтый полицейскій чиновникъ. Надобно присматривать за этой парочкой; я скажу тебѣ послѣ для чего. Прощай покуда. Въ четыре часа мнѣ надобно быть въ факультетъ на перекичкѣ.

Когда Евгенийъ возвратился домой, старикъ Горіо ждалъ его.

— Посмотрите, письмо отъ нея! Какой хорошенькій почеркъ, не правда ли?

Евгений распечаталъ письмо и прочелъ:

«Батюшка говорилъ мнѣ, что вы любите Италіянскую музыку: позвольте мнѣ, предложить вамъ мѣсто въ моей ложѣ. Въ субботу играютъ Г-жа Фодоръ и Пеллегрини; я увѣрена, что для нихъ вы мнѣ не откажете. Мужъ мой, вмѣстѣ со мною, проситъ васъ безъ церемоній откушать у насъ. Если вы согласитесь на это, то избавите его отъ тяжелой супружеской обязанности провожать меня въ театръ. Не отвѣчайте мнѣ и пріѣзжайте.»

Д. Н.

«Порядочная женщина не кидается такимъ образомъ на шею къ мужчине! сказалъ про себя Евгенийъ. Вѣрно, она хочетъ употребить меня для того, чтобы ревностью снова привязать къ себѣ Г-на Марсё. Этакія вещи дѣлаются только съ досады.»

— Ну, о чемъ же вы думаете? спросилъ Горіо.

Растиньяку совершенно неизвѣстно было сумасбродство, овладѣвшее въ то время извѣстными женщинами: онъ не зналъ, что банкирша готова пожертвовать вѣсѣмъ на свѣтѣ, чтобы только попасть въ какой-нибудь знатный домъ въ Сенъ-Жерменскомъ Предмѣстьи. Но недовѣрчивость его принесла ему пользу: она охладила его, и дала ему несчастную возможность, не принимать условій, а самому поставять ихъ.

— Да, да; я пойду, сказалъ онъ.

Теперь одно любопытство вело его къ Г-жѣ Нюсингенъ; а если бы она пренебрегла его, онъ былъ бы увлеченъ

туда страстью. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ завтрашняго дня.

Одѣвшись весьма изящно, онъ сошелъ въ общую комнату, въ то время какъ всѣ живыцы сидѣли за столомъ. Нарядъ его возбудилъ тысячу шутокъ; Вотренъ проговорилъ объ его платьѣ длинную и забавную тираду, отъ которой все общество расхохоталось; дѣвица Тальферъ бросила на него нѣжный взглядъ и сказала нѣсколько словъ на ухо Г-жѣ Кутюръ; Евгенийъ ушелъ отъ нихъ скорѣе, въ совершенномъ смущеніи.

Онъ отправился въ улицу Св. Лазаря, и пришелъ къ одному изъ тѣхъ легкихъ домиковъ, съ тоненькими колонами, съ жалкими портиками, которые составляютъ «красивое» въ Парижѣ, — къ настоящему банкирскому домику, наполненному драгоценною изысканностью, мраморомъ и мозаикою. Г-жа Нюсигенъ была въ гостиной, украшенной Италіанскою живописью, но походившей, по своему убранству, на кофейную. Баронесса казалась печальною. Усилія, которыя она дѣлала, чтобы скрыть свою горестъ, тѣмъ болѣе тронули Евгения, что въ нихъ не было ничего притворнаго. Онъ думалъ обрадовать женщину своимъ приходомъ, а между-тѣмъ видѣлъ ее въ отчаяніи. Это оскорбляло его самолюбіе. Пошутивъ надъ ея прискорбіемъ, онъ сказалъ:

— Я, конечно, не имѣю ни какихъ правъ на вашу довѣренность, сударыня; но если я вамъ мѣшаю, то надѣюсь, что вы мнѣ откровенно скажете.

— О, нѣтъ, нѣтъ, не уходите, отвѣчала она: если вы уйдете, я останусь совершенно одна. Мужъ мой не обѣдаетъ дома, а мнѣ бы не хотѣлось оставаться одной: мнѣ нужно развлеченіе.

— Но что съ вами?

— О, вамъ бы я послѣднимъ это сказала!

— Мнѣ очень бы хотѣлось знать; иначе я могу подумать, что это касается до меня.

— Можетъ быть!.... Нѣтъ; это семейныя неудовольствія, которыя должны быть погребены въ сердца. Я вамъ говорила третьяго-дня, — я очень несчастлива.

Если женщина говоритъ молодому человѣку, что она несчастлива; если молодой человѣкъ уменъ, хорошо одѣтъ и

чувствуетъ въ своемъ карманѣ полторы тысячи франковъ свободныхъ, то онъ необходимо станетъ думать то же, что говорилъ Евгений.

— Чего вамъ желать! сказалъ онъ. Вы прекрасны, молоды, любимы, богаты.

Она сдѣлала отрицательный знакъ головою.

— Не станемъ говорить обо мнѣ, отвѣчала она. Мы пообедаемъ вдвоемъ, и потомъ поѣдемъ слушать прелестнѣйшую музыку. По вкусу ли вамъ я одѣта? спросила она, вставая и показывая свое изящно богатое платье изъ бѣлаго кашемира съ Персидскими узорами.

— О, я хотѣлъ бы, чтобъ это чудесное платье съ тѣмъ, что въ немъ содержится, принадлежало мнѣ! сказалъ Евгений. Вы въ немъ прелестны.

— Вы бы владѣли жалкою женщиною, сказала она, печально улыбувшись. Ни что не обличаетъ здѣсь несчастій, а между-тѣмъ я въ отчаяніи. Горе отнимаетъ у меня сонъ. Я скоро подурнѣю.

— О, это невозможно! сказалъ Евгений. Могутъ ли быть печали, которыхъ бы не загладила пламенная преданность друга?

— Если бѣ, я открываю вамъ мои печали, вы бы меня оставили, потому что вы притворяетесь пламенно преданнымъ только изъ обыкновенной вѣжливости; а когда бѣ вы, по несчастію, истинно любили меня, вы сами были бы отъ этого въ отчаяніи. Вы видите, что я должна молчать. Сдѣлайте милость, станемте говорить о чемъ-нибудь другомъ. Пойдемте посмотреть мои комнаты.

— Нѣтъ, останьтесь здѣсь! отвѣчалъ Евгений, сѣвъ на маленькой софѣ у каминна, подлѣ Г-жи Нюснингенъ и потужно взявъ ее за руку.

Она не противилась, и даже слегка пожала ему пальцы съ однимъ изъ этихъ движеній сосредоточенной силы, которыми обличаютъ глубокое страданіе.

— Послушайте, сказалъ Растиньякъ: если у васъ есть печали, вы должны открыть мнѣ ихъ. Я хочу доказать, что люблю васъ для васъ самой. Или вы мнѣ расскажете ваши огорченія, чтобы я могъ облегчить ихъ, хоть бы для этого

надобно было убить человѣкъ шесть, или я сейчасъ уйду, и никогда больше у васъ не буду.

— Хорошо же! вскричала она, какъ-бы по внушенію отчаянной мысли, и ударивъ себя по лбу. Я сейчасъ испытаю васъ. Да! сказала она сама себѣ: это единственное средство!.....

Она позвонила.

— Барнинова карета заложена? сказала она камердинеру.

— Заложена, сударыня.

— Я ее возьму. Баринъ поѣдетъ въ мою карету. Обѣдать мы будемъ въ семь часовъ.

— Поѣдьте! сказала она Евгенію, который думалъ, что видитъ все это во снѣ, когда очутился подлѣ этой женщины, въ каретѣ барона Нюсингена.

— Въ Пале-Рояль! сказала она: остановитесь подлѣ Французскаго Театра!

Дорогой она была безпокойна, и Евгенийъ не зналъ, что думать объ ея безмолвномъ, хладнокровномъ сопротивленіи. «Въ одну минуту она у меня вырвалась! сказалъ онъ про себя.» Когда карета остановилась, баронесса взглянула на Евгения съ такимъ видомъ, что преехала потокъ безумныхъ словъ его, потому что онъ совершенно вышелъ-было изъ себя.

— Истинно ли вы меня любите? сказала она.

— О, да! отвѣчалъ онъ, скрывая безпокойство, которое невольно нмѣ овладѣло.

— Вы не станете думать обо мнѣ дурно, чего-бы отъ васъ ни потребовала?

— Нѣтъ.

— Согласны ли вы мнѣ повиноваться?

— Слѣпо, во всемъ что вы прикажете.

— Бывали ли вы когда-нибудь въ игорныхъ домахъ? спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Никогда.

— Я очень рада. Слѣдственно вы будете играть счастливо. Вотъ вамъ мой кошелекъ. Возьмите же! Тутъ его франковъ: болѣе у меня нѣтъ! Подите въ игорную залу. Я не знаю, гдѣ эти залы, но знаю, что онѣ въ Пале-Рояль. Поставьте эти его франковъ въ игръ, которую называютъ

рулеткою, и проиграйте ихъ, или выиграйте мнѣ шесть тысячъ франковъ. Тогда я расскажу вамъ мои огорченія.

— Чортъ меня возьми, если я понимаю, что стану дѣлать! Но я исполню вашу волю, прибавилъ онъ съ тайною радостью, которую возбуждала въ немъ мысль: «Она компрометируется со мною; слѣдственно не можетъ уже ни въ чемъ отказать мнѣ.»

Евгеній взялъ прекрасный кошелекъ, спросилъ, гдѣ игорная зала и побѣжалъ туда. У дверей взяли у него шляпу. Онъ вошелъ, и спросилъ, что такое рулетка. Слуга, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ, повелъ его къ длинному столу. Всѣ зрители окружили Евгенія. Онъ хладнокровно спросилъ, гдѣ надо поставить деньги.

— Ежели вы положите лундоръ на одинъ изъ этихъ тридцати шести нумеровъ, и если онъ выйдетъ, вы выиграете тридцать шесть лундоровъ, сказалъ ему какой-то почтенный съдой старикъ.

Евгеній положилъ свои сто франковъ на № 21, означавшій его лѣта, и не успѣлъ осмотрѣться, какъ раздался крикъ удивленія. Онъ выигралъ, — самъ того не зная.

— Возьмите же ваши деньги. Въ этой партіи два раза выиграть нельзя.

Евгеній взялъ лопатку, которую подавалъ ему тотъ же старикъ, и сгребъ свои три тысячи шесть сотъ франковъ; и опять, не зная что дѣлаетъ, положилъ ихъ на красный квадратъ. Зрители съ завистью на него смотрятъ, полагая, что онъ продолжатъ еще играть. Колесо повертывается, онъ снова выигрываетъ, и банкометъ бросаетъ ему еще три тысячи шесть сотъ франковъ.

— Вы выиграли семь тысячъ двѣсти франковъ, сказалъ ему тотъ же старикъ на ухо. Совѣтую вамъ перестать играть; красный выходилъ уже восемь разъ. Если вы великодушны, то, въ награду за добрый совѣтъ, облегчите участь бывшаго Наполеоновскаго префекта, который находится теперь въ крайней нищетѣ.

Старикъ беретъ у него десять лундоровъ, и Растяпьякъ уходитъ со своими семью тысячами франковъ, ни сколько не постигая, какимъ образомъ онъ ихъ выигралъ, но удивляясь своему счастью.

— Куда же вы меня теперь повезете, сказалъ онъ баронессѣ, показывая ей деньги, когда человѣкъ затворилъ двери кареты.

Дельфина, въ безумной радости обняла его, и поцѣловала съ жаромъ, но безъ страсти.

— Вы мой спаситель! вскричала она, и слезы ручьями потекли по щекамъ ея. Теперь я все расскажу вамъ, другъ мой. Не правда ли, что вы будете моимъ другомъ? Вы думаете, что я богата, живу въ роскоши, ни въ чемъ не терплю недостатка? Знайте же, что Г. Нюсингенъ не позволяетъ мнѣ располагать ни малѣйшей денежкой. Онъ самъ платитъ за всю прислугу, содержитъ мои экипажи, нанимаетъ мои ложи; на гердеробъ мой даетъ онъ мнѣ сумму очень недостаточную, и своєю расчетливостью доводитъ меня до тайной нищеты. Я слишкомъ горда, чтобы просить его о чемъ-нибудь. Я была бы презрѣнною тварью, если бъ рѣшилась покупать его деньги за цѣну, которую онъ требуетъ. Какимъ же образомъ я позволила обогатить себя, когда у меня своихъ ссѣмъ сотъ тысячъ франковъ? Изъ гордости, по негодованію. Мы, несчастныя женщины, такъ молоды, такъ простодушны, когда начинаемъ брачную жизнь! Слова, которыми подобно было просить у мужа денегъ, раздирали мнѣ губы; я никогда не рѣшалась ихъ выговорить; проживала деньги, которыя сберегла, и тѣ, которыя давалъ мнѣ добрый отецъ мой; наконецъ я надѣлала долговъ. Замужество было для меня гнуснымъ обманомъ. Я не могу говорить вамъ объ этомъ. Скажу вамъ только, что я бы бросилась въ окно, если бъ должна была жить съ Г. Нюсингеномъ, иначе какъ въ разныхъ комнатахъ. Я рѣшилась польстить самолюбію одного человѣка, котораго вы знаете, сказала она. И тотъ обманулъ меня! Онъ безсовѣстно меня покинулъ, хотя великодушно одолжилъ меня въ нуждѣ. Мужчина никогда не долженъ бы покидать той, которой, въ минуты крайности, бросилъ кучу золота..... Вы съ вашею двадцати-лѣтнею душою, съ чистымъ сердцемъ, вы, конечно, не постигаете, какъ можетъ женщина принимать деньги отъ мужчины? Деньги становятся чѣмъ-нибудь только тогда, когда любовь исчезла. Любя, думаешь, что будешь любима вѣчно, и не видишь различія между достояніемъ

своимъ и своего друга. Вы не можете постигнуть, какъ я страдала сегодня, когда Г. Нюсингенъ отказалъ мнѣ въ шести тысячахъ франковъ, а самъ даетъ ихъ осьмой мѣсяцъ своей любовницѣ, танцовщицѣ! Я хотѣла лишиться себя жизни. Тысяча сумасбродныхъ идей вертѣлись у меня въ головѣ. Были минуты, когда я завидовала служанкѣ моей, горничной. Обратиться къ батюшкѣ? Невозможно! Мы съ Анастасією ограбили его, бѣдняка. Онъ самъ бы себя продалъ для насъ, если бы за него дали шесть тысячъ франковъ. Я бы только безъ пользы привела его въ отчаяніе. Вы избавили меня отъ стыда и отъ смерти; я съ ума сходила отъ горести. Я должна была рассказать вамъ все это, потому что поступила съ вами какъ безумная. Когда вы вышли изъ кареты, когда я потеряла васъ изъ виду, я хотѣла бѣжать пышкомъ..... Куда! сама не знаю. Вотъ жизнь половины всѣхъ женщинъ въ Парижѣ: снаружи пышность, а въ душѣ отчаяніе! Я знаю женщинъ еще несчастнѣе меня: онѣ принуждены обкрадывать своихъ мужей самымъ безчестнымъ образомъ. Я никогда не рѣшалась на эти низкіе обманы; и уже впередъ не буду въ такомъ ужасномъ положеніи. А!! сегодня по-крайней-мѣрѣ Г. Марсѣ не посмѣетъ смотрѣть на меня какъ на женщину, которой онъ платилъ.....

Она закрыла лице руками, чтобы Евгеній не видалъ слезъ ея; но онъ отнялъ ручки, чтобы посмотреть на нее: она была восхитительна!

— Мѣшать деньги съ нѣжными чувствованіями, это ужасно! не правда ли? О, вы не можете любить меня!

Эта смѣсь гордости, которая такъ облагораживаетъ женщинъ, съ проступками, въ которыя вовлекаетъ ихъ общество, смущала Евгенія, и между-тѣмъ онъ говорилъ Дельфинѣ слова кроткія и утѣшительныя, любуясь этою прелестною женщиною, столь откровенною, столь неосторожною въ послѣднемъ изліяніи своей горести.

— Вы не употребите этого во зло противъ меня? сказала она. Общайте мнѣ.

— О, сударыня, я неспособенъ къ этому!

Она взяла его руку, и, съ милымъ движеніемъ признательности, положила ее себѣ на сердце.

— Благодаря вамъ, я снова весела и свободна. На мнѣ лежала тяжелая рука. Съ этихъ поръ я стану жить просто, не буду тратить лишняго. Я общаю вамъ это, другъ мой..... Оставьте это у себя, сказала она, взявъ только шесть банковыхъ билетовъ. Я должна еще вамъ двѣ тысячи пять сотъ франковъ, потому что считала васъ въ половинѣ съ собою.

Евгеній сначала отказывался, какъ невинная дѣвушка, но баронесса сказала ему: — Если вы не хотите быть моимъ сообщникомъ, то вы мой врагъ. — И онъ взялъ деньги, говоря: — Это будетъ нашъ капиталъ на случай проигрыша.

— Этого-то я и боялась! вскричала она, блѣднѣя. Если вы хотите, чтобы я была чѣмъ-нибудь для васъ, то поклянитесь мнѣ, что вы никогда впередъ не будете въ игорномъ домѣ. Боже мой, мнѣ сдѣлать васъ игрокомъ! Я бы умерла съ горя.

Она пріѣхала. Эта противоположность пицеты съ пышностію поражала и пугала Евгенія.

— Сядьте тутъ, сказала баронесса, войдя въ свой кабинетъ и указавъ ему на маленькую софу, стоявшую у каминна. Мнѣ надобно написать къ нему письмо, чрезвычайно трудное. Помогите мнѣ.

— Къ чему писать? отвѣчалъ Евгеній: положите билеты въ конвертъ, подпишите, и отправьте съ вашею горничной.

— Да вы золотой человекъ! вскричала она. Вотъ что значитъ быть хорошо воспитаннымъ! Это совершенно по-Босеановски, прибавила она, улыбаясь.

«Она восхитительна!» сказалъ самъ себѣ Евгеній, тогда какъ Дельфина дергала за колокольчикъ, чтобъ позвать горничную.

— Тереза, спеси это сама къ Г. Марсѣ и отдай ему въ руки. Если ты не застанешь его дома, то принеси письмо назадъ.

Тереза, уходя, бросила лукавый взглядъ на Растиньяка. Обѣдъ былъ готовъ. Евгеній подалъ баронессѣ руку, и она повела его въ прелестную гостиную, гдѣ онъ нашелъ ту же столовую роскошь, которую видѣлъ у Босеановъ.

— Взякой день, когда играютъ Италіянцы, вы должны обѣдать у меня и потомъ ѣздить со мною въ театръ.

— Я бы охотно поддался этой блаженной жизни; но я бѣдный студентъ, и мнѣ надобно подумать, какъ бы устроиться и пріобрѣсти хоть маленькое состояніе.

— Пріобрѣтете! сказала она, смѣясь. Вы видите, все улаживается. Думала ли я сегодня быть такою счастливою?

Женщины любятъ доказывать, что невозможное очень возможно.

Когда Г-жа Нюсингенъ и Растиньякъ вошли въ ложу, у ней былъ довольный и веселый видъ, который такъ шель къ ней, что въ собраніи стали ходить маленькія клеветы, интересныя сплетни, невинныя догадки о томъ, какъ прекрасная баронесса провела свое время между обѣдомъ и театромъ. Кто знаетъ етолчныя публики, тотъ не станетъ вѣрить ничему, что въ нихъ говорится во время антрактовъ.

Евгеній непримѣтно взявъ руку баронессы, и они говорили между собою болѣе или менѣе живыми пожатіями, сообщая другъ другу впечатлѣнія, производимыя на нихъ музыкою. Этотъ вечеръ былъ для нихъ уполтеленъ. Они вышли вмѣстѣ, и Госпожа Нюсингенъ захотѣла проводить Евгенія до Новаго Моста, чтобъ имѣть возможность долѣе оспаривать у его наглости одинъ изъ тѣхъ поцѣлуевъ, которые такъ щедро расточала ему въ Пале-Рояль. Онъ упрекалъ ее въ этой перемѣнчивости.

— Тогда это была благодарность за преданность неожиданную, сказала она: теперь это былъ бы залогъ обѣщанія.

— А вы не хотите обѣщать мнѣ, неблагодарная?

Дельфина, сдѣлавъ одинъ изъ тѣхъ жестовъ нетерпѣнія, которые такъ нравятся влюбленнымъ, дала ему поцѣловать руку, и онъ взялъ эту руку съ неохотою, восхитившею баронессу.

— Въ понедѣльникъ, на балъ увидимся, сказала она, выпуская его изъ кареты.

Идя пѣшкомъ, въ лунную и прекрасную ночь, Евгений предавался размышленіямъ. Онъ былъ вмѣстѣ и счастливъ и недоволенъ: счастливъ приключеніемъ, котораго вѣроятная развязка доставляла ему обладаніе одною изъ самыхъ прелестныхъ и модныхъ красавицъ во всемъ Парижѣ, къ

которой стремились все его желанія; недоволенъ тѣмъ, что все его планы обогащенія рушились. Тогда снова закружились въ головѣ его мысли, которымъ онъ предавался за два дня до того. Неудача всегда показываетъ намъ неумѣренность нашихъ желаній. Чѣмъ болѣе Евгеній наслаждался Парижскою жизнью, тѣмъ пуще не хотѣлось ему оставаться бѣднымъ и безвѣстнымъ. Онъ мня въ карманѣ банковской билетъ, и старался убѣдить себя, что имѣетъ право располагать имъ. Наконецъ онъ пришелъ къ дому Г-жи Вокè, и, всходя по лѣстницѣ, увидѣлъ на верху огонь. Старикъ Горіо оставилъ дверь свою не запертою и не потушилъ свѣчи, чтобы Евгеній не забылъ «рассказать ему про дочь его», какъ онъ обыкновенно говорилъ. Евгеній ничего не скрылъ отъ него.

— Охъ! вскричалъ онъ въ припадкѣ ревности: онъ думаютъ, что я разорился? А у меня еще тысяча триста франковъ дохода. Бѣдняжка моя Дельфина! Боже мой, зачѣмъ она не вздумала пріѣхать ко мнѣ. Я бы продалъ своей облигаціи, мы бы взяли изъ капитала шесть тысячъ франковъ, а изъ остаткаго я бы составилъ себѣ пожизненный доходъ. Что жъ вы не пришли мнѣ сказать объ этомъ, любезный сосѣдъ? Какъ у васъ достало духу рисковать ея бѣдными, послѣдними ста франками. Вотъ, что значать зятя! Ахъ, если бы они попались мнѣ въ руки, я бы порядкомъ сдавилъ имъ горло.... Боже мой, и плакала! Она плакала?

— Да; лицомъ на мосмъ жилетъ, сказалъ Евгеній.

— Ахъ, такъ отдайте жъ мнѣ этотъ жилетъ! вскричалъ Горіо. Какъ? на немъ есть слезы моей дочери, моей милой Дельфины, а она и маленькая не плакала! Не посите больше этого жилета, оставьте мнѣ его, я вамъ куплю другой..... Но имѣніе ся будетъ отдѣлено отъ мужниа. О, я завтра же пойду къ адвокату Дервилю. Я потребую, чтобыея приданое было отдано въ банкъ на сохраненіе. Я знаю законы. Я тертый калачъ; меня не проведешь.

— Послушайте, Г. Горіо, вотъ тысяча франковъ, которую она заставила меня взять изъ нашего выигрыша. Сберегите ей эти деньги вмѣстѣ съ жилетомъ.

Горю взглянулъ на Евгенія, схватилъ его руку, и уронилъ на нее слезу.

— Вы будете счастливы, сказалъ старикъ, потому что Богъ справедливъ! Я знатокъ въ честности! Повѣрьте мнѣ, мало на свѣтѣ людей, которые бы на васъ походили. Такъ и вы хоти́те быть моимъ милымъ дѣтищемъ? Ступайте, мой любезный, спать. Вы можете спать, потому что у васъ еще нѣтъ дѣтей..... Она плакала! И я узнаю это теперь; а когда она страдала, я спокойно тѣлъ, какъ дуракъ! Но Богъ свидѣтель, я бы готовъ на все, чтобы только которую ни будь изъ нихъ избавить отъ слезъ.

— Право, сказалъ самъ себѣ Евгеній, ложась спать: я думаю, что я на всю жизнь останусь честнымъ человекомъ. Слушаться совѣсти очень пріятно.

Быть можетъ, добро дѣлають втайнѣ только тѣ, которые вѣрятъ въ Бога, а Евгеній вѣрилъ въ Бога.

На другой день, Растиньякъ отправился передъ баломъ къ виконтессѣ Боссанъ, и она взяла его съ собою къ герцогинѣ Карильяно. Маршальша приняла его чрезвычайно ласково, и онъ нашелъ у ней Г-жу Нюсингенъ. Дельфина, одѣлась прелестно, чтобы, правясь всѣмъ, еще болѣе поправиться Евгенію, и съ истерпѣніемъ ожидала его взгляда, стараясь однако жъ скрыть свое нетерпѣніе. Это минута восхитительная для человѣка, который умѣетъ угадывать чувствованія женщины. Кто не забавлялся иногда тѣмъ, что заставлялъ дожидаться своего мнѣнія, что изъ кокетства скрывалъ свое удовольствіе, чтобы находить признанія въ причиненномъ безпокойствѣ, и наслаждаться страхомъ, который можетъ разогнать одной улыбкою? Во время этого бала, Растиньякъ понялъ всю важность своего положенія, и догадался, что онъ избралъ себѣ родъ жизни, сдѣлавшись кузнемъ виконтессы Боссанъ. Ему уже приписывали обладаніе баронессою Нюсингенъ, и это придавало ему столько вѣсу, что всѣ молодые люди бросали на него завистливыя взгляды; и уловивъ нѣкоторые изъ этихъ взглядовъ,

онъ испыталъ первыя наслажденія свѣтскаго, моднаго чело-
вѣка. Потомъ, пробираясь сквозь толпу изъ одной залы въ
другую, онъ слышалъ толки о своемъ благополучіи. Жен-
щины всѣ предвѣщали ему успѣхи. Дельфина, боясь, что-
бы его не сманили, обѣщала ему поцѣлуй, которымъ по-
скупилась наканунѣ. На этомъ балѣ Растиньякъ приглашенъ
былъ на многіе другіе. Г-жа Босеанъ познакомила его со
многими дамами, у которыхъ собиралось хорошее общество.
Однимъ словомъ, онъ разомъ попалъ въ самый высшій,
самый блестящій кругъ Парижскаго общества. Этотъ вечеръ
имѣлъ для него всю прелесть удачнаго дебюта, и онъ вѣр-
но не забудетъ его до старости, какъ дѣвушка всегда вспо-
минаетъ балъ, на которомъ она торжествовала.

На другой день, когда онъ за завтракомъ рассказывалъ
старикъ Горіо при всѣхъ жильцахъ свои успѣхи. Вотренъ
принялся дьявольски улыбаться.

— И вы воображаете себѣ, вскричалъ этотъ суровый, без-
пощадный софистъ, что модной молодой челоѣкъ можетъ
жить въ Новой Улицѣ Св. Жевсвѣвы, въ домѣ Г-жи Вокѣ,—
домъ конечно, во всѣхъ отношеніяхъ весьма почтенномъ, но
ни сколько не фешенебельномъ? Любезный другъ, если вы
хотите блистать въ большомъ свѣтѣ, то вамъ надобно имѣть
трехъ лошадей на конюшнѣ, тюльбюри для утреннихъ вы-
ѣздовъ, карету для вечернихъ; вы должны платить въ годъ
портному три тысячи франковъ, шляпнику триста франковъ,
сапожнику триста франковъ и тратить шесть сотъ франковъ
въ годъ на прачку. Модные молодые люди обязаны какъ можно
болѣе заботиться о бѣльѣ: это въ нихъ всего чаще разгля-
дываютъ. Сосчитавъ порядочно, найдемъ, что вамъ надобно
проживать двадцать пять тысячъ франковъ въ годъ; ина-
че вы шлепаетесь въ грязь, затмѣте свою свѣтлую будущ-
ность, лишитесь успѣховъ и любовницъ. Да! я еще за-
былъ камердинера и грума. Вѣдь не Христофоръ же бу-
детъ разносить ваши любовныя записки. И нельзя жъ вамъ
писать ихъ на бумагѣ, на которой дѣлаются отмѣтки на лек-
ціяхъ: это значило бы просто зарѣзаться, безвозвратно по-
губить себя. Повѣрьте челоѣку опытному, прибавилъ онъ,
сдѣлавъ басомъ своимъ *rinforzando*. Я самъ велъ эту жизнь

я знаю, что она стоитъ. Переселитесь на добродѣтельный чердакъ и сбѣчайтесь тамъ съ работою, или изберите другія средства.

Тутъ Вотренъ мигнулъ на Викторину Тальферъ, чтобы этимъ заключить рѣчь свою и напомнить Евгенію семена, которыя онъ незадолго передъ тѣмъ посѣялъ въ его сердцѣ.

Прошло много дней въ которые Растиньякъ велъ жизнь самую разсыпанную. Онъ почти всегда ѣздилъ съ Г-жею Нюсиңгенъ на обѣды и вечеринки. Онъ возвращался домой часа въ три или четыре за полночь, вставалъ въ полдень, одѣвался и отправлялся въ хорошую погоду гулять съ Дельфиною, и безпечно тратилъ драгоценное время. Онъ игралъ въ большую игру; проигрывалъ и выигрывалъ много, и совершенно привыкъ къ безпутной жизни Парижскихъ молодыхъ людей. Изъ перваго выигрыша онъ отправилъ къ матери и сестрамъ полторы тысячи франковъ и небольшіе подарки. Хотя онъ давно уже объявилъ, что намѣренъ выѣхать изъ дома Г-жи Вокё, но въ концѣ января жилъ еще тамъ, и не зналъ, какъ оттуда выбраться. Молодые люди почти всегда покоряются закону, который съ перваго взгляда кажется непонятнымъ, но который происходитъ отъ самой ихъ молодости и бѣшеной страсти къ удовольствіямъ. У нихъ всегда есть деньги на прихоти, а никогда нѣтъ ихъ на нужное. Кошелекъ Растиньяка былъ всегда пустъ для Г-жи Вокё, всегда полонъ для удовлетворенія тщеславію своего владѣтеля, и имѣлъ какіе-то лупатическіе успѣхи и неудачи, никогда не соответствовавшіе настоящимъ срокамъ платежей, чтобы выѣхать изъ этого неблагороднаго, нечистаго, вонючаго дома, надобно было расплатиться съ хозяйкою, купить мебели для новой квартиры, а этого онъ никогда не въ состояніи былъ сдѣлать.

Около этого времени Растиньякъ проигрался и надѣлалъ долговъ. Онъ начиналъ понимать, что ему не возможно продолжать этого образа жизни, не имѣя вѣрнаго дохода. Но вполне чувствуя по-временамъ всѣ неудобства своего положенія, онъ не имѣлъ силы отказаться отъ заманчивыхъ наслажденій этой жизни, и хотѣлъ продолжать ее, во что бы то ни стало. Счастливые случаи, на которые онъ надѣялся, обращались въ мечты, а существенныя препятствія

выростали. Эта жизнь, спаружн пышная, по съѣдаемая молью угрызений совѣсти; эти мимолетныя удовольствія, отравляемыя постоянными заботами, сдѣлались для него привычными; онъ сроднился съ этой жизнью, и, какъ Разсѣянный Лабрюера, ложился спать въ грязи оврага, но также, подобно Разсѣянному, марадъ покуда еще одно только платье.

— Что, братъ, видно уже предался влеченію своихъ мыслей, чтобы отъ нихъ вылечиться? сказалъ ему однажды Біаншонъ, выходя изъ-за стола?

— Нѣтъ еще, но, кажется, это скоро будетъ.

Біаншонъ принялъ это за шутку, а между-тѣмъ это была печальная истина. Евгенийъ, который, послѣ долгаго времени, снова пришелъ обѣдать за общій столъ, былъ очень задумчивъ. Въмѣсто того, чтобы, по обыкновенію своему, за десертомъ встать, онъ остался въ столовой, сидѣлъ подлѣ дѣвицы Тальферъ, и по-временамъ бросалъ на нее выразительные взгляды. Нѣкоторые изъ жильцевъ сидѣли еще за столомъ и ѣли орѣхи; другіе ходили по комнатамъ и разговаривали. Они расходились одинъ за другимъ. Зимой рѣдко случалось, чтобы столовая очистилась прежде восьми часовъ вечера; и тогда-то четыре женщины вознаграждали себя за молчаніе, которое почти всегда хранили въ этомъ мужскомъ собраніи. Пораженный задумчивостію Евгения, Вотренъ показавъ, будто спѣшитъ уйти, но остался въ столовой и наблюдалъ за нимъ такъ, что тотъ не замѣчалъ его. Онъ догадывался, что въ душѣ Растиньяка происходитъ переломъ.

Евгений дѣйствительно находился въ непріятномъ расположеніи духа, которое большая часть молодыхъ людей знаютъ. Любила ли его Г-жа Нюсенгень или только кокетничала, но она искусная въ женской Парижской дипломатіи, она провела его по всѣмъ ступенямъ страсти. Выказывая публично любовь къ нему, чтобы привязать къ себѣ родственника виконтессы Босеанъ, она не рѣшалась еще даровать ему правъ, въ которыхъ все ему завидовали. Въ первое время ихъ связи, Евгенийъ едва не сдѣлался полнымъ властителемъ, но потомъ она мало-по-малу взяла верхъ надъ нимъ съ помощію различныхъ уловокъ, которыми возбуж-

дала всѣ, и хорошія и дурныя чувствованія и наклонности трехъ или четырехъ человѣкъ, заключающихся въ Парижскомъ молодомъ человѣкѣ. Неужели это былъ расчетъ? Нѣтъ. Женщины всегда истинны, даже и въ самомъ коварствѣ, потому что онѣ всегда повинуются какому-нибудь естественному чувству. Очень натурально, что женщина, увлекаемая страстію, передъ самымъ своимъ паденіемъ, старается испытать сердце человѣка, которому ввѣряетъ свою будущность. Всѣ надежды Г-жи Нюсингенъ были уже однажды обмануты, и вѣрность ея къ молодому эгоисту презрѣна. Послѣ этого она имѣла полное право быть недо-вѣрчивою. По какимъ бы причинамъ то ни было, она шутлиа страстію Евгенія, и не боялась забавляться ею: она была увѣрена, что онъ любитъ ее истинно, и знала, что можетъ утѣшить и осчастливить его, какъ скоро ей вздумается. Весь Парижъ воображалъ, что онъ счастливъ съ Г-жею Нюсингенъ, а дѣла его ни сколько не подвинулись съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ ее во второй разъ. Не зная еще, что иногда наслажденія, доставляемыя любовію женщины, не такъ пріятны какъ удовольствія, производимыя ея кокетствомъ, онъ предавался иногда глупому бѣшенству. Иногда, оставаясь безъ денегъ, онъ, вопреки своей совѣсти, помышлялъ о предложеніи Вотрена и о возможности обогатиться посредствомъ брака съ дѣвицею Тальферъ. Въ этотъ день, голосъ нищеты заговорилъ въ немъ такъ громко, что онъ почти невольно поддался хитростямъ ужаснаго сфинкса, котораго взгляды наводили на него обаяніе.

Когда Поарѣ и дѣвица Мишонѣ ушли, Растиньякъ думая, что кромѣ нихъ двонхъ остаются въ комнатѣ только Г-жа Вокѣ и Г-жа Кутюръ, которая, дремла у камина, вязала себѣ шерстяныя рукава, поглядѣлъ на Викторину такъ нѣжно, что она потупила глаза.

— Вы что-то печальны, Г. Растиньякъ, сказала Викторина.

— У кого нѣтъ своего горя, сударыня! отвѣчалъ онъ. Впрочемъ мы, молодые люди, вѣроятно никогда бы не печалились, если бы могли быть увѣрены, что насъ любятъ, съ преданностію, которая-бы наградила насъ за наши пожертвованія.

Вмѣсто отвѣта Викторина бросила на него взглядъ, который былъ не двусмысленъ.

— Напримѣръ вы, сударыня, вы увѣрены въ своемъ сердцѣ сегодня: можете ли вы отвѣчать за него навсегда?

На устахъ бѣдной дѣвушки появилась улыбка, какъ — бы лучъ вырвавшійся изъ души, и лице ея такъ просвѣтлѣло, что Евгений испугался произведши столь сильный взрывъ чувства.

— Если бы вы, напримѣръ, получили завтра огромное, неожиданное наслѣдство, неужели-бы вы попрежнему любили бѣднаго молодого человѣка, который правилъ вамъ во время вашего бѣдственнаго положенія?

Она мило кивнула головой.

— Молодого человѣка очень бѣднаго и несчастнаго!

Она повторила тотъ же знакъ.

— Что вы за вздоръ тутъ говорите? вскричала Г-жа Вокё.

— Оставьте насъ въ покоѣ, отвѣчалъ Евгений, мы друга друга понимаемъ.

— О, такъ баронъ Евгений Растиньякъ вступаетъ въ бракъ съ дѣвицею Викториною Тальферъ! сказалъ Вотренъ грубымъ своимъ голосомъ, лившись вдругъ въ дверяхъ столовой.

— Фу, какъ вы меня испугали! сказали вмѣстѣ Г-жа Вокё и Г-жа Кутюръ.

— Что жъ! выборъ былъ бы, я думаю, не дуренъ, сказалъ смѣясь Растиньякъ, на котораго голосъ Вотрена произвелъ самое жестокое ощущеніе, какое онъ въ жизнь свою испыталъ.

— Эти шутки не приличны, господа, сказала Г-жа Кутюръ. Викторина, пойдемъ въ нашу комнату.

Г-жа Вокё пошла за своими жилищами, чтобы сберечь свѣчу, проведя вечеръ у нихъ, а Евгений остался лицомъ къ лицу съ Вотренемъ.

— Я знаю, что у васъ до того дойдетъ, сказалъ онъ, сохраняя неизмѣнное хладнокровіе. Но послушайте: я совѣстенъ какъ и другой. Я не хочу принуждать васъ. Не рѣшайтесь тотчасъ; вы не въ спокойномъ расположеніи духа. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы не страсть, не отчаяніе, а раз-

судокъ заставилъ бы васъ сблизиться со мною. Не надобно ли вамъ, можетъ-быть, нѣсколько тысячъ франковъ? Хотите, я дамъ вамъ ихъ?

Демонъ соблазнитель вынулъ изъ кармана портфель, взялъ изъ него три банковыхъ билета, и показалъ ихъ Евгенію. Растяпьякъ былъ тогда въ самомъ жестокомъ положеніи. Онъ долженъ былъ Г. Ажудъ и Г. Тралю двѣ тысячи франковъ, проигранныхъ на слово, и, не имѣя ихъ, не смѣлъ ѣхать на вечеръ къ графинѣ Рестò, гдѣ его ожидали. Это былъ одинъ изъ тѣхъ простыхъ вечеровъ, на которыхъ только пьютъ чай и ѣдятъ пирожки, а проигрываютъ въ вистъ по десяти тысячъ франковъ.

— Г. Вотренъ! сказалъ Евгенийъ, съ трудомъ скрывая судорожную дрожь, пробѣжавшую по всѣмъ его членамъ: вы можете вообразить, что послѣ того, что вы мнѣ говорили, мнѣ непріятно было бы считать себя обязаннымъ вамъ.....

— Сказать ли вамъ правду? Мнѣ бы досадно было, если бы вы отвѣчали иначе. Вы прекрасный молодой человекъ, благородный, гордый какъ левъ и кроткій какъ красная дѣвушка. Вы были бы вкуснымъ глоткомъ для чорта. Я люблю въ молодыхъ людяхъ это качество. А вы видно считаете меня негодяемъ, когда вамъ совѣстно быть мнѣ обязаннымъ? Нужды нѣтъ. Между-тѣмъ человекъ, который былъ честенъ не менѣе того, какимъ вы себя считаете, Тюренъ, не совѣстился имѣть дѣла съ разбойниками. Вы не хотите быть мнѣ обязаннымъ? Ну такъ вотъ, сказалъ онъ, улыбаясь и вынимая изъ кармана гербовую бумагу: напишите тутъ: «Я нижеподписавшійся занялъ у такого-то три тысячи пятьсотъ франковъ,—обязуюсь уплатить оныя въ теченіе одного года, безъ процентовъ», — и подпишите число. Проценты здѣсь включены, и довольно велики для того, чтобы успокоить вашу совѣсть. Такимъ образомъ вы можете называть меня жидомъ, и ни сколько не считать себя обязаннымъ мнѣ. Я даже позволяю вамъ покуда презирать меня: я знаю, что вы современемъ будете меня любить!

— Что жъ вы за человекъ? Вы, кажется, рождены на то, чтобы меня мучить, сказалъ Евгенийъ.

— Нѣтъ, я только хочу забрызгаться грязью, для того, чтобы вы были защищены отъ нея на всю остальную жизнь вашу. Вы спросите меня: что жъ это за непостижимая преданность? Когда-нибудь я скажу вамъ это по секрету. Я сначала испугалъ васъ; но это пройдетъ, какъ страхъ рекрута на полѣ сраженія. Странное только дѣло, что я предлагаю вамъ богатство за одинъ знакъ головою, и вы не рѣшаетесь на этотъ знакъ. Какой нынче странный вѣкъ!

Евгеній написалъ расписку, и взялъ банковые билеты.

— Ну, теперь поговоримъ толкомъ, сказалъ Вотренъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мнѣ бы хотѣлось отправиться въ Америку, сажать табакъ: я вамъ прикину сигаръ. Если у меня дѣтей не будетъ,—что, впрочемъ, вѣроятно, я вамъ откажу все свое имѣніе. Видана ли такая дружба? Что дѣлать! Я страхъ люблю васъ. У меня страсть жертвовать собою другимъ. Я ужъ это неразъ дѣлалъ. Дѣло въ томъ, что я парю въ сторонѣ болѣе возвышенной, чѣмъ другіе. На дѣла я смотрю какъ на средства, и думаю объ одной только дѣлн. Человѣкъ для меня или все или ничего. Онъ меньше чѣмъ клопъ, если онъ Поарё. Но онъ существо возвышенное, когда походитъ на васъ; онъ уже тогда не машина, обтянутая кожею; онъ театръ, на которомъ движутся самыя прекраснѣйшія чувствованія, а я живу только для чувствованій.

Вотренъ ушелъ, чтобы не дать времени Евгенію отвѣчать отрицательно.—Дѣлай онъ что хочетъ, а я не женюсь на Викторинѣ! сказалъ про себя Растиньякъ.

Помучившись внутреннею лихорадкою, которую причиняла ему мысль, что онъ вступилъ въ связь съ этимъ человѣкомъ, котораго гнушался, по которому самый низмъ идей его придавалъ необыкновенное выраженіе, Евгеній одѣлся, послалъ за каретой, и поѣхалъ къ графинѣ Ресто. Съ нѣкотораго времени Анастасія становилась чрезвычайно ласковою къ молодому человѣку, котораго каждый шагъ въ большемъ свѣтѣ былъ новымъ успѣхомъ, и который, какъ она полагала, долженъ пользоваться современнымъ чрезвычайно сильнымъ вліяніемъ. Онъ расплатился съ Гг. Ажудою и Тралемъ, провелъ часть ночи за вистомъ, и отыгрался. Суевѣрный, какъ большая часть людей, которымъ надобно

пробить себѣ дорогу въ свѣтъ и которые всѣ болѣе или менѣе фаталисты, онъ воображалъ, что судьба награждаетъ его счастьемъ за то, что онъ еще не совратился съ истиннаго пути. На другой день утромъ онъ спросилъ у Вотренна свое заемное письмо, и расплатился съ нимъ, изъявляя очень естественное удовольствіе.

— Все идетъ хорошо! сказалъ Вотренъ.

— Но я не сообщникъ вашъ, возразилъ Евгеній.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ Вотренъ, прерывая его. Вы еще ребячитесь, затрудняетесь пустяками.

Для черезъ два послѣ того, Г. Поарё самецъ мамзель Мишонъ, и мамзель Мишонъ, самка Г-на Поарё, погулявъ, по обыкновенію своему въ Ботаническомъ Саду, сидѣли на солнцѣ въ одной уединенной аллеѣ, и толковали съ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который не напрасно казался Біаншону подозрительнымъ.

— Не понимаю, сударыня, говорилъ Г. Гондюро, чего тутъ совѣститься. Его превосходительство.....

— О, какъ скоро его превосходительство!... какъ скоро его превосходительство.... такъ это дѣло совсѣмъ другое....!

— Вы слышите, сударыня, какъ здраво судить вашъ пріятель, которому вы очень можете повѣрить. Ну, такъ его превосходительство теперь совершенно увѣрсилъ, что вашъ Вотренъ не кто иной какъ убѣжавшій изъ Тулона каторжникъ, Жакъ Колленъ. Это человѣкъ необыкновенный и весьма опасный: товарищи прозвали его — *Надулъ-Смерть*, потому что онъ всегда умѣетъ вернуться отъ гильотины, какъ бы ни проказничалъ. Впрочемъ, нѣкоторые даже уважали его за тотъ поступокъ, по которому онъ былъ приговоренъ къ каторгѣ....

— Такъ онъ, видно, честный человѣкъ, сказалъ Поарё.

— Честный по своему. Онъ принялъ на себя чужое преступленіе, подмогъ, сдѣланный однимъ молодымъ Италіянцемъ, котораго онъ очень любилъ. Этотъ Италіянецъ былъ страстный игрокъ; онъ послѣ вступилъ въ военную службу и выслужился; онъ теперь полковникъ, и большой другъ Вотрену.

— Но если его превосходительство увѣренъ, что Вотренъ

точно тотъ самый Надуль-Смерть, или Жакъ Колленъ, какая же ему надобность во мнѣ? сказала Мишонн.

— Да! прибавилъ Поарё: если его пресвосходительство, какъ вы изволили говорить, совершенно убѣжденъ, что его смерть надула....

— Убѣжденъ нельзя сказать; мы только догадываемся, полагаемъ. Жакъ Колленъ пользуется полною довѣренностью всѣхъ каторжниковъ. Онъ ихъ агентъ и банкиръ. Это доставляетъ ему большіе барыши. Каторжники вѣряютъ ему свои капиталы, Вотренъ бережеть ихъ, отдаетъ на проценты, и выплачиваетъ тѣмъ, которымъ удастся убѣжать съ каторги, или ихъ семействамъ по завѣщаніямъ, или ихъ любовницамъ. Вы понимаете, сударыня, что правительству весьма нужно овладѣть этимъ незаконнымъ банкомъ, въ которомъ, говорятъ, хранятся большія суммы. У Коллена очень много денегъ, потому что онъ хранитъ не только деньги каторжниковъ, но и капиталы Десяти Тысячъ....

— Десяти тысячъ разбойниковъ! вскричалъ испуганный Поарё.

— Нѣтъ, Общества Десяти Тысячъ: оно компанія вышнихъ воровъ, людей, которые занимаются важными дѣлами и не вмѣшиваются въ предпріятія, въ которыхъ нельзя добыть десяти тысячъ франковъ. Общество это состоитъ изъ всѣхъ порядочныхъ негодяевъ, подлежащихъ вѣдѣнію уголовныхъ судовъ. Они очень хорошо знаютъ законы, и распоряжаются такъ, чтобы смертная казнь на нихъ не простиралась, если бы имъ случилось попасть въ руки полиціи. Колленъ ихъ совѣтникъ и позѣреный. Располагая огромными средствами, онъ составилъ себѣ собственную свою полицію, и имѣетъ чрезвычайно обширныя связи, которыя прикрываетъ глубочайшею тайною. Съ годъ уже какъ мы окружили его шпионами, но до-сихъ-поръ не можемъ подстеречь. Касса этого человека платитъ пороку, доставляетъ капиталы преступленію, и содержитъ цѣлую армію негодяевъ, которые состоятъ въ непрерывной войнѣ съ публикой. Захватить молодца Надуль-Смерть и овладѣть его банкомъ, значитъ пресѣчь зло въ самомъ корнѣ. Зато, это теперь дѣло государственное, дѣло высшей политики, которое принесетъ величайшую честь тому, кто будетъ содѣй-

ствовать благополучному его окончанію. Если бы вы помогли намъ, сударь, то могли бы снова вступить въ службу, сдѣлаться, напримѣръ, квартальнымъ секретаремъ при полиціи, не теряя между-тѣмъ и своей пенсіи.

— Да что жъ этотъ Надуль-Смерть не убѣжитъ съ своей кассой? сказала Г-жа Мишоно.

— Какъ это можно! Да за нимъ вездѣ будетъ слѣдовать какой-нибудь членъ ихъ общества, который наконецъ убьетъ его. Притомъ кассу увезти не такъ легко, какъ дѣвушку. Да кромѣ того, Колленъ никогда не захочетъ обезчестить себя подобнымъ поступкомъ.

— И точно, сударь, онъ никогда не захочетъ обезчестить себя подобнымъ поступкомъ, сказалъ Поарё.

— Я все таки не понимаю, почему вы просто не захватите его, сказала дѣвица Мишоно.

— Я сейчасъ вамъ объясню это. Жакъ Колленъ хитеръ, онъ притворяется порядочнымъ человѣкомъ; его всѣ уважаютъ, и потому его нельзя тронуть, не одумавшись. Если бѣ мы ошиблись, если бы Вотренъ былъ не Колленъ, а мы бы между-тѣмъ его взяли, все торговое сословіе и общественное мнѣніе поднялись бы противъ его превосходительства; газеты подняли бы ужаснѣйшій шумъ, и враги его превосходительства воспользовались бы этимъ случаемъ, чтобы столкнуть его съ мѣста. Здѣсь надобно поступить точно такъ же, какъ въ дѣлѣ Коньяра, ложнаго графа Сентъ-Эленскаго. Хороши бы мы были, если бѣ оказалось, что онъ точно графъ Сентъ-Эленскій! Чтобы не ошибиться, надобно было подвести справку. Мы подвели справку посредствомъ одной женщины.

Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, они условились на томъ, что мамзель Мишоно, за три тысячи франковъ, подведетъ справку, точно ли Вотренъ тотъ самый Жакъ-Колленъ-Надуль-Смерть; только напередъ она пойдетъ посоветоваться съ своимъ пріятелемъ, аббатомъ, и дастъ Г-ну Гордиоро отвѣтъ въ назначенномъ имъ мѣстѣ, позволитъ ли ей аббатъ приняться за это дѣло.

Біаншонъ въ это время шелъ съ лекціи Г. Кювье и услышалъ — «Надуль-Смерть», — послѣднія слова знаменитаго начальника сыщиковъ, Г. Видока, который выдавалъ се-

бя за Гондуро. Это странное названіе чрезвычайно его поразило. Онъ рѣшился разспросить объ немъ у мамзель Мишонъ, при первомъ свиданіи съ ней за обѣдомъ.

— Что жъ вы съ нимъ не рѣшились? сказалъ Поарё дѣвицѣ Мишоно. Вѣдь три тысячи франковъ, это триста франковъ пожизненнаго дохода!

— Объ этомъ надобно еще подумать! отвѣчала Мишоно. Если Г. Вотренъ точно Жакъ Коленъ, то можетъ быть выгоднѣе сдѣлаться съ нимъ, чѣмъ съ полиціей. Впрочемъ, если я его предувѣдомлю и потребую съ него денегъ, онъ, пожалуй, убѣжитъ даромъ. Это было бы жестоко!

— Да хоть вы его и предувѣдомите, сказалъ Поарё, такъ вѣдь этотъ господинъ говорилъ намъ, что за нимъ присматриваютъ. Тогда его все-таки поймаютъ, а вы ничего не получите.

— Притомъ же, подумала дѣвица Мишонъ, я и не люблю его. Этотъ человѣкъ не скажетъ мнѣ учтиваго слова!

Въ домѣ Г-жи Вокё происходила въ тоже время другая занимательная сцена. Въ это утро Г-жа Нюсингенъ совершенно привела Растиньяка въ отчаяніе. Въ душѣ онъ уже предался Вотрену, не размышляя ни о причинахъ дружбы къ нему этого человѣка, ни о будущности, которую готовитъ ему подобная связь: только чудо могло извлечь его изъ пропасти, въ которую онъ ступилъ уже одной ногою. Въ это самое время онъ обмѣнивался съ дѣвцею Тальферъ самыми нѣжными обѣщаніями. Викторина воображала, что слышитъ голосъ ангела; небо для нея разверзлось: домъ Г-жи Вокё покрывался блестящими красками, которыми декораторы рисуютъ дворцы; она любила и была любима: такъ, по-крайней-мѣрѣ, она думала. И какая бы женщина на ея мѣстѣ этого не подумала, видя Растиньяка, слушая его въ продолженіе цѣлаго часа, потаенно отъ своихъ домашнихъ аргусовъ? Въ борьбѣ съ своею совѣстью, зная что дѣлаетъ дурно, увѣряя себя, что выкупить этотъ грѣхъ, осчастлививъ Викторину, Евгенийъ украсился своимъ отчаяніемъ, и сіялъ всѣми огнями ада, кипѣвшаго въ душѣ его. Къ счастью его, чудо дѣйствительно случилось. Вотренъ вдругъ вошелъ съ веселымъ видомъ въ комнату, и однимъ взглядомъ проникъ въ душу Евгенія и Викторины;

но разогналъ ихъ благополучіе, запѣвъ своимъ грубымъ, насмѣшливымъ голосомъ:

Мила моя Фаншетта,
Въ обычной простотѣ....

Викторина убѣжала, унося въ душѣ столько блаженства, сколько вытерпѣла во всю жизнь свою злополучія. Бѣдная дѣвушка! Пожатіе руки, прикосновеніе волосъ Растиньяка къ щекѣ ея, нѣсколько словъ, сказанныхъ такъ близко отъ ея уха, что она чувствовала жаръ губъ Евгенія, поцѣлуй въ шею, были залогомъ ея страсти, залогомъ тѣмъ болѣе драгоценными, что Сильвія, которая была подлѣ въ столовой, могла каждую минуту войти и помѣшать имъ.

— Дѣло слажено! сказалъ Вотренъ Евгенію. Наши молодцы сошлись. Все обдѣлано какъ нельзя лучше; они поспорили изъ-за политическихъ мнѣній. Голубѣкъ нашъ оскорбилъ моего сокола. Они завтра дерутся въ Клинъанкуръ. Въ половинѣ девятаго, Викторина наслѣдуетъ и любовь и богатство своего отца, покуда она, дурочка, будетъ тутъ макать сухари въ молоко. Это, право, презабавно. Говорятъ, что молодой Тальферъ славно дерется на шпагахъ; нужды нѣтъ: ему все таки кровь пустятъ, Я изобрѣлъ одну штуку въ фектованьи: надобно приподнять шпагу своего противника и колоть его прямо въ лобъ. Я вамъ покажу это, оно можетъ пригодиться при случаѣ.

Растиньякъ слушалъ въ какомъ-то остолебѣніи, и не могъ вымолвить ни слова. Въ это время пришли старикъ Горіо, Біаншонъ и нѣкоторые другіе жильцы.

— Такъ-то мнѣ и хотѣлось, чтобы вы были! сказалъ Вотренъ. Вы теперь знаете, что дѣлаете. О, молодой человекъ, вы пойдете далеко, потому что у васъ душа сильная и рѣшительная. Я истинно васъ уважаю.

Вотренъ хотѣлъ пожать ему руку; но Растиньякъ съ ужасомъ ее отдернулъ, и, блѣднѣя, упалъ на стулъ: ему казалось, что у ногъ его лужа крови.

— Э! вы все еще ребенокъ. Въдѣ у папеньки-то три миліона; я справлялся.

Растиньякъ принялъ добродѣтельное намѣреніе. Онъ рѣшился идти въ тотъ же вечеръ предупредить обо всемъ Г. Тальфера и его сына. Въ эту минуту Вотренъ

отошелъ, и Горіо сказалъ ему на ухо: — Вы что-то печальны, мой милый Евгений! Пойдемте со мною, я васъ разве-село.

Онъ зажегъ фонарь, и они вышли вмѣстѣ.

— Пойдемте въ вашу комнату, сказалъ Горіо, взявъ у Силь-віи ключъ.

— Я нашелъ прелестную квартерку, въ улицѣ Артуа, близехонько отъ улицы Св. Лазаря, гдѣ живетъ моя Дель-фина. Мы уже умеблировали эту квартиру; въ ней есть до-вольно мѣста для васъ и для меня. Все это ничего не будетъ вамъ стоить; не спрашивайте какимъ образомъ, это-го я вамъ не скажу. О, намъ тамъ будетъ очень хорошо!

Евгеній не говорилъ ни слова, и, сложивъ руки на гру-ди, прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ. Горіо вос-пользовался минутой, когда онъ былъ къ нему спиною, и поставилъ на каминъ красный сафьянный футляръ съ золо-тымъ гербомъ Растиньяка.

— Вы не можете вообразить, сколько мнѣ было хлопотъ съ этимъ. Но зато какъ я буду счастливъ! Живя съ вами, я буду иногда видѣть мою Дельфину, и сверхъ того буду знать, что она дѣлаетъ: вы всякой день станете рассказывать мнѣ объ ней... Боже мой, какъ мнѣ сегодня было весело! Вѣдь мы ходили вмѣстѣ! Были въ лавкахъ, вездѣ, вездѣ! Потомъ я проводилъ ее домой. Ужъ лѣтъ десять, какъ я не хаживалъ ни съ одной изъ дочерей моихъ. Но теперь мы сблизимся съ моей Дельфиной....

И бѣднякъ старикъ плакалъ съ радости.

— Вѣдь вамъ иногда надобно же будетъ кого-нибудь для прислуги; а я всегда тутъ. Охъ, если бъ этотъ прокля-тый Альзанцъ умеръ; если бъ его подагра догадалась забрать-ся въ желудокъ! Вы бы женились на моей Дельфинѣ, и она была бы счастлива, и мы жили бы вмѣстѣ.... Боже мой, Боже мой..... какъ это было бы хорошо! Всю дорогу она только о васъ и толковала: «Не правда-ли, батюшка, что онъ хорошъ? Не правда-ли, батюшка, что у него доброе сердце?» Ну, только и слышишь отъ нея! Я ей рассказалъ, что вы отдали мнѣ на сохраненіе тотъ би-летъ-то, въ тысячу франковъ: это ее до слезъ тронуло.....

Да что это у васъ на каминѣ? сказалъ наконецъ Горіо, досадуя, что Растиньякъ не замѣчаетъ подарка.

Евгеній смотрѣлъ на него, какъ полоумный. Дуэль, о которой говорилъ Вотренъ, и вмѣстѣ предложеніе добраго старика, казались ему тяжкимъ сномъ. Онъ обернулся къ камину, увидѣлъ футляръ, раскрылъ его, и нашелъ тамъ прелестные Брегетовскіе часы, завернутые въ бумажку, на которой было написано:

«Я хочу, чтобы вы каждую минуту обо мнѣ думали, потому что....
Дельфина.»

Послѣднія слова, видно, содержали въ себѣ намѣкъ на какую-то сцену, происходившую между ними, потому что Евгеній былъ тронутъ. Гербъ его былъ превосходно выдѣланъ эмалью на спинкѣ часовъ. Онъ восхищался, Горіо блаженствовалъ. Онъ, вѣрно, обѣщалъ рассказать дочери, какое дѣйствіе произведетъ на Евгенія ея подарокъ. Онъ любилъ Растиньяка и за себя и за нее.

— Ступайте къ ней сегодня вечеромъ. Она ждетъ васъ. Она, бѣдняжка, одна одиныхонька. А! говорятъ, что мужъ ея очень сконфузился, когда адвокатъ мой сталъ говорить съ нимъ о приданомъ. Онъ началъ увѣрять, что обожаетъ дочь мою! Такъ вы возьмете меня къ себѣ жить?

— Я охотно къ вамъ переѣду! Вы знаете, что я люблю васъ.

— О, да; вы не стыдитесь меня! Дайте мнѣ обнять васъ. И онъ заключилъ его въ свои объятія.

— Ну, что же? пойдете что ли вы къ ней.

— Пойду, непременно пойду. Только мнѣ надобно сегодня сходить еще въ другое мѣсто по весьма важному дѣлу.

— Не могу ли я что-нибудь для васъ сдѣлать?

— Въ самомъ дѣлѣ, вы можете оказать мнѣ большую услугу. Я пойду къ Г-жѣ Нюсингенъ, а вы, между-тѣмъ, потрудитесь сходить къ старику Тальферу, и попросите его, чтобы онъ принялъ меня сегодня вечеромъ. У меня есть до него дѣло, крайне нужное.

— Что это значитъ? вскричалъ Горіо, измѣнившись въ лицѣ. Неужели правда, что эти дураки тамъ толкуютъ? Неужели вы любите.....

— Клянусь вамъ, что я люблю только одну женщину на свѣтѣ, сказалъ Растиньякъ. Но сынъ Г. Тальфера дерется завтра на дуели, и я слышалъ, что онъ будетъ убитъ....

— Да вамъ-то какая надобность? сказалъ Горіо.

— Непременно надобно ему сказать, чтобы онъ не ходилъ въ.... вскричалъ Евгенийъ.

И въ эту минуту послышался голосъ Вотрена, который, появившись вдругъ въ дверяхъ его комнаты, пѣлъ:

Ричардъ, о мой король!

Покинуть всеми ты.....

Брумъ! брумъ, брумъ, бурурррррумъ!

Я долго по свѣту шатался,

Вездѣ вездѣ перебивалъ.....

Тра-ла-ла-ла тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла!

— Господа! закричалъ Христофоръ, кушать готово.

— Послушай, сказалъ Вотренъ, возьми бутылку моего Бордоскаго вина.

— А каковы часики? спросилъ Горіо.

Вотренъ, Горіо и Растиньякъ, сошли вмѣстѣ въ общую комнату, и какъ всѣ уже были за столомъ, то они приуждены были сѣсть рядомъ. Евгенийъ во весь обѣдъ былъ съ нимъ очень холоденъ, хотя Вотренъ, котораго Г-жа Вокè находила столь любезнымъ, никогда не бывалъ такъ веселъ и забавенъ. Всѣ хохотали. Это хладнокровіе Вотрена приводило Евгения въ отчаяніе.

— Что съ вами сегодня сдѣлалось? сказала Г-жа Вокè: вы веселы какъ козленокъ.

— Я всегда веселъ, когда удачно сладилъ какое-нибудь дѣло, отвѣчалъ Вотренъ.

— Какое дѣло? сказалъ Евгенийъ.

— Да; я поставилъ товары, и получу порядочные проценты за коммисію. Мамзель Мишопò! сказалъ онъ, замѣчая, что она за нимъ присматриваетъ: что вы на меня такъ коситесь? Или лице мое вамъ не нравится? Пожалуй, я переѣмлю его, вамъ въ угоду. Слышишь, Поарé, ты на меня не разсердишься?

— Что вы не пойдете въ натурщики? сказалъ молодой живописецъ: съ васъ бы хорошо писать Геркулеса.

— Пожалуй, пиши; только съ тѣмъ, чтобы мамзель Мишонó позволила списать съ себя Венеру.

— Венера! Венера! закричали студенты, хохоча.

— Все это хорошо, сказала Г-жа Вокё съ досадой: а лучше бы было, если бъ вы поподчивали насъ вашимъ бордосскимъ. Оно и пріятно, и здорово для желудка.

— Господа! вскричалъ Вотренъ: госпожа президентша напоминаетъ намъ о соблюденіи порядка. Г-жа Кутюръ и вотъ эта юная добродѣтельная дѣвица не сконфузятся отъ вашихъ вольныхъ рѣчей зарюмкой; но не заставляйте краснѣть Г-на Горіо. Имѣю честь предложить вамъ бутылку Бордосскаго вина, извѣстнаго подъ именемъ Г. Лафитта, но въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго духа оппозиціи, ни либерализма. Эй, чуело! сказалъ онъ, смотря на Христофора, который и не двигался. Слышишь, Христофоръ! Развѣ ты не знаешь своего имени? Давай сюда напиток!

— Вотъ они, сударь, сказалъ Христофоръ, подавая ему бутылку.

Наполнивъ стаканы Евгенія и Горіо, онъ налилъ себѣ нѣсколько капель, попохалъ вино, попробовалъ, ожидая, чтобы сосѣди его выпили, и потомъ вскричалъ: — Фу! оно пахнетъ пробкой! Возьми его себѣ, Христофоръ. Да поди въ мою комнату; знаешь, тамъ, на право: насъ шестнадцать человѣкъ; такъ принеси восемь бутылокъ.

— Какъ такъ, вскричалъ живописецъ, такъ я плачу за сотню каштановъ.

— Браво! — Славно! — Лихо!

Воскликанія взлетѣли какъ ракеты.

— Ну, матушка! сказалъ Вотренъ Г-жѣ Вокё: двѣ бутылочки шампанскаго.

— Шутка! Да вѣдь это двѣнадцать франковъ. Гдѣ мнѣ ихъ взять? Но если Г. Растиньякъ за нихъ займать, такъ я, пожалуй....

— Согласенъ, сказалъ Растиньякъ: плачу.

Бутылки начали ходить вокругъ стола; всѣ развеселились; гости зашумѣли. Грубый хохотъ раздавался въ комнатѣ. Между-тѣмъ кто-то вздумалъ закричать какъ разнощикъ, и въ одну минуту раздалось со всѣхъ сторонъ: — Ножи то-

чить! — Кошкамъ вѣсть! — Старого мѣха продать! — Бутылки, штофы продать! — Рыба свѣжая! — По вишню, по ягоду!...

Побѣда осталась за Біаншономъ, который самымъ гнуснымъ голосомъ прокричалъ: — Птицы пѣвчія!

Шумъ былъ ужасный. Плоскости и шутки сыпались со всѣхъ сторонъ. То была настоящая опера, которою дирижировалъ Вотренъ, наблюдая между-тѣмъ за Евгеніемъ и Горіо. Они оба, казалось, уже опьянѣли. Прислонившись къ спинкѣ стульевъ, они молча смотрѣли на этотъ необычайный беспорядокъ, и пили мало. Оба думали о томъ, что имъ надобно сдѣлать въ этотъ вечеръ, и между-тѣмъ оба чувствовали, что уже не могутъ приподняться. Вотренъ искоса на нихъ поглядывалъ, и, когда уже глаза Евгенія смыкались, онъ нагнулся къ его уху и сказалъ ему: — Нѣтъ, мой миленькой, тебѣ не перехитрить Вотрена! Да притомъ, я слишкомъ люблю тебя, чтобы позволить тебѣ надѣлать глупостей. Если ужъ я на что-нибудь рѣшился, то мнѣ никто въ мірѣ не помѣшаетъ! А! ты хотѣлъ предостеречь старика Тальфера. Нѣтъ, любезный, печь истоплена, тесто готово, — на лопату, да и въ печку: завтра станемъ прикусывать, да похваливать; а ты-было вздумалъ помѣшать мнѣ. Не безпокойся, все будетъ исправно; полковникъ Франнесини завтра же кончикомъ шпаги доставитъ Викторинѣ наслѣдство отъ брата. Материнское имѣніе ихъ составляетъ болѣе трехъ сотъ тысячъ франковъ: такъ у ней будетъ и безъ того около пятнадцати тысячъ дохода. А ты, спи себѣ покуда!...

Евгеній слышалъ все это, но не могъ отвѣчать; языкъ его не ворочался, и сонъ одолевалъ его. Столъ и гости казались ему въ какомъ-то туманѣ. Шумъ утихъ и гости, одинъ за другимъ, разошлись. Потомъ, когда въ комнатѣ остались только Г-жа Вокё, Г-жа Кутюръ, Викторина, Вотренъ и Горіо, Растиньякъ видѣлъ еще какъ-будто во снѣ, что Г-жа Вокё начала сливать остатки вина въ одну бутылку.

— Экіе весельчаки! что за шумливый народъ говорила она.

Это были послѣднія слова, которыя Евгеній разслышалъ и понялъ.

— Ужь правду сказать, Г. Вотренъ на эти штуки мастеръ! сказала Сильвія. Посмотрите-ка, ради Бога, Христофоръ спитъ какъ сурокъ.

— Прощайте, матушка-голубушка, сказалъ Вотренъ Г-жѣ Вокѣ. Я иду въ театръ. Хотите со мной? За всѣхъ плачу!

— Я съ вами! вскричала Г-жа Вокѣ.

— Э, голубчики, угомонились! сказалъ Вотренъ, поглядывая на Горіо и Растиньяка.

Онъ положилъ голову Евгенія на спинку стула, съ жаромъ поцѣловалъ его въ лобъ, и заплѣлъ:

Спи, мой милый, почивай,
Глазъ своихъ не открывай!....

— Я боюсь, не боленъ ли онъ? сказала Викторина.

— Ну такъ, постерегите его, сказалъ онъ. Это обязанность доброй жены, прибавилъ онъ, нагнувшись къ ея уху. Онъ васъ обожаетъ и я предсказываю, что вамъ непременно быть за нимъ. Наконецъ, сказалъ онъ въ слухъ, «Они пользовались всеобщимъ уваженіемъ, жили долго и счастливо и оставили много дѣтей!» Такъ кончаются всѣ старинные романы.

— Ну, матушка! сказалъ онъ, обнимая Г-жу Вокѣ: одѣвайтесь-ко поскорѣе; платье съ цвѣтами, шляпку съ перьями, кушакъ съ узорами. Ну же, скорѣе; а я схожу куда за извозчикомъ.

И онъ ушелъ, напѣвая:

Солнце красное, солнце красное!
На твоихъ лучахъ зрѣютъ яблочки!...

— Господи, Боже мой! сказала Г-жа Вокѣ, обращаясь къ Г-жѣ Кутюръ: съ этимъ человекомъ и на чердакъ не соскучишься. Ну, прибавила она, взглянувъ на Горіо: онъ уже протянулся. Этотъ старый чортъ ни въ жизнь меня въ театръ не воживалъ. Да вѣдь онъ, пожалуй, со стула свалится! Сильвія, стащи его къ нему на постель.

Сильвія взяла старика подъ руки, свела его кой-какъ въ его комнату, и бросила какъ спонъ поперекъ постели.

— Бѣдняжка! сказала Г-жа Кутюръ, расправляя волосы Евгенія, упавшіе ему на глаза. Онъ, какъ красная дѣвушка, не можетъ лишней рюмки выпить.

— То ужъ, правду сказать, вскричала Г-жа Вокѣ: вотъ-

ужь тридцать одинъ годъ какъ я пускаю къ себѣ жильцевъ; много молодыхъ людей видывала, а такого милаго право еще не знавала. Экой онъ хорошенькой, когда спитъ! Положите жь его голову къ себѣ на плечо. Ба, да онъ и самъ свалился на плечо Викторины. Догадливъ? А то бы онъ разкромилъ себѣ голову объ стулъ. А что! вѣдь они парочка бы хотъ куда.

— Какъ можно этакія вещи говорить! сказала Г-жа Кутюръ.

— Ба! да вѣдь онъ не слышитъ. Сильвія, пойдемъ, одѣнь меня. Я надѣну большой корсетъ.

— Большой корсетъ? послѣ обѣда-то! Нѣтъ, сударыня, я не стану васъ шнуровать; я не хочу быть вашей убійцей. Вѣдь этотъ корсетъ можетъ васъ и въ гробъ сложить.

— Нужды нѣтъ! Я должна принарядиться для Г. Вотрена.

— Да что вы хлопчете: для своихъ наслѣдниковъ?

— Ну же, Сильвія! полно умничать. Пойдемъ.

Храпѣнье Христофора раздавалось по всему дому; оно составляло совершенную противоположность съ тихимъ сномъ Евгенія, который спалъ мило какъ младенецъ. Радуясь, что можетъ позволить себѣ одно изъ тѣхъ добрыхъ дѣлъ, въ которыхъ изливается вся нѣжность женщины, и чувствовать, безъ нарушенія стыдливости, бьеніе сердца Евгенія, Викторина сидѣла смирно, и смотрѣла на него съ видомъ матери, которая имѣетъ своего ребенка. Посреди нѣжныхъ мыслей, раздавшихся въ ея сердцѣ, трепетъ сладости, возбуждаемый прикосновеніемъ милаго, пробѣгалъ по ея жиламъ.

— Бѣдняжка! сказала Г-жа Кутюръ, пожимая ей руку.

Старуха любовалась милымъ, но болѣзненнымъ лицомъ Викторины, которое сіяло блаженствомъ. Дѣвица Тальферъ походила на одну изъ тѣхъ картинъ старинныхъ живописцевъ, которые пренебрегали подробностями и сберегали все свое искусство для изображенія лица, обыкновенно нѣсколько желтоватаго, но какъ-будто отражавшаго золотые отбѣнки неба.

— Онъ, вѣдь, маменька, выпилъ не больше двухъ рюмокъ! сказала она, расправляя волосы Евгенія.

— Онъ не привыкъ къ пьянству, моя милая, а то бы могъ выпивать столько же какъ и другіе. Это дѣлаетъ ему честь, что онъ такъ пьянъ.

На улицѣ послышался стукъ кареты.

— Маменька, сказала Викторина: это Г. Вотренъ! Снимите съ меня голову Евгенія. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ видѣлъ меня въ этомъ положеніи: этотъ человекъ мараетъ душу своими шутками.

— Ты несправедлива къ нему, сказала Г-жа Кутюръ. Вотренъ человекъ простой, но добрый. Онъ немножко въ родѣ моего покойнаго мужа.

Вотренъ вошелъ потихоньку въ комнату, и остановился, чтобы полюбоваться на эту картину.

— Эта сцена внушила бы цѣсколько прекрасныхъ картинъ Бернардену-де-Сенъ-Пьеру, автору «Павла и Виргиніи», сказалъ онъ. Какъ юность мила! Спи, Евгеній, спи; счастье иногда приходитъ во снѣ. Вы не можете вообразить, какъ я люблю этого молодого человека! прибавилъ онъ, обращаясь къ Г-жѣ Кутюръ: и люблю потому, что душа его такъ же прекрасна, какъ и лице. Этотъ, право, стоитъ любви. Если бъ я былъ женщиной, я бы хотѣлъ умереть, пѣтъ, жить для него. — Когда я смотрю на нихъ, сударыня, сказалъ онъ, нагнувшись къ уху Г-жи Кутюръ, мнѣ приходитъ въ голову, что они созданы другъ для друга. — Пути Провидѣнія! неисповѣдимы! прибавилъ онъ вслухъ. Вы соединены между собою, мои милые, одинаковою чистотою и всѣми прекрасными чувствованіями сердца человѣческаго; невозможно, чтобы будущность разлучила васъ. Богъ справедливъ. — Мнѣ помнится, что я какъ-то видѣлъ у васъ на рукѣ линіи благополучія, продолжалъ онъ, обращаясь къ Викторинѣ. Дайте мнѣ вашу ручку, не бойтесь. Боже мой, какія прекрасныя линіи! О, повѣрьте мнѣ, что вы въ скоромъ времени будете одною изъ самыхъ богатыхъ наследницъ во всемъ Парижѣ; вы осчастливите человека, который васъ любитъ; батюшка возьметъ васъ къ себѣ; вы выйдете замужъ за молодого человека изъ хорошей фамиліи, и прекраснаго, и который васъ обожаетъ.

Тяжелые шаги старой кокетки Бокэ прервали предсказанія Вотрена.

— Фу, ты, Господи, какъ разрядилась! вскричалъ онъ, и, подошедши къ ней, задѣлъ пальцемъ за торчащій на желудкѣ конецъ желѣзной полоски корсета, такъ, что упругій металлъ произвелъ отголосокъ хлопнушки. Не тѣспенько ли, матушка? Бѣда, вѣдь! какъ заплачете въ театрѣ, пожалуй и лопнете какъ бомба. Но я подберу осколки съ тщательностію антикварія.....

— Вотъ человѣкъ, который еще придерживается старинной Французской любезности съ дамами! прошептала Г-жа Вокё, на ухо Г-жѣ Кутюръ.

— Прощайте, дѣти! сказалъ Вотренъ, обращаясь къ Евгению и Викторинѣ. Благословляю васъ! прибавилъ онъ, держа руки надъ ихъ головами. Повѣрьте мнѣ, сударыня, желанія честнаго человѣка всегда принесутъ счастье.

— Прощайте, моя милая, сказала Г-жа Вокё своей жилицѣ и потомъ нагнувшись къ ея уху, прибавила: — Какъ вы думаете, не имѣетъ ли Г. Вотренъ на меня намѣреній?

— Быть-можетъ.

— Ахъ, маменька! сказала Викторина, когда онъ остались одинъ съ Г-жею Кутюръ: ахъ, маменька, что если бы Г. Вотренъ сказалъ правду!

— Да что жъ, моя милая! для этого надобно только, чтобы братъ твой упалъ съ лошади, и свернулъ себѣ шею.

— Какъ вамъ не грѣхъ, маменька!

— Конечно, грѣхъ желать кому-нибудь зла. Но, право, я бы съ удовольствіемъ спесла цвѣтовъ на его могилу. У него дурное сердце! Онъ не хочетъ попросить за свою мать, а самъ пользуется ея наслѣдствомъ. Покойница сестра была не бѣдна; да къ несчастію въ свадебномъ документѣ не оговорено было, чтобы имѣніе ея перешло къ дѣтямъ отдѣльно отъ отцовскаго.

— Благополучіе мое было бы тяжело мнѣ, если бъ оно стоило кому-нибудь жизни, сказала Викторина. Въ такомъ случаѣ я лучше бы хотѣла оставаться всю жизнь здѣсь.

— Пути Провидѣнія неисповѣдимы, какъ говорить и Г. Вотренъ. Мнѣ очень пріятно было видѣть, что онъ не такой безбожникъ какъ другіе.

Г-жа Кутюръ и Викторина, съ помощію Сильвіи перенесли Евгенія въ его комнату, положили на постель, и ку-

харка разстегнула его сюртукъ, чтобы ему было не такъ душно. Когда Г-жа Кутюръ отвернулась, Викторина, уходя, напечатала поцѣлуй на чель Евгенія. Она собрала такъ сказать въ одно цѣлое всѣ счастливыя минуты этого дня, составила изъ нихъ картину благополучія, долго любовалась ею, и наконецъ заснула счастливейшимъ существомъ во всемъ Парижѣ.

Вотренъ напоилъ Евгенія и Горіо виномъ съ опиумомъ. Они одни спали; другіе, не пившіе изъ первой бутылки, были только веселы, когда разошлись всѣ послѣ обѣда. Біаншонъ, среди общей радости, забылъ даже спросить мамзель Мишонъ о забавномъ прозваніи, слышанномъ имъ въ саду, а мамзель Мишонъ, раздраженная насмѣшкою Вотрена, который назвалъ ее Венерою, рѣшилась сыграть съ нимъ непріятную шутку. Она тотчасъ отправилась съ Г. Поарре къ Видоку, котораго все еще считала за Гондюръ. Знаменитый пачальникъ сыщиковъ принялъ ее очень вѣжливо. Условившись съ нею обо всемъ, онъ далъ ей небольшую стекляночку съ какими-то черными каплями, и рассказалъ ей, какъ употребить ихъ. Покуда онъ доставалъ стекляночку изъ ящика, ей пришло въ голову, что полиція, можетъ-быть, старается такъ усердно о задержаніи Вотрена потому, что надѣется найти у него много денегъ. Она, съ хитрою улыбкою, намѣкнула объ этомъ Видоку.

— Нѣтъ! вы ошибаетесь, отвѣчалъ онъ. Намъ нужно задержать Жака Колена потому, что онъ лучшая голова изъ всѣхъ воровъ и мошенниковъ. Они это очень знаютъ. Онъ ихъ предводитель, совѣтникъ, наставникъ, ихъ Бонапартъ. Этотъ человекъ никогда не оставитъ своего *отрубка* на плахъ. Онъ смѣется надъ нами, и надъ *вдовушкой* *. Зато, если намъ случается ловить этакое молодца, то мы въ случаѣ сопротивленія убиваемъ его безъ церемоній. Оно гораздо короче и меньше стоитъ, чѣмъ судить. Такимъ образомъ мы избавляемъ общество отъ опаснаго члена, и предупреждаемъ множество преступленій. Мы сдѣлаемъ это и съ нимъ.

Слѣдующій день долженствовалъ сдѣлаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дней исторіи дома Г-жи Вокё. Доселѣ

* Въ живописномъ языкѣ Французскихъ разбойниковъ, *вдова* означаетъ гильотину, а *отрубокъ*, *tronçon*, человѣческую голову.

самыми важными событіями въ этой мирной обители были появленіе или выбытіе какого-нибудь жильца. Но этотъ день былъ совершенно необыкновенный, и понынѣ служить Г-жѣ Вокѣ неистощимымъ предметомъ разсказовъ. Во-первыхъ Горіо и Растиньякъ проспали до одиннадцати часовъ. Г-жа Вокѣ, возвратившись изъ театра въ двѣнадцатомъ часу, пролежала въ постели до половины одиннадцатаго. Продолжительный сонъ Христофора, который допилъ бутылку, отданную ему Вотренемъ, замедлилъ приготовленіе завтрака. Поарѣ и дѣвица Мишонѣ не жаловались, что долго не даютъ завтракать. Викторина и Г-жа Кутюръ тоже долго не вставали. Вотренъ въ осьмомъ часу ушелъ со двора, и возвратился передъ самымъ завтракомъ. Около половины двѣнадцатаго, Христофоръ и Сильвія пошли стучать въ двери и созывать всѣхъ въ столовую. Жильцы собрались не скоро; но Мишонѣ пришла прежде всѣхъ, мелькнула раза два около камина, и влила въ кофе, приготовленный для Вотрена, капли, данныя Видокомъ. Евгеній поднялся послѣ всѣхъ, и когда онъ сходилъ съ лѣстницы, артельщикъ подалъ ему письмо отъ Г-жи Нюсингенъ.

«Я ждала васъ вчера цѣлый вечеръ. Такъ-то вы меня любите. Очень видно, что вы еще никого не любили. Что же съ вами сдѣлалось? Успокойте меня, объясните мнѣ, отчего вы не приходили послѣ того, что батюшка сказалъ вамъ. Я посержусь и прошу васъ. Не больны ли вы? Зачѣмъ вы такъ далеко живете! Ради Бога, отвѣчайте мнѣ, — вы будете ко мнѣ? Если вы заняты, то напишите хоть одно слово — Иду, или Боленъ. Но если бъ вы были больны, батюшка пришелъ бы сказать мнѣ. Что же такое случилось?....

— Да! что такое случилось? вскричалъ Евгеній, вбѣжавъ въ столовую и смявъ въ рукъ письмо. Который часъ?

— Половина двѣнадцатаго, сказалъ Вотренъ, подкладывая сахаръ въ свой кофе.

Онъ бросилъ на Евгенія одинъ изъ тѣхъ холодныхъ, оцѣпѣняющихъ взглядовъ, которыми люди, одаренные въ высокой степени магнетическою силою, усмиряютъ, какъ говорятъ, даже бѣшенство сумасшедшихъ. Евгеній затрепеталъ всѣми членами. Вслѣдъ за тѣмъ на улицѣ послышался стукъ коляски, и человекъ въ ливрѣ Г. Тальфера вбѣжалъ запыхавшись въ комнату.

— Батюшка васъ требуетъ, сударыня! сказалъ онъ поспѣшно Викторинѣ. У насъ случилось несчастіе. Молодой баринъ былъ сегодня утромъ на дуели, и смертельно раненъ шпагою въ лобъ. Врядъ-ли вамъ удастся проститься съ нимъ; онъ лежитъ безъ чувствъ.

— Бѣдный молодой человекъ! вскричалъ Вотренъ. Какъ можно выходить на дуель, когда имѣешь тридцать тысячъ ливровъ дохода? Молодежь нынче совсѣмъ не умѣетъ вести себя.

— Вотренъ! закричалъ ему Евгеній.

— Ну, что? Экой ребенокъ! Въ Парижѣ всякой день дуели!..... Говоря это, онъ хладнокровно допивалъ свой кофе, и старая дѣвица Мишонн съ такимъ вниманіемъ слѣдовала за его движеніями, что какъ-будто и не слышала вѣсти, которая поразила всѣхъ прочихъ.

— Я поѣду съ тобою, Викторина! вскричала Г-жа Кутюръ.

И обѣ онѣ убѣжали безъ шалей и безъ шляпокъ. Уходя Викторина бросила на Евгенія взглядъ, которымъ какъ будто хотѣла сказать: Я не думала, чтобы наше благополучіе могло стоять мнѣ слезъ!

— Да вы, видно, колдунъ! сказала Г-жа Вокё Вотрену.

— Я все, что хотите, отвѣчалъ онъ.

— Не странно ли это! продолжала она, напизывая безчисленное множество пошлыхъ фразъ объ этомъ происшествіи. Смерть приходитъ не сказавшись! Иной и молодъ, да умираетъ, другой и старъ, да живетъ! и прочая, и прочая. Какое счастье для Викторины! Вѣдь она теперь будетъ наслѣдницей.

— Да! сказалъ Вотренъ, поглядывая на Евгенія: вчера у ней не было ни гроша за душою, а сегодня нѣсколько милліоновъ.

— Эге, Г. Растиньякъ, да и вы видно угадываете, гдѣ раки-то зимуютъ!

— Сударыня, сказалъ Евгеній, обращаясь къ Г-жѣ Вокё съ выраженіемъ какого-то ужаса и отвращенія, которое чрезвычайно удивило всѣхъ присутствующихъ: я ни за что въ свѣтъ не женюсь на дѣвицѣ Тамльеръ!

— Не кланитесь, вскричалъ Вотренъ: Италіянецъ сказалъ бы — *Col tempo!*

— Отвѣта не будетъ? сказалъ Растиньяку человекъ, посланный отъ Г-жи Нюсиингенъ.

— Скажи, что сейчасъ буду.

Артельщикъ ушелъ. Евгенийъ находился въ состояніи сильнаго раздраженія, которое отнимало у него все благоразуміе.

— Что дѣлать? говорилъ онъ вслухъ самому себѣ: доказательствъ нѣтъ!

Вотренъ принялся улыбаться. Въ эту минуту, допивъ свой кофе, онъ хотѣлъ встать, но вдругъ ужасно измѣнился въ лицѣ. Ему сдѣлалось очень дурно. Но онъ былъ такъ здоровъ и силенъ, что могъ еще бодро встать со стула, взглянулъ на Евгения, и сказалъ ему глухимъ голосомъ: — Молодой человекъ! счастье иногда во снѣ приходитъ.

И онъ упалъ замертво.

— О!.... Божеское правосудіе! вскричалъ Евгенийъ.

— Что это съ нимъ сдѣлалось?

— Параличъ! равнодушно сказала Г-жа Мишонн.

— Сильвія, бѣги скорѣе за докторомъ, примолвила Г-жа Вокè. Ахъ, Г. Растиньякъ, сбѣгайте поскорѣе къ Г. Біаншону, она не найдетъ Г. Гримпеля.

Растиньякъ, радуясь, что имѣетъ предлогъ убѣжать изъ этого вертепа, поспѣшно вышелъ.

— Христофоръ, бѣги скорѣе въ аптеку, спроси чего-нибудь отъ паралича.

Христофоръ ушелъ.

— Г. Горіо, да помогите же намъ снести Г. Вотрена въ его комнату.

Они всѣ вмѣстѣ подняли его, благополучно проманеврировали съ нимъ по лѣстницѣ, и положили его на постель.

— Я вамъ ни на что не гожусь, сказалъ Горіо; я пойду къ дочери.

— Экой эгоистъ! вскричала Г-жа Вокè. Ужъ я тебѣ пророчу, что ты самъ околѣешь какъ собака!

— Поищите, нѣтъ ли у васъ эфиру, сказала Г-жа Мишонн Г-жѣ Вокè, а сама между-тѣмъ съ помощію Поарè, разстегивала платье Вотрена.

Г-жа Вокè побѣжала въ свою комнату, и оставила мамзель Мишонò обладательницею поля сраженія.

— Да ну-же! снимите съ него поскорѣ рубашку, да переверните его! Неужели вы и на это негодитесь? Мнѣ вѣдь непристойно раздѣвать его. Вы стоите какъ истуканъ!

Вотрена перевернули, дѣвица Мишонò сильно ударила его по плечу ладонью, и роковыя литеры ТФ, которыми клеймятъ каторжниковъ, означились бѣлымъ на покраснѣвшей кожѣ. Справка подведена!

— Какъ вы проворно выработали свои три тысячи франковъ! сказалъ Поарè, поддерживая Вотрена, пока Мишонò падѣвала на него рубашку. Уфъ, какой тяжелой! прибавилъ онъ.

— Не кричите! Не здѣсь ли его касса? сказала старая дѣвка, проворно обозрѣвая всю комнату сіяющими своими глазами. Нельзя ли подъ какимъ-нибудь предлогомъ отпереть это бюро?

— Да хорошо ли это будетъ? сказалъ Г. Поарè.

— Что за бѣда! Деньги украденныя не принадлежатъ никому. Но теперь уже пѣкогда; Г-жа Вокè идетъ.

— Вотъ эфиръ! кричала она издали. Господи Боже мой, какія все сегодня приключенія случаются! Да онъ не боленъ, вскричала она: посмотрите, онъ бѣлъ какъ ципленокъ. Онъ умеръ.

— Онъ умеръ! повторилъ Поарè.

— Нѣтъ; онъ только въ параличѣ, сказала Мишонò, зная, что данныя ею капли должны произвести только кровавой ударъ, не смертельный, но между-тѣмъ довольно сильный для того, чтобы человекъ лишился чувствъ.

— Сердце у него бьется ровно, сказала Г-жа Вокè, положивъ руку ему на сердце.

— Ровно? сказалъ удивленный Поарè.

— Онъ какъ-будто спитъ! Посмотрите-ко, Г-жа Мишонò, онъ нюхаетъ спиртъ. Э! да это видно у него просто спазмы. Пульсъ хорошъ. Странно, что парикъ-то держится на головѣ..... Парикъ-то приклеенъ; а волосы у него рыжіе. Какая грудь! Онъ дюжъ какъ Татаринъ, — сто лѣтъ проживетъ. Рыжіе, говорятъ, или все очень добры, или все очень злы. Этогъ, видно, изъ очень добрыхъ.

— Добрый какъ разбойникъ, сказалъ Поарё.

— Что вы это говорите? вскричала дѣвица Мишонё. Добрый какъ дитя! Ступайте съ Богомъ, Г. Поарё. За больными ходить женское дѣло. Да вы ни на что не годитесь! Мы и одиъ съ Г-жсю Вокё посмотримъ за бѣднымъ нашимъ больнымъ. Идите гулять!

Поарё ушелъ смиренхонько, какъ собака, которой господинъ ея далъ пинька ногою.

Растиньякъ вышелъ только для того, чтобы проходиться, освѣжиться чистымъ воздухомъ, потому что онъ задыхался. Онъ хотѣлъ предупредить это преступленіе, совершенное въ назначенный часъ. Ему не удалось. Что жъ онъ долженъ былъ теперь дѣлать? Онъ трепеталъ при мысли, что сдѣлался сообщникомъ въ преступленіи. Хладнокровіе Вотрена его ужасало.

Онъ торопливо ходилъ по аллеямъ Люксембургскаго Сада, какъ-будто за нимъ гналась стая собакъ, и ему казалось, что онъ слышитъ лай ихъ.

— Послушай, Растиньякъ, кричалъ ему Біаншонъ еще издали: читалъ-ли ты сегодня «Пилота». Тамъ разсказываютъ замѣчательныя вещи. Сыиъ Гальфера дрался на дуели съ полковникомъ Франкессини, и тотъ воткнулъ ему шпагу на два дюйма въ лобъ. Тсперь Викторина одна изъ богатѣйшихъ наслѣдницъ во всемъ Парижѣ. Чортъ возьми, когда бы знать это заранѣе! Правдали, что она къ тебѣ не равнодушна?

— Молчи, Біаншонъ! я никогда не женюсь на ней. Я люблю одну милую женщину, любимъ ею, и....

— Ты говоришь это какъ-будто всѣми силами крѣпясь, чтобы не измѣнить ей. Гдѣ ты найдешь женщину, которой бы стоило пожертвовать имѣніемъ Викторины?

— Всѣхъ адъ противъ меня вооружился! вскричалъ Растиньякъ въ отчаяніи.

— Что съ тобой? Ты точно какъ сумасшедшій. Дай-ка мнѣ пощупать твой пульсъ. Да у тебя лихорадка!

— Бѣги къ Вокё, сказалъ Евгений: мерзавецъ Вотренъ упалъ за-мертво.

— А! сказалъ про себя Біаншонъ, уходя отъ Растиньяка: ты подкрѣпляешь мои подозрѣнія, и я пойду, повѣрю ихъ.

Продолжительная прогулка Евгенія была торжественна. Онъ такъ сказать осматрѣлъ свою совѣсть. Онъ волновался, не рѣшался, но на этотъ разъ честность его вышла изъ страшной борьбы цѣла и невредима, какъ желѣзная полоса, которая выдержала всѣ пробы. Онъ вспомнилъ что говорилъ ему Горіо, вспомнилъ, что ему предлагали новую квартиру, въ улицѣ Артуа; недалеко отъ Дельфины. Онъ взялъ ея письмо, снова прочелъ его и поцѣловалъ.

— Эта любовь будетъ моею спасительницею! сказалъ онъ. Старикъ Горіо много страдалъ сердцемъ. Онъ не рассказываетъ своихъ огорченій: но кто ихъ не угадаетъ? Я стану пещись объ немъ, какъ объ отцѣ моемъ; сдѣлаю для него жизнь наслажденіемъ. Если она любитъ меня, то будетъ часто пріѣзжать къ намъ. Графиня Рестò ужасная женщина; она рада бы опредѣлить отца куда-нибудь въ дворники. Милая моя Дельфина! она гораздо лучше съ нимъ. Она стоитъ любви.

Онъ вынулъ часы свои, и любовался ими.

— Все мнѣ удастся. Мы любимъ другъ друга, и любимъ навсегда: такъ мы можемъ помогать одинъ другому; я въ правѣ принять это. Притомъ я непременно буду со-временемъ богатъ, и заплачу ей вдесятеро.

Борьба Растиньяка съ самимъ собою была продолжительна. Побѣда оставалась еще на сторонѣ юношескихъ добродѣтелей, но между-тѣмъ около половины пятого любопытство повлекло его въ домъ Г-жи Вокè, который онъ намѣревался навсегда оставить. Ему хотѣлось знать, живъ ли еще Вотренъ.

Біаншонъ далъ больному рвотное, и отослалъ въ гошпиталь то, что изъ него вышло, для того, чтобы изслѣдовать это химически. Мамзель Мишонò наставляла, чтобы бросить это, и поведеніе ея утвердило подозрѣнія Біаншона, тѣмъ болѣе, что Вотренъ тотчасъ выздорѣвалъ. Привлеченные вѣстью о дуэли молодаго Тальфера, посѣтители Г-жи Вокè, желая узнать подробности этого происшествія и вліянія, которос оно произвело на судьбу Викторины, собрались ранѣе обыкновеннаго, за исключеніемъ одного Горіо. Когда Евгенийъ вошелъ въ комнату, Вотренъ стоялъ у каминна, и взоры ихъ встрѣтились. Взглядъ этого необыкновеннаго

веннаго челоуѣка проникъ такъ далеко въ думу Растиньяка, что онъ затрелеталъ.

— Ну, любезнѣйшій, сказалъ бѣглый каторжникъ: видно смерти не скоро со мной справиться; говорятъ, что я выдержалъ ударъ, который бы свалилъ быка.

Потомъ, угадывая мысли Евгенія, онъ сказалъ ему на ухо: — Вы, кажется, жалѣете, что я не умеръ? Я не думаю, чтобы вы такъ далеко зашли!

— Да! вчера мамзель Мишонн, сказалъ Бланшонъ, именно толковала о какомъ-то челоуѣкѣ, котораго прозвали «Надуль-смерть». Вотъ имя, приличное вамъ, Г. Вотренъ!

Это имя было громовымъ ударомъ для Вотрена. Онъ поблѣднѣлъ и зашатался. Магнетическій взглядъ его упалъ какъ лучъ солнца на старую Мишонн, и подкосилъ ей ноги. Она опустилась на стулъ. Поарѣ бросился между нею и Вотреномъ, понявъ, что она находится въ опасномъ положеніи,—такъ злобно сдѣлалось лице разбойника, когда онъ сбросилъ съ себя ласковую свою личину. Всѣ присутствующіе были въ изумленіи, не постигая тайны этой драмы. Но въ эту минуту слышались шаги нѣсколькихъ челоуѣкъ и стукъ солдатскихъ ружьевъ о мостовую. Колень машинально озиралъ окна, какъ-бы ища средства спасенія, какъ въ дверяхъ явились четыре челоуѣка. Первый изъ нихъ былъ начальникъ сыщиковъ, изящнѣе прозванный Директоромъ судебной полиціи; трое остальныхъ полицейскіе офицеры. Мишонн отдохнула: Поарѣ прогулялся не даромъ!

—Отъ имени короля и законовъ, сказалъ одинъ изъ офицеровъ. И за этими словами слышался ропотъ удивленія. Но тотчасъ воцарилось молчаніе. Постѣтители разступились, чтобы прпустить полицейскихъ, которые всѣ держали въ карманѣ заряженный пистолеть. Два жандарма стали у дверей, двое другихъ на лѣстницѣ. Шаги солдатъ и стукъ ружьевъ слышались кругомъ всего дома. Надуль-Смерти не было ни какого спасенія. Видокъ подошелъ прямо къ нему, и ударилъ его по головѣ такъ сильно, что паркъ слетѣлъ, и голова Колена явилась во всей своей отвратительности. Короткіе, темно-рыжіе волосы придавали лицу его страшный характеръ силы и хитрости, и оно заблестало огнями ада. Въ эту минуту всякой понялъ всего Вотрена,

его прошедшую и настоящую жизнь, его будущность, его ужасныя правила, могущество придаваемое ему рѣшительнымъ цинизмомъ, силу его души и тѣла, ко всему привычныхъ. Кровь поднялась ему въ голову, и глаза его заблестали какъ у тигра. Онъ затрясся, и испустилъ такой ужасный звукъ, что всѣ присутствующіе со страха закричали. При этомъ львиномъ движеніи, полицейскіе выхватили свои пистолеты. Коленъ мгновенно постигъ всю опасность своего положенія, и вдругъ явилъ опытъ величайшаго человѣческаго благоразумія. Ужасное и между-тѣмъ величественное зрѣлище! Въ физиономіи его сдѣлалась перемѣна, схожая съ явленіемъ, происходящимъ въ котлѣ съ кипучимъ паромъ, который могъ бы взорвать цѣлыя горы, и утихаетъ отъ одной капли холодной воды. Капля, охлаждавшая бышенство Вотрена, была размышеніе, — быстрое какъ молнія. Онъ улыбнулся, и поглядѣлъ на парикъ свой.

— Ты сегодня ужъ черезчуръ неучтивъ, сказалъ онъ Видоку.

Онъ протянулъ къ жандармамъ руки, и сдѣлалъ имъ знакъ головою, чтобы они подошли.

— Ну же, господа, надѣвайте на меня кандалы, или вяжите меня веревками. Свидѣтельствуюсь всеми присутствующими, что я не сопротивляюсь.

Въ залѣ раздался говоръ удивленія, возбужденный быстротою, съ которою лава и пламя появились и скрылись въ этомъ человѣческомъ волканѣ.

— Что, братъ, не удалось? спросилъ Коленъ насмѣшливо, поглядывая на знаменитаго начальника сыщиковъ.

— Раздѣвайся, сказалъ Видокъ презрительно.

— Къ чему? Здѣсь есть дамы, а я ни въ чемъ не запираюсь.

— Онъ остановился, и поглядѣлъ на присутствующихъ, какъ ораторъ, который собирается сказать нѣчто удивительное.

— Ну, братъ Лашапель, пиши же, сказалъ онъ одному сѣдому старику, который сѣлъ къ столу, и вынулъ изъ зеленого портфеля протоколъ задержанія арестанта. Признаюсь: я Жакъ Коленъ, по прозванію Надулъ-Смерть, приговоренный къ каторжной работѣ на двадцать лѣтъ, и я сейчасъ доказалъ вамъ, что не напрасно пошу это прозва-

піе. Если бы я только приподнялъ руку, мсрзавцы раз-
можили бы мнѣ голову, сказалъ онъ, обращаясь къ жиль-
цамъ. Эти господа надѣялись поддѣть меня. Не вамъ меня па-
дутъ, голубчики!

Мадамъ Вокè чуть не упала въ обморокъ.

— Боже мой! сказала она Сильвіи: а я вчера была съ нимъ
въ театрѣ!

— Э, не тревожьтесь, матушка! Эка бѣда, что вы были
въ моей ложѣ! Чѣмъ вы лучше другихъ? Самый добродѣтель-
ный изъ васъ не устоялъ противъ моихъ убѣжденій.

Взоры его остановились на Растиньякѣ, и на лицѣ его
появилась ласковая улыбка, составлявшая совершенную про-
тивоположность съ недавнею еще его суровостью.

— Договоръ нашъ все таки существуетъ, любезнѣйшій;
разумѣется, если третья сторона его приметъ. Помнишь?

— Онъ запѣлъ :

Мила моя Фаншетта:

Въ обычной простотѣ,....

— Не безпокойся, я получу что мнѣ слѣдуетъ. Меня не
посмѣютъ надуть.

Растиньякъ потупилъ глаза, и принялъ эту дружбу въ
наказаніе за свои порочныя мысли.

— Кто изъ васъ меня предалъ? вскричалъ онъ, поводя
ужасный взглядъ свой по всему собранію, и потомъ, ста-
новивъ его на дѣвицѣ Мишонò, прибавилъ: — Ахъ, ты Вене-
ра! Это ты, старая ворона? Мнѣ стоитъ только сказать два
слова, чтобы тебѣ черезъ педѣлю пидой отпилили голову.
Но я тебя прощаю; я добрый. Притомъ продала меня
не ты. Но кто жъ это?... — Ага! вы тамъ трудитесь, сказалъ
онъ, услышавъ, что полицейскіе обыскиваютъ его комнату.
Напрасно, господа; птички еще вчера улетѣли. Вы ничего
не узнаете: коммерческія мои книги всѣ здѣсь, прибавилъ
онъ, ударивъ себя по лбу. — А! теперь я знаю, кто меня
продалъ. Некому кромѣ Трипò! — Послушай, пріятель, ска-
залъ онъ Видоку: мы съ тобой старые знакомые; признай-
ся откровенно — онъ что ли? Скажите, господа, что вы да-
ли за меня Мишонеткѣ-то? Чай, нѣсколько тысячъ. Я боль-

ше этого стою. Экая ты дура, Венера! сказала бы мнѣ, такъ я бы тебѣ вдвое далъ. Что, не бось, теперь жалко: не догадалась! Да; правду сказать, далъ бы шесть тысячъ франковъ, чтобы избавиться отъ обратнаго путешествія въ Тулонъ. Добро бы они тотчасъ отправили меня туда: я бы какъ-разъ сюда опять явился; а то затаскаютъ по судамъ. Всѣ паши, — а ихъ есть шесть сотъ человѣкъ, — отдадутъ себя на растерзаніе, чтобы только помочь убѣжать своему предводителю, своему доброму Коллену.

— Послушай ты, секретарь палача, пріятель красной *вдовы*! сказалъ онъ, обращаясь къ Видоку. Признайся откровенно: Трипо, что-ли, меня продалъ? Въдь онъ черезъ нѣсколько дней будетъ подъ землею, а мнѣ бы не хотѣлось наказывать невиннаго. Это было бы несправедливо!

Полицейскіе, обыскивавшіе комнату Вотрена, вошли въ столовую, и сказали что-то вполголоса Видоку. Протоколъ былъ конченъ.

— Господа! сказалъ Колленъ, обращаясь къ прежнимъ своимъ товарищамъ: теперь они уведутъ меня. Прощайте. Вы всѣ были очень милы со мною. Я этого никогда не забуду. Позвольте мнѣ прислать вамъ Прованскихъ винныхъ ягодъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и обернулся, чтобы взглянуть еще разъ на Растиньяка.

— Прощай, дражайшій Евгений! сказалъ онъ печальнымъ и ласковымъ голосомъ, который составлялъ совершенную противоположность съ грубымъ тономъ прежнихъ рѣчей его. Я оставляю тебѣ преданнаго друга!

Несмотря на кандалы, онъ сталъ въ позптурѣ фехтовальщика, и вскричалъ: — Разъ! два! и *выпалъ*.

— Если случится тебѣ быть въ нуждѣ, адресуйся къ нему. И онъ самъ, и деньги его, къ твоимъ услугамъ.

Эти слова понятны были только для него и Растиньяка. Когда жандармы ушли, Сильвія, оттиравшая укусомъ госпожу свою, сказала, посмотрѣвъ на жильцевъ: — Вотъ былъ удалецъ! — Это восклицаніе прекратило оцѣпненіе, какъ-бы волшебствомъ наведенное на всѣхъ предъидущею сценою. Жильцы поглядели другъ на друга и *потомъ* всѣ въ одно время взглянули на дѣвицу Мишонъ.

Она сидѣла, прижавшись къ камину и потупивъ глаза. Изъ всѣхъ устъ раздавался одинаковый, согласный ропотъ. Мишоннѣ слышала его, и сидѣла, какъ прикованная. Біаншоннѣ первый нагнулся къ сосѣду, и сказалъ ему вполголоса: — Я не намѣренъ сюда ходить, если она будетъ съ нами обѣдать.

Всѣ, за исключеніемъ Поарѣ, единодушно приняли предложеніе Біаншона, и онъ подошелъ къ пріятелю старой Мишоннѣ.

— Вы съ нею дружны: посоветуйте ей убраться отсюда сейчасъ же.

— Сейчасъ же! вскричалъ Поарѣ, и сказалъ мамзель Мишоннѣ нѣсколько словъ на ухо.

— Да я заплатила впередъ! отвѣчала она вслухъ, бросивъ змѣиный взглядъ на присутствующихъ. Я здѣсь за свои деньги.

— За этимъ дѣло не станетъ, сказалъ Растиньякъ: мы сложимся, и отдадимъ вамъ то, что вы заплатили уже Г-жѣ Вокѣ.

— Вы, сударь, кажется, вступаетесь за Коллена? отвѣчала она, бросивъ на него испытующій взглядъ разъяренной змѣи. Не мудрено угадать отчего!

Евгеній вскочилъ со стула, какъ-будто хотѣлъ задушить сыщицу.

— Оставь ее! закричали ему студенты: не стоитъ рукъ марать!

Растиньякъ сложилъ руки, и не сказалъ ни слова.

— Однако жъ надобно кончить съ этой шпионкой, сказалъ молодой живописецъ. Мадамъ Вокѣ, если вы сейчасъ же не выгоните ея изъ дому, мы перестанемъ ходить къ вамъ, и будемъ вездѣ говорить, что у васъ живутъ шпионы и каторжники. Въ противномъ случаѣ, мы общаемся молчать объ этомъ происшествіи, которое, впрочемъ, можетъ случиться вездѣ, пока каторжниковъ не станутъ клеймить въ лобъ.

Шумъ и явное раздраженіе всѣхъ молодыхъ людей принудили Мишоннѣ ретироваться. Она встала, и, переговоривъ съ Г-жею Вокѣ въ полголоса, сказала вслухъ: — Я переезжаю къ Г-жѣ Бюно, вашей....

— Да переезжайте куда вамъ угодно! вскричала Г-жа Вокё, оскорбленная выборомъ дома ея соперницы. Переезжайте, пожалуй, къ Бюнд. Она будетъ васъ кормить тухлымъ мясомъ и пить кислымъ виномъ.

Въ эту минуту вошелъ артельщикъ, и подаль Г-жѣ Вокё письмо: она прочла его, и въ отчаяніи упала на стулъ.

— Боже мой, пропала я, грѣшная! Молодой Тальферъ умеръ въ три часа. Госпожа Кутюръ и Викторина требуютъ своихъ вещей. Онѣ остаются жить у старика. Четыре квартиры пустыя! Пятью жильцами меньше! Что за несчастіе сегодня на меня опрокинулось?

Она готова была плакать. На улицѣ раздался стукъ кареты.

— Опять какія-нибудь штуки! вскричала Сильвія.

Въ комнату въѣхалъ Г. Горіо, съ свѣтлымъ лицомъ, съ выраженіемъ истиннаго благополучія во всей физіономіи.

— Горіо пріѣхалъ въ фіакръ? вскричали жильцы. Видно, конецъ свѣта пришелъ.

Горіо подошелъ прямо къ Евгенію, который сидѣлъ, задумавшись, въ углу. Старикъ взялъ его за руку.

— Поѣдьте! вскричалъ онъ ему съ радостнымъ видомъ.

— Вы не знаете, что случилось? сказалъ Растиньякъ. Нашъ Вотренъ былъ бѣглый каторжникъ; молодой Тальферъ умеръ.

— Какая намъ до этого надобность! Наша новая квартира готова. Дельфина съ нами обѣдаетъ. Поѣдьте скорѣе!

Онъ схватилъ Еегенія за руку, потащилъ его, и увезъ какъ любовницу.

— Обѣдать! вскричалъ живописецъ.

Всѣ сѣли. Г-жа Вокё не имѣла силы сказать ни слова, увидѣвъ, что за столомъ десять человекъ, вмѣсто осьмнадцати. Всякой старался утѣшить ее и развеселить. Разговоръ сначала шелъ о Вотренѣ и необыкновенныхъ происшествіяхъ, случившихся въ этотъ день; потомъ, какъ обыкновенно, началъ измѣняться, струнться, змѣниться, обратился на дуэли, на каторжную работу, на тюрьмы, на судебную часть, на законы; потомъ уже совсѣмъ перемѣнился: о Колменѣ, Викторинѣ и ея братѣ не было и помину. Гостей было только десятеро, и они кричали за двадцатерыхъ. Обыкновенная

безпечность эгонистическаго свѣта восторжествовала надъ другими чувствами, и сама Г-жа Вокè стала слушать голосъ надсжды, говорившей устами Сильвін.

Для Ебгенія этотъ день долженствовалъ быть волшебнымъ до самаго вечера. Сидя въ фіакрѣ подлѣ старика Горіо, онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается и не могъ собраться съ мыслями. Ему казалось, что онъ во снѣ слышитъ, что говорилъ ему Горіо, который былъ чрезвычайно веселъ.

— Сегодня все кончено. Мы обѣдаемъ вмѣстѣ, втроемъ; понимаєте ли, вмѣстѣ. Боже мой, вотъ ужъ четыре года какъ я не обѣдывалъ съ моей Дельфиною. Она пробудетъ у насъ цѣлый вечеръ. Мы ужъ съ утра на нашей новой квартирѣ. Уфъ, какъ я работалъ! Самъ помогалъ таскать мебели. Вы не знаете, какъ она мила за столомъ! Она будетъ заниматься мною: «Возьмите еще кусочекъ, батюшка! покушайте! Это очень хорошо!» А тутъ я и не могу ѣсть!

— Да сегодня весь свѣтъ вверхъ-дномъ! сказалъ Евгеній.

— Какое вверхъ-дномъ? Напротивъ. Только и видишь веселыя лица. Я примѣтилъ, что на улицахъ всѣ чему-то радуются, обнимаются; всѣ эти люди счастливы, какъ-будто собирались обѣдать у своей дочери..... Она сама при мнѣ заказывала кушанье. Увидите, какъ она будетъ меня подбивать!.... О, Боже мой, да съ ней и черствый хлѣбъ показался бы мнѣ райскою манною!

Растиньякъ вошелъ въ небольшую, но прекрасномеблированную квартиру, гдѣ роскошь, изящность и удобство соединили всѣ усилья, чтобъ хорошо принять молодаго человека на повосельѣ и пріятно жить съ нимъ въ послѣдствіи холостымъ семействомъ. Баронесса Нюсингенъ ужъ ихъ тутъ ожидала, и встрѣтила — отца прелестнымъ поцѣлуемъ, — его пріятеля, торжественною улыбкою счастья. Она называла эти покои квартирою батюшки. Горіо называлъ ихъ квартирою Евгенія. Евгеній покраснѣлъ, — или по крайней-мѣрѣ долженъ былъ покраснѣть, несмотря на свое восхищеніе, — при мысли, что онъ поступаетъ въ распоряженіе этой женщины. Но какъбыто ни было, они всѣ трое провели вечеръ въ упоеніи: они обѣдали, смѣялись, рассказывали. Горіо цѣловалъ поги своей дочери и прыгалъ съ радости; дочь нѣжно пожимала руку Евгенія, который смотрѣлъ ей въ

глаза огнемъ и пламенемъ. Они разошлись довольно поздно. Баронесса уѣхала домой; Горіо и Евгенийъ воротились къ мадамъ Вокè, условившись перебраться послѣ завтра на новую квартиру.

На другой день, около полудня, Растиньякъ получилъ письмо въ красивомъ конвертѣ и съ гербомъ Босеановъ на печати. Въ немъ было приглашеніе господину и госпожѣ Нюсингенъ на большой балъ къ виконтессѣ, о которомъ уже съ мѣсяцъ говорили. Съ билетомъ была записка къ Евгению.

Я увѣрена, что вы охотно примете на себя передать Г-жѣ Нюсингенъ мое приглашеніе; мнѣ очень пріятно будетъ видѣть у себя милую сестру графини Ресто. Посылаю вамъ билетъ. Постарайтесь только, чтобы она не овладѣла всею вашею привязанностью, потому что вы и мнѣ должны сколько-нибудь ея за мое къ вамъ расположеніе.

Виконтесса Босеанъ.

— Однако жъ она довольно ясно говоритъ, сказалъ Растиньякъ, перечитывая записку: что ей бы не хотѣлось видѣть у себя господина Нюсингена!

Онъ побѣждалъ къ Дельфинѣ, радуясь, что можетъ доставить ей удовольствіе, за которое, конечно, послѣдуетъ награда; Г-жа Нюсингенъ была въ вѣпнѣ. Растиньякъ остался въ будуарѣ, ожидая съ нетерпѣніемъ очень естественнымъ въ молодомъ человѣкѣ, который готовится принять въ первый разъ во владѣніе женщину любимую, предметъ его давнишнихъ желаній.

— Барыня въ своей комнатѣ, сказала ему черезъ нѣсколько времени Тереза.

Онъ затрепеталъ отъ радости. Дельфина небрежно лежала на софѣ у камина. Она была покрыта волнами кисеи, и ея нельзя было не сравнить съ однимъ изъ тѣхъ Индѣйскихъ растений, которыхъ плодъ находится въ самомъ цвѣткѣ.

— Такъ это вы? сказала она съ чувствомъ.

— Угадайте, что я вамъ принесъ! сказалъ Евгенийъ, сѣвъ подлѣ нея на софѣ и поцѣловавъ ея руку.

Г-жа Нюсингенъ вздрогнула отъ радости, взглянувъ на приглашеніе. Она обратила на Евгениа наполненные сле-

зами глаза, и обвилась руками вокругъ его шеи, чтобы привлечь его къ себѣ, въ восторгѣ удѣловленнаго тщеславія.

— И это вы? (ты, сказала она ему на ухо: но будь остороженъ, Тереза въ той комнатѣ). Вы доставили мнѣ это счастье? Я вамъ обязана болѣе, чѣмъ жизнью. Никто до-сихъ-поръ не хотѣлъ представить меня въ этомъ заколдованномъ свѣтѣ. Я вамъ должна казаться очень мелочною, очень вѣтреною, совершенною Парижанкою; но я готова встѣмъ для васъ пожертвовать, и мнѣ хочется быть въ большомъ свѣтѣ всего болѣе потому, что вы тамъ живете.

— Не правда ли, госпожа Босеанъ, какъ-будто говорить, что она не хочетъ, чтобы вашъ мужъ былъ у нея на балѣ?

— Кажется! Эти женщины одарены геніемъ для наглостей. Нужды нѣтъ. Я побѣду. Я знаю, что сестра моя тамъ будетъ, и что она приготовила себѣ платье, усыпанное брилліантами. Она ѣдетъ туда, чтобы разсѣять ужасныя подозрѣнія. Вы не знаете, какіе слухи ходятъ объ пей по городу! Г. Нюсингенъ сказывалъ мнѣ сегодня утромъ, что вчера въ Коммерческомъ Клубѣ объ этомъ говорили вслухъ. Боже мой, отъ кого зависить честь женщинъ и семействъ! Мнѣ было больно за сестру. Утверждаютъ, что Г. Траль надавалъ векселей на сто тысячъ, что сроки ихъ почти всѣ вышли, и что ихъ хотятъ подать ко взысканію. Въ этой крайности сестра моя продала свои брилліанты, прекрасныя брилліанты, которые достались ей отъ матери ея мужа. Два дня только объ этомъ и толкуютъ. Разумѣется, что на балѣ она будетъ залита въ брилліантахъ, чтобы не оправдать толковъ. Но я не хочу отстать отъ пей. Она всегда старалась унижить меня; она никогда не была добра ко мнѣ, хотя я часто оказывала ей услуги. У меня всегда были деньги, когда ей была нужда. Но оставимъ свѣтъ. Сегодня я хочу думать только о моемъ благополучіи.

Въ часъ по полуночи Растиньякъ былъ еще у Г-жи Нюсингенъ. При прощаньи, которое было тягостно, она сказала ему съ задумчивымъ видомъ: — Я ужасная трусиха, суевѣрка или что вы хотите: я страхъ боюсь, что за мое благополучіе должна буду заплатить какимъ-нибудь несчастьемъ.....

— Ребенокъ! вскричалъ Евгенийъ.

— Да; сегодня я была пастоящій ребенокъ! сказала она смѣясь.

Евгений возвратился въ домъ Г-жи Вокё, и дорогой предавался восхитительнымъ мечтамъ, которыя всегда веселятъ молодыхъ людей, когда вкусъ блаженства у нихъ еще на губахъ.

— Ну что? сказалъ ему старикъ Горіо, когда Растиньякъ проходилъ мимо его дверей.

— Завтра я все вамъ расскажу, отвѣчалъ Евгенийъ.

— Смотрите-же, все! Ложитесь! Съ завтрашняго дня мы заживемъ счастливо.

На другой день Растиньякъ, уложивъ всѣ свои вещи, поручилъ старику Горіо перевезти ихъ вмѣстѣ съ его вещами, и самъ отправился на лекцію. Онъ не долго оставался въ классѣ. Вспомнивъ, что забылъ спрятать что-то въ сундукъ, онъ ускользнулъ вскорѣ послѣ переклички, и побѣжалъ на старую квартиру. Въ домѣ, кромѣ Сильвіи и старика Горіо, ровно никого не было. Едва онъ вышелъ какъ на улицѣ раздался стукъ экипажа, останавливающагося у самыхъ дверей дома Г-жи Вокё. Изъ кареты выскочила Г-жа Нюсингенъ, и, спросивъ, тутъ ли еще отецъ ея, побѣжала прямо въ комнату отца. Евгенийъ былъ въ своей комнатѣ, хотя Горіо и не зналъ этого. Двери обѣихъ комнатъ были открыты въ корридоръ.

Баронесса, узнавъ, что можетъ смѣло говорить вслухъ, потому что всѣ ушли со двора, бросилась въ объятья отца, и вскричала, что она несчастна, что все потеряно. Евгенийъ сталъ прислушиваться къ ихъ разговору, который вполнѣ объяснилъ ему затруднительное положеніе его возлюбленной. Преслѣдуемый адвокатомъ старика Горіо, который требовалъ разлуки супруговъ относительно къ имѣнію и внесенія въ банкъ приданого Дельфины на собственное ея имя, Г. Нюсингенъ пришелъ поутру къ женѣ съ двумя огромными книгами, показалъ ей откровенно состояніе своихъ дѣлъ, и присовокупилъ, что, если она съ отцемъ станутъ понуждать его внести приданое, онъ неминуемо долженъ будетъ объявить себя несостоятельнымъ. Онъ употребилъ ся приданое на разныя спекуляціи; черезъ два или

три года онъ принесутъ ему большія выгоды, и тогда онъ охотно возвратитъ ей всю полученную за ней сумму; но въ эту минутту, испытавъ большія потери въ своихъ оборотахъ, онъ находится въ такомъ положеніи, что малѣйшее противное обстоятельство вовлечетъ его и ее въ конечное разореніе. Если она не хочетъ лишиться всего своего приданого, то должна еще нѣсколько лѣтъ жить съ нимъ благовидно, и довольствоваться тѣми деньгами, которыя онъ будетъ отпускать ей только на необходимыя издержки. Чтобы не уронить своего кредита, имъ не остается другаго средства, какъ выказывать наружно достатокъ, но зато внутри семейства соблюдать строжайшую бережливость. Вотъ тайна, почему онъ былъ такъ скупъ для ней въ послѣднее время! Онъ, изъ экономіи, отпустилъ даже свою актрису, и советуетъ ей подражать его умеренности; а что касается до прочаго, то она можетъ считать себя совершенно свободною.....

Старикъ Горіо бѣсился, и кричалъ, что онъ свернетъ шею этому мошеннику; Дельфина плакала, и говорила, что надобно подчиниться жестокой необходимости; въ оледѣломъ умѣ Евгенія всѣ его красныя мечты о богатствѣ, обѣщанномъ любовію, постепенно блѣднѣли, рѣдѣли и исчезали, какъ призраки въ глазахъ духовидца, которому пустили кровь изъ обѣихъ рукъ.

Еще карета остановилась у дома Г-жи Вокè, и на лѣстницѣ послышался голосъ графини Ресто, которая спрашивала Сильвію, дома ли батюшка. Это обстоятельство спасло Евгенія: Дельфина только-что хотѣла войти въ его комнату, и онъ собирався уже броситься на постель, чтобы показать, будто онъ спалъ и не слышалъ разговора Г-жи Нюсингенъ съ отцемъ. Дельфина вдругъ остановилась.

— Ахъ, батюшка! сказала она, услышавъ голосъ сестры: вы ничего не слыхали объ Анастасіи? Говорятъ, что и у ней въ домъ дѣлаются странныя вещи.

— Что такое? Вы меня сгубите! Я не вынесу двойнаго несчастія.

— Здравствуйте, батюшка! сказала Г-жа Ресто, входя въ комнату. Ахъ, ты здѣсь, Дельфина?

— Это тебя удивляетъ? Я всякой день бываю у батюшки.

— Съ которыхъ поръ?

— Если бъ ты сама бывала здѣсь, то знала бы это.

— Не серди меня, сказала графиня жалостнымъ голосомъ. Я очень несчастлива! Я погибла, батюшка. Охъ, я теперь уже рѣшительно погибла!

— Что съ тобою, Настинька? вскричалъ Горіо. Скажи мнѣ откровенно. Боже мой, она блѣднѣетъ! Дельфина, помоги ей. О, люби ее, Дельфина, я за это тебя буду любить, если можно, еще больше.

— Бѣдная Анастасія! сказала Г-жа Нюсннгенъ, сажая сестру. Говори; никто не любитъ тебя такъ какъ мы двое; на насъ ты можешь всегда положиться.....

Она дала ей понюхать спиртъ, и графиня пришла въ себя.

— Это меня уходитъ, сказалъ Горіо. Подойдите сюда, продолжалъ онъ, подвигаясь къ камину. Мнѣ что-то холодно. Что съ тобою случилось, Анастасія? Говори скорѣе, ты меня убиваешь.....

— Батюшка! мужъ мой все знаетъ!...

Она рассказала ему, что Г. Ресто узналъ не только объ ея связи съ графомъ Тралемъ, но и о томъ, что она заложила Госбеку фамильные брилліанты, чтобъ заплатить долги любовника. Г. Ресто тайно выкупилъ эти брилліанты у ростовщика, овладѣлъ любовною ея перепискою, уличилъ, исторгъ у ней признаніе, которое изъ ихъ дѣтей принадлежитъ ему непосредственно, и предоставилъ ея выбору, или тотчасъ перевести все свое приданое на имя этого ребенка и кончить дѣло безъ огласки, безъ срама для другихъ дѣтей ея, или идти съ нимъ въ судъ, потерять собственность своего достоянія законнымъ порядкомъ и покрыть безчестіемъ себя и свое потомство.

— Не переводи приданого! кричалъ Горіо въ отчаяніи: не переводи! Я убью этого мерзавца, который смѣетъ обижать дочь мою, будь онъ Ресто сто сорокъ тысячъ разъ!

Г-жа Ресто прибавила, рыдая, что не здѣсь еще предѣлъ ея бѣдствіямъ: она теперь и не смѣетъ просить денегъ у мужа, а ей между-тѣмъ крайняя нужда въ деньгахъ. У своей горничной заняла она тысячу франковъ, чтобъ заплатить за платье на балъ виконтессы Босеанъ, а тутъ еще не до-

стаетъ двѣнадцати тысячъ для уплаты векселей Максима, — и его завтра посадятъ въ тюрьму!.... Нѣтъ ли у батюшки двѣнадцати тысячъ? Старикъ сказалъ печально:

— У меня нѣтъ ихъ, Настинька! Ничего, ровно ничего нѣтъ! Боже мой, конецъ свѣта наступилъ!... Постой, у меня есть мои серебряныя пряжки и шесть серебряныхъ приборовъ, первые, которые я въ жизнь свою купилъ. Сверхъ-того, у меня только и есть, что тысяча двѣсти франковъ пожизненно....

— Куда же дѣвались ваши Непрерывные доходы?

— Я ихъ продалъ, оставивъ себѣ только скудное пожизненное содержаніе. А вотъ еще теперь тринадцать тысячъ франковъ нужны были для того, чтобы убрать комнаты, по желанію Дельфины.

— У тебя дома? сказала Г-жа Ресто сестрѣ.

— Какая тебѣ надобность! отвѣчалъ Горіо. Дѣло въ томъ, что мои послѣднія тринадцать тысячъ истрачены.

— О, я угадываю! сказала графиня. Для Г. Растиньяка! Ахъ, Дельфина, остановись! Посмотри, до чего я дошла!

— Г. Растиньякъ не такой человѣкъ, чтобы разорять свою любезную.....

— Очень благодарна тебѣ, Дельфина! Я надѣялась, что ты не станешь обижать меня, когда я въ несчастіи. Но ты всегда была такова; ты никогда меня не любила.

— О, нѣтъ, нѣтъ, она тебя очень любитъ! вскричалъ Горіо. Мы сейчасъ только о тебѣ говорили; она утверждала, что ты прекрасна, а она только что хороша.

— (Бѣдный старикъ лжетъ! сказалъ про себя Растиньякъ.)

— Она! отвѣчала графиня. Она настоящая льдина! Она никого не любитъ.

— А если бъ и такъ, Анастасія! вскричала Дельфина, покраснѣвъ. Вспомни только, какъ ты со мною поступала. Ты не хотѣла знаться со мною, ты заперла для меня всѣ дома, въ которыхъ мнѣ хотѣлось быть. Ты никогда не пропускала ни малѣйшаго случая огорчить меня! Я не выманивала у батюшки, какъ ты, по тысячъ франковъ, всего что у него было, и не я довела его до нищеты. Это все ты сдѣлала. Я не указывала батюшкѣ дверей, и не приходила потомъ лизать ему руки, когда имѣла въ немъ надобность.

Я не выпрашивала у него послѣдняго гроша. Я совѣсть и не знала, что батюшка истратилъ свои послѣднія три-надцать тысячъ..... для меня.

— Она лжетъ! подумалъ Растиньякъ.

— Ты была счастлива меня. Г. Марсѣ богатъ, въ состояннн самъ тратить деньги для своихъ возлюбленныхъ, и ты это знаешь по опыту. Прощай; у меня нѣтъ ни сестры, ни.....

— Молчи! вскричалъ старикъ.

— Только, такая сестра, какъ ты, можетъ повторять то, чему и свѣтъ давно уже не вѣрить! Ты чудовище! сказала Дельфина.

— Фифинька! Настинька! вскричалъ Горіо въ отчаяннн. Молчите; ради Бога, молчите! Или я при васъ зарѣжусь!..

— Анастасія! я прощаю тебя, ты въ несчастнн, сказала Дельфина. Я добрее тебя. Сказать это въ такую минуту, когда я хотѣла пособить тебѣ, когда я готова была на все для тебя, рѣшилась бы даже просить своего мужа, чего я не дѣлала ни для себя, ни для....! О, это достойно прежнихъ твоихъ поступковъ со мною!

— Дѣти мои, милыя дѣти, обнимитесь; ради Бога, обнимитесь! вскричалъ Горіо.

— Нѣтъ, батюшка; нѣтъ, отвѣчала Г-жа Ресто, отталкивая отца, который обнялъ ее, чтобы подвести къ Дельфинѣ. Она со мной безжалостнее моего мужа.

— Пусть ужъ лучше думаютъ, что я должна Г. Марсѣ, сказала баронесса: чѣмъ говорить, что Г. Траль стоитъ мнѣ болѣе двухъ сотъ тысячъ.

— Дельфина!! вскричала графиня, подойдя къ ней.

— Ты на меня клеветашь, а я говорю тебѣ правду, отвѣчала хладнокровно баронесса.

— Дельфина! знаешь, кто ты такая....

Старикъ вскочилъ, и зажалъ ей ротъ рукою.

— Охъ! сказалъ онъ, садясь опять на свое мѣсто: вы раздираете мнѣ сердце. Я скоро умру, мои дѣтки. Голова у меня горитъ, какъ-будто въ ней были раскаленные угли. Будьте добры, любите другъ друга! Иначе вы меня погубите. Дельфина, Настинька, полноте! Ну, вы обѣ правы, обѣ виноваты. Послушай, Фифинька: ей надобно двѣнадцать ты-

сячь франковъ. Не можешь ли ты какъ-нибудь сыскать ихъ?.. Не смотрите этакъ другъ на друга?

Она стала предъ Дельфиною на колѣни.

Дельфина, ангелъ мой! попроси у ней прощенія, если ты меня любишь: она несчастнѣе тебя!

— Настинька! сказала Г-жа Нюсингенъ, усмотревъ дикое безумное выраженіе горести на лицѣ отца: я виновата передъ тобою; обними меня.....

— О, Богъ тебя наградитъ за это, Дельфина!.... Но ей надобно двѣнадцать тысячъ франковъ. Гдѣ взять ихъ? Я наймусь за кого-нибудь въ рекруты.

— Батюшка! что вы говорите? вскричали обѣ дочери.

— Богъ наградитъ васъ за эту мысль, сказала Дельфина: нашей жизни на это не станетъ.

— Это была бы капля въ морѣ, прибавила графиня.

— Такъ развѣ уже и кровь моя ни на что не годна? вскричалъ старикъ отчаянно. Я отдаюся душею и тѣломъ тому, кто спасетъ тебя, Настинька. Если нужно, я убью за него человѣка. Я поступлю какъ Вотренъ, пойду за него въ каторгу. Я.....

Онъ остановился, какъ-будто пораженный громомъ.

— У меня ничего не осталось! вскричалъ онъ, вырывая свои волосы. Если бъ я зналъ, гдѣ украсть!.... Невозможно. Для этого надобно и проворство, и время. Нечего дѣлать, надобно умереть; мнѣ остается только умереть. Я ни къ чему уже не гожусь. Я больше не отецъ! Дочь у меня просить, а мнѣ нечего дать! Я уже не отецъ! Ты думалъ о себѣ, злодѣй, вскричалъ онъ, ударивъ себя въ грудь: а ты забылъ, что у тебя есть дочери! Теперь умирай, окольвай, какъ собака; ты хуже всякой собаки!... Боже мой, я съ ума схожу, голова у меня горитъ!....

— Но, батюшка! вскричали обѣ дочери, держа его, чтобы не дать ему удариться головой объ стѣну: батюшка, будьте благоразумнѣе, успокойтесь!

Онъ рыдалъ. Евгенийъ, слышавшій все это изъ другой комнаты, выхватилъ изъ бумагъ своихъ вексель, возвращенный ему Вотреномъ, написалъ на немъ 13,000 вмѣсто 3,000, на которые былъ онъ выданъ, и молніей влетѣлъ въ комнату Геріо.

— Вотъ нужныя вамъ деньги, сударыня! сказалъ онъ, подавая бумагу госпожѣ Ресто. Я спалъ въ моей комнатѣ; разговоръ вашъ разбудилъ меня, и такимъ образомъ я узналъ, чѣмъ обязанъ Г-ну Горіо, и сколько ему долженъ. Вотъ вексель: не угодно ли вамъ продать его? Я заплачу въ срокъ.

— Нѣсколько мгновений, графиня, молча и неподвижно, держала вексель, вбитый ей въ руки Растиньякомъ.

— Дельфина! сказала она блѣднѣя и дрожа отъ гнѣва, отъ бѣшенства, отъ ярости. Богъ свидѣтель, что прежде я тебѣ все простила; но это..... Это ужъ слишкомъ! Онъ былъ тутъ, ты это знала, и ты унизила до того, что отомстила мнѣ, предавъ ему все мои тайны, мою жизнь, жизнь дѣтей моихъ, мой стыдъ, мое безчестіе!... Ты не сестра мнѣ. Я тебя ненавижу; я проклинаю тебя; я всю жизнь буду мстить тебѣ!.....

Гнѣвъ пресѣкъ ея голосъ; въ горлѣ у ней засохло.

— Но онъ сынъ мой, онъ дитя мое, мое любимое дитя, твой братъ, твой спаситель! кричалъ Горіо. Обними его, Настинька! Смотри, какъ я его обнимаю, сказалъ онъ, и съ судорожнымъ движеніемъ прижалъ Евгенія къ груди. О, я буду отцемъ твоимъ, всѣмъ на свѣтѣ для тебя! Если бы это было въ моей власти, я бы весь свѣтъ бросилъ къ ногамъ твоимъ! Поцѣлуй же сго, Настинька: это не чело-вѣкъ, — ангелъ, настоящій ангелъ!.....

— Оставьте ее, батюшка; она теперь съумасшедшая, сказала Дельфина.

— Съумасшедшая? А ты кто такая?.... вскричала графиня.

— О, я умру, если вы не перестанете! вскрикнулъ Горіо, упавъ на постель, какъ-будто пораженный пулею.

— Онъ меня убили, сказалъ онъ самъ себѣ.

Графиня взглянула на Евгенія, который стоялъ неподвижно, пораженный ужасною сценою.

— Вы, сударь...? сказала она, вопрошая его жестомъ, взглядомъ, выраженіемъ голоса, пока Дельфина разстегивала жилетъ отца, который упалъ въ обморокъ.

— Графиня, я заплачу, и никто ничего не узнаетъ, отвѣчалъ онъ, не дожидаясь отвѣта.

— Ты убила батюшку! сказала Дельфина, указывая сестрѣ на отца.

Графиня убѣжала.

— Я не сержусь на нее, сказалъ старикъ, открывъ глаза: положеніе ея ужасно; она хотъ кого съ ума сведетъ. Утѣшай Настиньку; будь добра къ ней; обычай это умирающему отцу, сказалъ онъ, пожимая руку Дельфины.

— Но что съ вами, батюшка? спросила испуганная баронесса.

— Ничего, ничего, это пройдетъ; у меня голова болитъ; это вѣрно мигрень. Бѣдная Настинька! что ее ожидаетъ въ жизни?

Въ эту минуту графиня возвратилась, и упала передъ отцемъ на колѣни.

— Батюшка, простите меня! вскричала она.

— Охъ теперь ты мнѣ дѣлаешь еще больше вреда, сказалъ онъ.

— Извините меня, сударь! сказала она, обращаясь къ Растиньяку, со слезами на глазахъ, и протянувъ къ нему руку: горестъ сдѣлала меня несправедливою.

— Настинька! сказала Дельфина, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ: милая моя Нини! забудемъ нашу ссору.

— О, нѣтъ, сестрица! я никогда не забуду, что я была передъ тобою виновата.

— Какіе ангелы! Милые мои, вы меня оживляете, вскричалъ Горіо: обнимитесь еще разъ.

— Ну, что жъ, Нини, поможетъли тебѣ этотъ вексель?

— Я надѣюсь. Батюшка! только вы не его подписали?

— Ахъ, я дуракъ! Я и забылъ, что надобно надписать на оборотъ: не сердись на меня, душенька. Мнѣ было очень дурно. Извѣсти меня по-крайней-мѣрѣ, что хлопоты твои кончились. Или лучше я приду къ тебѣ.... Нѣтъ, нѣтъ, я не приду къ тебѣ; я не могу видѣть твоего мужа; я бы задушилъ его на мѣтѣ. Ступай скорѣе домой, душа моя: только скажи Г. Тралю, чтобы онъ впередъ такъ не проматывался; у меня уже ничего нѣтъ.

Евгеній стоялъ какъ околдованный.

— Анастасія всегда была вспыльчива; но она добра, сказала Г-жа Нюспингенъ.

— Она возвратилась только для того, чтобы заставить отца сделать необходимую подпись на вексель, сказалъ Евгений Дельфинъ на ухо.

— О! Неужели?

— Я бы хотѣлъ этого не думать, но дѣло очевидно. Не вѣрьйтесь ей, примолвилъ онъ, поднимая глаза, какъ-будто передавая небу мысли, которыхъ не хотѣлъ высказать.

— Правда, что она всегда была большая комедіантша. А батюшка во всемъ ей вѣрить!

— Каково вамъ теперь? сказалъ Растицыякъ старику.

— Мнѣ спать хочется, отвѣчалъ онъ.

Евгений помогъ ему лечь. Онъ заснулъ, держа Дельфина за руку. Они ушли.

— Увидимся въ Италіянскомъ театрѣ, сказала она: ты мнѣ скажешь тогда каково ему. Завтра вы, сударь, должны переехать на свою новую квартиру. Покажи-ка мнѣ твою прежнюю комнату.

— О, какъ тебѣ тутъ было скверно! вскричала она, входя въ комнату Растицыяка. Хуже чѣмъ у батюшки! Евгений, ты хорошо поступилъ. Я бы стала любить тебя послѣ этого еще больше, если бъ только было возможно. Но, послушай, мой милый: если ты хочешь быть когда-нибудь богатымъ, то не надобно бросать такимъ образомъ по тринадцати тысячъ за окно. Г. Траль игрокъ. Сестрица не хочетъ этого видѣть.... Онъ бы могъ достать тринадцать тысячъ тамъ, гдѣ выигрываетъ и проигрываетъ золотыя горы.

Стоя, вырвавшійся у старика, заставилъ ихъ возвратиться къ нему. Повидимому онъ спалъ; но подходя къ нему, Евгений и Дельфина услышали слова:

— Онъ не знакомы со счастьемъ, бѣдняжки!

Эти грустные звуки такъ поразили Г-жу Нюсингенъ, что она нагнулась къ отцу, и поцѣловала его въ лобъ.

— Это ты, Дельфина? спросилъ онъ, открывая глаза.

— Каково вамъ, батюшка?

— Хорошо, сказалъ онъ. Не безпокойся, душинька. Я сейчасъ пойду со двора. Прощайте, дѣти мои; будьте веселы.

Евгеній проводилъ Дельфинну домой, но, безпокоясь о Г-нѣ Горіо, не остался у ней обѣдать. Возвратясь въ домъ Г-жи Вокё, онъ нашелъ старика въ столовой. Біаншонъ пристально разсматривалъ лицо страдальца; потомъ махнулъ рукою.

— Сядь ко мнѣ, Біаншонъ, сказалъ Растиньякъ: что съ нимъ?

— Плохо! Вѣрно онъ испыталъ какое-нибудь сильное потрясеніе, потому что съ нимъ скоро случится параличъ. Видишь, нижняя часть лица довольно спокойна, а верхнія черты, противъ его волн, стягиваются ко лбу, и глаза находятся въ состояніи, которое показываетъ, что сукровица изливается въ мозгъ. Не правда ли, что они какъ-будто наполнены мелкою пылью? Завтра могу сказать тебѣ болѣе.

— Есть ли какое-нибудь средство спасти его?

— Ни какого. Можно замедлить ударъ, произведя противодѣйствіе въ оконечностяхъ; но если завтра къ вечеру эти признаки не измѣнятся, бѣднику не быть въ живыхъ. Не знаешь ли ты, отчего это съ нимъ сдѣлалось? Ему никакъ нанесли сильный душевный ударъ, противъ котораго сложеніе его не устояло.

— Да; у него были непріятности, отвѣчалъ Растиньякъ, вспомнивъ съ ужасомъ, какъ жестоко объ дочери поражали сердце бѣднаго родителя. «По-крайней-мѣрѣ, говорилъ самъ себѣ Евгеній, Дельфина любитъ отца!»

Вечеромъ въ театрѣ, Растиньякъ, говоря Г-жѣ Нюсингенъ о состояніи отца ея, принялъ нѣкоторыя предосторожности, чтобъ ея не испугать. Но при первыхъ словахъ его, она сказала:

— Ахъ, не бойтесь за батюшку! Онъ здоровъ и силенъ; это пройдетъ. Сегодня утромъ мы его немножко потрясли. Наши имѣнія въ опасности. Вы можете вообразить, какъ это ужасно! Право, если бъ меня не подкрѣпляла твоя привязанность, я бы не выдержала этого адскаго безпокойства. Теперь я боюсь только одного, — лишиться любви, которая показала мнѣ счастье жизни. У меня теперь нѣтъ другаго чувства: ко всему остальному я совершенно равнодушна, и кромѣ тебя, другъ мой, не люблю ничего на

свѣтъ. Если мнѣ хотѣлось бы быть богатой, то это только для того, чтобы больше правиться тебѣ.

Евгеній молчалъ, тронутый или испуганный этимъ выраженіемъ чувства пламенющаго Госпожа Нюсингенъ не знала какъ объяснить это молчаніе.

— Объ чемъ вы задумались? сказала она.

— Я еще слушаю, что вы мнѣ говорили. До-сихъ-поръ я думалъ, что люблю васъ болѣе, чѣмъ вы меня.

Она улыбнулась, но постаралась скрыть свою радость, чтобы удержать разговоръ въ обыкновенныхъ границахъ приличія. Она никогда не слыхивала искреннихъ, доходящихъ до сердца выраженій любви юной, и не въ состояніи была бы владѣть собою, если бы Евгеній сказалъ еще нѣсколько словъ.

— Вы видно не знаете, что въ свѣтъ дѣлается? сказала она, перемѣняя разговоръ. Весь Парижъ будетъ завтра у Г-жи Босеанъ. Рошгюды и Ажуда сговорились ничего не разглашать, но завтракороль утверждаетъ ихъ свадебный договоръ, а кухня ваша ничего не знаетъ. Виконтессѣ нельзя отложить своего бала, а Г. Ажуда у ней не будетъ. Въ городѣ только объ этомъ и говорятъ.

— И есть люди, которыхъ смѣшить подлость?..... Это убьетъ Г-жу Босеанъ!

— Нѣтъ, не убьетъ. Вы не знаете этихъ женщинъ! при-совокупила Дельфина, улыбаясь. Но весь Парижъ у ней будетъ, и всѣ меня тамъ увидятъ. И я вамъ обязана этимъ благополучіемъ!

— Но, можетъ-быть, это пустой слухъ?

— Завтра мы все узнаемъ.

Опера кончилась. Не знаю, гдѣ почевалъ Евгеній. Но на другой день онъ пришелъ въ обѣденное время къ Г-жѣ Вокѣ, и не пошелъ въ столовой ни Горіо, ни Біаншопа. Ему сказали, что старикъ очень боленъ и что студентъ медицины сидитъ у него. Евгеній пошелъ на верхъ.

— Добрый мой Біаншопъ! Мы вмѣстѣ будемъ ходить за нимъ.

— Я уже призывалъ старшаго врача нашего госпиталѣ.

— Ну что жъ?

— Онъ скажетъ что-нибудь рѣшительное завтра всеромъ. Онъ обѣщалъ мнѣ прійти, по окончаніи занятій своихъ по службѣ. Къ несчастію, старикъ сдѣлалъ сегодня утромъ какую-то неосторожность, и не хочетъ признаться. Онъ упрямъ какъ козель. Когда я его спрашиваю, онъ притворяется, будто не слышитъ и спитъ, чтобы не отвѣчать мнѣ, а если лежить съ открытыми глазами, то принимается стонать. Поутру, онъ ходилъ куда-то пѣшкомъ, и бралъ съ собою все, что у него есть порядочнаго. Видно онъ это продалъ, и ходьбою изнурилъ себя. Одна изъ дочерей была здѣсь.

— Графиня? спросилъ Растиньякъ: высокая, стройная, брюнетка, съ блестящими глазами?

— Да, да.

— Оставь меня съ нимъ. Я его допрошу. Мнѣ онъ все скажетъ.

— А я покуда пойду пообѣдаю. Только, не тревожь его: покуда еще есть надежда.

— Будь спокоенъ.

— Онъ завтра повеселятся, мои милыя, сказалъ Горіо, когда они остались одни съ Евгеніемъ. Онъ будутъ на большомъ балѣ.

— Что жъ это вы сегодня утромъ надѣлали, что теперь принуждены лежать въ постели?

— Ничего.

— Анастасія была у васъ? спросилъ Растиньякъ.

— Да.

— Пожалуйста не скрывайте отъ меня ничего. О чемъ она еще васъ просила.

— О! сказалъ Горіо, собираясь съ силами, чтобы въ состояніи быть говорить: она бѣдняжка очень несчастна. Съ тѣхъ поръ какъ она продала брилліанты, она совсѣмъ безъ денегъ. Для этого бала она заказала себѣ богатое платье, шитое золотомъ и брилліантами. Она, я думаю, будетъ хороша въ немъ какъ ангелъ! Денегъ, занятыхъ у горничной, было мало; негодная модистка не хотѣла потерѣть ей въ долгъ восьми сотъ франковъ, узнавъ объ ея разрывѣ съ му-

жемъ. Бѣдная Настинька! до чего она дошла! Балъ завтра, платье готово: вы можете вообразить, въ какомъ отчаяніи была Анастасія. Она хотѣла занять у меня мои серебряные приборы, чтобы заложить ихъ. Она мучилась какъ въ аду. Мужъ непременно хотѣлъ, чтобы она ѣхала на балъ вся въ алмазахъ, чтобы показать *клеветникамъ*, что фамилльные брилліанты у нея, а не проданы. Какъ же она могла сказать этому чудовищу, что — я должна еще около тысячи франковъ, — и просить, чтобы онъ заплатилъ за нее? Не возможно! Я тотчасъ это понялъ. Приодѣлся, принарядился, и отправился со двора. Продавъ за шесть сотъ франковъ мои приборы и пряжки, заложилъ Гобсеку на годъ за четвереста франковъ мой послѣдній билетъ непрерывнаго дохода, и вотъ тысяча франковъ у меня подъ подушкой. Мнѣ, право, какъ-то теплѣе отъ того, что у меня подъ головою подарокъ, который обрадуетъ мою Настиньку. Завтра мнѣ будетъ хорошо: Анастасія пріѣдетъ часовъ въ десять. Я не покажу, что я боленъ; иначе онъ не поѣдутъ на балъ и захотятъ остаться со мною. Анастасія обвинитъ меня какъ своего ребенка; я выздоровѣю отъ одного этого. Вѣдь я же заплатилъ бы тысячу франковъ аптекарю; лучше же отдать ихъ моей воскресительницѣ, Настинькѣ. По-крайней-мѣрѣ она, бѣдняжка, весело проведетъ вечеръ. Мнѣ ужъ и то вчера было больно, что я не могъ дать ей драгннхъ тринадцати тысячъ. Но я скоро буду опять богатъ. Я снова примусь за торговлю, поѣду въ Одессу, закуплю пшеницы, которая тамъ втрое дешевле чѣмъ у насъ; превращу ее въ крахмалъ и ввезу во Францію. Эти господа, которые нищутъ законы, запрещая ввозъ иностраннаго хлѣба, ничего не сказали о ввозѣ иностраннаго крахмалу, а того не знаютъ, что изъ хлѣба можно сдѣлать крахмалъ, а изъ крахмалу муку. Вы видите, что я еще съумѣю вести свои дѣла?.....

— Бѣднякъ помѣшался! сказалъ самъ себѣ Евгеній.

На другой день Горіо было нѣсколько лучше. Графиня Ресто не пріѣзжала: она прислала своего человѣка.

— Я думалъ, что она сама пріѣдетъ, сказалъ Горіо. Но, оно впрочемъ и лучше: бѣдняжка стала бы беспокоиться, прибавилъ онъ, показывая, будто радъ этому.

Часовъ въ семь вечера Тереза привезла Евгенію письмо отъ Дельфины.

«Что съ тобою сдѣлалось, другъ мой? Мы еще такъ недавно знакомы, а ты уже забываешь меня! О, нѣтъ; душа твоя такъ прекрасна, что ты не въ состояніи измѣнить. Не забудь, я жду тебя, чтобы ѣхать на балъ къ виконтессѣ Босеанъ. Бракъ Г. Ажуды точно утвержденъ сегодня утромъ, и бѣдная Г-жа Босеанъ узнала объ этомъ только въ два часа. Вечеромъ весь изящный Парижъ столпится около нея, какъ простой народъ на Гревской Площади, когда кого-нибудь казнятъ. Не ужасно ли ѣхать смотреть, какъ она сноситъ свое отчаяніе, и хорошо ли она умираетъ! Я бы никакъ не поѣхала къ ней сегодня, если бы когда-нибудь была у ней; но она, вѣрно, уже не станетъ принимать, и тогда все мое усиліе останутся безъ пользы. Я совсѣмъ не въ такомъ положеніи, какъ другіе. Да притомъ, я еду туда и для тебя тоже. Я жду тебя. Если ты часа черезъ два не будешь, я не знаю, прощу ли тебѣ это когда-нибудь.»

Растиньякъ сейчасъ взялъ перо и написалъ:

«Я жду доктора, чтобы узнать, останется ли батюшка вашъ въ живыхъ. Онъ при смерти. Я приду сказать вамъ, что рѣшилъ докторъ. Я очень боюсь, что принужденъ буду сказать вамъ печальную вѣсть. Тогда вы сами рѣшите, можете ли ѣхать на балъ.»

Докторъ пріѣхалъ въ половинѣ девятого и сказалъ, что положеніе больного очень опасно, но что онъ проживетъ еще, можетъ-быть, двое сутокъ. — Для него лучше было бы, если бъ онъ теперь же умеръ, сказалъ врачъ. — Евгений поручилъ несчастнаго попеченіямъ Біаншона, и отправился къ госпожѣ Нюсингенъ, чтобы сообщить ей вѣсти, которыя, по его мнѣнію, должны были сдѣлать забавы невозможными.

— Скажите ей отъ меня, чтобы она непременно ѣхала на балъ, вскричалъ Горіо, который, повидимому былъ въ усыпленіи, но привсталъ и сѣлъ, когда Растиньякъ уходилъ.

Евгеній пріѣхалъ къ Дельфинѣ въ глубокой горести, а она была уже причесана и обута; ей оставалось надѣть только бальное платье.

— А вы еще и не одѣты? сказала она.

— Но, сударыня, вашъ батюшка.....

— Что вы меня наставляете? вскричала она, прерывая его: я знаю мои обязанности въ отношеніи къ батюшкѣ. Ни сло-

ва, Евгений; я слушать ничего не хочу, пока вы не будете одѣты. Возьмите мою карету, ступайте и прѣзжайте скорѣе назадъ. Мы поговоримъ о батюшкѣ дорогою, когда поѣдемъ на балъ; надобно ѣхать пораньше, потому что если карета наша попадетъ въ ряды, то намъ и въ одиннадцать часовъ не удастся войти въ комнаты.....

— Сударыня.....

— Потѣжайте! Ни слова больше.

Она побѣжала въ уборную за своими брилліантами.

— Да ступайте же, сударь! Вы, право, разсердите барыню, сказала ему горничная.

Онъ потѣхалъ одѣваться, дѣлая самыя горестныя размышленія. Ему казалось, что это общество какъ океанъ грозы, въ который человѣкъ совершенно погружается, коль скоро ступить въ него ногою. Онъ распозналъ уже сердце Дельфины; онъ очень видѣлъ, что она въ состояніи пройти на балъ по трупу отца. Потомъ началъ онъ толковать самъ себѣ слова врача; началъ думать, что Горію, можетъ-быть, не такъ боленъ; всячески старался увѣрить себя, что Дельфина еще очень извинительна. Она не знаетъ, въ какомъ состояніи находится отецъ ея; да если бъ я потѣхала къ нему, то онъ самъ прогналъ бы ее на балъ.

— Ну что жъ? каковъ батюшка? спросила Дельфина, когда Евгений возвратился въ балномъ костюмѣ.

— Очень опасенъ; и если вы хотите доказать, что любите меня, то поѣдѣте къ нему.

— Хорошо, поѣдемъ, сказала она: но только послѣ бала. Любезный мой Евгений, будь умница, не дѣлай мнѣ правоченій; поѣдемъ скорѣе.

Они отправились. Евгений молчалъ почти всю дорогу.

— Что вы молчите? сказала она.

— Мнѣ слышится смертное хрипѣніе вашего батюшки, отвѣчалъ онъ съ сердцемъ.

И онъ принялся рассказывать съ пламеннымъ краснорѣчіемъ юноши звѣрскій поступокъ, къ которому тщеславіе побудило графиню Ресто; смертельный переворотъ, произведенный этимъ въ болѣзнь Горію, и чего будетъ стоить платѣ Анастасіи. Дельфина плакала. — «Я подумѣю отъ этого,» подумала она, — и слезы ея осушились.

— Я поѣду послѣ бала къ батюшкѣ, и не отойду уже отъ его постѣли, сказала она.

— А! вотъ ты теперь такова, какою мнѣ хотѣлось тебя видѣть, вскричалъ Растиньякъ.

Фонари пяти сотъ каретъ освѣщали окрестности дома Босеановъ. Посѣтителей собралось столько, что въ комнатахъ нижняго этажа трудно уже было пройти, когда Дельфина и Евгенийъ пріѣхали. Прелестнѣйшія женщины загромаждали залы цвѣтами и самыми изящными нарядами. Знатнѣйшіе придворные, министры, посланники, извѣстнѣйшіе люди во всѣхъ родахъ, испещренные звѣздами, крестами, лентами всѣхъ цвѣтовъ, толпились вокругъ виконтессы. Оркестръ оглашалъ очаровательными звуками раззолоченные покои этого дворца, для нея пустаго. Она стояла въ первой гостиной, чтобы принимать мѣстныхъ друзей своихъ. Она была въ бѣломъ платьѣ и безъ всякихъ украшеній, въ волосахъ, просто зачесанныхъ. Она казалась спокойною, не обнаруживала ни горести, ни гордости, ни притворной веселости. То была мраморная Ніоба. Улыбка, которою встрѣчала она самыхъ короткихъ своихъ пріятельницъ, была несколько насмѣшлива; но она показалась всѣмъ точно такою же, какою была всегда, даже и въ то время, когда блаженство украшало ее своими лучами. И самые нечувствительные удивлялись ей, какъ юныя Римлянки, рукоплескавшія гладіатору, который и умирая улыбался. Модный свѣтъ, казалось, собрался въ праздничномъ нарядѣ, чтобы проститься съ одною изъ своихъ повелительницъ.

— Я боялась, что вы не пріѣдете, сказала она Растиньяку.

— Зато я послѣдній отсюда уѣду, сказалъ онъ разстроеннымъ голосомъ, принимая эти слова за упрекъ.

— Хорошо, сказала она, пожавъ ему руку: вы, можете-быть, единственный человѣкъ, которому я могу здѣсь вѣряться. Другъ мой, любите ту женщину, которую вы можете всегда любить, и не покидайте ея!

Она подала ему руку, и съѣла съ нимъ на капане въ той залѣ, гдѣ играли.

— Потѣжайте, сказала она, къ Г. Ажудъ. Камердинеръ мой, Жакъ, свезетъ васъ туда, и отдастъ вамъ письмо къ нему. Я требую отъ Г. Ажуды моихъ писемъ. Надѣюсь, что онъ

отдасть вамъ ихъ всѣ. Если вы получите мои письма, то пройдите прямо въ мою комнату. Мнѣ придуть сказать.

Она встала, чтобы пойти на встрѣчу лучшей своей пріятельницѣ, герцогинѣ Лапжѣ, которая тоже пріѣхала посмотреть на нее. Растиньякъ побѣхалъ къ Г. Рошгюду, спросилъ Г. Ажуда. Маркизь повезъ его къ себѣ, отдавъ ему ящичекъ съ письмами и сказалъ: — Они всѣ тутъ.

Онъ, казалось, хотѣлъ поговорить съ Евгениемъ, для того ли, чтобы разспросить его о балѣ виконтессы, или для того, чтобы признаться ему, что онъ въ отчаяніи отъ того, что ее убиваетъ; но въ глазахъ его блеснула молнія гордости, и у него достало духа затанць въ сердцахъ свои чувствованія.

— Не говорите ей ничего обо мнѣ, мой любезный Евгений!

Онъ пожалъ руку Растиньяка съ горестно-ласковымъ выраженіемъ, и знакомъ показалъ ему, чтобы онъ ѣхалъ. Евгений возвратился къ Босеанамъ, и его ввели въ комнату виконтессы, гдѣ онъ увидѣлъ приготовленія къ отъѣзду. Онъ сѣлъ къ камину, поглядѣлъ на свой кедровый ларчикъ и погрузился въ глубокую задумчивость. Г-жа Босеанъ казалась ему женщиною въ размѣрѣ богини Иліады!!!

— Ахъ, другъ мой! сказала виконтесса, вошедши въ комнату и положивъ руку на плечо Растиньяка.

Онъ оглянулся, и увидѣлъ Г-жу Босеанъ въ слезахъ, съ поднятыми къ небу глазами, съ безжизненно-опущенными руками. Она схватила ящичекъ, бросила его въ каминъ и смотрѣла, какъ онъ горитъ.

— Они танцуютъ! Они всѣ пріѣхали въ назначенное время, а смерть придетъ поздно..... Ст! другъ мой, сказала она, положивъ палецъ на ротъ Растиньяка, который хотѣлъ говорить. Я никогда уже не увижу ни Парижа, ни свѣта. Въ пять часовъ утра я ѣду, и живая погребусь въ Нормандію. Съ трехъ часовъ послѣ обѣда я принуждена была сбираться, подписывать бумаги, приводить въ порядокъ разныя дѣла; я никого не могла послать къ.....

Она остановилась.

— Разумѣется, что вы нашли его у.....

Она опять остановилась, обезсиленная горестью. Въ подобныя минуты все дѣлается причиною страданія, и есть слова, которыхъ не возможно произнести.

— Я надѣялась на васъ, сказала она: я была увѣрена, что вы окажете мнѣ эту послѣднюю услугу. Я бы хотѣла оставить вамъ что-нибудь въ память нашей дружбы. Я часто буду о васъ думать, потому что нашла въ васъ добро, благороднаго и прямодушнаго молодого человѣка посреди свѣта, въ которомъ эти качества такъ рѣдки.

Потомъ, посмотрѣвъ вокругъ себя, она сказала: — Возьмите этотъ ларчикъ: я въ немъ держала перчатки. Всякой разъ, какъ, отправляясь на балъ или въ театръ, брала я отсюда пару, я чувствовала, что я хороша, потому что я была счастлива, и я всегда оставляла тутъ какую-нибудь пріятную мысль. Тутъ много моего: тутъ цѣлая Г-жа Босеанъ, которая уже не существуетъ! Я велю спести этотъ ящикъ къ вамъ. Госпожа Нюсингенъ очень хороша сегодня: вы можете любить ее. Мы уже не увидимся съ вами, другъ мой; но будьте увѣрены, что я всегда буду желать вамъ счастья: вы были добры ко мнѣ. Пойдемте въ залы; не хочу, чтобы они знали, что я плачу. Передо мною открывается вѣчность; я буду въ ней одна, и никто не потребуетъ отъ меня отчета въ слезахъ моихъ. Позвольте мнѣ еще разъ взглянуть на эту комнату....

Она закрыла рукою глаза, потомъ обтерла ихъ, освѣжила холодною водою, взяла Евгенія подъ руку, и сказала: — Пойдемте!

Растиньякъ, изумленный величіемъ этой колоссальной жемчужной души, никогда еще не чувствовалъ ощущенія столь горестнаго, какъ то, которое произвело въ немъ прикосновеніе скорби, такъ великодушно удерживаемой и скрываемой *.

* Хотя этотъ романъ, сокращенный черезъ очищеніе его отъ общихъ мѣстъ и длиннотъ, и весьма передѣланъ въ переводѣ, въ которомъ большію частію старались мы выражать не то, что говоритъ авторъ, но то, что онъ долженъ былъ бы говорить, если бы чувствовалъ и разсуждалъ правильно; хотя мы гораздо болѣе уважаемъ здравый смыслъ нашихъ читателей, и его удовольствіе, нежели неприкосновенность плодовъ пера, одареннаго талантомъ, но поверхностнаго и слишкомъ легко-

Возвратясь въ парадныя комнаты, Г-жа Босеанъ обошла ихъ подъ руку съ Евгеніемъ, — новый и послѣдній знакъ вниманія этой плѣнительной женщины. Въ танцевальной галлерей Евгеній съ изумленіемъ увидѣлъ одну изъ тѣхъ паръ, которыя становятся поразительнымъ явленіемъ отъ соединенія въ себѣ всѣхъ красотъ человѣческихъ. Ему еще никогда не случалось любоваться на такое совершенство. Мужчина — живой Антиной, и манеры его не разрушали впечатлѣнія, производимаго красотой тѣла. Дама — настоящая фея: она восхищала взоры, очаровывала душу, раздражала чувства самыя холодныя. Всѣ съ наслажденіемъ на нихъ смотрѣли и завидовали блаженству, которое проявлялось въ отличномъ согласіи ихъ взглядовъ и движеній.

мысленнаго; хотя и направленіе, и даже ходъ повѣсти измѣнены здѣсь существенно, однако мы сохранили часть этой сцены въ подлинномъ ея видѣ, нарочно для обожателей ума Г. Бальзака. Одна изъ основныхъ идей этого романиста, проявляющаяся почти во всѣхъ его твореніяхъ, состоитъ въ томъ, что женщина тогда только бываетъ истинно велика, когда она обманываетъ своего мужа, гордо попираетъ свои обязанности и смело предается пороку. Какъ скоро удастся ему осуществить эту чудесную мысль, заимствованную по всей вѣроятности изъ логики лакейскихъ, и вывести на сцену супругу порочную, но твердую любовницу, — онъ безъ памяти отъ удивленія ея характеру; онъ становится передъ ней на колѣни, и, — скоро увидите, — онъ еще поставитъ передъ пей на колѣни и своего героя Растиньяка. Это великая женщина Г. Бальзака, онъ находитъ также очень интереснымъ когда отецъ способствуетъ пороку своей дочери, и когда молодой человѣкъ продаетъ себя женщинѣ, и прочая. Само собою разумѣется, что съ этими жалкими понятіями опрокинутой нравственности и потеряннаго самоуваженія поступлено въ переводѣ по ихъ заслугамъ, точно такъ же, какъ съ философскими разсужденіями автора, составленными изъ избитыхъ пошлостей, выражаемыхъ языкомъ высокопарнымъ и пылкаымъ. Изъ философіи Г. Бальзака, — которую намъ очень хочется назвать философіей, выжатой изъ туалетной губки, — можно иногда получить замѣчанія хорошія и согласныя со здоровымъ разсудкомъ, сказавъ діаметрально противоположное тому, что онъ утверждаетъ. Мы во многихъ мѣстахъ его повѣсти употребили этотъ легкій способъ быть основательными. Истинный и неотъемлемый талантъ Г. Бальзака заключается въ его повѣствовательномъ искусствѣ, и это достоинство автора «Старика Горіо» мы сочли долгомъ поставить въ самомъ лучшемъ свѣтѣ.

— Боже мой, кто эта женщина? спросилъ Растиньякъ.

— О, это неоспоримо самая прекрасная женщина! отвѣчала виконтесса. Это Леди Брандонъ. Она всѣмъ пожертвовала этому молодому человеку.....

— А онъ кто таковъ?

— Какъ, вы не знаете полковника Франкессини?

— Неужели это тотъ самый, который дрался.....

— Да, да; дня три назадъ. Его вызвалъ на дуэль сынъ какого-то банкира. Франкессини хотѣлъ только ранить его, и, по несчастію, убилъ.

— А!!!....

— Что съ вами? Вы трепещете?

— Ничего! отвѣчалъ Растиньякъ.

Холодный потъ выступилъ на тѣлѣ Евгенія. Вотренъ явился передъ нимъ со своимъ мѣднымъ лицомъ. Герой каторжниковъ и герой балльных танцоровъ, идущіе въ жизни рука объ руку, измѣнили для него весь видъ Парижскаго общества. Тотчасъ послѣ этого, онъ увидѣлъ графиню Ресто и баронессу Нюсингенъ. Графиня блистала брилліантами, которые, конечно, жгли се, потому что были на ней въ послѣдній разъ. Она съ трудомъ выносила взгляды своего мужа. Это зрѣлище не могло развеселить мыслей Растиньяка. Если въ Италіанскомъ полковникѣ предсталъ передъ него Вотренъ, то изъ-подъ брилліантовъ обѣихъ сестеръ должно было выглянуть лицо умирающаго Горіо. Задумчивый видъ его обманулъ виконтессу, и она оставила его руку, сказавъ: — Я не хочу лишать васъ удовольствія забавъ.

Дельфина тотчасъ подозвала его къ себѣ; она восхищалась производимымъ ею впечатлѣніемъ, и хотѣла повергнуть къ ногамъ своего любезнаго обожаніе свѣта, въ которомъ надѣялась быть принята.

— Какъ вы находите Настиньку? спросила Дельфина.

— Она танцуетъ въ счетъ жизни отца своего, отвѣчалъ Растиньякъ.

Часовъ около четырехъ утра, залы начали пустѣть. Вскорѣ послѣ того и музыка перестала играть. Герцогиня Ланжѣ и Растиньякъ одни остались въ большой залѣ. Виконтесса, думая застать одного Евгенія, пришла туда, простивъ

нишь прежде съ своимъ мужемъ, который пошелъ спать, сказавъ ей: — Ты, право, напрасно ѣдешь! Какъ можно въ твои лѣта похоронить себя въ Нормандіи? Останься съ нами.

Увидѣвъ герцогиню, госпожа Босеанъ не могла удержать восклицанія.

— Я угадала твое намѣреніе, Клара, сказала герцогиня. ты ѣдешь, съ тѣмъ, чтобы уже никогда не возвращаться; но прежде всего ты должна меня выслушать. Надобно, чтобы мы другъ друга поняли.

Она взяла виконтессу подъ руку, увела въ другую комнату, и тамъ, поглядѣвъ на нее со слезами на глазахъ, сжала ее въ своихъ объятіяхъ, и поцѣловала въ обѣ щеки.

Я не хочу разстаться съ тобою холодно, сказала она: это бы оставило мнѣ слишкомъ тяжелое раскаяніе. Ты можешь полагаться на меня какъ на самую себя. Сегодня ты была истинно велика! Я почувствовала, что должна быть достойною тебя, и хочу доказатьъ тебѣ это. Я часто бывала виновата передъ тобою; не всегда поступала, какъ бы слѣдовало. Прости меня, моя милая; я отрекаюсь отъ всего, что могло оскорбить тебя въ моихъ словахъ; хотѣла бы взять ихъ назадъ. Одинакая горестъ соединяла наши души, но не знаю, кто изъ насъ будетъ теперь несчастнѣе. Г-на Монривъ сегодня здѣсь нѣтъ? Ты понимаешь. Кто сегодня тебя видѣлъ, Клара, тотъ никогда тебя не забудетъ! Я намѣрена сдѣлать съ моимъ послѣднее успіе. Если оно не удастся, я пойду въ монахини. А ты куда ѣдешь?

— Въ Нормандію. Въ Курсель. Любилъ, молиться, до тѣхъ поръ, пока Богъ возьметъ меня изъ этого свѣта. Растишьякъ!

Евгеній преклонилъ коленно, взявъ ея руку, и поцѣловалъ съ умилніемъ *.

* *Risum te peatis, amici!* Не смѣйтесь, потому что авторъ хочетъ здѣсь быть возвышеннымъ и трогательнымъ. Изъ числа всѣхъ подобныхъ мы удержали одну эту сцену, съ намѣреніемъ, — чтобы показать, какія ложныя и смѣшныя вещи пахотятся въ подлинникѣ, и чтобы не поселать ни въ комъ сожалѣнія о томъ, что выпущено или передѣлано. Это величіе женщинъ, измѣняющихъ долгу супругъ, клятвы, и чести, и храбро удаляющихся, одна въ деревню, другая въ монастырь, для того, чтобы плакать о своихъ любовникахъ, неподражаемо! Сцена впрочемъ была бы хороша безъ этихъ жалкихъ натяжекъ поддѣльнаго глубокомыслія.

— Прощай, Аитуанетта, будь счастлива! А вы, мой милый Евгений, вы счастливы, потому что вы молоды и еще можете вѣрнѣе людямъ. Я довольна: удаляюсь отъ свѣта, и меня провожаютъ, какъ умершую, прежніе враги и искреннее чувство добраго друга.

Растиньякъ ушелъ въ пять часовъ, когда госпожа Босеанъ съѣла въ дорожный берлинъ, со слезами съ нимъ простившись. Пѣшкомъ, въ сырую и холодную погоду, возвратился онъ въ домъ Вокё. Воспитаніе его приходило къ концу.

— Намъ не спасти бѣдняка Горіо, шепнула ему Біаншонъ, когда онъ вошелъ въ комнату больного. Онъ завернуть весь въ горчицу, накладенную на простыню, но и это уже не помогаетъ. Мы истратили кучу лекарствъ.

— Другъ мой! отвѣчалъ онъ Біаншону, посмотрѣвъ сначала на умирающаго: не старайся измѣнить скромнаго назначенія, которымъ ограничиваются твои желанія. Будь докторомъ, — ты будешь счастливъ. А я, — я въ аду, и долженъ въ немъ остаться! Сколько ни говорятъ дурнаго о большомъ Парижскомъ свѣтѣ, но, повѣрь мнѣ, пѣтъ Ювенала, который былъ бы въ состояніи вполне изобразить всю его гнусность, прикрытую золотомъ и драгоценными камнями.

Ни у Горіо, ни у Евгенія не было денегъ. Біаншонъ ушелъ, чтобы поручиться въ аптеку за всѣ лекарства, набранныя и которыя еще придется взять. Евгений остался одинъ у постели больного.

— А? это ты, мой милый, сказалъ Горіо, узнавъ его.

— Лучше ли вамъ? спросилъ Растиньякъ, взявъ его за руку.

— Да; голова у меня была какъ въ клещахъ; теперь легче. Видѣли ли вы дочерей моихъ? Онъ скоро пріѣдутъ, лишь только узнаютъ, что я боленъ. Онъ такъ ходилъ за мною, когда мы жили въ улицѣ Жюсьенъ! Боже мой, мнѣ бы хотѣлось, чтобъ комната моя была почище: совѣстно, право, принимать ихъ. Да какой-то молодой человекъ сжегъ все мое корье: имъ будетъ здѣсь холодно.

— Вотъ идетъ Христофоръ, сказалъ Евгений: онъ несетъ дрова, которые присылаетъ намъ этотъ добрый Біаншонъ.

— Хорошо. Да чѣмъ мнѣ заплатить за эти дрова? У меня ничего нѣтъ, ровно ничего; я все отдалъ; я нищій. Хо-

рошо ли по-крайней-мѣрѣ было платье Настиньки! (Ой, какъ мнѣ больно!) Спасибо тебѣ, Христофоръ. Богъ тебя наградитъ, любезный другъ; у меня ничего нѣтъ..... (Ай, ай!)

— Я заплачу и тебѣ и Сильвіи, сказалъ Евгений Христофору на ухо.

— Дочери мои сказали тебѣ, что онѣ скоро будутъ; не правдали, Христофоръ? Сходи, братъ, къ нимъ еще разъ: я тебѣ дамъ пять франковъ. Скажи имъ, что я нездоровъ, что мнѣ хотѣлось бы еще разъ посмотрѣть на нихъ, обнять ихъ передъ смертью. Скажи имъ это. Только, ради Бога, поосторожься; не пугай ихъ.

Растиньякъ сдѣлалъ знакъ Христофору, и тотъ ушелъ.

— Онѣ скоро будутъ, продолжалъ старикъ. Я ихъ знаю! Какъ будетъ печалиться бѣдная Фифи, если я умру! Да и Настинька тоже. Мнѣ бы не хотѣлось умирать, чтобы не заставлятъ ихъ плакать. Умереть, мой милый Евгений, значитъ уже никогда не видать ихъ. Охъ, я буду очень скучать! Для отца адъ тогда, когда онѣ остается безъ дѣтсей: я испыталъ это съ тѣхъ поръ, какъ онѣ замужемъ. Боже мой, какъ я былъ счастливъ, когда мы жили въ улицѣ Жюсьенъ! Тамъ-то былъ рай для меня. (Ой, ой! я жестоко страдаю.) Мнѣ кажется, будто я ихъ и теперь еще вижу такими же, какъ онѣ были въ улицѣ Жюсьенъ. Поутру онѣ приходили въ мою комнату: «Здравствуй, папа!» Я бралъ ихъ на колѣна, цѣловалъ ихъ, игралъ, шалилъ съ ними; онѣ сами, миленькія, ко мнѣ ласкались. Каждый день мы вмѣстѣ завтракали, вмѣстѣ обѣдали; ну да вообще я былъ отцемъ, я наслаждался дѣтьми своими. (Ге! ге!) Когда мы жили въ улицѣ Жюсьенъ, онѣ еще не разсуждали, не имѣли ни какого понятія о свѣтѣ; онѣ очень меня любили. (Ой, ой!) Боже мой, зачѣмъ онѣ и теперь не маленькія! (Охъ, какъ мнѣ больно! голова такъ и трещитъ.) Господи, если бъ я только могъ взять ихъ за руки, мнѣ бы, право, стало легче. Что жъ это онѣ не ѣдутъ. Христофоръ такъ глупъ! Мнѣ бы надобно было пойти самому. Онѣ ихъ и не увидитъ. (Ой, ай!) Вы вчера были на балѣ: не правда ли, онѣ не знали, что я боленъ? Онѣ бы не стали танцовать, если бъ могли угадать, что мнѣ такъ дурно. Нѣтъ, я не могу, я не хочу умирать. Дѣла ихъ запутаны. Я непре-

мѣнно долженъ поправить ихъ состояніе. Я знаю, гдѣ взять денегъ. Поѣду въ Одессу. О, тамъ наживу я милліоны. О Боже мой, какъ эта голова меня мучить! Право, хотъ кричать: а я, кажется, привыкъ страдать!.....

Горіо замолчалъ и, казалось, крѣпился, чтобы не вскрикнуть.

— Если бѣ онъ были тутъ, я бы не сталъ жаловаться. Я бы былъ здоровъ.....

Онъ забылся, и пробылъ довольно долго какъ бы въ усыпленіи. Христофоръ пришелъ назадъ. Растиньякъ, думая, что Горіо спитъ, не мѣшалъ человѣку разсказать вслухъ всю исторію своего посольства.

— Я, сударь, пошелъ сначала къ графинѣ. Ея я не видалъ; мнѣ сказали, что она занята съ мужемъ важными дѣлами. Я сталъ приставать. Графъ вышелъ самъ и сказалъ мнѣ: «Г. Горіо умираетъ! Что за бѣда! Лучше этого онъ ничего не можетъ сдѣлать. Графиня теперь не можетъ къ нему ѣхать. Мы должны окончить съ нею важные дѣла. Послеъ она, коли хочетъ, поѣдетъ.» Такой сердитой! Потомъ я пошелъ къ баронессѣ. Тутъ другія штуки. Я ее не видалъ, и не могъ говорить съ ней. Горничная сказала мнѣ: «Она, братъ, пріѣхала съ бала въ пять часовъ, и теперь спитъ. Барыня станетъ гнѣваться, если я разбужу ее прежде двѣнадцати. Когда она позвонитъ, я, пожалуй, скажу, что батюшкѣ ее стало хуже. Непріятное всегда успеешь сказать.» Я просилъ, просилъ.... Не тутъ-то было. Барона спросилъ; того дома нѣтъ. Такъ я и пришелъ ни съ чѣмъ.

— И ни одна изъ его дочерей не пріѣдетъ? вскричалъ Растиньякъ. Я сейчасъ напишу къ обѣимъ.

Христофоръ ушелъ.

— Ни одна! повторилъ старикъ, вдругъ приподнявшись; и сѣвъ на постели. Онъ занятъ, онъ спитъ, онъ не пріѣдутъ! Я такъ и думалъ! (Ой! ой!) Надобно умирать, чтобы узнать, что такое дѣти. Ахъ, другъ мой Евгеній, не жепитесь, чтобы не имѣть дѣтей! Вы имъ дасте жизнь, они

васъ убиваютъ. Вы ихъ вводите въ свѣтъ, они васъ выгоняютъ оттуда. (Ой, ой, о Боже мой, какъ я страдаю!) Нѣтъ, онѣ не пріѣдутъ. Я ужъ это десять лѣтъ знаю. Да мнѣ все не хотѣлось этому вѣрить!

Слезы покатились по щекамъ его. Онѣ упали на подушку какъ камень. Онѣ страдалъ тѣлесно и сверхъ-того былъ въ отчаяніи.

— О, если бы я былъ богатъ! Тогда онѣ бы пріѣхали. Онѣ были бы тутъ, съ мужьями, съ дѣтьми. Онѣ бы плакали, терзались. (Ай! ай!) Деньги даютъ все на свѣтъ, даже и дочерей. Если бы я поберегъ что-нибудь себѣ и держалъ ихъ въ уздѣ, этого бы не было. (Ой, какъ мнѣ душно!) Мерзавки!... онѣ достойнымъ ихъ образомъ довершаютъ свое десятилѣтнее дѣло. Если бы вы знали, какъ и онѣ ухаживали за мною въ первое время замужства! Да и какъ было не уважать меня: я имъ далъ почти по восьми сотъ тысячъ, и у меня сверхъ-того были деньги!..... Напишите къ нимъ, что у меня есть двѣсти тысячъ, спрятанныхъ у..... Нѣтъ, лучше умирать въ нищетѣ. Теперь я по-крайней-мѣрѣ знаю, что есть одинъ человекъ на свѣтъ, который любитъ меня безкорыстно. Вы, мой добрый Евгений!..... А потомъ, когда у меня не стало денегъ, онѣ меня (Охъ, больно!) онѣ меня понемножку удалили, просто выгнали. Теперь, не хотятъ даже пріѣхать проститься со мною. Самъ виноватъ! Я ихъ слишкомъ любилъ; онѣ поступали со мной безчеловѣчно, а я, посердившись, опять возвращалъ имъ свое сердце, опять предавался родительской страсти. Я былъ какъ игрокъ, который (Ой!) не въ страхъ удержаться..... Дочери составляли мой порокъ; другаго я не зналъ..... Гдѣ онѣ?..... Доктора! доктора! Мнѣ больно, я умираю. Гдѣ Анастасія, Дельфина? Пошлите за ними городскихъ, вытребуйте ихъ черезъ полицію; пусть ихъ приведутъ сюда съ жандармами. Правительство и законы должны въ этомъ случаѣ защищать меня! Я имѣю полное право требовать ихъ помощи; я отецъ; отечество погибнетъ, когда дѣти не станутъ уважать своихъ родителей. Въ Уложеніи написано, что дѣти должны приходить къ одру отца и матери. Другъ мой, напишите къ нимъ, что у меня есть деньги, цѣлый

милліонъ: я ихъ знаю! Онѣ тотчасъ прїѣдутъ, какъ скоро скажешь имъ — деньги! Да, у меня еще будетъ для нихъ милліонъ: я поѣду въ Одессу, наживу большое состояніе, и отдамъ имъ..... Онѣ несчастны! Онѣ несчастны!.....

— Хорошо, я напишу, лишь только воротится Біаншонъ. Я самъ за ними поѣду.

— Нѣтъ, онѣ не прїѣдутъ! Онѣ знаютъ, что у меня ничего нѣтъ..... Но я хочу ихъ видѣть. Давайте мнѣ моихъ дочерей! Я требую своихъ дочерей! онѣ мои, моя кровь, моя собственность.... Я могу сдѣлать съ ними что хочу..... Я!.....

Онѣ быстро приподнялся и сѣлъ на постели, показывая Евгенію свои растрепанные сѣдины, которыя вмѣстѣ со сверкающими послѣднію жизнію глазами выражали самую страшную угрозу, какую только можно выразить безмолвно.

— Мерзавки! вскричалъ онѣ хриплымъ голосомъ, упавъ опять на постель: онѣ мнѣ много зла падѣлали. Я ихъ ненавижу.... Про....клиная!

— Успокойтесь, почтенный другъ; выпейте это лекарство.

— Вы еще любите вашихъ родителей!.... Свѣтъ еще не вырвалъ изъ васъ корня семейныхъ радостей!... Охъ, любите, другъ мой, вашихъ отца и мать! Ужасно быть покинутымъ отцемъ, умирать въ презрѣніи отъ тѣхъ, въ кого перелили вы жизнь свою. Ужасно!... Мои негодныя дочери!.. (Ой!) Потѣжайте за моими дочерьми! Не поѣдутъ добровольно, привезите ихъ насильно. Кликните въ помощь гвардію и армейскіе полки, и притащите непременно. (Ой!) Онѣ должны быть здѣсь, когда я умираю!

— Но вы уже ихъ проклинали.

— Проклялъ? проклялъ? вскричалъ Горіо въ изступленіи. Кто это сказалъ? О, нѣтъ! (Ай, ай!) я люблю ихъ..... я ихъ обожаю.....

Онѣ снова приподнялся, и тотчасъ упалъ на постель.

— Христоръ, бѣги за Біаншономъ, и приведи мнѣ извозчика, закричалъ испуганный Евгенийъ.

— Бѣги, мой другъ! прибавилъ Горіо слабымъ, по умоляющимъ голосомъ. Мнѣ нечего дать тебѣ за твои труды!.... Даю тебѣ благословеніе умирающаго отца, отъ котораго отреклись родныя дочери!....

Христоръ встрѣтилъ Біаншона на дорогѣ. Растиньякъ просилъ его заложить часы, подаренные въ память Г-жею Нюсингенъ, чтобы было чѣмъ заплатить извозчику и за лекарства, а самъ поѣхалъ къ Ресто. Его съ трудомъ допустили до зятя и до дочери обѣднѣвшаго старика. Графъ Ресто сказалъ, что Горіо сдѣлалъ его несчастіе, и что онъ ни объ чемъ знать не хочетъ. Графиня приняла Растиньяка съ заплаканными глазами по поводу ссоры съ мужемъ, который настаивалъ, чтобы она ту же минуту кончила съ нимъ дѣло: она сухо объявила Евгению, что въ это мгновеніе ей надобно думать о себѣ и о своихъ дѣтяхъ; что она пріѣдетъ, какъ скоро будетъ свободна; что она сама несчастна..... Онъ отправился къ Г-жѣ Нюсингенъ. Дельфина лежала въ постели.

— Я больна, Евгенийъ, сказала она. Я простудилась вчера послѣ бала, и жду доктора.

— Если бѣ вы были при смерти, то и тогда должны бы доташиться къ вашему батюшкѣ! Онъ при последнемъ издыханіи, и зоветъ васъ. Если бѣ вы могли услышать его крики, вы бы забыли, что вы нездоровы.

— Евгенийъ! батюшка, можетъ-быть, не такъ дуренъ, какъ вы воображаете. Да притомъ, онъ и самъ бы не захотѣлъ, чтобы я поѣхала, если бѣ зналъ, что это для меня вредно. Впрочемъ, я поѣду, если только докторъ позволитъ.... А гдѣ жъ ваши часы? спросила она, увидавъ, что у него нѣтъ цѣпочки. Неужели вы такъ скоро.....? О, это было бы непростительно!

Евгенийъ покраснѣлъ, нагнулся къ постели, и сказалъ ей на ухо: — Батюшкѣ вашему не на что купить саванъ, въ которомъ его надобно будетъ вечеромъ положить. Часы ваши въ закладѣ. У меня больше ничего нѣтъ.

Дельфина вскочила съ постели, побѣжала къ своему бюро, вынула оттуда кошелекъ, отдала его Евгенію, и вскричала: — Бѣгите, бѣгите!..... Дайте мнѣ одѣться.... Я сейчасъ буду..... О, я несчастная!.. Тереза! Тереза! скажите барону, чтобы онъ бросилъ все, и пришелъ сію минуту сюда.

Горіо былъ уже безъ чувствъ, когда Евгенийъ пріѣхалъ назадъ. На лицѣ его изображалась послѣдняя борьба жизни со смертію; но онъ уже не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

— Онъ можетъ пребыть въ этомъ состояніи еще нѣсколько часовъ, сказалъ Біаншонъ.

Черезъ минуту, на лѣстницѣ послышались шаги запылавшейся женщины.

— Поздо уже! сказалъ Растиньякъ.

Это была не Дельфина, а ея горничная, Тереза.

— Баринъ съ барыней поссорились, сударь, сказала она Евгенію: оттого, что барыня просила денегъ. Бѣдняжка упала въ обморокъ. Надобно было послать за докторомъ, пустить ей кровь. Она кричала: «Батюшка умираетъ! батюшка умираетъ! пустите меня къ нему!....» Страхъ, право, слушать! Сердце надрывается....

— Теперь ужъ ей пріѣзжать не зачѣмъ, сказалъ Евгенийъ: отецъ уже безъ чувствъ.

— Я вамъ не нужна теперь, сказала Сильвія: я пойду накрывать на столъ; ужъ пятого половина.

Она пошла, и въ дверяхъ столкнулась съ Г-жею Ресто. Появленіе графини было ужасно. Она взглянула на смертную постель отца своего, едва освѣщенную сальнымъ огаркомъ; увидѣла лице его, по которому еще пробѣгали по временамъ послѣднія содроганія жизни; залилась слезами, и упала на колѣна. Біаншонъ вышелъ.

— Батюшка! батюшка! простите меня. Я много зла вамъ надѣлала. О, я преступница! Я, я васъ убила!..... Батюшка! батюшка! простите меня, благословите меня! Нѣтъ, возьмите меня съ собою: вы одни на свѣтѣ меня любите; я всѣмъ брошена, всѣмъ покинута; даже дѣти будутъ меня ненавидѣть.

Она схватила его руку, и обливала ее слезами.

— Все несчастія вдругъ на меня обрушились, сказала она Евгенію. Г. Траль, надѣлавъ долговъ, скрытно ушелъ за границу. Мужъ никогда меня не проститъ. Дети мои остались безъ куска хлѣба. Графъ принудилъ меня отказать все мое имѣніе старшему сыну..... Вотъ одинъ человекъ, который любилъ меня истинно; и я отвергла его, оттолкнула отъ себя!... Я не умѣла цѣнить его привязанности!

— Опъ это зналъ.

Въ это время глаза Горіо, дѣйствіемъ судорогъ, закрылись. И эти безжизненные, помертвѣлые глаза, и радостный крикъ графини, были равно ужасны. Г-жа Ресто захотѣла остаться одна съ умирающимъ. Растиньякъ сошелъ въ низъ. Опъ получилъ отъ Біаншона нѣсколько сотъ франковъ за часы, заложенные въ ломбардъ; вручилъ ему деньги для аптекаря за лекарства, заплатилъ Г-жѣ Вокѣ долгъ за квартиру старика, и на остальные двадцать франковъ купилъ у ней бѣлья на послѣднюю для него одежду. Она торговалась съ нимъ за всякую бездѣлицу съ отвратительною жадностью. Сердце молодого человека пресыщалось омерзѣніемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ веру раздался крикъ графини: — Опъ умеръ!

При этомъ ужасномъ крикѣ, Растиньякъ, Біаншонъ и Сильвія взбѣжали на лѣстницу. Г-жа Ресто лежала въ обморокѣ. Приведя графиню въ чувство, Евгеній посадилъ ее въ фіакръ, и велѣлъ Терезѣ ѣхать съ нею къ Г-жѣ Нюсигентъ.

Закрывъ покойнику глаза, Евгеній и Біаншонъ съ религіознымъ умиленіемъ положили его на одрѣ, и надѣли ему на шею найденный въ постели подлѣ трупа медальонъ, въ которомъ были двѣ связки тонкихъ волосъ съ надписью — «Анастасія — Дельфина». По качеству этихъ волосъ легко можно было узнать, что они были срѣзаны еще въ дѣтствѣ неблагодарныхъ дочерей, — еще въ то время, когда *они не разсуждали*. Пусть по-крайней-мѣрѣ это воспоминаніе ихъ невинности утѣшаетъ его въ могилѣ!.... Они сошли въ столовую.

— Господа, милости просимъ садиться! весело сказала Г-жа Вокё: сунь простынь.

Обѣдъ шелъ по обыкновенному. Присутствующіе, кромѣ Растиньяка и Біаншона, смѣялись и шутили надъ страпностями скончавшагося.

Вечеромъ, Растиньякъ писалъ къ графу Ресто и барону Нюсингену, чтобы они прислали кого-нибудь похоронить приличнымъ образомъ ихъ тестя. Они не присылали. На другой день онъ потѣхалъ къ нимъ; ему сказали швейцары: — Господа никого не принимаютъ; батюшка изволилъ скончаться, они чрезвычайно огорчены его смертію.

Растиньякъ не могъ даже проникнуть до Дельфины. Немолимый привратникъ объявилъ, что не приказано принимать никого. — Дельфина тоже боится меня видѣть! вскричалъ онъ съ бѣшенствомъ. — Шестьдесятъ франковъ, которые послылись въ прелестномъ кошелькѣ баронессы Нюсингентъ, были издержаны на покупку мѣста на кладбище и наемъ могильщиковъ. Біаншонъ и Растиньякъ заложили свое платье, купили простой, некрашенный гробъ, и повезли покойника на кладбище. Дорогой пристали къ похоронамъ двѣ кареты съ гербами графа Ресто и барона Нюсингена, но въ каретахъ никого не было. На могилу пришли только ихъ люди, и одинъ добрый священникъ прибѣжалъ безъ приглашенія прочитать безвозмездно молитву надъ усопшимъ. Тропутье словами молитвы, Біаншонъ и Растиньякъ условились, какъ скоро разбогатыютъ, соорудить несчастному скромный памятникъ съ надписью: «Здѣсь покоится прахъ отца «графини Ресто и баронессы Нюсингентъ, погребеннаго «ниждивеніемъ двухъ бѣдныхъ студентовъ». Они это исполнили. All is true! все правда!

Въ шесть часовъ гробъ былъ опущенъ въ яму.

Когда два могильщика, засылавъ и приколотивъ землю лопатою, попросили на вино, Евгенийъ обыскалъ всѣ свои карманы, и не нашелъ въ нихъ ничего: онъ долженъ былъ занять для нихъ франкъ у Христофора. Это обстоятельство, само по себѣ столь незначущее, произвело въ Растиньякъ страшный припадокъ унынія. День клонился къ исходу, сумракъ раздражалъ первы сырымъ своимъ холодомъ: онъ взглянулъ на могилу, и похоронилъ въ ней свою по-

слѣдную слезу юности, — слезу выжатую святыми волненіями сердца чистаго, — одну изъ тѣхъ слезъ, которыя съ земли, куда онѣ упадутъ, брызжутъ до самого неба. Онъ сложилъ руки на груди, и сталъ всматриваться въ облака. Біаншонъ удалился еще до засыпанія ямы; скоро и Христофоръ ушелъ домой, и онъ остался одинъ. Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ по кладбищу, и увидѣлъ Парижъ, извилисто прилегшій на берегахъ Сены, въ которомъ начинали мелькать огни. Глаза его жадно приковались къ массѣ крышъ, сваленныхъ между колонною Вандомской Площади и куполомъ Церкви Инвалидовъ, къ мѣсту, гдѣ живетъ тотъ изящный, золоченный свѣтъ, въ который онъ хотѣлъ-было забраться. Въ немъ снова вспыхнули желанія, съ которыми онъ боролся такъ долго съ перемѣнчивымъ счастіемъ. Онъ бросилъ на этотъ жужжащій улій такой взглядъ, которымъ, казалось, хотѣлъ заранѣе высосать изъ него весь медъ, и произнесъ это роковое восклицаніе:

— Теперь мы съ тобой раздѣляемся!

Онъ пошелъ въ Парижъ: дорогой, онъ еще колебался, направлять ли шаги свои къ красивому жилищу въ улицѣ Артуа, или къ прежней, грязной квартирѣ у мадамъ Вокё,— и очутился у дверей дома Г-на Тальфера. Тѣнь Вотрена привела его къ этому дому, и положила руку его на замокъ. Онъ зажмурилъ глаза, чтобъ ея видѣть. Онъ искалъ еще въ своемъ сердцѣ и въ своей нищетѣ честнаго предлога. Викторина такъ нѣжно любила своего отца!...

Растиньякъ спросилъ Г-жу Кутюръ. Теперь онъ миллионщикъ, и гордъ какъ баронъ.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ВИДЪ

И

ИСТОЧНИКИ НЕСТОРОВОЙ ЛѢТОПИСИ.

Въ какомъ видѣ дошла до насъ лѣтопись Нестора? Обще-господствующее мнѣніе состоитъ въ томъ, что лѣтопись Несторова дошла до насъ искаженная и обезображенная, украшенная и подновленная, распространенная и сокращенная позднѣйшими переписчиками, со множествомъ вставокъ и пропусковъ, новыхъ сказокъ и басенъ, отъ которыхъ должно очищать ее Критикъ, — словомъ, совершенно не въ томъ видѣ, какой далъ ей сочинитель.

«На почтеннаго Нестора;» говоритъ Шлёцеръ, «бросились всѣ; начали перемѣнять его слогъ, выкидывать слова, прибавлять, сокращать, вводить свое, толковать; пріятную простоту его изуродовали какимъ-то краснорѣчіемъ; повѣствованія его, въ которыхъ нѣтъ ничего посторонняго, завалили разсужденіями. Но это еще не все. Какъ въ первомъ столѣтіи онъ очень кратокъ, потому, что будучи честнымъ и умнымъ человекомъ, повѣствуетъ только то, что знаетъ, и пишетъ только о томъ, что принадлежитъ къ его исторіи, то его начинили выписками изъ Византійцевъ, а наконецъ и глухими бреднями, которыя не прежде XV столѣтія перешли въ Москву отъ сосѣдей и утвердились Степенною Книгою. И эти такъ

жалко искаженные временники, все еще назывались Несторовымъ Временникомъ *.

Всѣ ваши позднѣйшіе изслѣдователи повторяли эти слова, такъ или иначе. Они сдѣлались какъ-бы общими мѣстами, и встрѣчаются во всякомъ изслѣдованіи, относящемся до Русской Исторіи.

Мнѣ было бы очень легко, удобно и безопасно повторить ихъ здѣсь, и такимъ образомъ уклониться отъ объясненія всѣхъ противорѣчій и несообразностей, отвѣтитъ однимъ разомъ на всѣ возраженія, прошедшія, настоящія и будущія, обратить всѣ вины на позднѣйшихъ переписчиковъ, и провозгласить торжественно: Въ Несторѣ, точно, есть множество вещей мудреныхъ, но онѣ безъ всякаго сомнѣнія принадлежать не ему, и слѣдовательно никакъ не могутъ возбуждать недовѣрчивости къ его лѣтописи. Это было бы для меня безопасно, — подъ хоругвею всѣхъ нашихъ критиковъ, высшихъ и низшихъ, безъ исключенія; легко, — потому что однимъ вѣрнымъ ударомъ разрубилъ бы я всѣ Гордіевы узлы; удобно, — потому что я избавлялся бы отъ всѣхъ новыхъ разысканій и толкованій. «Вотъ происшествіе, котораго Несторъ не могъ знать,» сказали бѣ мнѣ противники. Несторъ и не зналъ объ немъ, отвѣчалъ бы я, а оно прибавлено переписчикомъ. «Вотъ переводъ изъ писателя, о которомъ Нестору слышать было невозможно.» Такъ что жъ? переводъ сдѣланъ послѣ, и вставленъ въ лѣтопись. «Вотъ слово пятнадцатаго столѣтія.» Да; оно и попало въ лѣтопись въ XV столѣтіи, а Несторъ, разумѣется, объ немъ и не думалъ. Все, что вы говорите теперь, было уже предусмотрено, обдуманно и сказано прежде васъ, гораздо яснѣе и сильнѣе, Шлецеромъ. Напрасно полагаете, что вы открыли что-то но-

* Шлецеръ, Нест. I. — Во всѣхъ пяти частяхъ, онъ повторять безпрестанно то же.

вое. Прочтите слова его, приведенныя въ началѣ, и согласитесь, что вы стали теперь спрашивать о томъ, на что уже давно сдѣланъ былъ отвѣтъ въ исторіи критической литературы.

Послѣ того, я могъ бы спокойно продолжать свои изслѣдованія, основываясь на Несторовой Лѣтописи. Но я ищу истины, не могу скрывать тѣхъ затрудненій, которыя нашелъ на пути разысканій, хотя бы ихъ и не видали противники, подвергаю себя новымъ возраженіямъ, завожу новое дѣло. Можетъ-быть теперь-то именно я долженъ буду уступить и проиграть тяжбу: за то выиграетъ истина.

Нельзя ссылаться со Шлецеромъ на переписчиковъ, нельзя обвинять вставщиковъ, со всѣми нашими изслѣдователями: лѣтопись дошла до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ написана первымъ своимъ сочинителемъ, что касается до происшествій и ихъ послѣдовательности.

Да; повторяю, лѣтопись въ сущности дошла до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ.

Возьмите извѣстные списки лѣтописи—Лаврентьевскій, на пергаментѣ, который писанъ въ 1377 году: замѣтимъ, что первые сорокъ листовъ въ немъ писаны другимъ почеркомъ, древнѣйшимъ, сплошь, не монахомъ Лаврентіемъ, какъ утверждалъ Г. Тимковскій, и что Г. Востоковъ о пѣчеркѣ свидѣтельствуесть то же: Лаврентій вѣрно только приписывалъ къ первой древнѣйшей тетради; — Троицкій, тоже на пергаментѣ, который принадлежитъ XV вѣку, если не XIV; — Ипатьевскій XIV вѣка, Хлѣбниковскій XV вѣка, Радзивиловскій XVI вѣка, по свидѣтельству Карамзина; — прочіе списки, младшіе, какъ-то Новгородскіе, съ приписками лицъ XI столѣтія, Татищевскіе, Щербатовскіе, сколько объ нихъ судить можно по извѣ-

*

стіямъ этихъ писателей; — наконецъ отдѣльныя лѣтописи Псковскую, Кіевскую, Волынскую, которыя всѣ начинаются Несторомъ.

Выньте изъ всѣхъ этихъ списковъ начало, то есть, до 1110 года. Что мы увидимъ?

Совершенное сходство въ главныхъ чертахъ. Всѣ извѣстія идутъ однимъ порядкомъ: древняя космографія; описаніе земель и народовъ во время лѣтописателя, ближнихъ и дальнихъ, по происхожденію ихъ отъ сыновъ Ноевыхъ; Вавилонское столпотвореніе, разсѣянiе народовъ; первое пришествіе Славянъ съ Дуная; переселеніе Славянъ въ нашу сторону; возможное судоходство моремъ и рѣками въ Русь и изъ нея, и кругомъ южной Европы въ Русь и Константинополь; путешествіе Св. Апостола Андрея въ Русь; начало города Кіева; племена народныя въ Руси, и такъ далѣе, какъ въ оглавленіи Шлецеровомъ къ Нестору *.

Слѣдовательно, эти извѣстія находились въ томъ же порядкѣ и въ тѣхъ спискахъ, съ которыхъ списки сдѣланы.

Мы можемъ судить и о тѣхъ, хотя приблизительно.

Они, разумѣется, были древнѣе своихъ копій, до насъ дошедшихъ. Къ этому прибавить должно слѣдующія соображенія: Лаврентьевскій оканчивается 1305 годомъ; слѣдовательно, подлинникъ его, который бы то ни было, принадлежалъ къ началу XIV вѣка. Монахъ Лаврентій былъ человѣкъ добросовѣстный: онъ оставлялъ даже мѣста для тѣхъ словъ, которыхъ не могъ разобрать въ своемъ подлинникѣ. Такъ, онъ не смѣлъ поставить Новгорода при разсказѣ о мѣстѣ прибытія Рюрика, «занеже книги ветшаны, а оумъ

* Въ новѣйшихъ спискахъ, напримѣръ Никоновскомъ, также, кроме распространеній и украшеній.

молодъ недошелъ.» Достаточное доказательство, что подлинникъ, или какая-либо часть его, была очень древняя: пергаментъ не скоро ветшаетъ.

Подлинникъ Радзивиловскаго списка, также который бы то ни былъ, принадлежалъ къ началу XIII столѣтія: списокъ оканчивается 1206 годомъ.

Подлинникъ Ипатьевскаго принадлежалъ къ концу XIII столѣтія: Ипатьевскій списокъ оканчивается 1296 годомъ.

Воскресенскій списокъ, несмотря на свою новизну, указываетъ на древній подлинникъ своими особенными прибавленіями, въ которыхъ заключаются несомнѣнныя истины.

Подлинникъ Софійскаго временника, съ котораго дошло до насъ такъ много списковъ, принадлежитъ къ концу XII и къ началу XIII столѣтія. Издатель этого списка затруднялся, къ какому времени отнести его, не зная, кто были Александръ и Исаакъ, до которыхъ обѣщалъ разсказывать лѣтописатель въ началѣ своего труда словами: «Мы же отъ начала Русской земли до сего лѣта и вся порядку извѣстно да скажемъ, отъ Михаила Царя до Александра и Исакія.» — «Стоитъ только разыскать,» говоритъ издатель въ предисловіи, «кто были сіи послѣдніе, чтобы узнать время, въ которое жилъ лѣтописатель.» И потомъ: «Нельзя точно опредѣлить времени, до котораго временникъ сей продолжался, ибо онъ не дошелъ до насъ въ видѣ отдѣльномъ; приводимые же выше Александръ и Исаакъ должны покаместъ остаться неизвѣстными.» Въ замѣчаніи издатель догадывался, не посадники ли это Новгородскіе. Нѣтъ, они были не посадники Новгородскіе, а Византійскіе императоры, какъ и Михаилъ, съ котораго лѣтописатель начиналъ свое сочиненіе. Это давно рѣшено уже Добровскимъ и принято Шлецеромъ, который говоритъ въ приложеніи къ пятой части подлинника и къ третьей

перевода его Нестора (стр. 681): «Александръ и Исаакъ здѣсь разумѣются Алексій Ангелъ и отецъ его: слѣдственно, *до сего мѣста*—относится къ 1205 году.»

Я не говорю здѣсь о родоначальникѣ списковъ, въ которыхъ Василій, современникъ Василька и внуковъ Ярославовыхъ и Нестора, говоритъ о себѣ отъ перваго лица, принадлежавшемъ къ началу XII столѣтія, какъ и самый подлинникъ Несторовъ; о родоначальникѣ списковъ, въ которыхъ повторяется Сильвестрова приписка *, принадлежавшемъ къ тому же времени.

Не говорю также о спискахъ Татищева, изъ которыхъ одинъ оканчивался 1197, другой 1239, третій 1198 годовъ, и прочая, и о спискахъ Щербатовскихъ.

И такъ всѣ главныя извѣстія, которыя мы находимъ въ нашихъ спискахъ XIV, XV, XVI и XVII вѣковъ, находились точно также, кромѣ частныхъ отмѣнъ, и въ ихъ подлинникахъ тринадцатаго, двѣнадцатаго и даже одиннадцатаго вѣковъ.

Впрочемъ и безъ этихъ соображеній мы можемъ, даже по нашимъ спискамъ, сходнымъ между собою, сдѣлать точно то же заключеніе о первыхъ подлинникахъ.

Что же слѣдуетъ заключить изъ этого сходства?—Ларчикъ открывается просто!—Что всѣ эти извѣстія принадлежать подлиннику подлинниковъ, то есть, самому Нестору.

Какія мѣста считаются вставками по правиламъ исторической Критики? Тѣ особенно, которыя находятся въ нѣкоторыхъ только спискахъ того или другаго древняго сочиненія, принадлежащихъ къ одному ряду, при другихъ, разумѣется, признакахъ подло-

* Къ сожалѣнію я не могу указать, въ какихъ именно спискахъ есть эта приписка. Когда же опишутся по крайней мѣрѣ наши списки?—А почему въ другихъ спискахъ нѣтъ этой приписки, почему въ однихъ спискахъ Василій говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, а въ другихъ нѣтъ перваго лица? спрошу я критиковъ.

га. А какъ можно назвать вставкою такое мѣсто на-
примѣръ, которое рѣшительно находится во всѣхъ
его спискахъ?

Мнѣ не понятно, какимъ образомъ наши критики,
изъ которыхъ многіе были очень проищательны, не
сдѣлали этого замѣчанія, необходимаго, неизбежна-
го? Я думаю, что они слишкомъ много смотрѣли на
слова, на буквы, а не довольно смотрѣли на все сочи-
неніе сполна.

Точно, мы находимъ много разницы въ словахъ,
предложеніяхъ, строкахъ: одинъ переписчикъ напри-
мѣръ написалъ *изъ* Руси, другой *къ* Руси; одинъ не
разобралъ *Юни*, и написалъ *Онию*, а другіе *отъ нихъ*;
одинъ написалъ *Нори*, другой *Норицы*, третій *Ино-*
рици, а четвертый *Иновърицы*. Одинъ, не разобравъ сло-
ва, оставилъ для него мѣсто, другой написалъ сплошь
слѣдующее слово, третій перемѣнилъ съ умысломъ*.
Но, въ цѣломъ, содержаніе и теперь то же, что было все-
гда. Цѣлое сочиненіе можетъ быть иногда такъ перепи-
сано, что во всякомъ словѣ будетъ заключаться ошиб-
ка, и слѣдовательно, несмотря на подлинность и пол-
ноту, нельзя употребить его въ дѣло. Однако, и это-
го замѣчанія не должно примѣнять къ нашей лѣто-
писи, въ которой, по сличеніи списковъ, можно до-
браться смысла, и добраться его тогда, какъ намъ
понадобятся частности.

Да; въ большихъ грѣхахъ нельзя винить перепис-
чиковъ. Всѣ такъ называемыя значительныя вставки
принадлежатъ самому Нестору. Это заключеніе необ-
ходимо слѣдуетъ, повторяю, изъ сходства всѣхъ спис-
ковъ въ цѣломъ.

Съ этой лишь точки можно дѣлать возраженія на
Нестора, и представлять сомнѣнія по-крайней-мѣрѣ
правдоподобныя, благовидныя, если не истинныя.

* Надъ этимъ-то и должна трудиться критика, и трудиться много.

Вотъ бремя, которое я самъ кладу на себя, и которое мнѣ можетъ-быть тяжело будетъ нести. но пойдемъ далѣе.

Мы сдѣлали заключеніе, глядя, такъ сказать, поверхностно на списки Несторовой лѣтописи. Теперь посмотримся въ нихъ пристальнѣе.

На четвертой страницѣ (взгляните по Лаврентьевскому, древнѣйшему, списку) рѣчь начинается словами: «Поляномъ же жившимъ особѣ», — и потомъ описывается путь изъ Варягъ въ Греки.

На слѣдующей страницѣ опять: «Подемъ же жившемъ особѣ», и потомъ описывается Кіевъ.

Еще черезъ страницу, опять: «Подемъ же жившемъ особѣ», — и потомъ описываются разныя племена.

Здѣсь непременно должны быть вставки; нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ писаны вѣрно другимъ чело-вѣкомъ.

Сюда же относится и безпорядокъ, въ которомъ слѣдуютъ нѣкоторыя извѣстія, напримѣръ за описаніемъ племенъ Славянскихъ въ нашей сторонѣ, слѣдуетъ описаніе сообщенія по рѣкамъ, потомъ путешествіе Св. Апостола Андрея, потомъ говорится о Кіевѣ, опять о племенахъ, потомъ о Болгарахъ, Уграхъ, Обрахъ, и опять о племенахъ, о обычаяхъ разныхъ народовъ, и такъ далѣе.

Сюда же относится и слогъ различный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: извѣстія о нѣкоторыхъ происшествіяхъ при Олегѣ, Святославѣ писаны гораздо простѣе, чѣмъ житіе Θεодосія или благочестивыя размышленія.

Слѣдовательно вставки есть. Въ этомъ должно быть совершенно увѣреннымъ.

Но вотъ два различныя, кажется, противорѣчащія заключенія! Однако жъ онѣ должны быть вѣрны, если вѣрны мои посылки.

Вставокъ не было послѣ Нестора, гдѣ сворю я, и вставки есть въ Несторѣ. Должно непременно разрѣшить это недоумѣніе. Я принимаю оба эти положенія за посылки, и вывожу новое слѣдствіе. Вотъ оно:

Самъ Несторъ вставлялъ.

Я думаю, что у Нестора были какія-нибудь записки, церковныя ли, или монастырскія, или домашнія, но подобныя запискамъ, которыя ведутся нашими провинціальными помѣщиками въ календаряхъ, подобно Новгородскому лѣтописцу, напечатанному въ Москвѣ, и состоящему изъ самыхъ краткихъ, простыхъ извѣстій.

Нестору попались эти записки, и онъ вставлялъ въ нихъ, что слышалъ по преданію, что зналъ самъ, что показалось ему любопытнымъ изъ чужихъ временниковъ; и новому сочиненію своему, которое увеличилось безъ всякаго сравненія съ основнымъ текстомъ, далъ форму Греческихъ лѣтописей, и по справедливости прослылъ первымъ лѣтописателемъ.

Вставки свои часто онъ дѣлалъ не кстати; но отъ монаха Печерскаго въ XI столѣтіи мы и не можемъ требовать ни какой ученой обдуманности, отчетливости, послѣдовательности; напротивъ, чѣмъ больше бы имѣлъ онъ достоинствъ этого рода, тѣмъ больше мы имѣли бы права подозрѣвать его подлинность.

Несторова лѣтопись ни мало не пострадаетъ въ общемъ мнѣніи отъ того предположенія, и останется драгоценнымъ памятникомъ XI столѣтія.

Что Несторъ имѣлъ авторскую замашку, любилъ поговорить при случаѣ и распространяться, мы видимъ это въ житіи Св. Θεодосія, которое такъ рѣшительно всѣ ему приписываютъ и которое написать, по моему мнѣнію, гораздо труднѣе, чѣмъ лѣтопись.

Карамзинъ думалъ о церковныхъ запискахъ, хоть мимоходомъ, хоть предположеніемъ, если не заключеніемъ. Вѣроятно, что по запискамъ церковнымъ, говоритъ онъ въ Примѣчаніи СХХVII, Несторъ означалъ дни преставленія нѣкоторыхъ древнихъ Князей. Миллеръ, кажется, думалъ тоже.

Точно, если Ярославъ велѣлъ вырыть кости своихъ дядей, Ярополка и Олега, умершихъ въ язычествѣ; если Даніилъ, современникъ Несторовъ, записывалъ имена князей, ему современныхъ въ поминаньяхъ Іерусалимскихъ, то безъ всякаго сомнѣнья, дома, были хоть такія же поминанья о нашихъ христіанскихъ князьяхъ. Вспомнимъ, что въ IX столѣтіи, со временъ Аскольда и Дира, были у насъ христіане; что при Игорѣ была церковь; что у княгини Ольги былъ священникъ.

Наконецъ, извѣстіе въ лѣтописи объ уродѣ, найденномъ рыболовами въ Кіевѣ, никакъ не могло принадлежать Нестору: оно рассказываетъ подъ годомъ 1063, а Несторъ, незадолго передъ тѣмъ только-что родился (противники Нестора не замѣтили этого анахронизма).

Я могъ бы прибавить здѣсь еще: безъ подобныхъ записокъ нельзя было бы Нестору назначить времени происшествіямъ, начавшимся за двѣсти лѣтъ до того. Конечно, есть лѣтописатели, которые рассказываютъ, что было за тысячу лѣтъ до нихъ, но нашъ добросовѣстной нейдетъ въ сравненіе съ ними, и, для меня, трудно вѣрить Шлецеру и Карамзину, чтобы онъ назначилъ эти годы наугадъ, принаравливая свою хронологію къ хронологіи Византійской.

Приведемъ къ одному, общему заключенію всѣ разсужденія наши, изложенныя въ этомъ журналѣ въ прошломъ году, и въ нынѣшнемъ.

Древняя Русская Исторія достоверна.

Начало Русскихъ лѣтописей достоверно.

Русскія лѣтописи начинаются съ XI столѣтія.

Нестора должно считать первымъ лѣтописателемъ.

Лѣтопись его дошла до насъ въ томъ видѣ, какой данъ ей былъ сначала, кромѣ словъ.

Прежде Нестора непременно были какія-нибудь краткія записки.

Но все еще намъ любопытно знать, откуда Несторъ могъ почерпнуть тѣ извѣстія, въ достовѣрности которыхъ мы уже не смѣемъ сомнѣваться. Мы будемъ еще спокойнѣе, если разрѣшимъ себѣ удовлетворительно этотъ вопросъ, хотя, впрочемъ, и въ противномъ случаѣ мы можемъ только изъяснить свое сожалѣніе, но никакъ не имѣемъ права отрицать. Сколько сомнѣній въ послѣднее время наведено было на Геродота касательно его сказаній объ Египтянахъ, Финикіянахъ, Вавилонянахъ, Персахъ, Скиѣахъ, а онъ мало-по-малу оправдывается! Откуда почерпнулъ онъ то или другое извѣстіе? твердили многіе знаменитые критики. Откуда бы то ни было, но оно вѣрно, отвѣчаютъ путешественники: слова его доказываются нашими открытіями.

Источники Несторовой лѣтописи суть:

Прежнія записки, о которыхъ говорили мы выше.

Собственное удостовѣреніе. О княженіяхъ Всеволода Ярославича и Святополка Изяславича въ Кіевѣ (1078—1112) онъ писалъ какъ современникъ и очевидецъ.

Извѣстія современниковъ, которые могли рассказывать ему о княженіяхъ Ярослава и Изяслава (1019—107), напримѣръ Янъ, игравшій въ продолженіи ихъ значительную роль, и умершій въ 1106 году девяноста лѣтъ отъ роду. Янъ въ свою очередь могъ слышать отъ современниковъ о княженіи Святаго Владиміра.

Болгарскія лѣтописи, или извѣстія. Едва-ли кто предполагалъ у насъ этотъ источникъ, а мнѣ онъ кажется особенно важнымъ, можетъ-быть потому, что

мнѣ прежде всѣхъ попалъ на мысль. Обращаю на него вниманіе нашихъ изслѣдователей. Грамота началась между Болгарами за триста лѣтъ до Нестора: мудрено ли, что между ними уже задолго до него появились лѣтописатели, переводчики, которые перевели на Болгарское, то есть, наше церковное нарѣчіе, разныя Греческія, историческія и богословскія книги? Мудрено ли, что Болгарскіе духовные приходили къ намъ въ Кіевъ, имѣвшій частое и непрерывное сообщеніе съ Константинополемъ и самою Болгаріею, — даже съ цѣлію распространить у насъ Христіанскую Вѣру, точно такъ, какъ къ нимъ лѣтъ за триста пришли безсмертные Кириллъ и Меѳодій? Мудрено ли, что они принесли съ собою свои книги, которыми Несторъ воспользовался, сдѣлавъ изъ нихъ выписки для своей лѣтописи? Вотъ такъ называемые переводы изъ Византійцевъ! Это — предположеніе, но оно получаетъ нѣкоторую степень достовѣрности, когда мы обратимъ вниманіе на то, какую роль у Нестора играютъ Болгарскія происшествія, которыми онъ перемежаетъ наши происшествія; когда обратимъ вниманіе на то, что всѣ книги богослужебныя, Евангеліе, Апостолъ, Псалтырь, Литургію, мы не могли получить ни отъ кого, кромѣ Болгаръ, нашихъ Славянскихъ единоплеменниковъ, для которыхъ первоначально онъ были переведены; когда обратимъ вниманіе на то, что первые наши духовные, священники, напримѣръ при Игорѣ у Ольги священникъ Григорій, и при Владимірѣ, были по всему вѣроятію Болгаре, а послѣ и Греческіе митрополиты имѣли даже въ нихъ необходимую нужду для управленія своею паствою; когда обратимъ вниманіе на то, сколько Болгарскихъ несомнѣнныхъ переводовъ дошло до насъ изъ древняго періода, какъ свидѣтельствуєтъ Г. Строевъ въ своемъ указаніи; когда обратимъ вниманіе на то, что древнѣйшія наши рукопи-

си духовнаго содержанія носятъ на себѣ явные признаки южнаго происхожденія, напримѣръ Остромирово Евангеліе*; что въ монастырѣ Печерскомъ, и именно въ Несторово время, были Болгаре; что даже въ 1270 году Кіевскій митрополитъ Кириллъ выписалъ изъ Болгаріи списокъ Кормчей Книги, древнѣйшій изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ.

Вотъ моя догадка, которой, признаюсь, я очень дорожу, и которой суда станемъ ожидать преимущественно отъ Г. Венелина.

Можетъ-быть даже Болгарская лѣтопись послужила Нестору основаніемъ, на которомъ построилъ онъ свою.

Греческія лѣтописи. Первые митрополиты наши были Греки. За ними отправлялись наши посланные. Сношеніе съ Константинополемъ было непрерывное. Въ Несторово время былъ въ Печерскомъ монастырѣ Греческій монахъ Михаиль, отъ котораго Св. Θεодосій получилъ уставъ монастыря Студійскаго, сдѣлавшійся общимъ для всѣхъ монастырей Русскихъ. Почему этотъ Михаиль, если не другой кто, не могъ сообщить Нестору какого-нибудь Греческаго временника, или даже перевести что-либо для него нужное, какъ переводилъ онъ монастырскій уставъ. Слѣдовательно, если не черезъ Болгарскія руки, то отъ самихъ Грековъ могъ Несторъ узнать то, что помѣстилъ въ своей лѣтописи; узнать не только письменно, но даже изустно, хотябъ самъ не зналъ по-Гречески.

Извѣстія Варяговъ. Какъ первые наши христіане были Варяги, такъ были они и между первыми иноками. Прочтите первоначальную исторію Монастыря Печерскаго: тамъ на каждой страницѣ найдете

* См. Изслѣдованіе А. Х. Востокова о Славянскомъ языкѣ, помѣщенное въ Трудахъ Общества любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ, также въ драгоценныхъ для древней бібліографіи приложеніяхъ къ Юлію Эксарху, К. Θ. Камайдовича.

вы Варяговъ. Первая пещера, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, была ископана ими. До сихъ поръ, кажется, какія-то пещеры называются Варяжскими. Варяги точно такъ могли рассказывать Нестору о своихъ подвигахъ и подвигахъ предковъ, какъ ихъ соотечественники рассказывали дома сочинителямъ сагъ. Варяги-то наговорили ему сказокъ, извѣстныхъ также на сѣверѣ, и о колесахъ, на которыхъ Олегъ подвѣхалъ къ Царюгороду, и о змѣѣ, которая ужалила его по предсказанію волхвовъ, и о воробьяхъ съ голубями, которые сожгли Коростень, и другія баснословныя извѣстія, въ которыхъ есть однако жъ историческое основаніе. Несторъ спокойно помѣстилъ всѣ ихъ рассказы въ свою лѣтопись, какъ и всѣ его товарищи, первые лѣтописатели, сѣверные и южные, восточные и западные. Они же сообщили ему извѣстія о разныхъ иныхъ племенахъ, жившихъ преимущественно по берегамъ морей Балтійскаго и Нѣмецкаго, столь имъ извѣстнымъ; они же сообщили ему извѣстіе и о пути изъ Варягъ въ Греки, о своемъ *Austur-vegi* и *Vester-vegi*. все это и естественно, и вѣроятно.

Извѣстія о разныхъ племенахъ, обитавшихъ въ нынѣшней Россіи, онъ могъ получить отъ самихъ жителей и *сосѣдей*. Кіевъ былъ средоточіе, особенно послѣ введенія Христіанской Вѣры, и сборное мѣсто, гдѣ можно было сойтись съ обитателями странъ самыхъ отдаленныхъ. И если Тацитъ, живя въ Римѣ, зналъ объ Эстахъ (*Aestui*), если Иорнадъ, живя въ Равеннѣ, зналъ о Чудѣ (*Thuëdi*) и Мордвѣ (*Mordens*), если Адамъ, живя въ Бременѣ, зналъ о Мерѣ (*Merens*), если Константинъ Багрянородный, живя въ Константинополѣ, зналъ о Кривичахъ (*Κριβιτζινοι*), Дреговичахъ (*Δρουγονβιτοι*), и Древлянахъ (*Δερβλεννοι*), то что же мудренаго знать объ нихъ Нестору, соотечественнику, одноязычнику, сосѣду, и умѣстны ли

сомнѣнія въ возможности имѣть ему такія обширныя (!!) географическія свѣдѣнія объ Европѣ?

Вообще преданіе. Замѣчу здѣсь, что въ народѣ безграмотномъ оно бываетъ гораздо живѣе, чѣмъ въ грамотномъ. Общія свѣдѣнія за сто пятьдесятъ, двѣсти лѣтъ были на памяти безъ всякаго сомнѣнія. Нѣкоторые памятники, могилы князей, онъ могъ видѣть самъ, или могъ объ нихъ слышать.

Вотъ какіе источники могъ имѣть Несторъ. Разверните его лѣтопись, и раздѣлите ее на части. Къ каждому извѣстію можно указать правдоподобный источникъ. Это — рѣдкое счастье! Пусть укажутъ хоть на одного лѣтописателя, въ какой бы то ни было литературѣ, котораго правдоподобные источники были бы вѣроятнѣе.

Мы говорили въ прошломъ году, въ этомъ же мѣстѣ, о достовѣрности лѣтописи. Какое новое доказательство получаетъ она, когда мы видимъ, и видимъ ясно, что Несторъ точно могъ знать то, объ чемъ онъ писалъ, и чему должны вѣрить мы по основательнымъ причинамъ.

Но могъ ли Несторъ пользоваться всѣми исчисленными источниками? былъ ли онъ столько грамотенъ, образованъ?

Могъ, и вотъ доказательство: онъ сочинилъ житіе Св. Θεодосія, которое всѣ признаютъ за нимъ, по самымъ яснымъ и оцутительнымъ доказательствамъ. Прочтите страницу изъ этого житія и страницу изъ лѣтописи, и вы увидите, что въ десять разъ труднѣе написать первую, чѣмъ вторую.

Да и онъ ли одинъ былъ грамотенъ въ это время? Я указываю на Даніила, его современника, который ходилъ въ Іерусалимъ и оставилъ описаніе своего путешествія. Этого описанія не отвергаютъ. И какъ его отвергнуть? Онъ и видѣлъ Балдуина Іерусалимскаго, и говорилъ съ нимъ, и записалъ имена нашихъ кня-

зей въ поминаньѣ въ Іерусалимѣ*. Если же Даніилово описаніе подлинно, то сомнѣніе о неграмотности того времени, въ отношеніи къ Нестору, уничтожается само собою.

Я укажу на духовную Владиміра Мономаха, — потому только, что ее признають всѣ. Спрашиваю, что объяснить себѣ легче, — сочиненіе ли воинственнымъ княземъ философскаго почти разсужденія, каково въ нѣкоторыхъ мѣстахъ завѣщаніе, или сочиненіе сухой лѣтописи Печерскимъ монахомъ?

Я укажу на сборники Святослава, также признаваемые, противниками нашей лѣтописи; сборники, которые относятся къ 1073 и 1076 годамъ, и слѣдовательно старше Нестора. Обращаю вниманіе критиковъ на слѣдующія важныя слова въ заключеніи: «Коньчятся книги сія рукою грѣшнаго Іоана, избрано *изъ многъ книгъ княжъ*.» Въ началѣ: великыи въ князихъ Святославъ въжделаніемъ зѣло въжделавъ държали-

* Кар. II, Прим. 214. «Язъ худой и недостойный въ ту пятницу въ 7 часть дни ходихомъ къ князю тому Бадвину и поклонихся ему до земли. Онъ же видѣвъ мя худаго, и призва мя къ собѣ съ любовью и рече ми: Что хочещи игумене Русьскы? Позналъ мя быше добръ и любя мя вельми, якоже естъ мужъ благодѣльнъ и смиренъ вельми и не гордитъ. Язъ рекохъ ему: Княже мой, господине! молю ти ся Бога дѣля и князей дѣля Русьскыхъ, повели ми, да быхъ и язъ поставилъ свое кандило на Гробъ Святомъ отъ всея Русьскыя земли. Онъ же съ тщаньемъ и съ любовью повелъ ми поставити кандило; посла со мною мужа своего, слугу лучшаго.» «Богъ тому послухъ и Святой Гробъ Господень, якъ во всѣхъ мѣстѣхъ святыхъ, не забыхъ именъ князей Русьскыхъ и княгинь, и дѣтей ихъ, и епископъ, и игуменъ, и бояръ, и дѣтей монахъ духовныхъ. И о семъ похвалю Бога моего благо, яко сподобилъ мя худаго имена князей Русьскыхъ написати въ Лаврѣ Св. Саввы, и нынѣ поминаются имена ихъ въ ектеніяхъ, и съ женами и съ дѣтьми. Се же имена ихъ: Михаилъ — Святополкъ, Василій — Владиміръ, Давидъ — Святославичъ, Михаилъ — Олегъ, Панкратій (Святоша) Святославъ, Глѣбъ Мѣнскій (Минскій), и сколько есь помнилъ, опричь всѣхъ князей Русьскыхъ и бояръ, и отпѣхомъ литургію за князей Русьскыхъ, и за вся хресъяне 50 литургій, и за усопшія литургію отпѣхомъ.»

выи владыка обавѣти покрѣвеныя разоумы вглубинѣ многострѣпѣтныихъ сихъ книгъ,» и прочая.

Я укажу на грамоту Мстислава, почти современную Нестору (1125), и спрошу: дипломъ, актъ officialный, черезъ сколько времени является у всякаго народа послѣ лѣтописи?

Я указываю на ответы Нифонта, почти современника Несторова, которые также признаютъ подлинными, и на вопросы Кирака, еще любопытнѣйшіе.

Ясно ли? Но не коротко, замѣтятъ читатели. Предметъ увлекъ меня, — предметъ важный, достовѣрность отечественной исторіи. Зато я избавлю ихъ отъ всѣхъ другихъ доказательствъ, и не стану отвѣчать, если мнѣ скажутъ: — Да помилуйте! все это такъ; но какъ же это? Несторъ!... да на чемъ онъ могъ писать? На пергаментъ? Пергаментъ извѣстенъ былъ, правда, въ Малой Азіи очень давно, и привозился въ Византию: но у насъ?.... И притомъ, чѣмъ Несторъ могъ писать? Стилемъ, которые употреблялись у древнихъ! Но гдѣ эти стили? Гдѣ современное свидѣтельство, дурлота, то чему вѣрить Исторія, объ ихъ употребленіи? Ихъ не осталось какъ и мордокъ кунныхъ. Перомъ! Но перья когда вошли въ употребленіе? Шубертъ, академикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и ученый человѣкъ, написалъ диссертацию о гусяныхъ перьяхъ: прочитайте ее, вы увидите, что перья никакъ не могли быть при Несторѣ. На все нужно матеріалы. Гдѣ ихъ взять? А чернильные орѣшки!.... Кто умѣлъ употреблять ихъ? Вѣдь это все признаки высокаго гражданскаго образованія. Какое же образованіе было у насъ тогда? Мракъ, дичь, кое-гдѣ свѣтитъ писатель иностранный, и то въ XIV столѣтіи. Ну, притомъ, когда Несторъ могъ писать? Все время у него было занято молитвою, присутствіемъ въ церкви, пѣніемъ. Онъ былъ человѣкъ обязанный службой. Когда было ему забирать справки, необходимыя при

всякомъ ученѣмъ сочиненіи? И сколько вопросовъ еще является здѣсь! Гдѣ онъ могъ писать? Ему безпрестанно мѣшали днемъ; а ночью, — ну ночью потемки! Судите сами: развѣ при трескучей лучинѣ, какъ Исландскіе сказочники? Да еще вотъ что: по всѣмъ вѣроятностямъ такими житейскими дѣлами заниматься чуть-ли позволялось тогда. Развѣ украдкой. Какъ онъ могъ брать на себя такую отвѣтственность! Нѣтъ, воля ваша, какъ вы себѣ хотите, а Несторъ не могъ писать лѣтописи; это не въ порядкѣ вещей; это несообразно со всѣмъ, что мы знаемъ о ходѣ образованія у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. Лѣтопись не принадлежитъ ему. И для чего ему писать? Это поддѣлка, сказка, исторія!

Возраженія эти, особенно нѣкоторыя изъ нихъ, очень сильны!

ПОГОДИНЪ.

К Ю В Ъ Е.

=

Когда смерть прекращаетъ усилія людей возвышенныхъ, которыхъ самое это возвышеніе подвергаетъ часто неосновательнымъ толкамъ, тогда долгъ остающихся въ живыхъ — устремить все свое вниманіе на ихъ раннюю дѣятельность, на произведенія ихъ зрѣлыхъ лѣтъ, на мысли и надежды, оживлявшія ихъ до самой кончины. Это одна изъ поучительнѣйшихъ минутъ для человѣчества. Видъ могучей тѣни генія, только-что сбросившаго съ себя тѣльную плоть въ могилу и еще стоящаго передъ лицомъ того же общества, которое такъ недавно освѣщалъ онъ своими лучами, поражаетъ насъ невольнымъ благоговѣніемъ къ святынь нашей природы, а разсмотрѣніе судебъ его бываетъ для сердца источникомъ длиннаго и сладкаго утѣшенія. Попытаемся изобразить на этихъ страницахъ жизнь и дѣянія одного изъ величайшихъ умовъ нашего времени *.

Кювье родился въ Монбельярѣ, или Мюмпельгартѣ, который былъ тогда главнымъ городомъ княжества, принадлежавшаго герцогамъ Виртембергскимъ. Родители его были очень небогаты: отецъ, уволенный послѣ сорокалѣтней службы офицеромъ съ половинною пенсіею, не могъ дать сыну инаго образованія, кромѣ того, какое обыкновенно получается въ областномъ училищѣ. Пятидесяти лѣтъ женился онъ на

* Основаніемъ этому очерку служатъ три академическія похвальные слова, произнесенныя Гг. Лорильяромъ, Наризе и Флураномъ, — *Eloges du baron Georges Cuvier, etc.*, 1833 — 1835; — *Noticé historique sur les ouvrages de M. le baron Cuvier, par G. S. Duvernoy*, 1834; — и *Mémoires sur le baron Cuvrèr, etc.*, par mistress Lee, 1833.

молодой и прекраснѣйшей женщиной, которая сдѣлалась матерью Жоржа Кювье и лелѣла его дѣтскіе годы съ нѣжною и разсудительною заботливостію. Ея болѣе нежеланіи материнскія попеченія объ умственномъ развитіи сына даютъ намъ право подкрѣпить примѣромъ Кювье ту извѣстную истину, что многіе отличные люди обязаны были значительною частію своего величія образованности и характеру умныхъ матерей. Исторія представляетъ множество подобныхъ примѣровъ, и это обстоятельство дѣлается еще любопытнѣе, когда сведемъ его съ другимъ, равномерно дознаннымъ фактомъ, что дѣти великихъ людей рѣдко отличались блестящими достоинствами, и были или слабоваты умомъ или скороспѣлы, но притомъ хилы сложеніемъ. Можно объяснить это физиологически: потомство людей, достигшихъ славы многотрудными путями, измученныхъ славою, необходимо должно быть несовершенной организаціи. Какъ бы то ни было, мать Кювье достойна была такого сына. Онъ былъ чрезвычайно прилеженъ и смышленъ, и на десятомъ году возраста не только читалъ Бюффона съ наслажденіемъ, но очень вѣрно срисовывалъ всѣ картинки и раскрашивалъ ихъ по его описанію. До самаго конца жизни, Кювье сохранялъ нѣжную привязанность къ своей матери: великому философу и утомленному дѣлами министру нельзя было сдѣлать большаго удовольствія, какъ поставивъ къ нему въ комнату тѣ цвѣты, которые она приучила его любить въ младенствѣ.

Несправедливость, оказанная его отроческимъ достоинствамъ, заставила его удалиться изъ Тюбингена, гдѣ онъ началъ-было свое ученіе, и вмѣстѣ оставить намѣреніе посвятить себя духовному званію, къ которому его предназначали. Ему посчастливилось опредѣлиться въ Каролинское Училище, Carlsschule, прославленное образованіемъ Шплера и Деинекера

и состоявшее тогда подъ особеннымъ покровительствомъ герцога Карла Виртембергскаго, который былъ его основателемъ. Этотъ принцъ, сперва подражавшій роскоши Лудовика XIV, потомъ посвятилъ большую часть времени успѣхамъ воспитанія, и основалъ въ Штутгардѣ заведеніе, которое хотя и называлось «Военнымъ училищемъ» и было подчинено нѣкотораго рода военному уставу, однако жъ дѣйствительно сдѣлалось для Германіи разсадникомъ гражданскихъ сановниковъ, государственныхъ людей и даже тѣхъ великихъ представителей умственной силы нашего рода, которыхъ слава затмѣваетъ наконецъ всѣ славы и одна остается на землѣ, когда всѣ другія величія уже занесены пескомъ забвенія. Три генія, — Поэзіи, Естественной Философіи и Скульптуры, вышли изъ этого училища. Дарованія молодаго Кювье, или лучше, необъятныя его способности, имѣли здѣсь случай развернуться въ изученіи множества предметовъ, общественной и политической экономіи, и ему-то обязанъ онъ тѣмъ, что, неся впоследствии столько разныхъ обязанностей, отличался во всѣхъ основательнымъ знаніемъ дѣла. Однако жъ и въ Штутгардѣ, какъ и прежде и послѣ этого, главнымъ его занятіемъ была Естественная Исторія. Въ свободное время читалъ онъ лучшихъ авторовъ, собиралъ образцы, и рисовалъ насѣкомыхъ, птицъ и растенія.

Но судьба опять его сразила. Неправедливость удалила его изъ Тюбингена, а стѣсненные обстоятельства семейства вынудили оставить Штутгардъ, прежде чѣмъ онъ могъ получить какое-нибудь мѣсто. Тутъ рѣшился онъ на то, что казалось товарищамъ его отчаяннымъ предпріятіемъ, — рѣшился быть надзирателемъ у сына графа Эрисси въ Нормандіи.

Какъ первое несчастіе не помѣшало развитію его дарованій, такъ и новое стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ не могло обречь его бездѣйствію или неизвѣстности. На двадцать первомъ году отъ роду, будучи бѣднымъ домашнимъ наставникомъ въ захолусть Нормандіи, положилъ онъ основаніе той славы, которая должна была наполнить весь міръ. Мѣсто пребыванія графскаго семейства было не далеко отъ моря, и онъ занялся изученіемъ морскихъ животныхъ. Ископаемые остатки, находимые въ окрестности, и тогда уже не были для него только предметами простаго любопытства: онъ и тогда ожидалъ отъ нихъ краснорѣчивыхъ откровеній касательно исторіи древнихъ переворотовъ таинственной нашей планеты. Онъ сравнивалъ живыя породы морскихъ животныхъ съ выкапываемыми изъ земли, и разсѣченіе каракатицы повело его къ изслѣдованію анатоміи слизняковъ. Прилежно собирая замѣчанія собственнo для себя, онъ исправлялъ уже ошибки и недосмотры знаменитѣйшихъ естествоиспытателей и приводилъ въ ясность сбивчивое дотолѣ распредѣленіе низшихъ формъ животнаго царства.

Посвятивъ себя этимъ тихимъ занятіямъ, между тѣмъ какъ вся Франція волновалась внутренними потрясеніями, Кювье удѣлялъ иногда своего вниманія обществу, составившемуся тогда въ Фекампѣ не для политическихъ преній, а для ободренія земледѣльчества. Около того же времени, именно въ концѣ 1794 года, почтенный авторъ земледѣльческихъ статей въ «Методической Энциклопедіи», чтобъ избѣгнуть грозившихъ смѣ преслѣдованій революціоннаго тиранства, принялъ званіе главнаго врача въ Фекампскомъ лазаретѣ. При первой встрѣчѣ съ нимъ въ тамошнемъ обществѣ, Кювье узналъ его по сужденіямъ, и подошелъ къ нему какъ къ аббату Тессьѣ. Тотъ перепугался, но напрасно, потому что нашелъ въ новомъ

знакомцѣ искренняго почитателя и друга. Увидѣвъ его свѣдѣнія и труды, Тессье писалъ объ немъ къ славному Жюссье въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ, пересланы были въ Парижъ нѣкоторыя записки Кювье, и его выбрали въ члены-корреспонденты тамошняго Общества Естественной Истории. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ переѣхалъ въ столицу, и скоро сдѣлался товарищемъ Г. Мертрю въ преподаваніи Сравнительной Анатоміи, которой кафедре только-что учреждена была при Ботаническомъ Садѣ. Тутъ поселился онъ уже навсегда, и тутъ достигъ своей безсмертности. Въ краткій промежутокъ отъ прибытія въ Парижъ до полученія мѣста, читалъ онъ въ Филоматическомъ и Естественно-историческомъ Обществахъ разсужденія свои объ анатоміи слизняковъ, насѣкомыхъ и животнорастеній. Разсужденія эти тотчасъ доставили его въ рядъ отличнѣйшихъ естествоиспытателей, и открыли ему путь къ тѣмъ мѣстамъ, которыя онъ занималъ потомъ съ такой честью.

«При появленіи первыхъ его сочиненій, говоритъ Г. Лорильяръ, вѣроятно никто изъ ученыхъ не воображалъ себя, чтобъ Зоологія могла еще прославить чье-нибудь имя. Казалось, что Линней, своимъ точнымъ и легкимъ способомъ, что Бюффонъ, своими живыми описаніями, смѣлыми видами и неслыханнымъ дотошъ соединеніемъ точной науки съ краснорѣчіемъ, совершенно истощили предметъ; но для человека съ гениемъ Природа — неисчерпаемый рудникъ изученія, помысловъ и великихъ открытій. Приложивъ начала естественнаго способа къ распредѣленію животныхъ, Кювье, послѣ Линнея и Бюффона, прошелъ еще такое же обширное зоологическое поприще, какъ и эти два великіе человека.

«До его времени, Сравнительная Анатомія, хотя и занимала Кампера, Блюменбаха, Гунтера, Добантона и Викъ-д'Азира, однако жъ была изучаема почти только въ видѣ рѣдкости и какъ предметъ болѣе или менѣе остроумныхъ разсужденій. Кювье превратилъ ее въ науку, которая въ

рукахъ его сдѣлалась основаніемъ Естественной Исторіи и обильнымъ источникомъ физіологическихъ истинъ.

«Труды Соссюра, Делюка, Палласа и Вернера, казалось, довели Геологію до высшей степени совершенства; но Кювье, открывъ рядъ памятниковъ, оставленныхъ живою природою во внутренности земли, создалъ новую цѣпь идей въ этой наукѣ, и плодотворныя ихъ послѣдствія совершенно измѣнили характеръ ея философіи.»

Труды Кювье по части Естественной Исторіи, подъятыя въ этотъ ранній періодъ его Парижской жизни, особенно замѣчательны какъ блестящіе признаки его глубокаго соображенія, отъ которыхъ самыя общепринятія системы потряслись въ основаніи. Даже и Линнеева оказалась неточною въ первомъ классѣ и совершенно ошибочною въ классѣ насѣкомыхъ и червей, когда ее стали подводить подъ естественный способъ, уже примѣненный Жюссѣ къ Ботаникѣ.

Обозрѣвая поприще людей, достигшихъ послѣдовательными трудами высшихъ степеней отличія, препятствія, которыя они должны были превозмочь, видимъ мы обыкновенно сквозь блескъ настоящаго ихъ положенія, и оттого важная часть урока бываетъ потеряна для будущихъ искателей, которые, чувствуя гнѣтъ разнородныхъ трудностей и зная, что храмъ славы еще далеко на крутизнѣ, почти неприступной, забываютъ, что тѣ, чьи имена украшаютъ этотъ храмъ, ощущали нѣкогда подобныя томленія и заботы. Многіе любители Естественной Исторіи обрекаютъ себя бездѣйствію только потому, что, живя въ деревнѣ, лишены нѣкоторыхъ пособій. Этимъ людямъ слѣдуетъ припомнить, какъ много сдѣлалъ Кювье въ Нормандіи: онъ узналъ всѣхъ рыбъ тамошняго берега и всѣ раковины въ одну минуту неизвѣстности и бездежья; нашедъ у кого-то въ Фекампѣ собраніе естественныхъ произведеній онъ тщательно срисовалъ ихъ для себя, — и это было истиннымъ основаніемъ его

будущей славы. До отъезда изъ Нормандіи онъ успѣлъ хорошо ознакомиться съ животнымъ царствомъ и перечесть творенія величайшихъ естествоиспытателей со взглядомъ человѣка, предназначеннаго быть главою науки своего вѣка. Письма его изъ этого убѣжища уже заключаютъ первыя начала великихъ предначертаній, и прежде личнаго знакомства съ Парижскими натуралистами, онъ самъ собою достигъ тѣхъ глубокомысленныхъ видовъ, которыми руководствовался въ распредѣленіи низшихъ порядковъ животныхъ, наперекоръ всѣмъ господствующимъ системамъ того времени. Когда онъ явился въ Парижъ, всѣ слушали его съ удовольствіемъ и убѣжденіемъ; не было конца рукоплесканіямъ и предложеніямъ мѣсть. Но, среди этихъ торжествъ, онъ не переставалъ быть слабымъ и хворымъ: преподаваніе утомляло его, и все вело къ опасенію, что блестящее его поприще кончится преждевременно. Ктому и обстоятельства его были очень затруднительны. Собственнаго состоянія онъ не имѣлъ, а тогдашнее правительство было такъ ненадежно, что ему даже не всегда выплачивали жалованье, которымъ онъ жилъ вмѣстѣ съ престарѣлымъ отцемъ. «Не думай, писалъ онъ въ Страсбургъ къ пріятелю своему Герману, который поздравлялъ его съ выгоднымъ переселеніемъ въ Парижъ: не думай, чтобы здѣсь было намъ слишкомъ хорошо. Ботаническому Саду и всѣмъ учебнымъ заведеніямъ такъ же, какъ и намъ, не выдано жалованья за цѣлый годъ, и если мы завидуемъ слонамъ, то не въ томъ, чтобы имъ лучше платили, а въ томъ, что, живучи въ долгъ, какъ и мы, они крайней-мѣрѣ не знаютъ этого и не заботятся о своихъ кредиторахъ. Знаешь, о Французахъ говорятъ, что они поютъ пѣсни, когда у нихъ пусто въ карманѣ; а мы, ученые, какъ плохіе музыканты, вмѣсто пѣсень, прибѣгаемъ къ книгѣ, и оно выходитъ

то же. Повѣрь, любезный другъ, эта практическая философія стѣнитъ Вольфовою или даже и Кантовой.»

Естественная Исторія можетъ справедливо назваться новозданною наукою. Великое имя Аристотеля почти одно представляется намъ въ древности, и самое зрѣлище рѣдкихъ Азійскихъ и Африканскихъ животныхъ которыми украшались великолѣпныя торжества Рима, не возбудили въ тамошнихъ философахъ желанія изучать ихъ строеніе и свойства. Только Плиній сдѣлалъ неудачную попытку распредѣлить животныхъ, и прочія естественныя произведенія. Должно перейти длинный рядъ вѣковъ, пока достигнешь временъ Реди, Сваммердама, Листера, Вильюби (Willughby) и Рея, когда Естественная Исторія принимаетъ уже видъ систематическій. Линней еще въ молодости замыслилъ смѣлое предпріятіе вновь распредѣлить всѣ естественныя произведенія. Геній этого челоуѣка былъ глубокъ и точенъ; онъ приступилъ къ рѣшенію великой задачи съ тѣмъ самоотверженіемъ, которое всегда должно возвышать душу людей, принимающихъ званіе истолкователей природы, и продолжалъ свои занятія вопреки многочисленнымъ и рѣдкимъ нападеніямъ противниковъ. Пользуясь трудами знаменитыхъ людей, которыхъ мы сейчасъ поименовали, онъ сообщилъ наукѣ еще правильнѣйшую форму.

Блестящій его современникъ, Бюффонъ, придалъ ей очарованіе живой фантазіи, которая облакала ея образы въ такія краснорѣчивыя и удачныя выраженія, что даже превосходная точность его преемниковъ и соперниковъ не могла не увлекаться ихъ могуществомъ. Не обладая подробной точностью Линнея, онъ постигалъ обширнѣйшія, быть-можетъ высшія общности, а недостатки, свойственные умамъ

такого рода, устранялись прилежною внимательностью сотрудника его, Добантона.

Здѣсь не мѣсто исчислять другія славныя имена, явившіяся тогда на этомъ поприщѣ: замѣтимъ только, что общее распредѣленіе естественныхъ предметовъ, сдѣланное этими двумя учеными, было единственное, котораго всѣ держались, когда Кювье пріѣхалъ въ Парижъ, и что тихіе труды его, предшествовавшіе этому пріѣзду, уже пролагали путь новому раздѣленію, дотога поразительному своей философическою вѣрностью, что его приняли вдругъ всѣ безъ изъятія.

Случайно,—если только это былъ случай,—вниманіе Кювье въ Нормандіи обратилось именно на тѣ части Зоологіи, которыя всѣхъ не лучше были изслѣдованы,—на слизняковъ, червей и животнорастенія. Всѣ они включены Линнеемъ въ классъ червей, состоящій у него изъ пяти порядковъ,—кишечныя, или глисты, слизняки, черепокожныя, животнорастенія и наливочныя. Это распредѣленіе, основанное, подобно Рееву, на различіяхъ дыхательной и кровообращательной системы, Кювье измѣнилъ существенно, основавъ свою классификацію на свойствахъ ощущенія и движенія, какъ на главнѣйшемъ отличіи животныхъ. Онъ первый показалъ близкія и общія отношенія между дыхательными органами, силами, движеніями, видомъ остова и мышцами, и между ощущеніями и пищевареніемъ: эти отношенія объемлютъ всецѣлость свойствъ животнаго царства, и вѣдутъ къ естественному его раздѣленію. Видя, что системы, основанныя на одномъ какомъ-нибудь органѣ или на явнѣйшихъ различіяхъ наружнаго вида, недостаточны для распредѣленія животныхъ по степенямъ ихъ сродства, онъ примѣнилъ къ Зоологіи начала естественнаго способа, тогда только введеннаго въ Ботанику и состоявшаго въ размѣщеніи фактовъ науки такимъ поряд-

комъ, чтобъ частныя положенія были подчинены общимъ, въ самой строгой постепенности, и чтобы всѣ вмѣстѣ выражали настоящія отношенія предметовъ. Такимъ образомъ, онъ доказалъ, что системы дыхательная и кровообращательная, со всѣми зависящими отъ нихъ свойствами въ разныхъ порядкахъ животныхъ, подчинены нервной, выражающей основной характеръ каждой живущей твари. Эти виды побудили Кювье, въ самомъ началѣ его поприща, исключить слизняковъ изъ класса червей, вопреки Линнею, и дать имъ первое мѣсто между безпозвоночными, на которое имѣютъ они право по высшей своей организаціи. Впослѣдствіи, замѣтивъ, что нѣкоторыя породы слизняковъ, называвшихся безразлично бѣлокровными, имѣли красную кровь и обращательную систему, онъ совокупилъ ихъ въ отдѣльный классъ кольчатыхъ, и такимъ образомъ почти на первомъ шагу исправилъ двѣ важныя ошибки своихъ предшественниковъ.

Въ 1796 году, когда онъ сдѣлалъ послѣднее изъ этихъ открытій, учрежденъ былъ Національный Институтъ, и Кювье получилъ новое мѣсто при Ботаническомъ Садѣ. Приводя въ порядокъ оброшенные музеи, которые безпрестанно обогащались предметами, доставляемыми изъ завоеванныхъ городовъ, Кювье положилъ основаніе Сравнительной Анатоміи, открылъ древнюю Зоологію, и преобразовалъ новѣйшую. Вмѣсто шести Линнеевыхъ классовъ, именно четвероногихъ, птицъ, пресмыкающихся, рыбъ, насѣкомыхъ и червей, онъ установилъ четыре большіе отдѣла, — позвоночныхъ, слизняковъ, кольчатыхъ и лучистыхъ животныхъ, основываясь на измѣненіяхъ органовъ дыханія, кровообращенія и ощущенія.

Черезъ четыре года по опредѣленіи своемъ въ Ботаническій Садъ, началъ онъ «Лекціи о Сравнительной Анатоміи», и въ теченіе пяти лѣтъ неощѣненный

трудъ былъ оконченъ. Эти лекціи читалъ онъ по краткимъ запискамъ, съ неподражаемымъ краснорѣчіемъ. Искусство его въ рисованіи формъ было такъ велико, и изображенія, дѣлаемые имъ наскоро и на память, были такъ точны, что слушателямъ его казалось, будто они видятъ передъ собой самые предметы. Приготовляя эти удивительныя лекціи, въ которыхъ онъ разсматривалъ не анатомію каждаго животнаго порознь, а напротивъ каждый отдѣльный органъ въ цѣломъ ряду животныхъ, Кювье занимался и составленіемъ Музея Сравнительной Анатоміи, который всегда пребудетъ однимъ изъ славнѣйшихъ его памятниковъ. Принятый имъ способъ, изслѣдовать каждый органъ въ цѣломъ ряду животныхъ для вывода общей теоріи ихъ отправленій, проложилъ ему путь къ открытію тѣхъ фактовъ, которыми объяснилъ онъ въ послѣдствіи теорію земли. Такимъ-то образомъ достигъ онъ до важнаго заключенія, что ископаемые остатки животныхъ принадлежатъ вымершимъ породамъ, различнымъ съ нынѣ существующими; что различіе это возрастаетъ съ древностью пластовъ земли, въ которыхъ они содержатся, и составляетъ родъ хронологической таблицы самихъ пластовъ, или слоевъ.

До Кювье ни одинъ естествоиспытатель не смѣлъ приступить къ распредѣленію ископаемыхъ костей четвероногихъ, — такъ это казалось затруднительнымъ. Остатки другихъ породъ животныхъ и растительнаго царства были менѣе неполны, и потому не столько пугали изслѣдователей. Лейбницъ доказалъ по-крайней-мѣрѣ, что они принадлежатъ къ породамъ или вовсе неизвѣстнымъ, или невѣдомымъ только въ тѣхъ краяхъ, гдѣ ихъ находили, а Бюффонъ вывелъ отсюда самыя выпреннія, но слишкомъ поспѣшныя, заключенія. Кювье приступилъ къ этому важному предмету гораздо осторожнѣе, и изъ неполныхъ частей ископаемыхъ четвероногихъ успѣлъ извлечь очевидное до-

казательство раннихъ переворотовъ земной поверхности и матерьялы для ея темной, первобытной исторіи. Огромные наносы морскихъ ископаемыхъ, которые были прежде извѣстны наблюдателямъ, свидѣтельствовали только, что поверхности, гдѣ ихъ находили, были нѣкогда дномъ океана. Открытіе ископаемаго четвероногаго въ какомъ бы то ни было пластвѣ доказывало гораздо важнѣйшее обстоятельство, — что этотъ пластвѣ долженствовалъ быть нѣкогда поверхностью материка; и что слѣдственно перемѣны на земномъ шарѣ отнюдь не ограничивались однимъ стокомъ и пониженіемъ водъ. Кювье взявъ на себя рѣшеніе трудной задачи разобрать и описать, или лучше, истолковать эти остатки четвероногихъ, сохранившіеся гораздо хуже морскихъ животныхъ, и представляющіе слабый слѣдъ первобытныхъ породъ, къ которымъ они принадлежали: даже и въ полной своей сохранности они не что иное, какъ остовы животныхъ, различествовавшихъ между собою во всемъ прочемъ столько же, сколько и нынѣшнія породы. Держась одного великаго начала, — естественнаго соотношенія формъ въ органическихъ существахъ, онъ былъ увѣренъ, что при тщательномъ разсмотрѣніи каждая часть должна сдѣлаться показателемъ своего цѣлаго. Если внутренности животнаго, рассуждалъ онъ, устроены для варенія мяса и притомъ парнаго, то челюсти его должны быть таковы, чтобъ оно могло пожирать свою пищу, когти приспособлены къ хватанію и терзанію добычи, а зубы къ тому, чтобы жевать ее; все строеніе его тѣла должно быть принаровлено къ преслѣдованію и лову, всѣ органы чувствъ къ распознаванію издали. Такова общая характеристика плотоядныхъ животныхъ. Какъ общіе типы связаны съ этими общими принаровленіями, такъ и подраздѣленія ихъ должны соответствовать частнымъ устройствамъ: и поэтому наблюда-

тель, никогда не выдавший цѣлаго животнаго, можетъ опредѣлить его классъ, порядокъ, родъ и даже породу. Эти памятники невѣдомой эры земнаго шара Кювье разсматривалъ съ тѣмъ же пристальнымъ вниманіемъ, съ тою же остроумной изыскательностью, какія посвящалъ онъ животнымъ нынѣшняго міра, и такимъ образомъ опредѣлилъ каждой изъ возсозданныхъ имъ тварей принадлежащее ей мѣсто въ вѣчномъ чинѣ природы: онъ сдѣлался великимъ антикваріемъ Земли.

Исслѣдованія его увѣнчались двоякимъ успѣхомъ. Зоологія обогатилась описаніемъ ста шестидесяти восьми ископаемыхъ позвоночныхъ животныхъ, составляющихъ пятьдесятъ родовъ, изъ которыхъ пятнадцать совершенно новыя. Что касается до геологическихъ его выводовъ, то вотъ какъ излагаетъ ихъ вкратцѣ Г. Лорильяръ:

«Такъ называемые первичные пласты, глубочайшіе пласты земной коры, на которыхъ лежатъ всѣ прочіе, не содержатъ ни какихъ остатковъ жизни, и тѣмъ самымъ доказываютъ, что жизнь не всегда существовала на нашей планетѣ. Потому ли, что температура земли была *слишкомъ высока* для этого, или потому, что матерьялы для поддержанія органическихъ существъ не были еще готовы, но было время, когда, одинъ мертвые физическія силы дѣйствовали на сушѣ и на морѣ, гдѣ развились потомъ всѣ чудеса организаціи».

«Не всѣ органическія существа появились въ одно время: растенія повидимому предшествовали животнымъ; слизняки и рыбы явились до пресмыкающихся и пресмы-

* Прибавьте смѣло — или потому что температура земли была *слишкомъ низка*? Это будь сказано только для полноты неизвѣстности причинъ и отнюдь не во гнѣвъ блестящей теоріи о первобытномъ видѣ земли въ бѣлокаменомъ состояніи. На Лунѣ явно нѣтъ еще органической жизни, а между-тѣмъ ничто не заставляетъ насъ думать, чтобы температура ея была высока: противное даже вѣроятнѣе.

кающіяся до тѣхъ, которыя зовемъ мы теперь млекопитающіи.

«Породы, составлявшія самую древнюю животную населенность, были вдругъ истреблены, и замѣнены другими: это общее изъясненіе движущихся существъ и пересозданіе ихъ въ новомъ, совершеннѣйшемъ видѣ, повторялось нѣсколько разъ, такъ, что нынѣшнія животныя образуютъ можетъ-быть четвертое поколѣніе.

«Геологія обладаетъ наконецъ проводникомъ въ темныхъ лабиринтахъ, которыми ей должно проходить; обладаетъ новымъ способомъ опредѣлять качество пластовъ, которое иногда такъ трудно узнать черезъ химическое разложеніе или черезъ соображеніе порядка ихъ настилки.

«Едва Геологія открыла эту тайну, она тотчасъ успѣла доказать, что наслоенные пласты земнаго черепа можно раздѣлить на два разряда: одинъ образованъ прѣсными водами, другой морскими. Это различеніе, которое могло быть сдѣлано въ собственномъ смыслѣ только Геологіею, само собою повело къ доказательству другаго, не менѣе любопытнаго, факта, именно что разныя части земнаго шара были поочередно затопляемы моремъ и прѣсными водами.»

Въ преслѣдованіи всѣхъ этихъ изысканій, которыми достигъ онъ такихъ важныхъ выводовъ, Кювье былъ неутомимъ до чрезвычайности. Онъ не щадилъ ни трудовъ, ни пожертвованій. Изъ огромнаго собранія ископаемыхъ остатковъ, наполняющаго цѣлую комнату въ музей Ботаническаго Сада, многія были ему подарены, но многія куплены имъ за дорогую цѣну, и всѣ безъ исключенія предоставлены публичному собранію. Окруженный этими богатствами, онъ читалъ въ нихъ тайную ихъ исторію, и чтобъ сомнѣвающимся вездѣ могли удостовѣриться въ точности его описаній и взглядовъ, онъ придумалъ дѣлать слѣпки съ главнѣйшихъ предметовъ и разсылать ихъ въ разные Европейскіе музеи, которые платили ему подобными изображеніями своихъ рѣдкостей.

Каждому, кто желаетъ ознакомиться вполне съ пространной областью Естественной Исторіи, должно внимательно читать его превосходное введеніе къ великому труду, въ которомъ описалъ онъ ископаемые остатки бытія, — введеніе, болѣе извѣстное подъ именемъ «Разсужденія о переворотахъ земнаго шара». Здѣсь вы какъ-будто видите Кювье, приступающаго къ рѣшенію великой задачи съ полнымъ сознаніемъ ея объема и бездны дополненій, которыя будущіе изслѣдователи сдѣлаютъ къ собственнымъ его открытіямъ; но вмѣстѣ и съ увѣренностію такого человѣка, который вступаетъ въ темную, глухую сторону, тщательно приготовившись къ путешествію. Онъ съ самаго начала предполагаетъ цѣлю показывать отношеніе между исторіей ископаемыхъ костей земныхъ животныхъ и теоріею самой Земли; изложить начала, по какимъ опредѣляется характеръ этихъ костей; объяснить, до какой степени породы животныхъ, которымъ онъ принадлежали, различествуютъ съ нынѣшними; опредѣлить дѣйствіе времени и климата, и такимъ образомъ доказать, что различія должныствовали быть въ винословной связи съ чрезвычайными событіями. На этихъ замѣчаніяхъ создаетъ онъ новую систему древней Земли, не дитя причудливой фантазіи, а слѣдствіе философическаго наведенія изъ фактовъ тщательно объясненныхъ, строгій выводъ, который выдержитъ повѣрку всѣми священными и свѣтскими преданіями человѣка.

Отъ наблюденій надъ феноменами повсемѣстными, но описываемыми съ особеннымъ умѣньемъ и ясностью, возводитъ онъ читателя къ самымъ страшнымъ переворотамъ, которымъ подвергалась наша планета. Онъ показываетъ, что эти перемѣны должныствовали быть многочисленны и внезапны, что нѣкоторыя изъ нихъ произошли до появленія живыхъ существъ на зем-

номъ шарѣ, другія послѣ. Разсматривая причины, нынче, измѣняющія его поверхность, онъ выводитъ, что ни одна изъ нихъ не могла произвести переворотовъ, отличаемыхъ настоящимъ его строеніемъ. Кратко обозрѣвая прежнія теоріи, онъ обнаруживаетъ главный ихъ недостатокъ, — опущеніе нѣкоторыхъ фактовъ, неразборчивое признаніе другихъ и неизбежную за тѣмъ ложность выводовъ. Отдавая всю справедливость великимъ геологамъ, изучавшимъ минеральный характеръ земнаго шара съ такимъ удивительнымъ тщаніемъ, какъ Соссюръ и Вернеръ, онъ показываетъ, что ни одинъ изъ нихъ не опредѣлилъ ископаемыхъ органическихъ остатковъ въ разныхъ пластахъ съ надлежащей точностью, а тѣ, которые обращали на нихъ болѣе вниманія, по большей части небрегли наблюденіе общихъ законовъ ихъ мѣстности и отношенія извѣстныхъ ископаемыхъ къ извѣстнымъ пластамъ.

Дѣйствительно, для соображенія всего этого требовалась такая совокупность разныхъ отраслей знанія, какая рѣдко встрѣчается въ одномъ человѣкѣ; способность обнимать почти безконечныя подробности и постигать во всей полнотѣ взаимныя ихъ отношенія; наблюдательность естествоиспытателя въ обширнѣйшемъ значеніи и глубокомысліе ума самаго философскаго.

Объяснивъ важность ископаемыхъ для Геологіи, и особенно ископаемыхъ костей четвероногихъ, онъ приступаетъ къ весьма ученому изслѣдованію вѣроятностей, существуютъ ли теперь на земномъ шарѣ породы, сходныя съ тѣми, которыхъ мы имѣемъ ископаемыя кости, и не оставляетъ въ читателѣ ни какого сомнѣнія, что всѣ большія животныя Стараго Свѣта, нынче знаемыя, были извѣстны и древнимъ, и что

тъ, которыя хотя и описаны ими, но никогда не попадались новѣйшимъ, рѣшительно баснословны. Доказавъ, что всѣ большія животныя Стараго Свѣта сдѣлались скоро извѣстными не только обитателемъ внутреннихъ земель, но и береговымъ, онъ отнимаетъ надежду, чтобъ вертепы материка Новѣйшаго Свѣта заключали еще невѣдомыя огромныя породы, сходныя напримѣръ съ мегатеріономъ или мастодонтомъ. Такъ, говоритъ онъ, если будетъ доказано, что ископаемые остатки большихъ породъ четвероногихъ не похожи ни на одну нынѣшнюю, то не слѣдуетъ полагать, что подобные тѣмъ звѣри скрываются еще въ пустыняхъ, а напротивъ должно допустить, что различіе происходитъ отъ какой-нибудь великой общей причины, достойной изученія.

Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай говорить, что Кювье открылъ во внутренности земли нѣсколько новыхъ породъ четвероногихъ; но, въ отношеніи къ теоріи земнаго шара, и самъ онъ почиталъ гораздо важнѣйшимъ то, что ему удалось опредѣлить, — въ какихъ именно пластахъ какія находятся породы, и такимъ образомъ вывести общіе законы ихъ положенія.

Когда дѣло идетъ о слѣдахъ міра допотопнаго, тогда естественнымъ образомъ представляется вопросъ, существуютъ ли между ими какіе-нибудь остатки нашей собственной породы. Зная изъ священныхъ преданій, что человекъ жилъ на землѣ до великаго потопа, изслѣдователи видѣли съ удивленіемъ, что между множествомъ ископаемыхъ, открытыхъ въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара, не найдено еще ни одной человѣческой кости. Не отыскано также и костей обезьянныхъ, и кажется, что вся семья четверорукихъ, наравнѣ съ единственнымъ двурукимъ животнымъ, ис-

*

ключена изъ древности, обличаемой такимъ множествомъ другихъ остатковъ.

Въ предварительномъ разсужденіи своемъ объ ископаемыхъ, Кювье, съ свойственною ему философическою осторожностью, удостовѣряется, что дѣйствительно ни въ одномъ первичномъ пластѣ не попадалось еще человѣческихъ остатковъ; что знаменитый Гарлемскій *Homo diluvii testis*, «Человѣкъ свидѣтель потопа,» былъ не что иное, какъ остатокъ животнаго, а кости, найденные на островѣ Гвадалупѣ, открыты въ новыхъ наносахъ, образовавшихся въ разсѣлинахъ утесовъ или въ пещерахъ, и не могутъ имѣть ни какихъ притязаній на допотопность. Нельзя однако жъ выводить изъ этого, чтобы человѣкъ не существовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до извѣстныхъ переворотовъ, испытанныхъ землею: кости его лежатъ вѣроятно на днѣ нынѣшнихъ морей, или современемъ будутъ открыты въ Азій, колыбели его рода, когда Геологія распространить на эту часть свѣта свои изслѣдованія. И Моисеевы книги, и повсемѣстныя преданія народовъ согласно утверждаютъ, что человѣкъ существовалъ по-крайней-мѣрѣ до великаго потопа, и тутъ-то сила свѣтлаго ума Кювье оказала важную услугу Религіи, придавъ очевидность факта опытной науки догмату нашей Священной Исторіи, на который всего болѣе нападали враги Христіанской Вѣры. Извѣстно, съ какимъ жаромъ и торжествомъ Философія прошлаго столѣтія относилась великій потопъ за двадцать и тридцать тысячъ лѣтъ назадъ, тогда какъ вдохновенная лѣтопись нашего рода, древнѣйшее письменное свидѣтельство, какое мы имѣемъ, полагаетъ это событіе только за шесть тысячъ лѣтъ до нашего времени. Сколько ни пытайте, сколько ни спрашивайте природу, замѣчаетъ Кювье, она скажетъ вамъ то же самое, что говоритъ и Библія: своими физическими преданіями

ми, нынѣшнимъ состояніемъ человѣка, его умственнымъ развитіемъ, свидѣтельствомъ всѣхъ своихъ естественныхъ произведеній, подтвердить она рѣшительно, что настоящее положеніе вещей началось не въ отдаленнѣйшую эпоху. Онъ соглашается съ Гг. Делюкомъ и Доломьё, что если есть что-нибудь достовѣрное въ Геологіи, такъ это измѣненіе земной поверхности великимъ и внезапнымъ переворотомъ, случившимся за пять или за шесть тысячъ лѣтъ; что тогда исчезли страны, бывшія прежде жилищемъ человѣка и животныхъ, нынѣ извѣстныхъ; что морское дно того времени превратилось въ сушу и образовало населенныя теперь земли; что только съ той поры остатокъ человѣческой породы сталъ распространяться по всему свѣту, соединяясь въ болѣе или менѣе многочисленные общества, и что слѣдственно мы весьма недавніе хозяева нашей планеты. Десятки тысячъ лѣтъ, которыми поносители священныхъ преданій хотѣли считать древность человѣка на землѣ, мечта пустая и безразсудная. Кювье полагаетъ притомъ, что и обитаемая нынѣ части земнаго шара были когда-нибудь, гораздо прежде великаго потопа, жилищемъ по-крайней-мѣрѣ земныхъ животныхъ, истребленныхъ можетъ-быть еще древнѣйшимъ наводненіемъ, и что эти земли подверглись даже не одному, а двумъ или тремъ такимъ переворотамъ, которыми уничтожено столько же поколѣній животныхъ.

Въ заключеніе труда своего Кювье говоритъ: «Не сомнѣваюсь, что, черезъ нѣсколько лѣтъ, сочиненіе, которое я теперь оканчиваю, и которому посвятилъ столько усилій, будетъ однимъ маловажнымъ очеркомъ, первымъ взглядомъ, брошеннымъ на необъятныя творенія древности.» Оно и дѣйствительно такъ. Въ вѣчной цѣпи человѣческихъ открытій, изслѣдованій самыхъ даровитыхъ умовъ составляютъ только

звенья, ведущія къ другимъ звеньямъ, которыхъ они не успѣли достигнуть, и которыя должны тянуться черезъ всю нашу будущность. И теперь уже сдѣлалось вѣроятнымъ, что можно иначе читать теорію, исторію и хронологію даже первичныхъ пластовъ земли, не только послѣдующихъ. Быть-можетъ, что, относительно къ времени, предѣлы вселенной недоступны человѣческому разумѣнію: надежда постигнуть, не только выпытать, начало и конецъ такого необъятнаго предназначенія кажется несовмѣстною съ отношеніемъ ограниченности человѣческой къ безпредѣльно-вѣчному Существо; однако жъ правда и то, что человѣкъ, употребляя данныя ему на то способности, дознался хотя не многихъ фактовъ, кажущихся достоверными, и какое бы развитіе ни получила со временемъ исписанная исторія нашей планеты отъ дальнѣйшихъ геологическихъ изслѣдованій, потомство никогда не забудетъ заслугъ Кювье, переведшаго столько важныхъ тайнъ съ темнаго языка этой громадной лѣтописи.

Послѣ ископаемыхъ Кювье приступилъ къ большому сочиненію своему о рыбахъ. Мы не будемъ распространяться здѣсь объ этомъ достопримѣчателѣмъ трудѣ, о которомъ имѣли уже случай говорить подробно въ статьѣ «Чувства, способности и страсти рыбъ,» помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ Б. для Ч., за 1854 годъ.

Четыре главныя его произведенія, — Сравнительная Анатомія, — Ископаемые остатки, — Царство животныхъ — и Естественная исторія рыбъ, — такъ обширны и требовали такого множества изслѣдованій, что каждое изъ нихъ порознь доставило бы своему автору самое почетное мѣсто между натуралистами; но они составляютъ только малую часть удивительныхъ

трудоу этого неутомимаго человека. Сочиненія его такъ многочисленны и касаются такихъ разнообразныхъ предметовъ, что одинъ списокъ заглавій, помѣщенный въ его біографіи, занимаетъ нѣсколько страницъ. Мы можемъ упомянуть только о не многихъ, и въ томъ числѣ во-первыхъ объ «Анатоміи слизняковъ», которой придавалъ онъ самъ большую важность и посвятилъ много дней и ночей. Сочиненіе это, изданное въ 1817 году, обогащено прекрасными эстампами, выгравированными по его собственнымъ рисункамъ.

Въ разсужденіи своемъ о «Питаніи насѣкомыхъ,» онъ показалъ необходимость отдѣльнаго ихъ распределенія, и объяснилъ настоящую цѣль страннаго положенія ихъ дыхательныхъ органовъ, равно какъ и особенный образъ ихъ питанія, открывъ, что питательныя частицы, отдѣляемыя пищепріемнымъ каналомъ, непосредственно подвергаются дѣйствию атмосферическаго воздуха, достигающаго ихъ посредствомъ дыхалъ, развѣтвленныхъ по всѣмъ частямъ животнаго, и такимъ образомъ дѣлаются способными къ подерживанію ихъ бытія.

Между предметами, которыми занимался онъ въ разныя времена своего поприща, должно упомянуть объ органѣ голоса пѣвчихъ птицъ. Сужденіе объ этомъ въ Институтѣ подало поводъ забавному случаю. Кювье началъ замѣчаніемъ, что фізіологи никогда не будутъ несогласны между собою касательно механизма человеческого голоса: одни считаютъ его духовымъ, другіе струннымъ инструментомъ. Но на этихъ словахъ его остановили. Одинъ бывшій тутъ знаменитый анатомъ возразилъ ему, что онъ ошибается; что это дѣло рѣшеное и что человеческій голосъ всѣми признанъ за духовой инструментъ.

Другой на томъ счелъ это величайшимъ заблужденіемъ, пустился доказывать, что органъ голоса всѣми признанъ за чистыя струны, — и такимъ образомъ, къ потѣхъ всего ученаго общества, подтвердилась какъ-нельзя лучше справедливость замѣчанія Кювье.

При всей многочисленности своихъ авторскихъ занятій, Кювье былъ еще однимъ изъ трудолюбивѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ людей по службѣ. Въ званіи непремѣннаго секретаря Института, онъ не только велъ журналъ еженедѣльныхъ засѣданій, но составлялъ подробные годовые отчеты и произносилъ тѣ краснорѣчивыя похвальные слова умершимъ членамъ, гдѣ умѣлъ такъ удачно расточать сокровища своихъ разнообразныхъ свѣдѣній. Во время консульства, Наполеонъ избранъ былъ въ президенты Института, и по этому случаю имѣлъ частыя сношенія съ Кювье. Необыкновенныя его способности не могли ускользнуть отъ проницательнаго взора властителя Франціи, и кажется, что онъ удостоивалъ его полной своей довѣренности, нерѣдко возлагая на него весьма важныя особенныя порученія. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ сочинить исторію успѣховъ Естественныхъ Наукъ съ 1789 года, которая занимала его очень долго и окончена уже въ 1826 году: это бесспорно драгоцѣннѣйшее прибавленіе къ незабвеннымъ трудамъ Бюффона.

Мы слегка только коснулись его публичныхъ лекцій, а онъ быть-можетъ не менѣе прочихъ занятій требовали ученой дѣятельности, не говоря ужъ объ особенныхъ дарованіяхъ преподавателя. Гдѣ бы и о чемъ бы онъ ни читалъ, — въ Пантеонѣ ли объ Естественной Исторіи, въ Ботаническомъ Садѣ о Сравнительной Анатоміи, въ Collège de France объ исторіи Естественныхъ Наукъ, въ Лицеѣ или въ Атенѣ о пред-

метахъ, избранныхъ для утонченнѣйшаго круга слушателей, привыкшихъ къ нарядному изложенію Лагарпа, — ни въ чемъ не былъ онъ поверхностенъ, никогда не наводилъ скуки. Его обширное разуміе какъ-будто сообщалось на ту пору слушателямъ, и, безъ малѣйшаго утомленія, онъ постепенно возводилъ ихъ къ самымъ высшимъ взглядамъ на предметы.

Въ 1802 году былъ онъ назначенъ однимъ изъ шести главныхъ инспекторовъ надъ чтеніями, а въ 1808 совѣтникомъ императорскаго университета; въ 1809 и 1810 годахъ ему поручено было преобразование академій въ Итальянскихъ областяхъ, присоединенныхъ тогда къ Французской имперіи; въ 1811 онъ осматривалъ учебныя заведенія въ Голландіи и Нижней Германіи, и наконецъ въ 1813, несмотря на протестантское его вѣроисповѣданіе, посланъ былъ въ Церковную Область для устроенія тамошнихъ училищъ по Французскому образцу. Тутъ пожаловалъ его Наполеонъ въ рекетмейстеры государственнаго совѣта. По возстановленіи Бурбоновъ, Кювье былъ назначенъ предсѣдателемъ коммисіи народнаго просвѣщенія. Вскорѣ потомъ Лудовикъ XVIII наименовалъ его и членомъ совѣта, и онъ долженъ былъ принять важное участіе въ государственномъ управленіи по званію предсѣдателя въ комитетъ внутреннихъ дѣлъ. Разумѣется, что и онъ, подобно всѣмъ своимъ товарищамъ, подвергался толкамъ и пересудамъ Парижскихъ кoterій и партій: но возможно ли, чтобъ такой человекъ, какъ Кювье, не отличался и на этомъ поприщѣ свойственнымъ ему глубокомысліемъ, чистотою намѣреній, любовію къ порядку и справедливости? Въ 1832 году нынѣшній король пожаловалъ его въ перы, и онъ нѣсколько разъ говорилъ въ палатѣ съ обыкновеннымъ своимъ краснорѣчіемъ.

Таковъ краткій обзоръ общественной его дѣятельности. Что касается до подробностей частной жизни, то для изображенія ихъ мы позволимъ себѣ заимствовать слова человека, бывшаго къ нему въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, Г. Дювернуа.

«Кювье, говоритъ онъ, никогда не бывалъ безъ дѣла; онъ не давалъ уму своему ниаго успокоенія, кромѣ какъ во снѣ; единственное отдохновеніе, которое онъ позволялъ себѣ, заключалось въ томъ, чтобъ переходить отъ одного занятія къ другому. Въ продолженіе частыхъ городскихъ выѣздовъ, пеще болѣе въ дальнихъ путешествіяхъ, онъ читалъ и даже писалъ въ каретѣ, гдѣ для большаго удобства зажигалась у него лампа. Ни одинъ авторъ не написалъ столько оригинальныхъ произведеній въ такое короткое время.

«Онъ вставалъ часу въ дсвятomъ утра, занимался съ полчаса или съ часъ до завтрака, за которымъ пробѣгалъ двѣ или три газеты, не оставляя притомъ и общаго разговора. Потомъ онъ принималъ тѣхъ, кто желалъ съ нимъ говорить, и выѣзжалъ не позже одиннадцати, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ въ государственный совѣтъ, а по средамъ и пятницамъ въ университетъ. Въ понедѣльникъ, день институтскихъ засѣданій, утро его длилось до полудня и даже до часу. Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ онъ возвращался домой обыкновенно только къ обѣду, но если пріѣзжалъ хоть четверть — часа ранѣе, немедленно садился за какое-нибудь ученое сочиненіе, прерванное наканунѣ. Изъ всѣхъ его великихъ свойствъ особенно удивляла меня эта готовность переносить такъ часто всю полноту вниманія съ одного предмета на другой.

«Обѣдалъ онъ часу въ седьмомъ, и если не выѣзжалъ вечеромъ, то удалялся тотчасъ въ свой кабинетъ и работалъ тамъ часовъ до десяти или до одиннадцати: отъ одиннадцати до двѣнадцати ему читали какую-нибудь литературную или историческую книгу.

«Такимъ образомъ онъ только по воскресеньямъ могъ

проводить цѣлый день за однимъ дѣломъ, и нельзя вообразить, сколько книгъ, дѣловыхъ записокъ, отчетовъ и историческихъ извѣстій успѣвалъ онъ писать въ этотъ день, который для многихъ составляетъ эпоху праздности и разсѣянія, и который онъ особенно посвящалъ тому, чтобы открывать передъ свѣтомъ невѣдомыхъ чудеса творенія.»

Эта умственная и многотрудная жизнь быть-можетъ и имѣла вліяніе на его здоровье; но по-крайней-мѣрѣ видъ его въ послѣдніе годы не обличалъ ни какой слабости. Должно замѣтить, что онъ еще подвергся одному изъ тѣхъ испытаній, которыя состариваютъ человека пуще лѣтъ и занятій: единственная, молодая, прекрасная и нѣжно любимая имъ дочь умерла чахоткою скоро послѣ замужества. Такой ударъ былъ слишкомъ чувствителенъ, и быть-можетъ Кювье никогда не оправлялся вполне отъ его дѣйствій. Въ расположеніи его духа, въ пріемахъ, во всей наружности, замѣтно было съ тѣхъ поръ что-то особенное. Однако жъ это не помѣшало его занятіямъ. Еще передъ самымъ началомъ послѣдней болѣзни, читалъ онъ во Французской Коллегіи прекрасную лекцію объ успѣхъ наукъ естественныхъ съ первоначальнаго образованія обществъ.

«Вести умъ человѣческой, — мы заимствуемъ собственные слова Кювье, — къ его высокому предназначенію, познанію истины; разсѣвать во всѣхъ сословіяхъ здравыя и общепользныя понятія; извлекать людей изъ подъ ига страсти и предразсудковъ, вотъ существенная цѣль науки», цѣль, которая вполне можетъ быть достигнута одними только правительствами, но которая ожидаетъ и частныхъ усилій ученаго, общая ему за то истинную славу. Погруженный въ этотъ великій предметъ, Кювье жилъ только для труда и изученія; онъ занимался имъ даже въ то время,

когда параличъ наложилъ на него свинцовую руку, и, оставивъ благородный умъ его еще нѣсколько дней неприкосновеннымъ, наконецъ тихо угасилъ въ немъ послѣдній остатокъ жизни. Кювье предался неизбѣжному закону Провидѣнія съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ обыкновенно размышлялъ о мудрыхъ предначертаніяхъ Его въ устройствѣ природы.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

СТАРЫЯ И НОВЫЯ ПОНЯТІЯ О СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

Мы навлекли на себя частые неурожаи и голодные годы единственно истощеніемъ плодородія нашей почвы, а истощили его единственно незнаніемъ того, какъ управлять почвою. То, что случилось теперь у насъ съ нашей почвой, случилось еще прежде у другихъ народовъ съ почвами ихъ отечествъ. Сосѣди наши исправили это несчастіе искусствомъ и наукой, и по ея совѣтамъ не только возвратили почвамъ своимъ плодородіе, но еще возвысили его до неслыханной прежде степени. Пора и намъ прибѣгнуть къ наукѣ, къ искусству, если не хотимъ, чтобы наша родимая земля, нѣкогда столь кроткая и щедрая, за тяжкіе труды наши дарила насъ все чаще и чаще неурожаемъ и голодомъ. Всему есть мѣра, — даже и благотѣльности природы: приходитъ наконецъ время, что и сама природа, въ гнѣвѣ своемъ за неумѣніе обходиться съ нею, прекращаетъ свои милости и становится жестокою.

Искусство, по какой бы то ни было части, не что иное какъ точныя, вѣрныя свѣдѣнія о дѣлѣ и его правилахъ, и несуклопное исполненіе на опытѣ тѣхъ же правилъ, открытыхъ просвѣщенными народами, установленныхъ вѣками, выведенныхъ изъ размышленій и опытовъ по законамъ ума и природы. Эти правила пезыблемы и постоянны. Они не происходятъ изъ мутныхъ источниковъ предубѣжденія и споровъ, волнующихъ недоумѣніями и противорѣчіями, не основываются на ложныхъ умствованіяхъ и невѣрныхъ догадкахъ, по сути отпечатки истинъ неопровержимыхъ, плоды ясныхъ и пра-

вильныхъ наведеній наблюдательности. Они повѣряются и утверждаются безпрестанно опытомъ вѣковъ и здравымъ смысломъ чловѣка. Они не зависятъ ни отъ мѣстнаго положенія, ни отъ климата, ни отъ обычаевъ и узаконеній народныхъ. Они могутъ быть исполняемы всегда, у всѣхъ народовъ, могутъ облекаться во всѣ разнообразныя виды, быть приводимы въ дѣйствіе при всѣхъ обстоятельствахъ. Правила эти, составляя по данной части полную систему истинъ и ихъ доказательствъ, приводятъ изучившаго ихъ къ тому, что именуется просвѣщеннымъ знаніемъ дѣла. Это знаніе — источникъ всякаго успѣха и усовершенствованій, первое основаніе постоянно возрастающаго изобилія и благосостоянія народнаго. Просвѣщенный ремесленникъ или торговецъ, напитанный правилами своего ремесла, съ увѣренностью принимается за производство, дѣйствуетъ не заблуждаясь, поддерживаетъ и совершенствуетъ искусство, котораго процвѣтаніе всегда неразлучно со славою и благоденствіемъ его отечества. Просвѣщенный земледѣлецъ примѣняетъ общія правила земледѣлія, основанныя на законахъ ума и природы, ко времени, мѣсту, силамъ, свойству земли и обстоятельствамъ своего народа; не разрушая кореннаго быта, онъ все улучшаетъ, исправляетъ, наводитъ на путь успѣховъ и усовершенствованія. Чѣмъ точнѣе дѣлаетъ онъ свои примѣненія, чѣмъ удачнѣе приспосабливаетъ къ дѣлу, тѣмъ важнѣйшихъ достигаетъ успѣховъ, тѣмъ обильнѣйшими вознаграждается выгодами.

Правила какого-либо дѣла, расположенныя въ связи и порядкѣ, собранныя въ одно цѣлое, имѣющее свои части, начало, средину и конецъ, называются *теоріей*, или умственнымъ знаніемъ истинъ и доказательствъ. Въ отношеніи къ изучающему теорію, она именуется *наукою*. Цѣль всякой науки, быть стѣпильникомъ въ пространной, безвѣстной, темной для начинающихъ области всякаго дѣла, озарить для нихъ путь, ведущій къ успѣху, славы и изобилію; быть нитію для выхода изъ лабиринта недоумѣній и сбивчивости, предостеречь отъ преткновеній и отъ обремененія себя и другихъ напраснымъ трудомъ надъ тою вещію, которая давно уже открыта, извѣдана и описана. Для достиженія этой

цѣли наука принимаетъ на себя видъ *наставлений* или *руководствъ*, которыя излагаютъ ея положенія.

Наставлений, или Руководствъ, можетъ быть два рода: *ученые* для просвѣщающагося юношества въ учебныхъ заведеніяхъ, и *народныя*, для людей зрѣлаго возраста, уже дѣйствующихъ на поприщѣ свѣта, но или не имѣвшихъ въ юности случая изучить предметъ своего дѣлопроизводства, или не слѣдовавшихъ, по обстоятельствамъ жизни, за успѣхами общаго образованія и усовершенствованій. Различіе обоего рода Руководствъ то, что ученое изображаетъ предметъ во всей подробности, со всеми отѣнками и умозрѣніями, языкомъ ученымъ и принятымъ въ наукѣ номенклатурою, а народное есть составъ вѣрныхъ очерковъ, основныхъ линій, правилъ точныхъ, и главныхъ, основныхъ истинъ, выраженныхъ языкомъ общеупотребительнымъ, народнымъ, рѣзко, ясно, понятно для всякаго въ тѣснѣйшей связи и порядкѣ. Руководства этого рода, предназначенныя для массъ, суть первую потребностью всякаго предпріятія на поприщѣ улучшеній, и внутреннее ихъ достоинство — лучшее мѣрило того, до какой степени совершенства возвысилась въ народѣ данная отрасль промышленности.

Какія народныя Руководства по части сельскаго хозяйства служатъ понынѣ факеломъ нашимъ земледѣльцамъ? Деревенское Зеркало? Общепародная Книга! Крестьянинъ-Скотоводъ!....

Предметы сельскаго хозяйства изложены въ нихъ безъ всякой связи и послѣдовательности, и помѣщены, особливо въ Деревенскомъ Зеркалѣ, отрывками, между повѣстями для нравоученія, пословицами, простонародными поговорками, плоскими стихами, и даже насмѣшками надъ именами и прозваніями народными. Такъ въ Деревенскомъ Зеркалѣ, вмѣстѣ съ наставленіями о паханіи, посѣвахъ, уваживаніи и домоводствѣ помѣщены сказки — о Честонѣ Малоумѣ дурномъ помѣщикѣ, сластолюбцѣ; объ управителѣ бѣдномъ офицерѣ Правдиннѣ, который «въ семилѣтнюю съ Прусаками войну довольно пошатался и посмотрѣлся въ Помераніи, Бранденбургѣ и Шлезіи по деревнямъ и мѣстечкамъ тамошняго земледѣлія, скотоводства и хозяйства, за ранами вышелъ въ отставку, и былъ опредѣленъ въ нѣкоторый городъ вое-

водскимъ товарищемъ, гдѣ воевода Кривдухинъ, хотя не стоилъ лыка, да селяне ставили его за велико, потому что онъ на воеводствѣ одинъ оралъ, какъ чортъ въ своемъ болотѣ.» Это ли наставленіе въ сельскомъ хозяйствѣ? Сочинитель начинаетъ разсказъ о Правдининѣ стихами:

Хотя и бѣденъ ты, но буди только честенъ,

Правдивъ, нелестенъ;

Безъ добродѣтели богатство не краса,

Безъ совѣсти во злѣ нѣтъ радости часа.

Далѣе «Повѣсть о разумномъ овцеводствѣ,» начинающаяся стихотвореніемъ:

Какую пользу вамъ даетъ овца, баравъ,

Суконный носите изъ шерсти ихъ кафтанъ,

Чулки, со шляпою, коты и рукавцы,

А женки съ дочерьми цвѣтныя передницы;

Изъ кожъ шьютъ шубы всѣ, спасаясь отъ хлада,

Отъ овцеводства намъ великая награда.

Статья о картофелѣ:

Картофели здоровы, вкусны,

И въ пищу ни кому не гнусны;

Всѣхъ лучше бѣлые пригодны для людей,

А красноватые коровамъ, для свиней.

Между наставленіями о пивовареніи, земляномъ строеніи, о пользѣ садовъ и овощей включены сказки о Антипѣ Кочарыгинѣ, суровомъ отцѣ и мужѣ; разсказы о Феклушиномъ красильномъ мастерствѣ, о Малашиномъ квасѣ, о Валдайской Молодкѣ, подчивающей Велеслава Честановича деревенскимъ кофеемъ и чаемъ; тутъ же о Необходимой надобности скота, и какъ его въ нужныхъ случаяхъ содержать и ему помогать; о Сельской мыловарнѣ, и прочая; даже «О томъ, что выходитъ изъ того, когда деревенскія дѣвушки знакомятся съ баричами.» Все это, конечно, очень полезно при случаѣ, но оно не спасетъ отъ неурожаевъ.

Всякой легко постигнуть, что въ памяти читателя отъ подобныхъ наставленій не остается другаго, кромѣ хаотической смѣси мыслей о правоученіи, земледѣліи, скотоводствѣ, сельской технологіи,—мыслей запутанныхъ и затмѣяющихъ истинныя понятія о самомъ дѣлѣ,—мыслей, ни сколько не содѣйствующихъ ни успѣхамъ народнаго образованія, ни усовершенію какого-либо производства. И вотъ откуда

почерпаемъ мы понятія о важнѣйшихъ предметахъ нашихъ занятій и о средствахъ умноженія доходовъ! По этимъ наставленіямъ мы не только не получили ясной идеи о лучшихъ способахъ удобрять нашу почву, но еще dokonчили разорять ее, вводя въ разныя отрасли хозяйства безпорядокъ, господствующій въ самомъ ученіи. Въ нынѣшнемъ состояніи нашего сельскаго хозяйства, первѣйшая необходимость — снабженіе его хорошими систематическими руководствами, сообразными съ настоящимъ положеніемъ этой науки въ Европѣ и искусно примѣненными въ своихъ правилахъ къ обстоятельствамъ современной Россіи.

Въ Германіи, не только по сельскому хозяйству, но и по всемъ другимъ частямъ промышленности, давно существуютъ катехизисы, заключающіе въ себѣ существенныя правила описываемаго предмета, безъ всякой примѣси сказокъ и повѣстей. Во Франціи и Англіи находится множество ручныхъ книжекъ о ремеслахъ и искусствахъ всякаго рода. Есть ручныя книжки не только для земледѣльцевъ, торговцевъ, художниковъ, но для всѣхъ почти ремесленниковъ, для кузнецовъ, слесарей, сапожниковъ, переплетчиковъ, прачекъ, и прочая. Города и села наполнены ими. Грамотные люди на досугѣ читаютъ въ нихъ точныя и систематическія наставленія, и на нихъ-то основывается то общее стремленіе къ усовершенствованіямъ и промышленной дѣятельности, которое ведетъ къ изобилію и богатству.

Полезъ народныхъ Руководствъ очевидна. Они умножаютъ массу просвѣщенія, доставляютъ государству большее число искусныхъ ремесленниковъ, торговцевъ и земледѣльцевъ. Даже просвѣщенному высшаго сословія человѣку, принимающемуся за производство какой-нибудь промышленности, всегда полезно и нужно имѣть передъ глазами кратко и ясно изложенныя правила его предмета; человѣку низшаго сословія не только нужно, но и спасительно пріобрѣтать основныя свѣдѣнія въ ремеслѣ своемъ, отъ котораго зависитъ его пропитаніе, счастье семейства и всей жизни.

Руководства по сельскому хозяйству должны быть составлены, для насъ, съ особеннымъ искусствомъ и съ лучшимъ взглядомъ на предметъ, нежели какъ доселѣ водится въ книжномъ свѣтѣ. По мнѣнію моему, сельскому хозяйству

доселъ не достаетъ ясной и полной идеи его объема, вѣрнаго и безошибочнаго опредѣленія. Область его по учебнымъ книгамъ и по руководствамъ весьма неполна, неправильно распределена и обезображена темными и сбивчивыми понятіями. Многіе Русскіе и даже иностранные писатели о сельскомъ хозяйствѣ, не только въ прошедшемъ столѣтіи, но и въ настоящемъ, понимали подъ его именемъ домоводство и домоустройство. Русскіе называли всю область домостроительствомъ, подъ которымъ разумѣли не сельскую архитектуру, но именно сельское хозяйство съ сельскими ремеслами, скотоводствомъ и домоводствомъ, отдѣляя впрочемъ его отъ земледѣлія. Уставъ С.-Петербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества говоритъ, что оно основано для поощренія «земледѣлія и домостроительства.» Иные полагали, что агрикултура (земледѣліе, земледѣльство), и агрономія (полеводство) суть все сельское хозяйство. Думали такъ же, что экономія, или бережливость, и домоустройство, или домашній порядокъ, приготовленіе запасовъ для дома, пищи и одежды, сбереженіе, скопленіе, скупничество, составляютъ истинное сельское хозяйство, хотя сельское хозяйство, въ рукахъ скупца, перѣдко погибало и разрушалось. Многіе наконецъ полагали, — и это едва ли досихъ-поръ не господствующее мнѣніе, — что отпечатокъ полноты и совершенства сельскаго хозяйства есть плодоперемѣнное полеводство, то есть, когда на поляхъ пахотныхъ производится травосѣяніе и посѣвы корнеплодныхъ овощей. Но еще очень далеко будетъ отстоять отъ совершенства сельское хозяйство, еще вовсе нельзя назвать его превосходнымъ, хотя бы оно и завело у себя плодоперемѣнность, если въ этомъ хозяйствѣ дурное скотоводство и невѣжественный присмотръ за животными; если въ немъ пренебрежено луговоеводство, лѣсоводство; если его сельскія ремесла въ младенчествѣ, не развиты, не совершенствуются и не занимаютъ рукъ въ зимнее, свободное отъ земледѣлія время; если въ его домоводствѣ безпорядокъ, и во всемъ неустройство и безотчетныя дѣйствія, — въ работахъ, занасахъ, счетоводствѣ, и т. п.

Нѣкогда стыдились называть помѣщика хорошимъ скотоводомъ, какъ-будто порядочному человѣку предосудительно

имѣть надлежащія свѣдѣнія въ такой важной отрасли сего хозяйства. Самое наставленіе о разведеніи, содержаніи и леченіи скота издано было на Русскомъ языкѣ не иначе, какъ подъ названіемъ «Крестьянинъ - Скотоводъ.» Сельскія ремесла почитались за совершенно отдѣльный предметъ отъ сельскаго хозяйства. Въ знаменитомъ твореніи Теэра о Сельскомъ Хозяйствѣ почти ничего не сказано о необходимыхъ составныхъ частяхъ полнаго хозяйства, — сельской архитектурѣ, механикѣ, технологіи. О капиталахъ сельскаго хозяйства, о событіяхъ произведеній, о запасности общественной, денежной, хлѣбной и полевой, въ прежнихъ сочиненіяхъ, кромѣ Теэрова, едвали и упоминалось, какъ о необходимой части предмета.

Даже современные писатели думаютъ, что наука Сельскаго Хозяйства не что другое, какъ одна изъ частей естествознанія; что для пріобрѣтенія познаній и искусства въ сельскомъ хозяйствѣ нужно изучать Химію, Физику, Естественную Исторію, Земледѣліе, преимущественно полеводство, и только. Изученіе скотоводства, сельскихъ ремеселъ, домоводства; управленіе домомъ, работами, крестьянами, не поставляются за необходимое и неразлучное съ образованіемъ хорошаго хозяина и управителя. На этихъ неполныхъ понятіяхъ о сельскомъ хозяйствѣ основаны были и земледѣльческія школы, и хозяйственные образцовыя заведенія, которыя слѣдственно доставляютъ изучающимъ только одностороннія и невѣрные свѣдѣнія о дѣлѣ. Что значитъ образцовая ферма безъ скотоводства, безъ лѣсоводства, безъ сельскихъ ремеселъ и полнаго домоводства? Это еще не сельское хозяйство, а обломокъ сельскаго хозяйства, игрушка прихоти, а не урокъ помѣщику. Улучшая одну часть, между тѣмъ какъ четыре или пять остальныхъ остаются въ небреженіи, онъ скорѣе разорится, нежели умножитъ свои доходы. Надобно, чтобы вся многосложная машина шла заодно и стройно, и только совокупный результатъ ея дѣйствія рѣшаетъ вопросъ о прибыли или убыткѣ.

Теэръ, въ превосходномъ по многимъ отношеніямъ твореніи своемъ, «Основанія раціональнаго Сельскаго Хозяйства», указываетъ на нѣкоторыя важныя отрасли, забытыя прежними писателями, именно, на капиталы и достоинство

помѣстья, и на управленіе работами. Но онъ имѣетъ еще неясную и неполную идею о сельскомъ хозяйствѣ, которое, по его мнѣнію, состоитъ только изъ земледѣлія и скотоводства. Онъ отдѣляетъ сельское хозяйство по-старинѣ отъ экономіи. Подъ сельскимъ хозяйствомъ разумѣетъ онъ промышленность, доставляющую доходъ отъ растительныхъ и животныхъ веществъ. Но развѣ сельскія ремесла не доставляютъ дохода? Тверскій помѣщикъ, отменно благоразумный сельскій хозяинъ, И. И. В***, получаетъ значительный доходъ, равняющійся едва ли не половинѣ полевого дохода его усадьбы, отъ мастерской своей, въ которой дѣлаются машины молотильныя и вѣяльныя, и другія земледѣльческія орудія. Многіе сельскіе хозяева получаютъ хорошій доходъ отъ псаленъ, угольного, дегтярнаго, плотническаго дѣла, и т. д. Развѣ это не отрасли сельскаго хозяйства? Самое искусство располагать усадьбу, садъ, строить домъ, скотный дворъ, сыродѣльню, ригу, амбаръ, и прочая, развѣ не содѣйствуетъ сбереженію и прибавленію доходовъ отъ земледѣлія и скотоводства?

Подъ экономіею Теэръ понимаетъ частію то, что мы называемъ одного изъ отраслей сельскаго хозяйства, домоводствомъ. Къ экономіи относитъ онъ устройство, распределение и употребленіе силъ людей и животныхъ, и счетоводство. Это нѣсколько похоже на дѣло. Но какъ же въ этотъ разрядъ включать чистыя отрасли полсводства и скотоводства, именно, отношеніе навозовъ къ кормамъ, раздѣленіе полей и сѣвообороты? Неоспоримо, что такая сбивчивость понятій вредитъ наукѣ и усовершенствованію дѣла.

Сельское хозяйство имѣетъ свои производящія силы или капиталы, и ихъ отрасли. Предложимъ полный его очеркъ.

Сельское хозяйство основывается на двухъ производительныхъ капиталахъ, — отъ природы, и отъ труда.

Капиталь отъ природы содержитъ въ себѣ источники произведеній естественные; капиталъ отъ труда раздѣляется на умственный, искусственный и механическій.

Соединеніе тѣхъ и другихъ образуетъ промышленность сельскаго хозяйства.

ВѢТВИ ЕЯ:

I. Земледѣіе	{	Землеизготовленіе	{	очищеніе земли.
		Полеводство		осушеніе.
		Луговодство.		огороженіе.
		Лѣсоводство.		землеудобреніе.
		Огородничество.		землепашество.
II. Животноводство	{	Садоводство.	{	посѣвы, сѣвообороты.
		Скотоводство		коневодство.
		Птицеводство.		крупнаго скота.
		Пчеловодство.		мелкаго.
		Рыбоводство.		скотолеченіе.
III. Сельскія ремес- ла.	{	Разведеніе шелковичныхъ червей.	{	
		Сельское домостро- ительство, архи- тектура.		расположеніе усадебъ, са- довъ и проч.
		Сельскія рукодѣлія, технологія.		сельскія строенія: дома, избы, скотные дворы, риги и проч.
		Сельскія рукомесла, механика.		приготовленіе льна, пень- ги, масла, сыра и проч.
				ткачество, пряденіе, кра- шеніе, бѣленіе.
IV. Домоводство.	{		{	плотничество.
				кузнечное дѣло.
				машинное: земледѣльче- скихъ орудій, телѣтъ, сбруи и проч.
				Дегтярное, угольное, кир- пичное.
				сбытъ.
	{		{	экономія или бережливость.
				счетоводство.
				отчетность.
				домоустройство.
				управленіе имѣніемъ, людьми и работами.
	{		{	общественная и частная запасность, заведенія доврѣя.

Вотъ изъ какого множества отдѣльныхъ частей состоитъ машина сельскаго хозяйства! Всѣ эти колеса должны вращаться вмѣстѣ и пособлять другъ другу въ безпрерывномъ движеніи.

Умѣнье дѣйствовать всѣми этими отраслями неразлучно съ процвѣтаніемъ хозяйства, съ постоянными его успѣхами и съ изобиліемъ произведеній. Незнаніе и неискусство въ какой-либо изъ первоначальныхъ, главныхъ отраслей, даже невни-

маніе, всегда отзвутся недостатками, несовершенством и ущербомъ хозяйства.

Изъ очерка, изображающаго полный его объемъ, видно, что наука Сельскаго Хозяйства почерпаетъ правила свои не только въ области наукъ естественныхъ и математическихъ, но бросаетъ корни въ науки политическія и умозрительныя, сближающія природу и человѣчество, чтобъ извлечь изъ нихъ истины глубокія, основныя, необходимыя и для пріобрѣтенія наибольшаго количества произведеній, и для управленія себѣ подобными, распоряженія ихъ трудами и собственности, сохраненія ихъ жизни и здоровья. Для этого пужны, кромѣ наукъ еще добродѣтели, нравственное влеченіе къ добру и искреннее желаніе устроить счастье трудящихся, предупредить ихъ нужды, сберечь ихъ здоровье и бодрость духа.

Наука Сельскаго Хозяйства дотрогивается до всѣхъ стихій души человѣческой, ума, воли, чувствительности и творческой силы, которая и въ этой области можетъ проявляться съ обычною возвышенностью небснаго своего начала, во всемъ блескъ и славѣ, доступной для человѣка, — именно благоденствіемъ земледѣльцевъ, богатствомъ, вкусомъ и красотою сселъ и деревень. По достоинству своихъ умственныхъ соображеній, Сельское Хозяйство неоспоримо занимаетъ почетное мѣсто въ мірѣ идеальномъ, среди наукъ, а по праву пользы общественныхъ, по вліянію на жребій человѣчества, оно помѣщается въ числѣ трехъ основныхъ силъ народнаго благоденствія, между двумя другими основными силами, ремесленною и торговою. И эти три силы связаны между собою тѣснѣйшими узами: онѣ находятся во взаимной зависимости, и совокупно изливаютъ дѣйствіе свое на цвѣтущее состояніе государствъ. При равномъ усовершенствованіи, онѣ упрочиваютъ могущество, независимость, богатство и славу народовъ.

Неисчислимую пользу отечеству принесло бы то общество любителей сельскаго хозяйства, которое, между прочими занятіями, постановило бы цѣлю трудовъ своихъ — составленіе отдѣльных, дешевыхъ, народныхъ книжскъ, или Руководствъ, для народнаго чтенія, о каждой изъ сорока вѣтвей, означенныхъ въ очеркѣ, который мы предложили.

Тогда, какъ журналы сообщали бы намъ свѣдѣнія о современныхъ сельскихъ трудахъ и открытіяхъ людей просвѣщенныхъ у насъ и у другихъ народовъ, указывая путь къ шествию паряду съ вѣкомъ и наукою, эти народныя наставленія служили бы постояннымъ и обильнымъ запасомъ хорошихъ правилъ производства для всѣхъ возрастовъ Русскаго земледѣльческаго класса. Но въ этомъ предпріятіи одно изъ важнѣйшихъ условій — ясность и вѣрность опредѣленій: иначе, вмѣсто пользы, сочиненія этого рода только усугубятъ тѣ недоразумѣнія, въ которыя уже ввергли Русскую земледѣльческую публику несообразныя названія вещей проповѣдуемыхъ нашими отечественными учителями. Мы коснемся здѣсь только одного изъ подобныхъ названій. Что значить «Плодоперемѣнное сельское хозяйство» или «Плодоперемѣнное земледѣліе», о которомъ толкуютъ намъ непрерывно и советуютъ заводить вмѣсто трехпольнаго? Что такое разумѣютъ подъ именемъ хозяйства трехпольнаго? Къ чему жъ наконецъ должны мы, земледѣльцы, отпести рѣшительно слово «плодоперемѣнный», — къ земледѣлію, одной изъ главныхъ отраслей сельскаго хозяйства, или къ самому сельскому хозяйству?

Ни къ тому, ни къ другому. Въдъ представленный нами очеркъ всѣхъ частей промышленности сельскаго хозяйства показываетъ, что она состоитъ изъ четырехъ главныхъ отраслей, подраздѣляемыхъ на многочисленныя вѣтви, именно изъ земледѣлія, животноводства, сельскихъ ремеслъ и домоводства. Такъ, если называть, въ подражаніе Нѣмецкому Fruchtwechselwirthschaft, цѣлую промышленность сельскаго хозяйства плодотеремѣнною, выйдетъ, что и каждая изъ ея отраслей должна быть плодотеремѣнна. Но плодотеремѣнное животноводство, плодотеремѣнныя ремесла, домоводство — явная несообразность! Что жъ, одному ли земледѣлію служить этотъ эпитетъ? Французы подошли ближе къ истинѣ, однако жъ и они несправедливо называютъ земледѣліе плодотеремѣннымъ, culture alterne. Земледѣліе, какъ мы видѣли, заключаетъ въ себѣ — полеводство, землепашество (labourage) и обстомененіе полей нахотныхъ, да сверхъ того зсмензготовленіе, луговоеводство, лѣсоводство, саговоеводство и огородишчество. Можно ли пещись, по правиламъ плодотер-

ремениности о землеизготовлении, луговоеводство, лесоводство, садоводство? Также явная несообразность! Изъ всего земледѣія, плодоперемѣнными могутъ быть только двѣ его вѣтви,—полеводство и огородничество. На поляхъ пахотныхъ и на грядахъ властны мы высѣвать попеременно различныя растенія и смѣнять другъ друга въ извѣстномъ, систематическомъ порядкѣ. Идея плодоперемѣнности заключается именно въ перемѣнѣ очереди посѣва разнородныхъ произрастеній на одной и той же землѣ. Отъ этой перемѣны земля отдыхаетъ, не гуляя, и не лишается своего плодородія столь быстро, какъ отъ непрерывнаго посѣва однихъ и тѣхъ же зерновыхъ или однородныхъ растеній, или отъ такъ называемаго трехпольнаго хозяйства, которое тоже смѣшно и сбивчиво именуется трехпольнымъ. Въ плодоперемѣнной системѣ сѣвооборотъ очень часто ограничивается тремя полями, и наоборотъ, въ нашемъ обыкновенномъ полеводствѣ, которому исключительно приписываютъ имя трехпольнаго, нерѣдко бываетъ четыре, пять и шесть полей. Объяснимъ это.

Если послѣ злаковъ (колосовыхъ хлѣбовъ) будутъ слѣдовать злаки, а корнеплодные растенія, — картофель, морковь и другія, или кормовыя, — горошекъ, трилистникъ (клеверъ), полевая тарига, — или широколиственные, — гречиха, капуста, и прочая, — или стручковые, какъ горохъ, конскій бобъ; а говоря о полномъ сѣвооборотѣ, если между колосовыми хлѣбами помѣстятся кормовыя растенія, потомъ корнеплодные, за ними опять колосовыя, за ними широколиственные, какія-нибудь красильныя, лекарственныя и т. п., смѣняя другъ друга ежегодно, тогда совершается правило плодоперемѣнности, будь оно на грядахъ или на поляхъ пахотныхъ. Такое полеводство и огородничество называется плодоперемѣннымъ. Эта система не зависитъ ни отъ числа грядъ и полей, ни отъ ихъ обширности, ни отъ глубины растительнаго слоя. Она требуетъ искусной, умной, благотворной для прозябанія очереди въ посѣвѣ разнородныхъ произрастеній. Характеръ и сущность плодоперемѣненія исчезаетъ немедленно, какъ скоро за злаками (колосовыми хлѣбами) послѣдуютъ злаки, за травами травы, за масляными масляныя растенія, за корнеплодными корнеплод-

ния и хозяйство превращается въ наше обыкновенное полеводство, которое всего приличнѣе назвать *зерновымъ*, такъ какъ оно на пахотныхъ поляхъ производитъ одніе зерновые растенія. Сельское хозяйство можетъ имѣть пять, шесть, десять и болѣе полей, заставляемыхъ разными растеніями, злаками, кормовыми травами, корнеплодными овощами, но безъ плодосрѣменной очереди поспѣвовъ. Такое полеводство будетъ многопольное, но не плодосрѣменное; оно перѣдко представляетъ смѣсь обѣихъ системъ, и иногда удачную. Словомъ, отъ числа полей не зависитъ ни плодосрѣменность, ни зерновое хлебопашество.

Законъ плодосрѣменности, одно изъ прекраснѣйшихъ и важнѣйшихъ открытій ума человѣческаго выведенъ изъ основнаго закона природы,—безпрестаннаго измѣненія и возобновленія формъ всеобщей жизни вселенной. Минувшее бываетъ одинъ разъ, и никогда снова не возникаетъ. То же самое животное, дѣрево, растеніе, окончивъ періодъ свой, никогда снова не возраждаются изъ своего праха, на которомъ тотчасъ воздвигается и цвѣтеть быть другихъ созданий. Сущность всеобщей жизни — безконечное круговращательное движеніе, чтобъ давать слѣдующимъ новымъ существамъ участокъ бытія и дѣйствія. Ни какое изъ этихъ существъ не питается собственнымъ своимъ веществомъ: все что живеть, звѣри и растенія, пожираетъ другія живущія тѣла, но всегда различныя порождою отъ своего, и въ этомъ грабительствѣ чужаго бытія обнаруживаетъ еще прихоти и вкусы, предпочитая для своей пищи одни роды добычи другимъ. По прекраснымъ наблюденіямъ Дескардолья, растенія испускаютъ изъ себя изверженія такъ же какъ и животныя: почва насыщается ими въ теченіе лѣта, и растеніе той же породы не можетъ на другой годъ жить успѣшно на остаткахъ существъ своего племени, ни усваивать себѣ изринутыя ими частицы; тогда какъ существа совершенно другой растительной породы готовы съ жадностью вбирать ихъ въ себя. Нынче всякій просвѣщенный земледѣлецъ знаетъ, что поспѣянный одинакій хлѣбъ по хлѣбу родится худъ,—рожь по ржи, пшеница по пшеницѣ,—развѣ только при помощи ежегоднаго обильнаго удобренія. Вѣдь извѣстно также, что злаки имѣютъ каждый своихъ

особыхъ спутниковъ и товарищей между сорными травами. Травы, родящіяся съ овсами, сурьпица, полевая тарига и другія, не родятся съ рожью, съ которою любятъ родиться горошки, клонецъ, метла, костерь. Наконецъ замѣчено, что самые злаки, какъ-будто въдаютъ свою очередь, любятъ или отвращаются произрастать одни послѣ другихъ. Нарушеніе этой очереди, предписанной самою природою, навлекаетъ всегда неурожай. Такъ послѣ пшеницы и ржи хорошо родятся ячмень, овесъ; но пшеница, рожь, послѣ овса и ячменя навѣрное не удадутся. Равнымъ образомъ, послѣ картофеля, конскихъ бобовъ, любятъ родиться ячмень и овесъ, но не любятъ расти рожь. Напротивъ того послѣ гречихи рожь родится превосходно, а послѣ трилистника не столь хорошо. Всякое озимое послѣ гороха родится худо, но если послѣ гороха посѣется яровое и потомъ озимое, то озимое родится лучше, нежели прямо послѣ гороха. Самое трехпольное полеводство не совсѣмъ уклоняется отъ всеобщаго закона природы, измѣненія. Въ немъ послѣ одной породы колосоваго хлѣба поступаетъ на ту же землю колосовой же хлѣбъ, но другой породы; первостепенный колосовой хлѣбъ помѣщается послѣ второстепеннаго не произвольно, но по необходимости. Наконецъ послѣ злаковъ всегда бываетъ перелогъ, или паръ, на которомъ растутъ совершенно иныя породы растеній, именно травы, а не злаки. Прежнее хозяйство добродушно полагало, что земля подъ этими травами отдыхаетъ; пынѣшнее напротивъ удостовѣрилось, что она такъ же работаетъ подъ ними, какъ и подъ хлѣбами озимымъ и яровымъ, а только посѣвъ злаковъ послѣ сорныхъ травъ пара не соответствуетъ естественной и самой удобной очереди растеній. Такъ, плодопременность существуетъ и въ обыкновенномъ трехпольномъ полеводствѣ: оно дурно, невѣжественно, вредно, изнурительно, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ, и это обстоятельство доказываетъ еще яснѣе несообразность названій, нынѣ употребляемыхъ въ наукѣ Сельскаго Хозяйства, и хаосъ, который производятъ они въ основныхъ понятіяхъ о дѣлѣ.

Трехпольное хозяйство, какъ мы уже сказали, правильнѣе должно именовать зерновымъ полеводствомъ, принявъ названіе отъ свойствъ и сущности этого производства, доставляю-

шаго только зерновые хлѣба, а не отъ наружнаго вида полей и формы полевовъ. Форма можетъ измѣняться до безконечности, а сущность постоянно остается одна и та же. Такъ на почвѣ песчаной, требующей сжатія, по причинѣ излишней своей рыхлости, Старицкій помѣщикъ Д. Я. Ртищевъ, весьма искусный и прозорливый сельскій хозяинъ, давно учредилъ въ селѣ своемъ Глуховѣ, двѣнадцати-польное полсводство, но зерновое же: онъ имѣетъ, какъ и всѣ трехпольные полеводцы, нѣсколько полсъ озимыхъ, нѣсколько яровыхъ и два паровыхъ, безъ травостянія и посева въ полѣ корнеплодныхъ овощей. Два паровыя поля, на второмъ изъ которыхъ скотъ пасется цѣлое лѣто и даже ночью, весьма полезны при его песчаной почвѣ тѣмъ, что земля послѣ двугодоваго пара становится плотнѣе, утаптываемая стадами; дѣлается плодороднѣе, зарастаетъ гуще сорными травами, — жаль, что не кормовыми: впрочемъ эти травы на песчаной почвѣ не столь вредны, какъ на глинистой; онѣ весьма скоро перепрѣваютъ послѣ взмета, не затрудняютъ паханія, и нѣкоторымъ образомъ служатъ подсобнымъ зеленымъ удобреніемъ почвѣ.

Въ этомъ примѣрѣ форма полеводства измѣнилась, но сущность осталась та же, именно осталось то же направленіе полеводства къ добыванію только колосовыхъ, зерновыхъ хлѣбовъ.

Многіе думаютъ по пынѣшней неопредѣленности идей и названій въ наукѣ Сельскаго Хозяйства, что число полей рѣшастъ все въ зсмѣдѣліи; что отъ измѣненія числа ихъ измѣняется и сущность полеводства. Если кто имѣетъ четыре, пять, шесть, и такъ далѣе полсъ, тому ужъ кажется, будто онъ производитъ не зерновое полеводство, а плодоперемѣнное. Онъ ошибается. Иные опять думаютъ, что четырехпольное есть верхъ совершенства всѣхъ полеводствъ. Совершеннѣйшее полеводство то, которое наилучше приспособлено къ той отрасли мѣстнаго сельскаго хозяйства, которая доставляетъ высшій доходъ безъ изнуренія плодородія почвы. Если ввсдсны овцеводство, коневодство, или посевъ масляныхъ, корнеплодныхъ и красивыхъ растений, и отъ нихъ есть хорошій доходъ, то къ нимъ именно должно быть принаровлено и полеводство: оно на столько полей и должно дѣлиться, сколько потребно для успешнаго

дѣлопроизводства и улучшенія воздѣлываемой отрасли. Знаменитый сельскій хозяинъ въ Швейцаріи Феленбергъ имѣлъ только два поля, и получалъ высокій доходъ: одно поле унавоживалось и засѣвалось корнеплодными овощами и огородными, другое послѣ того пшеницей, и такъ далѣе, ежегодно. Столько-то умѣлъ онъ углубить и удобрить растительный слой своего поля, что оно не нуждалось въ отдыхѣ ни отъ пара, ни отъ многообразнаго плодоперемѣненія. По увѣренію одного просвѣщеннаго сельскаго хозяина въ Старницкомъ уѣздѣ, князя И. С. М^{***}, нѣкогда графъ Брюсъ, на дачѣ подъ Петербургомъ, имѣлъ также два поля, одно овощное, другое съ пшеницей, для которыхъ извлекалъ онъ удобреніе изъ столицы. Двухпольное полеводство есть по крайней-мѣрѣ верхъ совершенства; а судя по нашей номенклатурѣ, оно должно бы казаться еще скуднѣе нашего трехпольнаго, которое впередъ мы всегда будемъ называть *зерновымъ*.

Скажутъ, можетъ-быть, иные, — зачѣмъ заноситься далеко, изыскивать, добиваться до утонченныхъ различій, до точныхъ опредѣленій и безспорной терминологіи? Пахать землю, разводить животныхъ, отдыхать послѣ трудовъ и наслаждаться ихъ плодами, можно и безъ вѣрныхъ названій. Согласенъ. Но вспомнимъ, въ какія заблужденія перѣдко увлекали людскіе односторонность и трудъ эмпирической, наглядный, несоединенный съ ясными и опредѣлительными идеями? О какіе ничтожные камни недоразумѣній сокрушались самыя похвальныя и настойчивыя усилія мужей благонамѣреннѣйшихъ, единственно отъ того, что они не имѣли случая заранѣе составить себѣ точныхъ и методическихъ понятій о дѣлѣ? Тѣмъ строже и осторожнѣе должно поступать, когда наука, еще неизвѣстная народу, вводится въ его отечество, гдѣ ей суждено бороться со старинными привычками и предубѣжденіями, съ непонятливостью враговъ всего новаго и съ опрометчивою пылкостью любителей всего мало извѣстнаго. Темная и запутанная идея всегда отразится запутаннымъ и нелѣпымъ дѣломъ. И наоборотъ, дѣло безъ идеи ясной, трудъ наудачу безъ цѣли и плана, необходимо превратится въ хаосъ смѣшанныхъ дѣйствій, иногда вѣрныхъ по предчувствію, но тѣмъ не менѣе ошибочныхъ, отъ которыхъ страдаютъ семейства и цѣлыя поколѣнія народовъ.

Д. ШЕЛЕХОВЪ.

V.

КРИТИКА.

=

Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное по повелѣнію Государя Императора Николая I, на военномъ шлюпѣ «Сенявинъ» въ 1826—1829 годахъ, флота капитаномъ Ѳеодоромъ Литке. Отдѣленіе историческое. Части I и II. Санктпетербургъ, 1834—1835.

Появленіе Европейской книги въ нашей Литературѣ есть такое событіе, которое, подобно кометамъ, стоитъ того, чтобы всѣ объ немъ заговорили: будь мы нѣсколько болѣе суевѣрны, мы бы готовы были спросить — что такое предзнаменуетъ книга, лежащая теперь передъ нами? Дай Богъ, чтобы она предзнаменовала урожайное лѣто!

Сочиненіе капитана Литке принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя читаются съ удовольствіемъ на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, — а на Русскомъ языкѣ, и Русскими, съ сугубымъ удовольствіемъ. Это — едва ли не первое въ нашей литературѣ Путешествіе, которое важности ученаго наблюденія умѣло придать полную занимательность и одушевленіе настоящаго «Путешествія». Авторъ съ большей разборчивостью устранилъ техническія подробности въ другіе отдѣлы книги, и сперва излагаетъ исторію странствованія и наблюденій экспедиціи, надъ которою онъ начальствовалъ. Это живая, разнообразная и любопытная повѣсть о приключеніяхъ на пути вокругъ свѣта, движущаяся панорама видовъ, народовъ и правовъ, рассказъ очевидца внимательнаго и просвѣщеннаго, который знаетъ, какъ надобно рассказывать образованнымъ слушателямъ, — не повторяетъ того, что должно быть всѣмъ извѣстно, и между-тѣмъ не пропускаетъ ни одной черты, разительной отбѣняющей описываемые

предметы; словомъ, который знаетъ, въ чемъ дѣло, и притомъ всегда готовъ, для удовольствія читателей, мысленно пускающихся съ нимъ въ дальнія стороны, дать своимъ очеркамъ особенную выпуклость кстати сдѣланнымъ сближеніемъ, или живописно освѣтить ихъ блестящимъ замѣчаніемъ.

Шлюпъ Сенявинъ, выстроенный нарочно для этой экспедиціи, отправился изъ Кронштада въ концѣ августа 1826 года. Кромѣ начальника экспедиціи, *Θ. П. Литке*, и еще семи офицеровъ, на шлюпъ были *Г. докторъ Мертенсъ*, въ званіи естествоиспытателя, *Г. адъютантъ-профессоръ Постельсъ*, въ званіи минералога и рисовальщика, и Прусской службы отставной капитанъ, баронъ *Китлицъ*, дѣятельно помогавшій имъ обоимъ. Сенявину назначено было идти въ колоніи Россійско-Американской Компаніи, вмѣстѣ съ другимъ шлюпомъ, *Моллеръ*, и, отдѣлившись отъ него тамъ, заняться въ лѣтніе мѣсяцы описаніемъ Земли Чукчей и Коряковъ, полуострова Камчатки, береговъ Охотскаго Моря и Шантарскихъ Острововъ, а зимою, въ тропическихъ странахъ, осмотрѣть на пути къ югу то мѣсто, гдѣ на новѣйшихъ Англійскихъ картахъ нанесены съ Японской карты острова *Бонинъ-Сима*, и потомъ изслѣдовать *Каролинскій Архипелагъ* во всемъ его пространствѣ.

Вѣтры не благопріятствовали экспедиціи до такой степени, что только черезъ полгода по выступленіи ея въ море достигла она южной оконечности Америки, увидѣла Мысъ Горнъ, и потомъ въ девятнадцать дней обогнула Огненную Землю.

«Погода во все это время продолжалась сырая и холодная; туманъ, мелкій дождь, снѣгъ, градъ смѣнялись между собою; горизонтъ очищался весьма рѣдко, а солнце показывалось сквозь мракъ на одно только мгновеніе; термометръ *Реоморовъ* стоялъ обыкновенно между 2° и 4° тепла. Со всемъ тѣмъ положеніе наше было весьма сносно; мы ни

въ чемъ не пуждались; продолжительныхъ бурь не имѣли вовсе, а топившаяся съ утра до вечера въ жилой палубѣ печь сохраняла людей и отъ холода и отъ сырости. Я зябъ болѣе другихъ, ибо въ каютѣ моей термометръ не поднимался выше 5° и 6°. Въ Петербургѣ при такой температурѣ въ комнатахъ казалось бы невозможнымъ жить; но мнѣ не препятствовала она даже продолжать всендневныхъ работъ моихъ. Давно замѣчено, что такія вещи, которыхъ въ обыкновенной городской жизни опасаются какъ производящихъ болѣзни, въ морскихъ путешествіяхъ переносятся и легче и безъ всякихъ вредныхъ для здоровья слѣдствій. Напримѣръ сквозной вѣтеръ: сколько катарровъ, ревматизмовъ приписываются сквозному вѣтру! Мы живемъ вѣкъ на этомъ нечетномъ вѣтрѣ, не подозрѣвая и существованія его, или лучше сказать, мы не знаемъ иного вѣтра кромѣ сквознаго, и все-таки не удостоиваемъ его права гражданства между 32-мя другими. Приписываютъ это соленымъ частицамъ содержаемымъ въ морскомъ воздухѣ, равномерной температурѣ его днемъ и ночью, и многимъ другимъ вещамъ: не оспаривая вліянія всѣхъ этихъ причинъ, думаю я однако же, что не менѣе всѣхъ ихъ дѣйствуетъ и то, что мы себя,—волей или неволей,—не пѣжимъ; и притомъ ведемъ жизнь правильную и умѣренную.

«Весьма свѣжіе западные вѣтры, съ огромнѣйшею зыбью, быстро несли насъ къ сѣверу; наконецъ 27 февраля въ широтѣ 45¹/₂°, достигли мы предѣловъ прибрежнаго муссона. Погода съ каждымъ часомъ становилась теплѣе, море покойнѣе, небо яснѣе, все означало вступленіе наше въ климатъ благословенный. Мы прабили прямо къ Губѣ Зачатія (Conception). Третьяго марта разстояніе наше до ближайшаго берега по численію было только восемь миль, но густой туманъ скрывалъ его. Ночью туманъ разсѣлся, а разсвѣтъ явилъ намъ зрѣлище неописаннаго величія и прелести: зубчатая, съ острыми пиками цѣпь Андозъ рѣзко окраевалась на небесной лазури, первыми лучами солнца озаренной! Не буду умножать числа тѣхъ, которые терялись въ тицтнхъ усиліяхъ передать другимъ чувства свои при первомъ видѣ подобныхъ картинъ природы. Онѣ неизъяснимы, подобно великолѣпію самаго зрѣлища. Переливы цвѣтовъ, постепен-

ное освѣщеніе облаковъ и неба съ возвышеніемъ солнца, неподражаемо прелестны. Къ сожалѣнію, зрѣлище, какъ все въ высокой степени изящное въ природѣ, было испро-должительно: съ увеличеніемъ массы свѣта въ атмосферѣ огромный исполинъ, казалось, погружался въ бездну, а воз-шедшее солнце сгладило и слѣды его.»

Этотъ быстрый переходъ отъ туманной и холодной сырости полярнаго климата къ умереннымъ широтамъ за-Американскихъ водъ внушаетъ автору замѣчаніе, котораго справедливость съ удовольствіемъ подтвер-дить воображеніе всякаго, переплывавшаго моря.

«Мореходцы часто говорятъ весьма различно о странахъ, ими посѣщаемыхъ. Одну и ту же землю одинъ описываетъ плодородною, другой безплодною, одинъ богатою, другой бѣдною. Это зависитъ сколько отъ обстоятельствъ, въ ка-кихъ мореходецъ пристаетъ къ какой либо землѣ, — обстоя-тельствъ, которыя бываютъ чрезвычайно различны, столько и отъ того, что переходы ихъ изъ страны въ страну, изъ климата въ климатъ, бываютъ чрезвычайно быстры: пере-плывая океанъ, раздѣляющій два свѣта, дѣлаетъ онъ, такъ сказать, скачокъ изъ одного въ другой; онъ какъ-будто за-сыпаетъ въ одномъ и просыпается въ другомъ; ни что не наполняетъ пустоты между ими. Онъ усматриваетъ новую страну тогда, какъ впечатлѣнія оставленные прежнею со-храняются еще во всей свѣжести; и большій или меньшій контрастъ между обѣими необходимо имѣетъ вліяніе на за-ключеніе, которое онъ дѣлаетъ о каждой. Такимъ образомъ мореплаватели, приходившіе въ Губу Зачатія отъ сѣвера, гдѣ зрѣніе утомляется смотря на безпрѣдѣльную черту без-плоднаго, песчанаго берега, какъ-будто сотвореннаго приро-дою не для жительства человека, но единственно въ защи-ту отъ устремляющейся на него водной бездны, находили берега Губы Зачатія смѣющимися, богатыми; напротивъ то-го, намъ, въ воображеніи которыхъ утѣшные берега остро-вовъ Фалкландскихъ и свирѣпство Южнаго Океана не мо-гли еще изгладить впечатлѣній оставленныхъ прелестною, богатою, роскошною природою Бразиліи, показались бере-га эти довольно бѣдными.»

Не только въ этомъ, но и въ другихъ отношеніяхъ морскія путешествія производятъ надъ странникомъ, приближающимся къ отдаленнымъ землямъ, впечатлѣнія, болѣе похожія на дѣйствіе игры свѣта, нежели присутствія дѣйствительности. Удаленіе всего, кромѣ безпредметнаго пространства, пока человѣкъ въ морѣ, дѣлаетъ для него время, проводимое среди водъ и облаковъ, какъ-бы изъятіемъ изъ порядка жизни: это родъ снობодрствованія на яву; бытіе его кажется прерваннымъ; онъ находится въ пустотѣ, отдѣляющей прошедшее отъ будущности, и оставленной настоящимъ, которое улетѣло. Внезапное появленіе незнаемыхъ береговъ, новой природы, новыхъ народовъ и нравовъ, вдругъ отбрасываетъ его, сквозь всю эту пустоту, къ тому, что онъ оставилъ въ землѣ, откуда выѣхалъ; предстоящіе предметы, наполняя зрѣніе, сильно сталкиваются въ умъ его съ представленіями прошедшаго, и это минута одного изъ любопытнѣйшихъ душевныхъ явленій. Счастливъ тотъ, въ чьей головѣ столкновеніе это высѣчетъ яркую искру свѣта: въ большей части головъ оно производитъ темноту и мгновенное замѣшательство, во время котораго ускользаетъ изъ нихъ первый, настоящій взглядъ на предметы, — и съ тѣхъ поръ эти головы ничего уже не видятъ, или видятъ все ложно, въ странѣ, гдѣ очутились.

Изъ Губы Зачатія, Сенявинъ отправился вслѣдъ за товарищемъ въ Вальпарайзо, нозасталъ его уже опять вступающимъ подъ паруса. Здѣсь обратили на себя вниманіе автора quebradas, или горныя разсѣлины, унизанныя домиками, въ которыхъ помѣщается большая часть Вальпарайзскихъ жителей. Надо имѣть особенную привычку, чтобъ взбираться на эти утесистыя крутизны по узкимъ и извилистымъ тропинкамъ, которыя заступаютъ здѣсь мѣсто улицъ. Отсюда путешественники наши ѣздили въ плодоносную Кильот-

скую Долину, справедливо называемую садомъ Чили: на обратномъ пути они заблудились, и только ночью достигли предмѣстія Вальпарайзо, Альмендраля.

«Съ воображеніемъ, наполненнымъ сытнымъ ужиномъ и мягкими постелями, ѣхали мы тихо по улицамъ Альмендраля, какъ вдругъ останавливаетъ насъ ночной стражъ, и велитъ спѣшиться. Не постигая причины такого притязанія, отговариваемся мы, протестуемъ, но все тщетно; обязанные повиноваться, тащимъ мы, въ недоумѣніи, усталыхъ клячъ своихъ за собою до большой площади, гдѣ намъ все объясняется. Былъ великій четвергъ; отъ этого дня до страстной субботы не позволено здѣсь, подъ великимъ штрафомъ, ни верхомъ ѣздить, ни пѣть, ни играть на инструментахъ, ни даже ходить въ шляпѣ. Всякое дѣло, всякая работа, всякое увеселеніе строго въ эти дни запрещается. Пригорокъ посреди города, на которомъ стоитъ театръ, обращается на это время въ Голгоу. Посреди огороженнаго щитами пространства, возвышается крестъ съ изображеніемъ Спасителя; предъ нимъ множество цвѣтовъ и свѣчей; по обѣ стороны женскія фигуры на колѣнахъ, изображающія свидѣтельница страстей нашего Спасителя. Передъ этимъ мѣстомъ набожныя души приходили смывать грѣхи свои, — я замѣтилъ только грѣшницъ, но ни одного грѣшника; большая часть изъ нихъ были конечно твердо увѣрены въ полученіи благодати, ибо на пути шутили, смѣялись, и только приближаясь къ этому, мѣсту принимали видъ смиренный, преклоняли колѣна на нѣсколько минутъ, — потомъ продолжали путь съ прежними шутками и смѣхомъ. Въ это время появились въ продажѣ, какъ у насъ, окрашенные лйца, изъ обсахареннаго тѣста сдѣланные святыя, которыхъ вамъ называютъ поименно; и между ими странныя фигуры подбочившіяся и въ шутовскихъ шапкахъ, которыхъ называли *Russianos*. Кажется, что въ Демонологіи Чилианъ записанъ мы мѣсто чародѣевъ или черпюкнижниковъ. Г-жа Грагамъ слышала отъ одной старушки о множествѣ чудесъ совершенныхъ мѣстными святыми противу замысловъ еретиковъ, и въ особенности *Russianos*. Мы съ трудомъ попали въ ту же ночь на шлюпъ, потому что даже и лодкамъ не позволяется отплывать отъ берега. Но тутъ ожидалъ

меня еще непріятный сюрпризъ, именно, что и вся приготовленная для насъ провізія подпала всеобщему запрещенію, и не можетъ быть къ намъ доставлена никакъ прежде субботы вечера. Мы потеряли такимъ образомъ еще два дни, но пособить этому не было ни какой возможности.

«Изготовивши совершенно шлюпъ къ морю, отправилъ я въ субботу по утру всѣ гребныя суда на берегъ, чтобы тотчасъ по снятіи всеобщаго ареста начать перевозку припасовъ. Около полудня пушечные выстрѣлы съ крѣпости возвѣстили наконецъ о вождельной минутѣ; фейерверки зажглись со всѣхъ сторонъ; мертвая тишина смѣнилась безпримѣрнымъ движеніемъ. Домъ всякаго православнаго обращается въ это время въ эшафотъ или висѣлицу, на которыхъ предатель Іуда подвергается заслуженной казни въ тысячи видахъ. Здѣсь виситъ онъ вверхъ ногами, тутъ побивается камнями; тотъ рубитъ ему голову, другой его разстрѣливаетъ. Море не отстаётъ отъ суши: суда стоявшія дотолъ съ отопленными реями и полуспущенными флагами (обыкновенный знакъ траура на корабляхъ) мгновенно разсвѣщаются; на одномъ Іуду купаютъ съ бугшприта, на другомъ сожигаютъ, заставляя извергать пламя изъ всѣхъ отверзтій, и прочая.»

Разсказъ автора живо напоминаетъ намъ набожныя этого рода казни, происходящія въ Испаніи, гдѣ въ великую пятницу народъ, подъ предводительствомъ монаховъ, торжественно выводитъ чучело Іуды за городъ, и въшааетъ его съ ярлыкомъ на груди, на которомъ бывають прописаны разныя его преступленія. Нѣкоторыя изъ этихъ надписей весьма любопытны и забавны. Іуда, повѣшенный въ 1825 году въ Толедѣ, былъ украшенъ огромнымъ ярлыкомъ слѣдующаго содержанія: «Казненъ онъ, воръ Іуда, по приговору славнаго «города Толеды, за то, что онъ предалъ Спасителя; «за то, что онъ занимался чернокнижіемъ; за то, что «онъ жилъ въ дружбѣ съ чортомъ, и прочая, и прочая, — «*у porchè era el capo de los albanniles y de los liberales,* — «за то, что онъ былъ глава франмасоновъ и либераловъ.»

Капитанъ Литке сообщаетъ много любопытнаго о политическомъ состояніи Чили, и заключаетъ обзоръ этого края характеристическими чертами туземныхъ нравовъ.

«Въ пребываніе наше въ Альмендралъ, пользовались мы въ свободныя отъ работъ минуты тихими лунными ночами, которыхъ прелесть въ Чили превосходитъ всякое описаніе, и, въ прогулки эти, мѣшались въ толпы веселящагося народа. Невзирая на страстную недѣлю, *Пульперии* были всегда наполнены: на всякомъ шагу музыка, пѣнье и пляски. Первая состоитъ обыкновенно изъ трехъ инструментовъ: арфы грубой работы, на которой почти всегда играетъ дама; гитары, ничѣмъ не отличающейся отъ обыкновенныхъ, на которой однако жъ играютъ какъ на нашихъ балалайкахъ; и барабана, на которомъ бьютъ ладонями въ тактъ: мѣсто его заступаетъ иногда резонансъ той же самой арфы, иногда лукочко, и все, что издаетъ глухой звукъ; иногда къ этимъ инструментамъ присоединяется гремушка, — жестяной цилиндръ, наполненный камешками или горохомъ, которымъ весьма искусно производятъ трещащій звукъ. Все вмѣстѣ составляетъ весьма недурной эффектъ. Оркестръ этотъ сопровождается всегда вокальною музыкою; всѣ четыре виртуоза изъ всей силы поютъ ту же пѣсню, — жещины обыкновенно фистулою. Мы слышали одну и ту же мелодію всегда и вездѣ; она весьма пріятна, имѣетъ постоянную и точную трехчетвертную такту, которой музыканты никогда не теряютъ. Плясуны (обыкновенно одна только пара; мнѣ никогда не случилось видѣть болѣе) становятся другъ противъ друга; дама, закинувъ свой шерстяной платокъ на плечо, Чилено въ шляпѣ, съ сигаркой въ зубахъ. Нѣсколько минутъ продолжается прелюдія на инструментахъ. Вмѣстѣ съ вокальною музыкою начинается пляска, обыкновенно тѣмъ, что дама топнеть правою ногой и скачкомъ въ лѣво поворачивается кругомъ; потомъ танцоры то сходятся, то расходятся, а въ полустрофахъ обращаются другъ около друга; нѣ дамы походить на Русское; движенія ея такъ же граціозны, какъ въ Русской пляскѣ; кавалеры или очень скоро барабанить ногами, или дѣлаетъ нѣ подобное казацкому. Дама обыкновенно имѣетъ въ правой

рукъ платокъ, которымъ плавно помахиваетъ; кавалеръ или подбочается или держитъ руки въ карманѣ. Съ окончаніемъ куплета плясуны останавливаются; слѣдуетъ за этимъ прелюдія, потомъ пѣніе, и начало пляски попрежнему. Одна и таже пара дѣлаетъ ту же фигуру разъ десять и болѣе. Иногда они вмѣстѣ сходятъ со сцены, иногда смѣняются по одиначкѣ; но сцена рѣдко остается незапятою. Пристрастіе ихъ къ этой пляскѣ необыкновенно: они смотрятъ на нее по цѣлымъ часамъ, не сходя съ мѣста.

«Трудно вообразить себѣ что-нибудь *выразительнѣе* пляски Чилинъ, которые однако же умѣютъ соединить съ ней нѣкоторую систематическую пристойность: только-что пляска кончилась, и плясунъ и плясунья принимаютъ на себя прежній степенный видъ.»

Изъ Вальпорайзо, Сенявинъ отправился прямо въ Ново-Архангельскъ. Замѣчанія автора объ этой небольшой, но важной крѣпости и о колоніяхъ Россійско-Американской Компаніи вообще составляютъ одну изъ любопытнѣйшихъ главъ книги. Видъ благоустроеннаго городка въ этой живописно-дикой и безмолвной пустынѣ производитъ самое пріятное впечатлѣніе. Въ Ново-Архангельскѣ, кромѣ укрѣпленія и церкви, есть большой домъ для главнаго правителя колоній, окруженный полисадомъ, съ башнею и баттареею, на которыхъ поставлено тридцать два орудія; есть арсеналь, казармы для служителей, дома для помѣщенія чиновниковъ, больница съ аптекою, бани, магазины, лавки, училище на тридцать мальчиковъ; наконецъ адмиралтейство, мастерскія и гавань съ молою. Число жителей, Русскихъ, Креоловъ и Алеутовъ, простирается до восьми сотъ человѣкъ. Погода здѣсь обыкновенно сырая, пасмурная, *осенняя*, но вообще довольно теплая. Въ январѣ термометръ рѣдко опускается ниже 10 градусовъ холода; въ февралѣ цвѣтетъ ужъ малина, и въ маѣ обыкновенно созрѣваетъ; однако жъ случается, что и въ апрѣль бываетъ 4 градуса мороза.

Недостатокъ подножнаго корма и всегдашняя сырость, которая губить скошеную траву, препятствуетъ разведенію рогатаго скота. Содержаніе восьми или десяти головъ стоитъ здѣсь тысячу рублей въ годъ и болѣе, такъ что мясная пища въ большую рѣдкость, и кромѣ начальника колоній всѣ ѣдятъ одну рыбу; только въ большіе праздники выдаютъ служителямъ по полуфунту мяса на cadaго.

«Содержаніе домашнихъ птицъ также стоитъ дорого; и сверхъ-того разведенію ихъ есть еще и другое препятствіе, — множество и необыкновенная хищность воронъ, хватающихъ не только цыплятъ, но и большихъ куръ, только-что они покажутся на волѣ. Ихъ стрѣляютъ безпрестанно, но это ни числа ихъ, ни смѣлости, не уменьшаетъ. Свинымъ приносятъ онѣ только частный ущербъ: гоняясь за ними, отклеиваютъ имъ хвосты, отъ чего въ Ново-Архангельскѣ всѣ свиньи безхвостыя. Но разоряя хозяйства, эти хищницы приносятъ и нѣкоторую пользу: все выброшенное на улицу вмигъ ими разносится и очищается, что и доставило имъ прозваніе *Ново-Архангельской полиціи*.»

Не эта ли склонность ихъ благочинно подама Коллюжамъ поводъ къ обоготворенію ворона? Извѣстно, что туземцы Сѣверо-западной Америки называются въ нашихъ колоніяхъ общимъ именемъ Колошъ, или Коллюжъ. Наружность всѣхъ этихъ народовъ, какъ и сходство ихъ въ образъ жизни и обрядахъ, дѣлаютъ весьма правдоподобнымъ, что они принадлежатъ къ одному и тому же племени. Авторъ сообщаетъ объ нихъ много чрезвычайно любопытныхъ подробностей, изъ которыхъ мы приведемъ здѣсь главныя черты.

«Все воспитаніе Колоша съ самаго рожденія направлено къ тому, чтобы окрѣпить тѣло его противу всякихъ страданій. Съ пакинутымъ на одно плечо шерстянымъ одѣяломъ не замѣчаетъ онъ, кажется, ни вѣтра, ни дождя, ни холода; еслижъ озлѣбнетъ, то раздѣвается до-нага, и садится на нѣсколько минутъ въ воду. Случалось встрѣчать Колошъ зимою, въ лѣсу, спящихъ около огня и не подозревающихъ,

что одинъ бокъ ихъ чуть не жарится, между - тѣмъ какъ другой покрытъ инеемъ. Въ битвѣ они смѣлы, презираютъ смерть, не показывая однако жъ того равнодушія къ жизни какъ Камчадалы, Алсуы и жители Кадьяка, которые прежде при всякомъ маловажнѣйшемъ поводѣ, или даже просто отъ скуки, готовы были повѣстися или утопиться. Самоубійство между ними совсѣмъ неизвѣстно; нѣтъ примѣра, чтобы даже невольникъ лишилъ себя жизни.

«Колоши характера флегматическаго и въ домашнемъ быту лѣнны. Между-тѣмъ какъ жены ихъ отправляютъ всѣ домашнія работы, готовятъ упрощенную рыбу, носятъ дрова, воду, кору древесную, и прочая. Колошъ, если для снисканія пищи не обязанъ идти на охоту или рыбную ловлю, предпочитаетъ лежать весь день въ своемъ шалашѣ, или на пескѣ на берегу моря, или сидѣть на корточкахъ сложа руки и завернувшись въ одеяло.

«Одна отличительная черта характера Колошъ есть тщеславіе. Показать Колошу презрѣніе, значитъ сдѣлать его себѣ врагомъ; напротивъ нѣкоторое вниманіе, маленькія угожденія его самолюбію, суть вѣрнѣйшія средства снискать его дружбу. Сотня ружей не могла бы порадовать ихъ столько, какъ подаренные таіонамъ Русскіе мундиры. Они въ нихъ важничаютъ самымъ комическимъ образомъ; при торжественныхъ случаяхъ облакаются однако жъ въ національное свое одѣяніе, изъ выдѣланныхъ оленьихъ кожъ (ровдугъ), которое и красивѣе и къ лицу ихъ болѣе идетъ, нежели куцые наши мундиры. Въ такомъ нарядѣ явился онъ, на примѣръ, на праздникъ, который я имъ далъ на Сенявинѣ, предъ отправленіемъ нашимъ въ море. Таіоны съ ихъ женами были приглашены въ каюту, остальные угощаются на верху, что съ помощію толмача предварительно уже было устроено такъ, чтобы не оскорбить ничьего самолюбія. Грогъ и каша изъ сорочинскаго пшена съ патокою составляли обыкновенное угощеніе. Двумъ или тремъ главнымъ даны были тарелки въ предположеніи, что другіе довольные будутъ расположиться вмѣстѣ около миски; но они едва этимъ не обидѣлись и ни одинъ не принимался за лакомство, какого выше они не знаютъ, покуда не были розданы всѣмъ полные приборы. Послѣ этого бесѣ-

довали мы о обоюдной пользѣ сохранять взаимное дружба, и т. п. Жены ихъ одарены были пронизками, ленточками, зеркальцами, также съ соблюденіемъ строгаго этикета. Шумная и дикая пляска заключила праздникъ.»

Одну изъ достопримѣчательностей того края составляетъ пловучій, или выкидной лѣсъ, который при тамошнемъ недостаткѣ въ этой необходимой потребности ловится жителями съ величайшимъ тщаніемъ. Англійскій капитанъ, Бичи, бывшій здѣсь незадолго до этой экспедиціи, замѣтилъ въ числѣ плавающихъ деревь только ель и березу, и изъ этого обстоятельства вывелъ заключеніе, что пловучій лѣсъ идетъ сюда не съ юга, а выносятся рѣками изъ внутренности Америки. Но это предположеніе отнюдь не объясняетъ появленія камфорныхъ, кипарисныхъ и другихъ душистыхъ деревь, выкидываемыхъ по берегамъ Акуна, Саннаха и Уналашки, какъ удостоверяетъ капитанъ Литке.

Въ Сентябрѣ 1827 года экспедиція прибыла въ Петропавловскій Портъ, и изготовивъ судно къ зимней кампаніи, отправилась на югъ къ острову Юалану, восточнѣйшему въ Каролинскомъ Архипелагѣ, гдѣ капитанъ Литке предположилъ производить опыты надъ маятникомъ, пользуясь удобствами безопасной пристани Кокиль. Французскій капитанъ, Дюперрѣ, бывшій здѣсь въ 1824 году на суднѣ своего имени, первый ознакомилъ Европейцевъ съ островомъ Юаланомъ. Необыкновенная кротость и дикая любезность здѣшнихъ жителей произвели въ нашихъ путешественникахъ самое пріятное впечатлѣніе.

«На берегу видно было нѣсколько домовъ и во многихъ мѣстахъ дымъ; но къ удивленію нашему во все утро не показывалась ни одна лодка; наконецъ около полдня увидѣли одну, шедшую съ восточной стороны острова. Въ ней было четыре человека, изъ коихъ двое пожилыхъ сидѣли по срединѣ, на нѣкотораго рода платформѣ, и не гребли. Они безостановочно пристали къ шлюпу, произнося без-

престанно протяжнымъ голосомъ — Уэ...! и по первому приглашенію одинъ изъ старшихъ, а потомъ одинъ за другимъ и остальные, безъ обиняковъ взошли на судно. Начались предлинныя рассказы, изъ которыхъ мы очень ясно поняли только то, что они приглашали насъ на берегъ, гдѣ можно спать, гдѣ много кокосовъ и женщинъ, изъясняя послѣднее весьма не двусмысленнымъ образомъ. Гости наши весьма непринужденно сѣли въ кружокъ на палубу, разговаривали, смѣялись, часто вытягивая свое — Уэ! По непринужденному обращенію ихъ сейчасъ было видно, что судно наше уже не первое, ими посѣщенное. Болѣе всего удивленіе ихъ возбуждалъ цвѣтъ нашего тѣла; они часто сравнивали его со своимъ, и показывали, что ихъ тѣло чернѣе отъ солнца. Они можетъ-быть долго бы у насъ пробѣждовали, если-бъ лодка ихъ не оторвалась. Это прекратило бесѣду; и они отправились, повидимому довольные новымъ знакомствомъ. Мы видѣли какъ они встрѣтились съ другою лодкою, съ той же стороны къ намъ ѣхавшею. На этой, кромѣ двухъ гребцовъ, былъ одинъ только, и также пожилой, чловѣкъ, который, приставъ къ борту, съ большею горячію, скоро, много и громко говорилъ, повторяя часто слово *Юрось* (означающее, какъ мы послѣ узнали, начальника), показывая на островъ и на уѣхавшую лодку. Немногіе промежутки его патетической рѣчи наполнялись забавнымъ — Уэ! Промѣнявъ съ полдюжины кокосовыхъ орѣховъ на нѣсколько пуговицъ, оставилъ онъ насъ, не переставая говорить и не внимая приглашеніямъ нашимъ взойти на судно. Вслѣдъ за нимъ пріѣхала третья лодка съ двумя чловѣками, которые, получивъ бусъ и пуговицъ за орѣхи, черезъ нѣсколько минутъ отправились домой.

«Ночь была тихая и дождливая. Поутру (24) увидѣли, что теченіе отнесло насъ миль на двѣнадцать отъ берега, въ какомъ разстояніи безвѣтріе заставило насъ пробыть весь день, и потому гостей не ожидали; однако жъ въ четвертомъ часу пріѣхали къ намъ три лодки. На одной изъ нихъ былъ молодой чловѣкъ, на котораго всѣ указывали, говоря — *Юрось*. Посѣтители взошли на судно, не показывая ни какого безпокойства, кромѣ молодаго юрося, называвшагося *Не-на*, который или держался за меня, или требовалъ, чтобы

я былъ возлѣ него. Подарки принимали они съ обыкновеннымъ — Уэ.....! не обнаруживая однако жъ безмѣрной радости, часто замѣчаемой въ дикаряхъ. Въ свитѣ *Нены* былъ одинъ молодой человекъ *Оа*, отличавшійся необыкновенною смышленностью; онъ съ первой минуты сталъ примѣняться къ нашимъ обычаямъ, не хотѣлъ иначе сидѣть какъ на стулѣ, плевать иначе какъ въ песочницу, и даже, кашлянувъ разъ на палубѣ, хотѣлъ для того бѣжать внизъ, и т. п. Непринужденная, однако жъ ни сколько не шумная веселость этихъ людей была чрезвычайно привлекательна; довѣренность, съ которою они мѣшались между нами, доказывала чистоту и ихъ намѣреній; новые предметы натурально привлекали ихъ вниманіе; они показывали необыкновенное въ дикихъ здравомысліе: каждой вещи старались узнать употребленіе; фортепіано имъ понравилось, но не произвело ни какихъ кривляній, напротивъ того, *Оа* тотчасъ подвинулъ стулъ, и сталъ аккомпанировать игравшему; потомъ поднялъ сукно и старался узнать, какъ инструментъ сдѣланъ. Кузница гдѣ въ то самое время производилась работа, причинила нѣсколько длинныхъ — Уэ....! *Оа* тотчасъ понялъ, что дѣлаютъ ножъ, и спросилъ, не для него ли. Всѣ вели себя съ удивительною пристойностію; не было ни конючепья, ни докучливости, и (на этотъ разъ) ни малѣйшаго слѣда, почти между всѣми племенами Южнаго Моря, общаго порока воровства. Словомъ, они весьма выгодно отличались отъ всѣхъ народовъ этой части свѣта, изъ описаній намъ извѣстныхъ; даже отъ Радакцевъ. *Нсна* отличался передъ всѣми большею пристойностію и нѣкоторою важностію обращенія; но также и особенною трусostí. Онъ иначе не ходилъ по судну какъ держась за меня; провести его мимо кузницы стоило мнѣ не малаго труда; внезапный звонъ колокольчика привелъ его въ содроганіе, однако жъ послѣ онъ имъ забавлялся. Онъ пожелалъ узнать, что за вещь зрительная труба, и я поставя ее на фокусъ, хотѣлъ ему показать въ нее его жилище; однако жъ одно приготовленіе его перепугало: онъ едва ртышился въ нее взглянуть, и просилъ, чтобы я ее скорѣй положилъ въ сторону; кажется, что онъ зрительную трубу принялъ за ружье или что-нибудь подобное.»

Когда капитанъ Литке дѣлалъ свои наблюденія, его окружала толпа островитянъ: они то слѣдовали глазами за каждымъ его движеніемъ, то болтали и смѣялись, но ни одинъ не отважился переступить за черту, нарочно обведенную около палатки. Увидѣвъ что-нибудь, возбуждавшее ихъ удивленіе, они часто вскрикивали: *Le sacre comment!* Это странное междометіе осталось почти единственнымъ памятникомъ пребыванія здѣсь капитана Дюперрѣ, котораго они не помнили даже и имени.

«Однимъ изъ постояннѣйшихъ посѣтителей нашихъ на берегу, былъ добрый нашъ сосѣдъ *Каки*, который регулярно cadaго утра приносилъ намъ печеныхъ хлѣбнаго дерева плодовъ и, кажется, не въ ожиданіи возмездія. Однажды привезъ онъ съ собою сына, мальчика лѣтъ четырехъ, который, сидя на спинѣ его верхомъ, боялся меня конечно болѣе, нежели у насъ мальчикъ того-же возраста бонлся трубочника или арапа. Когда я къ нему приблизился, то онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, визжалъ изъ всей мочи. Страненъ или страшенъ бываетъ всегда цвѣтъ кожи противоположный нашему. Какой-то черный царь сказалъ про посла одного изъ Европейскихъ королей: «Правда, что онъ имѣетъ сходство съ человекомъ, но былъ какъ чортъ.» Цвѣтъ тѣла Англійскаго путешественника Денгама былъ до такой степени противенъ женщинамъ одного города внутри Африки, что одинъ взглядъ на него причинялъ имъ припадки тошноты.

«Мы, съ своей стороны, могли подумать, что дамы Юанскія убѣгаютъ насъ, опасаясь такихъ же припадковъ. Совершенное ихъ отсутствіе насъ изумляло. Онъ не только не показывались къ намъ, но и въ ближайшихъ селеніяхъ нигдѣ не встрѣчались, такъ, что можно было подумать, что всѣ онѣ усланы куда-нибудь внутрь острова, хотя это не согласовалось ни съ довѣренностію жителей къ намъ, ни съ пантомимами первыхъ посѣтителей.....

«Разсади старшинъ по чинамъ въ палаткѣ, велѣлъ я внести съ торжествомъ сокровища, назначенныя имъ за отысканіе украденныхъ у насъ вещей, на cadaго по топору, рубашкѣ съ запискою, и зеркалу, чтобы они скорѣе могли

имѣть удовольствіе видѣть великолѣпное свое убранство. Они были въ восхищеніи, и *Сине*, въ восторгѣ, снялъ съ себя и на меня надѣлъ ожерелье свое изъ сухой травы, которое однакоже такъ сильно терло опаленную солнцемъ шею мою, что я не могъ продержатъ его на себѣ ни минуты. Послѣ нѣсколькихъ словъ объявили они желаніе ѣхать на плюпъ, чтобы показать *Сигирь*, который у насъ еще не былъ, юрся *Николая* (портретъ Государя Императора). Возвратясь оттуда застали они насъ за обѣдомъ, въ которомъ не отказались взять участія. За столомъ *Сине* вздумалось помѣняться именами съ Г. Ратмановымъ,—первый примѣръ съ нами этого общаго въ Южномъ Морѣ обыкновенія. Тотчасъ и другіе того же захотѣли, и на мою долю пришелся пріятель мой *Нена*. Онъ вышелъ изъ палатки, и объявилъ толпѣ, что онъ отнынѣ юрся *Лишке*, а что *Нена* сидитъ въ палаткѣ; народъ изъявилъ свое одобреніе длиннымъ—Уэ!.....»

Оставивъ Юаланъ, капитанъ Литке тщетно старался отыскать Островъ Мусграва, Св. Августина и два другіе островка, означенные на картахъ Арро-Смита въ широтѣ 5° и долготѣ 199°, какъ вдругъ около того мѣста, гдѣ пересѣкаются пути Томсона, Дюперрѣ и нѣсколькихъ другихъ мореплавателей, и гдѣ поѣтому нельзя было ожидать ни какого новаго открытія, путешественники увидѣли передъ собою землю, которой значительная высота поразила ихъ тѣмъ болѣе, что весь почти Каролинскій Архипелагъ состоитъ изъ низменныхъ коралловыхъ группъ и рифовъ. Нашъ мореплаватель скромно приписываетъ эту неожиданную находку счастливой удачѣ, говоря, что отнюдь не должно смѣшивать случайнаго открытія съ отысканіемъ, основаннымъ на расчетахъ и соображеніяхъ. Въ этомъ смыслѣ, разсуждаетъ онъ весьма спрavedливо, Колумбъ отыскалъ Острова Маркиза Мевдозы, Новые Гебриды и многіе другіе; но важнѣйшее егообрѣтеніе — Сандвичевы Острова, принадлежатъ къ числу нечаянныхъ открытій.

«Густыя кокосовыя рощи и дымъ во многихъ мѣстахъ свидѣтельствовали о населеніи острова. Вскорѣ стали показываться изъ-за сѣверной оконечности, одна за другою, лодки подъ парусами; которыхъ наконецъ набралось около насъ до сорока, различныхъ величинъ; большія содержали по четырнадцати человѣкъ, меньшія по два. Они издали начинали уже пѣть изъ всѣхъ силъ, плясать, дѣлать разныя движенія головой и руками. Къ борту приставали они охотно, на судно же взойти на силу могъ я упросить только одного, приманивъ его пожемъ. Лица дикія, съ выраженіемъ недовѣрчивости, большіе налитые кровью глаза, возня и неутомимость этихъ островитянъ, сдѣлали весьма непріятное впечатлѣніе на насъ, забывшихъ еще кроткаго, пристойнаго обращенія друзей нашихъ на Юаланѣ, отъ которыхъ они отличались только же языкомъ, какъ и паружнымъ видомъ. Пробывъ въ шумной толпѣ этой до полудня, наполнили мы паруса и легли вдоль южнаго берега острова къ западу. Мало-по-малу всѣ лодки отъ насъ отстали. Одинъ только островитянинъ, державшійся на борту судна, не хотѣлъ насъ оставить, невзирая на успія наши объяснить ему, что мы отъ его лодки удаляемся. Причина такой непостижимой пѣжноты скоро объяснилась: выждавъ, какъ я, съ безпечностію, къ которой пріучили насъ добрые Юаланцы, подошелъ къ нему близко, уцѣпился онъ за секстантъ, которымъ я готовился дѣлать наблюденія, и съ зверскимъ остервененіемъ силится его у меня вырвать. Дерзость его была такъ неожиданна, что стоявшіе возлѣ меня матросы не вдругъ спохватились мнѣ помочь, и я, нрѣзавъ только руки о край инструмента, могъ его спасти отъ дикаря, который, послѣ неудачи, нырнулъ въ воду какъ тюлень, и поплылъ къ своимъ лодкамъ.»

Какъ ни лестно для Русскаго ученаго мореплавателя открытіе высокихъ земель тамъ, гдѣ всѣ другіе моряки встрѣчали только коралловые архипелаги, или ничего не встрѣчали, но должно согласиться, что Г. Литке открылъ для Географовъ весьма неучтивыхъ людей. Они даже не пустили его на берегъ, взбѣсившись за то, что онъ открылъ ихъ, и бухту, въ

которой шлюпъ Сенявинъ тщетно старался бросить якорь, Г. Литке принужденъ былъ назвать «Портомъ Дурнаго Приема.» Лейтенантъ Завалишинъ, посланный для отысканія якорнаго мѣста, едва-было не сдѣлался жертвою ихъ свирѣпости, не говоря уже о томъ, что дерзкой привязчивостью отнимали они всякую возможность заниматься описными работами.

Главный островъ, который туземцы именовали Пый-нипетомъ, одинъ принадлежитъ къ разряду земель высокихъ: онъ окруженъ съ сѣверной и южной стороны двумя группами низменныхъ островковъ, и вмѣстѣ съ ними получилъ отъ экспедиціи общее названіе—«Островъ Сенявина». Они лежатъ подъ 7° сѣверной широты и 202° западной долготы отъ Гринвича. Пый-нипетъ имѣетъ семьдесятъ пять верстъ въ окружности, и высочайшій пунктъ его возвышается почти на 450 сажень надъ водою. Этой горѣ капитанъ Литке далъ названіе «Монте-Санто», въ память мѣста побѣды, одержанной надъ Турками знаменитымъ адмираломъ, придавшимъ имя свое шлюпу. Авторъ полагаетъ, что на немъ около двухъ тысячъ жителей,—населенность для тѣхъ краевъ весьма значительная. Они вообще высоки ростомъ, лице у нихъ широкое, носъ сплюснутый, губы толстыя, глаза на выкатъ съ выраженіемъ звѣрства и недовѣрія; ихъ веселье близко къ буйству и неистовству; всѣ движенія показываютъ ловкость и отвагу: словомъ, это совершенная противоположность смиренныхъ Юаланцевъ. Замѣчательно, что путешественники нашли здѣсь собаку,—животное, которое почитали неизвѣстнымъ въ Каролинскомъ Архипелагѣ: она была чрезвычайно дика, и хотя въ послѣдствіи привыкла къ экипажу, однако жъ для всѣхъ другихъ сохранила хитрую злость своихъ прежнихъ хозяевъ.

Открытые молодцы однимъ своимъ именемъ наводятъ ужасъ на островитянъ ближайшихъ группъ, гдѣ

боятся ихъ какъ Римлянъ и удивляются имъ какъ Финикянамъ. Они, въ самомъ дѣлѣ, превосходятъ соседей своихъ и воинскою смѣлостью, и ремесленнымъ гениемъ: туземцы Лугунорской группы возымѣли высокое понятіе о храбрости Русскихъ, видя, что они побывавъ у Пыйнипетцевъ, снесли свои головы; каждая вещьца, — дротики, пращи, и т. п., купленная путешественниками у этихъ странныхъ и необыкновенныхъ людей, приводила Лугунорцевъ въ удивленіе, и они даже были увѣрены, что и мебель краснаго дерева, восхищавшая ихъ своей полировкой, и другіе предметы Европейскаго искусства, видѣнные ими на шлюпѣ, сдѣланы непременно на Пыйнипетѣ. Они рассказывали автору, что въ обрѣтенной имъ группѣ есть одинъ островъ, котораго жители рѣшительные людоеды, и добрый его дикій пріятель, Эбунгъ, очень живописно объяснялъ ему знаками, какъ эти хищники рѣжутъ и ѣдятъ человѣка, изъясняя съ своей стороны величайшее отвращеніе къ этой отрасли гастрономіи. «Вопиственныя или, лучше сказать, буйныя Пыйнипетцы, замѣчаетъ Г. Литке, играютъ между этимъ и незадорнымъ народомъ такую же роль, какъ жители Фиджи на архипелагѣ Острововъ Дружескихъ.» Движимый чувствомъ благородной кротости и почитая человѣка даже въ каннибалѣ, онъ не захотѣлъ проливать ихъ крови, чтобы купить себѣ ея цѣною удовольствіе погулять безопасно по ихъ негостепріимному берегу, и позволилъ только пугать ихъ, въ крайности, холостыми зарядами. Такое поведеніе приноситъ величайшую честь и личному характеру Г. Литке, и имени Русскому. Мореплаватели другихъ народовъ конечно не были бы такъ человѣколюбивы, хотя и благоволятъ называть насъ иногда «варварами.»

Такъ какъ ужъ зашла рѣчь о Фиджи и Дружескихъ Островахъ, о людоедахъ и человѣколюбцахъ, то мы поз-

волимъ себѣ едѣлать одно замѣчаніе на недогадливость отличнаго моряка нашего: надобно было, хоть въ шутку, предложить Ныйнипетцамъ, завести съ ними торгъ сандалнымъ деревомъ на томъ же основаніи, на какомъ командиры кораблей Выеконочтенной Остъ-Индской Компаніи ведутъ его съ туземцами Дружескихъ Острововъ, — и они бѣ мигомъ стали лучшими его друзьями! Вы не знаете, добродушные Русскіе читатели, — вѣрно не знаете того, какъ торгуютъ сандаломъ? Вы и не догадываетесь, чего стоитъ каждый кусокъ этого красиваго и дорогаго дерева, изъ котораго сдѣланы смычки вашихъ скрипокъ и чудныя готическія игрушки, украшающія еголки нѣжныхъ еунругъ и любовницъ вашихъ. Каждый кусокъ этого дерева купленъ на вѣсь человѣческаго мяса!.... О, это такъ любопытно, такъ человѣколюбиво, такъ образованно, что мы въ состояніи оставить на время занимательное путешествіе Русскаго шлюпа, и разсказать вамъ кой-какія тайны всемірной торговли и образцоваго проевѣщенія.

Остъ-Индской службы капитанъ, Диллонъ, — тотъ самый, который открылъ едѣдъ судьбы Лаперуза, и котораго открытіемъ воспользовался Французскій капитанъ Дюрвилль, составившій себѣ съ тѣхъ поръ громкое имя, — не обинуясь разсказываетъ въ своемъ Путешествіи *, что самъ онъ, Диллонъ, участвовалъ многократно въ этихъ ужасныхъ экспедиціяхъ на Дружескіе Острова для мѣны битыхъ людей на сандалное дерево. Компанія посылаетъ туда большія судна, вооруженныя по образцу военныхъ кораблей, и политика ея едди-карями состоитъ въ томъ, чтобы задобрять ихъ себѣ,

* Narrative and successful result of a voyage in the South Seas, performed by order of the Government of British India to ascertain the actual fate of La Pérouse's expedition, etc., by the Chev. Captain Dillon, London, 1850.

помогая имъ въ междоусобицахъ войнахъ одного острова съ другимъ и поощряя ихъ усердіе къ взаимному истребленію и канибализму. Одинъ залпъ Англійскою картечью устилаетъ весь берегъ трунами враговъ того поколѣнія, съ которымъ судно заключило оборонительный и наступательный трактатъ, и, за эту услугу, получаетъ оно отъ своихъ союзниковъ грузъ сандалу, по столько-то колодъ за каждое непріятельское тѣло. Въ 1809 году, говоритъ Диллонъ, бывшій тогда младшимъ лейтенантомъ на суднѣ *The Hunter* подъ начальствомъ капитана Робсона, Англичане взяли нѣсколькихъ *живыхъ* плѣнниковъ, и сдали ихъ своимъ пріятелямъ: эти несчастные были тотчасъ разрѣзаны, сжарены въ печахъ, и съѣдены торжественно; а въ другой разъ, въ 1815, торжество это происходило даже при глазахъ — самого капитана Робсона!

Но этотъ общій очеркъ еще не даетъ точнаго понятія о существѣ сандалной торговли: надобно взять описаніе одного какого-нибудь случая.

Въ одномъ набѣгѣ дикарей острова Виліръ на соседній островъ, капитанъ Робсонъ съ цѣлымъ своимъ экипажемъ, — Г. Диллонъ былъ тутъ же, — присоединился къ нимъ на нѣсколькихъ вооруженныхъ лодкахъ. Они взяли съ собой одинъ фальконетъ. Благодаря умнымъ мѣрамъ Англійскаго начальника, туземцы, принадлежавшіе къ враждебному поколѣнію, были безпощадно избиты, посадки и плантаціи ихъ разрушены въ одно мгновеніе, и тѣла ихъ, сложенные въ лодкахъ Остъ-Индской Компаніи, отправлены на парусахъ союзникамъ на пожраніе, разумѣется, послѣ надлежащаго ихъ изготовленія, которое Г. Диллонъ самъ свидѣтельствовалъ, *oculis fidelibus*. Онъ сохранилъ даже рецептъ этого стряпанія, и ручается въ его вѣрности. «Тѣла были положены въ рядъ на травѣ, и взрѣзаны жрецами: сперва отскли поги,

разбивая каждую на три части, по суставамъ; потомъ genitalia; далѣе руки, также разбивая каждую по частямъ; наконецъ головы. Затѣмъ связали каждый сортъ членовъ особо, чтобы вышли *пучки* (блюда) стопъ, голеней, кистей, и т. д.; завернули каждый пучекъ въ пальмовый листъ, и сжарили съ таро (мѣстнымъ картофелемъ) въ хлѣбной печкѣ. »

Несмотря на столь знаменитую услугу, оказанную Вилеарскимъ туземцамъ, капитанъ Робсонъ, который, по словамъ Диллона, «сто разъ набивалъ ихъ желудки плотью враговъ ихъ,» былъ обманутъ неблагодарными! Они не доставили ему полного, по условію, груза сандалу, отговариваясь тѣмъ, что будто-бы лѣса ихъ уже истреблены. Эта несостоятельность людоедовъ подала поводъ къ нападенію на ихъ лодки, въ которомъ Англичане убили одного человѣка. Островитяне отплатили своимъ мясникамъ по-людоедски. Часть экипажа, въ томъ числѣ и Г. Дилмонъ, отправились на берегъ рубить сандалъ насильственно: они попали на засаду, и Вилірцы почти всѣхъ ихъ передушили. Въ живыхъ остались только Дилмонъ и пять человѣкъ команды, спасшіеся на неприступный утесъ, который къ счастію былъ такъ высокъ, что дротики и пращи дикарей туда не долетали. Здѣсь они защищались пальбою изъ ружьевъ. Командовалъ Г. Дилмонъ, потому что старшій лейтенантъ былъ убитъ.

«Равнина, окружавшая скалу, говоритъ онъ, была покрыта вооруженными дикарями, которые собрались со всего берега, въ числѣ пѣсколькихъ тысячъ, — всѣ, кто только былъ въ засадѣ. Она теперь представляла отвратительное зрѣлище. Приготовляли огни, и топили печи для труповъ нашихъ злополучныхъ товарищей, которыхъ, равно какъ Боускихъ старшинъ и ихъ убитыхъ людей, принесли слѣдующимъ образомъ. Двое Вилірцевъ взяли по палкѣ на плеча, и перекинули черезъ нихъ тѣла своихъ жертвъ, такъ, что съ одной стороны метались ноги, съ другой головы.

Они торжественно притащили ихъ къ приготовленнымъ печамъ, и посадили, а прочіе дикари начали пѣть и плясать, и пробивали пулями сидящіе трупы, разряжая въ нихъ наши ружья, — потому что оружіе убитыхъ было все въ ихъ рукахъ. Только совершился этотъ обрядъ, жрецы начали взрѣзывать и разсѣкать несчастныхъ. Мясо ихъ тотчасъ клали въ печи для приготовленія пира побѣдителямъ, а насъ между-тѣмъ тщательно стерегли со всѣхъ сторонъ, кромѣ обращенной къ густому лѣсу, который тянулся по берегамъ рѣки. Чарльзъ Севеджъ предлагалъ Мертцу Бушарту бѣжать въ ту сторону, и, достигнувъ берега, пуститься вплавъ къ кораблю. Я не позволялъ этого, угрожая застрѣлить перваго, кто тронется съ утеса, и на этотъ разъ угроза моя подѣйствовала. Между-тѣмъ ярость дикихъ поутихла, и они стали внимательно выслушивать наши увѣщанія. Я напомнилъ имъ, что восьмеро ихъ плѣнныхъ содержатся еще на корабль, что въ числѣ ихъ есть *Нембитей*, или великій жрецъ, братъ Вилирскаго верховнаго жреца, и что если они умертвятъ насъ, эти плѣнные будутъ повѣшены; если же отпустятъ меня съ пятерыми товарищами, мы сейчасъ освободимъ ихъ одноплемениковъ. Верховный жрецъ, котораго они считаютъ за божество, спросилъ меня, правду ли я говорю, и точно ли живы братья его и семеро другихъ. Я увѣрялъ его, что живы, и предлагалъ послать отъ себя человѣка къ капитану, чтобы ихъ отпустили, если онъ самъ проводитъ посланнаго сквозь толпу до самой лодки: жрецъ тотчасъ на это согласился. Такъ какъ Томасъ Дефини былъ раненъ и безоруженъ, я уговорилъ его идти съ жрецомъ. Онъ долженъ былъ извѣстить капитана Робсона о нашемъ ужасномъ положеніи, и настоятельно просить его отъ меня, чтобы освободили съ корабля половину плѣнныхъ и показали имъ большой ящикъ стального товару, китовыхъ зубовъ, и прочаго, съ увѣреніемъ, что отпустить все это вмѣстѣ съ четырью остальными плѣнными, какъ сторо мы будемъ на палубѣ.

«Человѣкъ отправился, и я не терялъ его изъ виду, пока онъ взошелъ на палубу. Между-тѣмъ непріязненные дѣйствія на-время прекратились, и спокойствіе могло бы не быть нарушено, если бы неосторожность Чарльза Севеджа

не подала къ тому такого повода, противъ котораго людоды никакъ не могли устоять. Многіе старшины вѣззали на утесъ и приближались къ намъ на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ съ изъявленіями пріязни и обѣтомъ совершенной безопасности, если мы спустимся къ нимъ. Я не соглашался на эти предложенія, и не позволялъ итти людямъ, пока Севеджъ, который жилъ на этихъ островахъ болѣе пяти лѣтъ и бѣгло говорилъ по-туземному, не присталъ ко мнѣ, отпустить его къ старшинамъ, не сомнѣваясь, что они сдержатъ слово, и надѣясь выговорить всѣмъ намъ миръ и свободу. Онъ упрасивалъ меня до того, что я наконецъ согласился, но сказалъ ему, что какъ онъ дѣлаетъ это противъ моей воли, то долженъ оставить ружье и снарядъ. Онъ исполнилъ, и отошелъ сажень на сто отъ утеса туда, гдѣ сидѣлъ Бонесеръ, пачальникъ поколѣнія, окруженный старшинами, которые очень обрадовались гостю, потому что замыслили убить его и съѣсть. Однако жъ они поговорили съ нимъ нѣсколько времени, и потомъ закричали мнѣ по-своему: «Сойди къ намъ, Питеръ, мы тебѣ ничего не сдѣлаемъ: видишь, мы вѣдь ничего не сдѣлали Чарльзу!» Я отвѣчалъ, что не сойду, пока не привезутъ плѣнныхъ. Во время этихъ переговоровъ, Китаецъ нашъ, Лунсъ, спустился украдкою съ неизвѣстной мнѣ стороны утеса, чтобы отдаться подъ покровительство одного старшины, котораго онъ коротко зналъ и которому оказалъ въ прежнія войны важную услугу. Островитяне, видя, что не могутъ завлечь меня въ свои сѣти, вдругъ подняли страшный визгъ: въ ту же минуту схватили они Севеджа за ноги, и шестеро держали его головою въ водѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ весь затекъ кровью, — отъ этого мясо бываетъ нежнѣе, — а къ Лунсу подкрался пресильный дикарь, и огромной дубиною раздробилъ ему верхнюю часть черепа. Чуть-ли еще не заживо изрубили этихъ несчастныхъ въ куски, и положили въ приготовленныя печи.

«На насъ троицхъ яростно напали со всѣхъ сторонъ людоды; но мы держали ихъ въ сграхъ нашими ружьями, хотя старшины и подстрекали своихъ стащить насъ, обѣщая величайшія почести тому, кто убьетъ меня, и часто спрашивая у людей, чего боятся они трехъ бѣлыхъ, когда

умерщвлено ихъ столько въ одинъ день. Они подлѣзали къ намъ очень близко. Изъ четырехъ ружей два всегда были у насъ наготовѣ. Вильсонъ, какъ плохой стрѣлокъ, только заряжалъ, а мы съ Бушартомъ отпаливались. Бушартъ былъ народный застрѣльщикомъ, и мѣтилъ мастерски: онъ положилъ двадцать семь каннибаловъ двадцатью восьмью выстрѣлами, промахнувшись одинъ только разъ: я тоже нѣсколькихъ убилъ и ранилъ. Видя, что имъ не одолѣть насъ безъ большой потери, они отступили, грозя мщеніемъ.

«Наши товарищи между-тѣмъ изжарились; ихъ вынули изъ печей, и роздали жаднымъ толпамъ, которыя тотчасъ начали пожирать ихъ. Они часто звали меня внизъ, убѣждая, чтобъ я далъ убить себя до сумерекъ, потому что, въ противномъ случаѣ, имъ прійдется жарить меня ночью, — что весьма неловко и непріятно. Старшины заранѣе разбирали меня по суставамъ, и, поднимая вверхъ наше оружіе, хвалились числомъ убитыхъ ими бѣлыхъ.»

Рѣшительность и отвага Диллова наконецъ исторгла ихъ изъ этого отчаяннаго положенія. Ему удалось схватить одного жреца, котораго онъ потащилъ съ собою къ морю сквозь всю непріятельскую толпу, и тѣмъ защитилъ себя и своихъ товарищей отъ ея нападений *.

Г. Литке нигдѣ не имѣлъ дѣла съ людьми, — а они почти необходимы для полной занимательности «Путешествія вокругъ свѣта». Это, быть-можетъ, недостатокъ въ его книгѣ, на которой *строгая* критика, умѣющая открывать только недостатки, непременно ему укажетъ. Авторъ даже опровергаетъ показаніе сво-

* Скажемъ здѣсь мимоходомъ, что это самое приключеніе почтенныхъ искателей сандала и было поводомъ открытія слѣда Лаперуза. Поссорившись такъ жестоко съ самыми любезными жителями Дружескихъ Острововъ, капитанъ Робсонъ принужденъ былъ отправиться для покупки сандалнаго дерева на островъ Туконію, и Г. Дилловъ нашелъ тутъ разные Европейскія вещи съ Французскими гербами, перешедшія сюда съ сосѣдняго острова Маликоло, гдѣ, какъ теперь не подлежитъ сомнѣнію, погибла Лаперузова экспедиція.

его Лугунорскаго пріятеля, Эбунга, будто въ открытой экспедиціею группѣ есть одинъ островъ, населенный этими господами.

Разставшись съ своимъ открытіемъ, экспедиція отправилась къ Острову Мортлока, и оттуда къ Лугунорской группѣ, о которой мы уже говорили. Низменные острова, состоящіе изъ слоя растительной земли, разостланнаго въ уровень съ моремъ на частыхъ и сплетенныхъ вершинахъ коралловаго лѣса, покрытыя пышнымъ прозябѣніемъ, и какъ-бы зыблющіяся вмѣстѣ съ окружающими волнами, являютъ одно изъ удивительнѣйшихъ зрѣлищъ въ природѣ: съ самого дна океана наименѣе совершенная жизнь органическая, жизнь животно-растительная, возстала въ образѣ могучихъ великановъ, чтобы, на спинахъ ихъ, жизнь болѣе совершенная, чистая растительная и чистая животная, могла построить себѣ роскошные чертоги, и принять въ нихъ прилично послѣднее и превосходнѣйшее ея произведеніе, человѣка!

«Необыкновенно сильно первое впечатлѣніе, производимое вытекающимъ, такъ сказать, изъ воды, садомъ кокосовыхъ пальмъ, признанныхъ идеаломъ стройной и величественной формы, и великолѣпныхъ хлѣбныхъ деревьевъ, благодѣтельныхъ какъ наши cerealia. Вы теряетесь въ удивленіи, съ какою мудростью природа умѣла снабдить человѣка въ двухъ растеніяхъ не только пищею и питьемъ, но и всеми нужными матеріалами для домовъ, лодокъ, тканей, домашней утвари и прочаго, и въ нихъ же доставить ему защиту отъ вертикальныхъ лучей солнца, и вмѣстѣ прохладу, и свободный воздухъ. Но вы скоро приходите въ состояніе той очарованной царевны, которая осуждена была всю жизнь прогуливаться по волшебному саду: единообразіе васъ утомляетъ. Куда ни обернетесь, какъ ни пройдетѣ островъ, вдоль или поперекъ, все одно; нѣтъ камешка отличнаго, по которому можно бы замѣтить свою дорогу; нѣтъ ни права, ни лѣва; вершины пальмъ плавно и какъ-бы въ тактъ колеблемыя всегда съ одной стороны дующимъ вѣтромъ; однозвучный

шумъ моря, вѣчно о тотъ же берегъ разбивающагося, — усыпляютъ васъ какъ колыбельная пѣсня. Такъ же единообразна и скучна должна быть и жизнь обитателей низменныхъ острововъ. Обитатели странъ околополюсныхъ живутъ конечно веселѣе. Полугодовая ночь, смѣняющая день столь же продолжительный, забота о пропитаніи, по временамъ голодовка, разнообразятъ, хотя и не всегда пріятнымъ образомъ, жизнь ихъ: здѣсь нѣтъ и этого прибѣжища.»

Окончивъ обзоръ Каролинскаго Архипелага, экспедиція въ началѣ апрѣля пустилась отыскивать острова Бонинъ-Сима, и скоро увидѣла передъ собой четыре группы, которыхъ положеніе однако жъ ни мало не соответствовало означенному на Англійскихъ картахъ именемъ Бонимъ-Сима. Путешественники нашли здѣсь двухъ Англичанъ Виттрина и Петерсена, съ разбившагося въ 1826 году китобойнаго судна. Виттринъ сказалъ имъ, что эти острова уже описаны капитаномъ Бичи, опередившимъ нашъ шлюпъ нѣсколькими мѣсяцами, и взяты имъ во владѣніе Его Британскаго Величества. Бѣдные эти китоловы оставались тутъ съ частію спасеннаго груза, въ надеждѣ, что прійдетъ другое судно того же хозяина. Соскучивъ продолжительнымъ одиночествомъ среди самой богатой природы и подъ благословеннымъ небомъ, они убѣдительно просили капитана Литке взять ихъ съ собою, и это желаніе, разумѣется, было исполнено. Когда наши путешественники отправились съ Виттриномъ на берегъ, чтобъ взглянуть на жилище новаго Робинсона и его товарища, на нихъ напала цѣлая рать — не островитянъ, а свиней, — но почти такъ же дерзкая и докучливая, какъ эскадра Пыйнипетцевъ.

«Свиньи, размножившіяся отъ двухъ огромныхъ животныхъ, спасшихся вмѣстѣ съ ними, не только обезпечивали ихъ на счетъ пропитанія, но служили имъ настоящими собесѣдниками, вопреки общепринятому мнѣнію, будто животное это неспособно имѣть привязанности къ человѣку.

Петерсенъ приучилъ къ себѣ одного поросенка совершенно какъ постельную собачку; онъ съ нимъ спалъ, и даже иногда плясалъ. Свиньи ходили обыкновенно по волѣ; но на знакомый имъ свистъ сбѣгались со всѣхъ концовъ острова къ дому.»

Пользуясь наступленіемъ весны, экспедиція отправилась для описи береговъ Камчатки, Земли Чукчей и Коряковъ и прилежащихъ къ ней острововъ. Здѣсь капитанъ Литке имѣлъ случай повторить измѣреніе Ключевской или Камчатской Сопки, сдѣланное докторомъ Эрманомъ, который нашелъ высоту ея въ 16,552 фута: вычисленія Г. Литке дали только десятью футами болѣе. Эта исполинская гора бываетъ ясно видна изъ Верхне-Камчатска въ разстояніи трехъ сотъ верстъ по прямой линіи. По берегамъ Карагинскаго Острова путешественники видѣли цѣлыя стада медвѣдей, а въ Губѣ Св. Лаврентія встрѣтились они съ настоящими хозяевами этого края.

«Едва успѣли мы остановиться, какъ увидѣли ѣдущихъ къ намъ съ разныхъ сторонъ изъ прибрежныхъ селеній Чукчей. *Тарова*, *Тарова* (здорово), издали уже раздавалось. Повторяя это слово, гладили они себя по головѣ противу волосъ. Странный жестъ этотъ переняли они у Русскихъ, которые кланяясь, откидываютъ всегда для обнаженія головы капишоны кухлянокъ, въ которыхъ всѣ въ томъ краѣ ходятъ. Чукчи дѣлаютъ то же рукой, когда и ничего на головѣ нѣтъ. Они пристали къ борту безъ околичностей, и взошли на судно безбоязненно. Complimentамъ не было конца, и одинъ изъ гостей, нашедъ меня вѣроятно не довольно учтивымъ хозяиномъ, что встрѣчаю гостей съ покрытой головой, очень вѣжливо снялъ съ меня шапку, и, кланяясь, повторялъ — *Тарова*. Нѣсколько папушъ табаку, розданныя на всю компанію, и нѣсколько иголокъ для особъ прекраснаго пола, скоро сдружили обѣ стороны. Это однако жъ не мѣшало имъ просить сверхъ того *прдики* (такъ называютъ въ Сибири нюхательный табакъ), который они съ жадностью въ себя втягивали.

«Имѣя двухъ переводчиковъ, падѣлся я собрать, въ предстоящихъ намъ частыхъ сношеніяхъ съ столь мало еще извѣстными Азіятскими племенами, довольно занимательныхъ объ нихъ свѣдѣній; но, къ сожалѣнію, съ самой первой минуты убѣдился, что они кромѣ того, когда нужно что-нибудь вымѣнять или купить, почти вовсе бесполезны. Добрые, но крайне ограниченные, старики эти, прослуживъ во весь свой долгій вѣкъ толмачами на ярмаркахъ и у окружныхъ комиссаровъ, не только не приобрѣли привычки толковать съ *инородцами* о чемъ-нибудь другомъ, но, что для насъ было хуже всего, не оставили навыка, вкоренившагося со временъ Павлуцкаго, видѣть въ нихъ все еще *немириыхъ*, и неосторожною своею осторожностью не рѣдко разстраивали бесѣду. Я не могъ отучить ихъ *муштровать* Чукочъ, — чему вѣроятно научены они комиссарами на ярмаркахъ: только Чукча сдѣлается немного фамильяренъ, чего я всегда искалъ, — онъ его останавливать, чтобы передъ командиромъ не забывался; покажется ли ему, что Чукча чѣмъ-нибудь обезпокоился, — онъ его успокаивать, гладить, приговаривая, *мѣченки* (хорошо, добро), и т. д., и Чукча, ни о чемъ не думавшій, точно получить подозрѣніе. Я не говорю уже о плохомъ знаніи языковъ и природной безтолковости обоихъ. Иногда самый простой вопросъ, въ двухъ словахъ состоящій, переводили они по нѣскольку минутъ, и, какъ по глазамъ слушающихъ замѣтно было, переводили такъ, что никто ихъ не понималъ.»

Это случается иногда и въ Европѣ, — и не только съ толмачами, но съ переводчиками книгъ и съ драгоманами. Вотъ описаніе сперва четы крещенныхъ Чукчей, въ Губѣ Преображенія, потомъ бесѣды съ ихъ соплеменниками въ одной изъ бухтъ Губы Ночень.

«Миляхъ въ шести отъ Губы Преображенія мы зашли, и тотчасъ увидѣли двѣ байдары, оттуда къ намъ гребущія. Въ одной изъ нихъ отличались уже издали двѣ фигуры въ нарядѣ вовсе не Чукотскомъ. Мужчина въ зеленомъ полушубкѣ и фуражкѣ, и женщина въ синей китайчатой камлейкѣ и съ платкомъ на головѣ. Догадка, что это *крещенные* оказалась справедливою, когда байдары пристали къ борту. После нѣсколькихъ *таровѣ* и крестныхъ покло-

новъ, Чукча взошелъ на шлюпъ, и, нашедъ въ переводчикъ стараго знакомаго, съ которымъ видывался на Ижигинской ярмаркѣ, былъ тотчасъ какъ дома. Супруга его также изъявила желаніе взойти на судно, но съ условіемъ, чтобы для большей безопасности завязали за нее веревку. Спрятавъ склоченныя косы подъ платокъ, воображала она уже имѣть право жемаитствовать.

«Видя, что гость нашъ крестится при всякомъ случаѣ, натурально было спросить о христіанскомъ его имени, — но это камень преткновенія для всѣхъ этого рода христіанъ: онъ не зналъ своего имени. Однако жъ, чтобы мы не вздумали усомниться въ его обращеніи, онъ показалъ намъ книжечку, тщательно спрятанную въ деревянномъ футлярѣ, и полученную имъ въ Колымѣ. Мы нашли въ ней молитву Господню, Символъ вѣры и X Заповѣдей на Русскомъ языкѣ съ Чукоцкимъ переводомъ. Въ надписи руки Колымскаго священника Трифанова прочли мы, что она подарена при крещеніи Чукчѣ, *Василію Трифанову*. — «Василій, Василій!» вскричалъ нашъ гость, вспомнивъ свое имя, которое однако жъ до отправленія надо было повторить ему еще нѣсколько разъ. На вопросъ нашъ, знаетъ ли онъ, что въ этой книгѣ написано, онъ отвѣчалъ откровенно, что не знаетъ. — Какая жъ тебѣ польза имѣть книгу? — И этого Чукча не зналъ: ему дали книгу, не спрашивая, хочетъ ли онъ имѣть ее, и потому онъ думалъ, что это такъ должно.

«Бесѣда наша продолжалась недолго, какъ гость далъ намъ доказательство, убѣдительнѣйшее почти чѣмъ та книга, частыхъ своихъ сношеній съ просвѣщенными: онъ попросилъ водки, — чего до того времени не дѣлалъ еще ни одинъ изъ множества Чукоцъ, насъ посѣщавшихъ. Ему дали грогу: онъ не хотѣлъ пить его иначе какъ въ байдэрѣ, утверждая, что, выпивъ, опьянѣетъ такъ, что не въ состояніи будетъ держаться на ногахъ. Отправляясь, общалъ онъ намъ выслать оленя, котораго мы однако жъ не видали.»

«Второгочисла провела у насъ день большая компанія Осѣдлыхъ и Оленныхъ Чукоцъ. Между послѣдними былъ одинъ крещеный, котораго уже издали можно было распознать по какому-то балахону изъ толстаго синяго сукна и синему шерстяному колпаку. За поясомъ былъ у него колоколь-

чикъ, съ Русскою надписью. Любопытствуя знать, какія понятія имѣютъ о христіанствѣ эти неопиты, склонилъ я къ этому рѣчь въ бесѣдѣ нашей. Чукча разсказалъ, что онъ крещенъ на Колымѣ; что воспріемникомъ его былъ *Коммисаръ* (коммисаръ); что его учили молитвѣ, — въ доказательство чего сталъ креститься. Я сдѣлалъ ему съ самымъ добрымъ намѣреніемъ еще нѣсколько вопросовъ, какъ вдругъ мой Чукча, измѣнясь въ лицѣ, вскочилъ, бросился опрометью къ байдарѣ своей, вынесъ красную лисицу, сталъ передо мною класть земные поклоны, потомъ обнялъ меня нѣсколько разъ очень непѣжно, и, швырнувъ мнѣ лисицу въ лице, сѣлъ на свое мѣсто, какъ-будто дѣло сдѣлавъ. Не трудно было теперь догадаться о причинѣ смущенія бѣднаго Чукчи..... Смѣясь, сказалъ я ему, что я не попъ; что до вѣры его мнѣ ни какого дѣла нѣтъ, и что я распрощивалъ его изъ одного любопытства, и прошу его взять лисицу обратно. Онъ успокоился; подарка своего не хотѣлъ взять обратно, но съ радостью принялъ котелъ, топоръ, и другія вещи, стоявшія вдвое или втрое противу лисицы.

«Покушенія узнать что-нибудь объ ихъ собственной вѣрѣ оставались обыкновенно безъ всякаго успѣха: такія отвлеченности далеко превосходили понятія нашего переводчика; и я думаю гости наши столь же мало остались бы удовлетворенными, если бъ хотѣли извѣдать черезъ него нашу. Если въ Колымѣ переводчики не толковѣе, то не удивительно, что обращенные Чукчи ни какого не имѣютъ понятія о новой своей вѣрѣ.

«Я спросилъ единовѣрца нашего, сколько у него женъ: «Конечно одна!» отвѣчалъ онъ: «христіане больше имѣть не могутъ.» А когда дошло дѣло до подарковъ, то онъ попросилъ прибавки для другой жены (одна была съ нимъ), оставшейся дома. Ему замѣтили тихонько, что онъ проговорился, забывъ, что онъ крещеный. Надъ этимъ промахомъ онъ также усердно смѣялся, какъ и мы. Водку не только онъ, но и всѣ другіе пили какъ православные.»

Замѣчанія автора объ этомъ интересномъ народѣ исполнены самыхъ любопытныхъ подробностей. Разговоры съ Чукчами и ихъ образъ жизни, игра и плясокъ изображены превосходно.

Мы оставимъ автора въ унылыхъ окрестностяхъ Берингова Пролива, и непременно возвратимся съ нимъ еще разъ въ Южное Море, какъ скоро выйдутъ слѣдующія части этого прекраснаго сочиненія. Общій результатъ четырехъ-лѣтняго плаванія экспедиціи столь же блистателенъ, какъ и его подробности. Астрономическое опредѣленіе, съ описаніемъ, берега Камчатки, Острововъ Карагинскихъ, дотолъ вовсе неизвѣстныхъ, Острова Св. Матвѣя и берега Земли Чукчей, двадцати шести группъ Каролинскаго Архипелага и множества другихъ мѣстъ на земномъ шарѣ; открытіе двѣнадцати новыхъ острововъ, великолѣпный атласъ, содержащій въ себѣ болѣе пятидесяти картъ; драгоцѣнные опыты съ магнитною стрѣлкою, о которыхъ говорили мы уже въ прошломъ году (Магнитность Земнаго Шара, Б. для Ч., № 2); весьма важныя наблюденія надъ маятникомъ и надъ часовыми колебаніями барометра, огромныя богатства по части Зоологіи, Ботаники, Геогнози и Этнографіи и портфель, состоящій изъ 1250 отличныхъ рисунковъ, суть плоды предпріятія, столь же лестнаго для Русскаго мореплаванія, сколько полезнаго для науки и совершеннаго со славою для всѣхъ, въ немъ участвовавшихъ.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

=

ФЕВРАЛЬ, 1835.

НОВЫЯ КНИГИ.

=

Роксолана, Драма въ пяти актахъ въ стихахъ, сочиненіе Н. К. (Писано мѣтомъ 1835 года). СП.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1835, въ-8., стр. 178.

Новая драма автора фантазій «Торквато Тассо» имѣла на здѣшней сценѣ замѣчательный успѣхъ. Сочинитель выступилъ на новое поприще: оставивъ Русское XVII столѣтіе, которое требуетъ со стороны отечественнаго поэта особеннаго изученія, чтобъ воскреснуть подъ перомъ его въ подлинномъ своемъ поэтическомъ видѣ, онъ искалъ вдохновеній на Востокъ, столь богатомъ поэзіей, столь сильно дѣйствующемъ на воображеніе. Конечно, тому, кто пишетъ картину Востока, не худо изучить и Востокъ: Байронъ твердо изучалъ его; онъ заставлялъ его говорить и думать языкомъ и понятіями восточными; онъ расцвѣчивалъ мысль свою подлинными его красками; оттого онъ и Байронъ, — но это бездѣлица: велика бѣда, если молодой поэтъ, для скорости дѣла, создастъ себѣ на первый случай свой собственный Востокъ! Съ бусурманами, не стоитъ того, чтобъ много церемониться: лишь бы написанная на нихъ драма была драма. О бусурманахъ, въ отношеніи ихъ къ нашей западной поэзіи, можно сказать многое. Когда мы иногда объ нихъ думаемъ по случаю Турецкаго табаку, то намъ кажется, что для сочиненія восточной драмы въ XIX вѣкѣ, который постигаетъ цѣну подлинности во всякой поэзіи, потребно весьма рѣдкое соединеніе свѣдѣній, тонкаго вкуса и необыкновенно гибкаго и сильнаго таланта: это, по мнѣнію нашему, самое трудное поэтическое предпріятіе. Въ Алкоранѣ есть

удивительная поэзія, и поэзія подлинная, совершенно восточная, совершенно мусульманская: Байронъ между прочимъ читалъ и Алкоранъ; оттого онъ и Байронъ. На свѣтъ, не говоря ужъ о двухъ восточныхъ поэзіяхъ, западно-восточной и восточно-восточной, есть даже двѣ мусульманскія вѣры, вовсе не похожія другъ на друга: одна ко всему примѣшиваетъ пророка, и говоритъ безпрестанно — Великій Пророкъ! Другая очень рѣдко говоритъ о пророкѣ, не приписываетъ ему ни какой власти въ дѣлахъ чело-вѣческихъ, относитъ всѣ просьбы свои къ Богу, безусловно подчиняется его предопредѣленію, и никогда не восклицаетъ — Великій Пророкъ! Мы полагаемъ, что та, которая никогда не восклицаетъ — Великій Пророкъ! и говоритъ объ немъ наименѣе, должна быть православная мусульманская вѣра. Мы такъ полагаемъ, хотя мы не ориенталисты. Другая, которая много восклицаетъ о великомъ пророкѣ, и которую съ такимъ фанатизмомъ исповѣдуютъ водевильные и оперные мусульмане, имѣетъ тоже свои достоинства: она очень забавна, и хорошо идетъ подъ музыку. Этотъ Великій Пророкъ — большой чудакъ, и смѣшить людей какъ-нельзя лучше! Но которая изъ двухъ вѣръ, мусульманская водевильная или мусульманская восточная, болѣе прилична высшей драматической поэзіи, восточной драмѣ, объ этомъ надо спросить у какого-нибудь муллы. Но все это замѣчанія общія, постороннія, безъ примѣненія къ «Роксоланѣ», драмѣ очень интересной, въ которой есть много подлинныхъ Турецкихъ словъ и еще болѣе хорошихъ Русскихъ іамбовъ. Дѣло въ томъ, что мы обѣщали поговорить о «Скопинѣ Шуйскомъ» и объ пей вмѣстѣ, и исполнимъ обѣщаніе. Теперь замѣтимъ только, что «Роксолана» писана не въ 1835, а въ 1834 году: эту очевидную опечатку заглавнаго листа исправилъ самъ авторъ.

Робертъ-Дьяволъ, *Опера въ пяти дѣйствіяхъ. Слова Скриба и Делавинья. Музыка Мейербера. СП.-бургъ, въ тип. Гинце, 1835, въ-8, стр. 72.*

Заемныя жены, *водевиль въ одномъ дѣйствіи, переданный съ Французскаго (les femmes d'emprunt). СП.-бургъ, въ тип. Шульца и Бенце, 1834, въ-8., стр. 66.*

Мы, въ самомъ дѣлѣ, живемъ въ заемномъ вѣкѣ: занимаемъ деньги (чаще всего) у старыхъ пріятелей, занимаемъ статьи у старыхъ писателей, занимаемъ обычаи Богъ вѣсть у кого, — по все занимаемъ. Самъ авторъ водевиля занимаетъ, хотя и говорить, что онъ передѣлываетъ.

Аполлонъ Игнатьевичъ занимаетъ тоже, — жену. Для этого рода займовъ еще пигдѣ итъ государственнаго банка, — вѣроятно оттого, что многіе изъ соперничества стали бѣ отдавать въ долгъ своихъ женъ безъ обратнаго взноса и безъ процентовъ, и подорвали бѣ заведеніе; но Аполлонъ Игнатьевичъ паходится въ такомъ положеніи, что ему непременно надобно занять жену, для поправленія своихъ обстоятельствъ: иначе онъ банкротъ. Аполлонъ Игнатьевичъ Ивановъ обманывалъ богатаго дядю: просилъ у него денегъ на свадьбу, — дядя прислалъ, съ радости, что племянникъ хочетъ остепениться; просилъ на женнины наряды, — дядя прислалъ, съ радости, что племянникъ старается жить въ ладу съ женою. Теперь дядя ѣдетъ въ Петербургъ, посмотрѣть на жену дорогаго племянника, на ея наряды, на ихъ хозяйство и домашнее счастье.

Тутъ Аполлонъ Игнатьевичъ струсилъ, потому что онъ никогда и не думалъ жепиться. *Въ слѣдствіе сего*, какъ весьма изящно говорятъ у насъ въ романахъ, — въ слѣдствіе сего, онъ обращается къ швеѣ Настинкѣ, и поетъ ей:

«Въ нашъ вѣкъ всеобщаго займа;

Мы платимъ долгъ одной натурѣ.

И хотъ занять нельзя ума,

А есть займы въ Литературѣ.

Всякъ нынче въ авторы полтъзъ;

Но если разберемъ мы строго:

Заемныхъ множество піэсъ,

А занимательныхъ не много.

Заемъ для всѣхъ необходимъ:

Жена супруга обожаетъ,

А занимается другимъ —

И мужъ другую занимаетъ....

И такъ прошу заняться мной;

Прикиньтеса въ меня влюбленной:

Заемной будьте мнѣ женой,

За неимѣніемъ законной!»

Настинька соглашается быть заемною женою; но надобно еще дѣтей: вѣдь Ивановъ два раза выпрашивалъ у дяди денегъ на крестины. Нашли и сына въ займы. Дядя прѣзжаетъ, невѣстка Настинька ему очень правится, но сынъ ужъ слишкомъ скоро выросъ; онъ росъ не по годамъ, а по часамъ. Аполлонъ Игнатьевичъ увѣряетъ дядю, что въ столицѣ не то, что въ провинціи:

«О! здѣсь особенный народъ;
Во всемъ успѣхи, улучшенье,
Двумя столѣтiami впередъ
Шагнуло наше просвѣщенье.
Нашъ Петербургъ не Кострома;
Что вамъ хитро, то намъ бездѣлки:
Таланты, дѣти и дома
У насъ въ столицѣ скороспѣлки!»

Все идетъ прекрасно, какъ вдругъ является Огнивкинъ, женихъ Настиньки. Онъ не намѣренъ пускать невѣсту въ оборотъ, и поднимаетъ тревогу. Племянникъ въ отчаяніи. По счастію, дядя отыскиваетъ прежнюю пріятельницу, Вильгельмину, и женится на ней, — потому, что въ водевилѣ надобно же кому-нибудь жениться! На томъ же основаніи онъ и прощаетъ племянника.

Но еще бѣзъ этотъ водевилъ имѣлъ большой успѣхъ.

Вотуръ или Хозяинъ за печатью. Водевилъ въ одномъ дѣйствіи, съ Французскаго Павломъ Хотяинцовымъ. СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1834, въ-8. стр. 63.

Скупость не глупость,—говоритъ пословица: тоже думаетъ, но не говоритъ, Бонифацій. Вотуръ табачный фабрикантъ, владѣлецъ дома, въ которомъ живетъ артистъ Викторъ съ сестрою Эмилиєю. Викторъ не платитъ за квартиру, по праву водевильныхъ артистовъ и людей съ истиннымъ талантомъ. Вотуръ влюбленъ въ Эмилию, однако жъ не хочетъ, чтобъ она жила даромъ въ его домѣ. Онъ требуетъ денегъ, жалуется въ полицію. Викторъ идетъ продавать свои творческія произведенія. Въ его отсутствіе, Вотуръ палаетъ на голубку Эмилию и начинаетъ папывать ей о своей

страсти. Возвращается Викторъ; Вотуръ прячется въ шкафъ. На его бѣду, приходитъ полиція и опечатываетъ всѣ вещи, принадлежащія артисту Виктору. Шкафъ запечатанъ. О Великій Пророкъ, Вотуръ за печатью! Но сбылось заглавіе водевиля. Въ эту роковую минуту, всѣ пристають къ хозяину съ требованіями; онъ соглашается ждать уплаты отъ Виктора, отказаться отъ Эмили, и прочая, и прочая. Всѣ довольны, кромѣ читателя.

Г. Хотинцовъ смѣется надъ скучными, а самъ скучъ на гладкіе стихи и на острые куплеты!

Три повѣсти. Н. Павлова. *Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ 12., стр. 412.*

Три случая изъ домашней жизни, — рассказанные живо и мило.

Первая повѣсть, «Именины,» кажется намъ не совсѣмъ правдоподобною. Впрочемъ, быть можетъ!....

Но какъ бы то ни было, а эти отличія, оказываемыя крѣпостному генію, и фамилярности, которыя дозволяютъ ему по бесѣдкамъ, такъ невѣроятны, что это должна быть неправда.

Въ повѣсти, «Аукціонъ» молодой Франтъ встрѣчаетъ княгиню, — разумѣется, красавицу, какъ и должно быть въ повѣсти. Княгиня и красавица любила когда-то Франта; теперь его забыла, — на весьма законномъ основаніи, — потому что за него, въ Московскомъ Благородномъ Собраніи, летаютъ цѣлыя рои страстныхъ обожателей. Франтъ рѣшился отмстить ей, прикинулся влюбленнымъ, повидался съ нею наединѣ, и когда головка княгини опускалась на его плечо, когда ея рука лежала въ его рукѣ, когда..... Онъ быстро всталъ, засмѣялся, и вышелъ. И только? — Да; только. — Что же изъ этого и въ этомъ? — Ничего, конецъ повѣсти.

Г. Павловъ, судя по его сочиненію, человекъ очень образованный, очень хорошо знаетъ по-Французски, и мы не постигаемъ, какъ ему вздумалось увѣрять своихъ читателей, что Notre-Dame-de-Paris, заглавіе известнаго романа Виктора Гюгò, значитъ по-Русски — «Церковь Богоматери въ Пари-

жѣ.» Мы позволимъ себѣ его поправить: Notre-Dame-de-Paris значить—«Церковь Парижской Богоматери», а церковь не въ Парижѣ. Это то же самое, какъ у насъ говорится—Церковь Казанской Богоматери, Церковь Иверской Богоматери, и т. п. Церкви de Notre-Dame-de-Paris находятся и внѣ Парижа.

Третья повѣсть, «Ятаганъ», несравненно длиннѣе и складнѣе двухъ первыхъ. Если бѣ она не была такъ хороша, мы бы тотчасъ пересказали ей содержаніе: но она должна быть читана, и мы не хотимъ уменьшать ея занимательности преждевременнымъ открытіемъ интриги. Это долгъ чести со стороны критики, въ отношеніи къ порядочнымъ повѣстямъ.

Мы съ истиннымъ удовольствіемъ встрѣтились въ книгѣ Г. Павлова съ образованнымъ, благовоспитаннымъ Русскимъ языкомъ: мы его встрѣчаемъ такъ рѣдко!... Въ его языкѣ нѣтъ тѣхъ грубыхъ поговорокъ и оборотовъ въ распашку, которые многими принимаются за бойкость, тѣхъ басыстыхъ фразъ, отъ которыхъ несетъ лукомъ на всю комнату. Онъ говоритъ изящно и благородно, избираетъ слова и учитъ свои выраженія приѣмамъ свѣтской ловкости. Это языкъ изящной бесѣды. Г. Павловъ имѣетъ даже слогъ: въ его фразѣ есть художество; она хорошо разскается, обдѣлана, гладка, жива, разнообразна, часто даже замысловата. Мы приведемъ небольшой отрывокъ изъ третьей повѣсти, который отнюдь не разстроитъ ея интереса для читателей цѣлаго сочиненія.

«Въ усадьбѣ князя водили разсѣданныхъ лошадей, когда его дочь, въ верховомъ платьѣ, въ мужской шляпѣ и съ хлыстикомъ, подошла проворно къ стекляннымъ дверямъ, откуда отлогій скатъ, уставленный по сторонамъ лиловыми и бѣлыми левкоями, спускался въ широкую, длинную аллею изъ столѣтнихъ, столбовыхъ деревьевъ, аристократически мрачную и богато опрятную. Въ самомъ концѣ ея, гдѣ былъ выходъ изъ сада, стоялъ корнетъ съ адъютантомъ: тотъ, какъ — будто имѣлъ намѣреніе не сходить съ мѣста; тотъ, какъ-будто колебался въ нерѣшимости остаться или уйти. Княжна выдернула изъ-за пояса лорнетъ и стала смотрѣть украдкой съ такимъ любопытствомъ, что, казалось, ей очень хотѣлось замѣнить чувствомъ зрѣнія ограниченность другого чувства и подслушать глазами далекой разговоръ. Онъ приметно оживился. Спокойствіе, требуемое отъ образованной осанки, на-

рушилось у офицеровъ во всѣхъ частяхъ: кто трепалъ эскельбанты, малъ фуражку, кто пожималъ плечами и махалъ рукою, ... однако, еще немного, и они разошлись бы довольно смирно. Користъ отступилъ уже шага три, адъютантъ почти совсѣмъ отвернулся, но только взглянулъ назадъ, кивнулъ головой.... и вмгъ користъ остановился; сдѣлалъ знакъ на домъ и на аллею, надышуль фуражку.... адъютантъ къ нему ... и оба вмѣстѣ исчезли изъ сада.

«Лорнетъ закачался на золотой цѣпи, княжна потупилась. Обвила хлыстикъ около руки съ большимъ тщаніемъ, оторвала разсѣянно нѣсколько листковъ у прекрасной штамповой розы и медленно пошла къ фортепіанамъ; оглянулась на аллею, оглянулась еще разъ, задумчиво пролестя пальцами по клавишамъ и, съ небрежностью мужчины, кинулась на диванъ. Шляпа упала съ нея и она приняла одно изъ этихъ неправильныхъ, искусственныхъ положеній, которыя не терпятъ свидѣтелей, таятся въ непорочности дѣвичьяго уединенія. Это былъ отдыхъ отъ неволи, бунтъ противъ привычекъ воспитанія; это были обрменительныя размышленія, Итальянская лѣнь или заманчивая мечта! О чемъ думала княжна?... О чемъ думаютъ княжны наединѣ?... Голосъ отца засталъ ее въ живописномъ забытіи, и она опомнилась, и вдругъ изъ прелестной, романтической женщины превратилась опять въ прелестную, классическую княжну.»

.....«Тутъ князь сталъ проповѣдывать дочери тяжелую науку свѣта; а какъ проповѣди, совѣты и всякаго рода правоученія бываютъ длинны, когда читаются людьми слабыми (краткость создана силой!), то онъ распространился объ этомъ предметѣ, обвинилъ корнета за молодость, а дочь за опрометчивость въ обращеніи, и вообще остался вѣренъ назначенію всѣхъ правоучителей и судей, которые умѣютъ осудить, да не умѣютъ уберечь никого отъ слабости или преступленія. Однакоже, подъ конецъ, началъ смягчать жестокость упрековъ выраженіями: другъ мой, милая; потому что княжна сильно растрогалась. Приученная по смерти матери къ безусловнымъ похваламъ, къ безусловному исполненію своихъ прихотей, она прослѣзилась, слушая отца и ломая хлыстикъ. Трудно рѣшить, досада ли извлекла эти слезы, или приготовленные въ душѣ для другаго чувства, онъ заблестали на густыхъ рѣсницахъ при первомъ удобномъ случаѣ. Женщины плачутъ обо всемъ, когда имъ хочется плакать о чемъ-нибудь.»

Г. Павловъ будетъ писать хорошо. Но мы должны сказать ему тутъ же непріятную истину: въ этихъ повѣстяхъ нѣтъ никакой идеи. Что онъ доказываютъ? Ничего! И ничего потому, что все это частные случаи, обстоятельства исключительныя, изытія изъ общей, повсемѣстной жизни,

которыя прилагаются только къ тѣмъ, кто въ нихъ находился. Надобно, чтобы повѣсть выражала какую-нибудь прикладную идею, ведущую къ полезному умозаключенію и примѣняющуюся ко всякому лицу. Кромѣ общей идеи, въ повѣсти могли бѣ еще быть мысли. На мысли не споткнешся въ нихъ.

Были и певылицы. Казака Владиміра Луганскаго. *Русскія сказки. I. Царевна Милоняга. II. Коровушка-Буренушка, III. Жидъ и Цыганъ. СП. бурж., въ тип. Греча, 1835, въ 8., Книжка вторая, стр. IV и 194.*

Г. Казакъ Луганскій создалъ себѣ особый родъ Словесности, — ежели только это Словесность, — и одинъ производитъ его съ успѣхомъ, несмотря на соперничество другихъ сказочниковъ, которыхъ разбудилъ онъ своей славой, — и число которыхъ, увы, намъ однимъ извѣстно! Двѣ первыя сказки этого собранія кажутся намъ длинны и черезчуръ подрумянены пародностью. Третья позабавитъ очень многихъ остроумною исторіею бородатаго жиды и вороватаго цыгана, двухъ типовъ, мастерски отдѣланныхъ. Печали жиды и плутни цыгана разсказаны, мило, умно и весьма забавно.

Арабески. *Разныя сочиненія И. Гоголя. СП.-бурж., въ тип. Плюшара, 1835, въ-8. Двѣ части, стр. 287 — 276.*

Великіе писатели имѣютъ свою особенную логику и свой тонъ обращенія къ публикѣ, которыхъ намъ, людямъ обыкновеннымъ, употреблять не приказано, подѣ карою безсмыслія. Если бѣ, напримѣръ, мы, люди обыкновенные, написали такое предисловіе къ своей книгѣ, — всѣ померли бѣ со смѣху:

«Собраніе это составляютъ піэсы, писанныя мною въ разныя времена, въ разныя эпохи моей жизни. Я не писалъ ихъ по заказу. Они высказывались отъ души, и предметомъ избиралъ я только то, что сильно меня поражало. Между ними читатели безъ-сомнѣнія найдутъ много молодого. Признаться, нѣкоторыхъ піэсъ я бы можетъ-быть не допустилъ вовсе въ это собраніе, если бы издавалъ его гodomъ

«прежде, когда я былъ болѣе строгъ къ своимъ старымъ трудамъ. Но вмѣсто того, чтобы строго судить свое прошедшее, гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятіямъ настоящимъ. Истреблять прежде написанное нами, кажется также несправедливо, какъ забывать минувшіе дни своей юности. Притомъ если сочиненіе заключаетъ въ себѣ двѣ, три еще несказанныя истины, то уже авторъ не вправѣ скрывать его отъ читателя, и за двѣ, три вѣрные мысли можно простить несовершенство цѣлаго.»

Только Гёте и только Г. Гоголь могутъ говорить съ публикою такимъ образомъ. Они знаютъ, что публика приметъ съ благоговѣніемъ, все что они ей ни кинутъ, и что каждая ихъ строка, хоть бы въ ней, вмѣсто пользы, толку и красотъ, было одно только молодое, драгоценно для ней и для ея потомства. Они проникнуты тою истиной, что всякой лоскутокъ бумаги, который освятили они перомъ своимъ, когда еще учились писать, есть собственность цѣлаго рода человѣческаго, и что истреблять его — значитъ нарушать права умственного міра: на этомъ лоскуткѣ, говорятъ они, могутъ находиться еще нѣкѣмъ несказанныя истины и великія мысли, которыя мы печально уронили! Гёте не сказалъ этого, изъ скромности; Г. Гоголь не счелъ нужнымъ церемониться съ потомствомъ, — и очень хорошо сдѣлалъ. Гёте предоставилъ своимъ наслѣдникамъ и обожателямъ подобрать всѣ лоскутки его молодости и издать ихъ по его смерти; Г. Гоголь, не полагаясь на разборчивость наслѣдниковъ и обожателей, начинаетъ свое литературное поприще тѣмъ, что самъ издаетъ свои «посмертныя сочиненія». Мы, кажется, въ первый разъ встрѣчаемъ въ нашей Словесности имя этого великаго писателя? Нужды нѣтъ. Онъ уже долженъ быть великъ, когда самъ говоритъ, что еще въ прошломъ году быть-можетъ онъ не издалъ бы такихъ бездѣлицъ, но въ пылѣннѣмъ уже не смѣетъ быть строгимъ къ старымъ трудамъ своимъ, и считаетъ себя не въ правѣ скрывать ихъ отъ читателя.

Послѣ подобнаго предисловія, не знаешь, какъ и говорить о книгѣ. Мы думаемъ однако жъ, что молодой авторъ избралъ

себѣ ложный путь: кто на первой своей страницѣ отзывается къ читателямъ такъ диктаторскя, тотъ заслуживаетъ, чтобы ему откровенно показали мѣсто его въ умственномъ мірѣ. Самонадѣянность тѣмъ особенно не выгодна, что теряетъ право на снисхожденіе. Признаться, мы никогда не были большіе охотники до посмертныхъ сочиненій, но подобныхъ этимъ никогда еще не видали. Это ужъ полная мистификація наукъ, художествъ, смысла и Русскаго языка! Авторъ пишетъ обо всемъ въ свѣтѣ: онъ рядитъ объ Исторіи, Географіи, музыкѣ, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, Пушкинѣ; описываетъ извѣстныя мѣста, которыхъ другіе не описываютъ, и предлагаетъ переписки собачекъ. Это значитъ, что авторъ все знаетъ. Книга его составлена изъ разнородныхъ статей, которыя можно раздѣлить на важныя и неважныя, то есть, на ученныя и шуточные. Сперва объ ученыхъ. Все, что бы мы здѣсь ни сказали, не въ состояніи дать надлежащаго понятія объ уродливости сужденій и слога, о тяжкихъ грѣхахъ противъ вкуса, логики и простыхъ, обыкновенныхъ познаній въ наукахъ и художествахъ; о напыщенности фразъ, внутренней пустотѣ мысли и дисгармоніи языка, какими отличаются эти «піесы, высказывшіяся отъ души въ разныя эпохи жизни и не по заказу». Читаешь, и глазамъ своимъ не вѣришь! Мы должны для образца привести хоть нѣсколько отрывковъ, взятыхъ на выдержку изъ ученыхъ пьесъ автора, передъ которыми стоимъ въ совершенномъ остоленіи.

«Теперь рассмотрите, между какими колоссальными событіями заключается время Среднихъ Вѣковъ! Великая Имперія, повелевавшая міромъ, двѣнадцативѣковая нація, дряхлая, истощенная, падаетъ; *съ нею валится полсвѣта, съ нею валится весь Древній Міръ съ полуязыческимъ образомъ мыслей, безвкусными Писателями, глдіаторами, статуями, тяжестью роскоши и утонченностію разврата.* Это ихъ начало. Окапчиваются Средніе Вѣка тоже самымъ огромнымъ событіемъ: *всеобщимъ взрывомъ поднимающимъ на воздухъ все и обращающимъ въ ничто всѣ страшныя власти, такъ деспотически ихъ обнявшія.* Власть Папы подрывается и падаетъ, власть невежества подрывается, сокровища и всемірная торговля Венеціи подрываются, и когда всеобщій хаосъ переворота очищается и проявляется, предъ изумленными очами являются Монархи, держащіе мощною рукою свои скипетры; корабли, *расширеннымъ взмахомъ несущіеся по вол-*

намъ необъятаго Оксана мимо *Средиземнаго моря*; въ рукахъ у Европейцевъ вмѣсто безсильнаго оружія — огонь; *печатные листы* *разлетаются по всѣмъ концамъ міра*; и все это результаты *Среднихъ Вѣковъ*. Сильный напоръ и усиленный гнетъ властей, казалось, были для того только, чтобы сильнѣе произвестъ всеобщій взрывъ. Умъ человека, *задвинутый крѣпкою толщею*, не могъ иначе прорваться, какъ собравши всѣ свои *усилія*, всего себя. И отъ того-то, *можетъ-быть*, ни одинъ вѣкъ не представляетъ такихъ *гигантскихъ открытій*, какъ XV; вѣкъ, которымъ такъ блистательно оканчиваются Средніе Вѣка, *величественные, какъ колоссальный готическій храмъ, темные, мрачные, какъ его пересѣкаемые одинъ другимъ своды, пестрые, какъ разноцвѣтныя его окна и куча изузоривающихъ его украшеній, возвышенные, исполненные порывовъ, какъ его летящіе къ небу столбы и стѣны, оканчивающіеся мелькающимъ въ облакахъ шпиремъ.*»

Надобно же имѣть странное понятіе о познаніяхъ и слухъ Русскихъ читателей 1835 года, чтобы такъ писать объ Исторіи, и такъ писать по-Русски! Сильный напоръ и усиленный гнетъ властей прижалъ, изволите видѣть, такъ сильно умъ человеческій, *задвинутый крѣпкою толщею*, что этотъ несчастный умъ, собравъ всѣ свои *усилія*, вспыхнулъ такъ ужасно, что съ отчаянія открылъ пороховъ, печать и Америку! Это сравненіе среднихъ вѣковъ съ готическимъ храмомъ неподражаемо. Но, если судить по этимъ «пересѣкаемымъ одинъ другимъ» сводамъ и по этимъ «порывамъ столбовъ, летящихъ къ небу», то авторъ, кажется, никогда не видалъ готическаго храма? Тутъ что-то есть большая «куча изозузорованнаго»! А онъ чрезвычайно любитъ готическую архитектуру! «Изъ милости, изъ состраданія, молить онъ насъ, не ломайте, не коверкайте *ее!*» Это обращеніе къ намъ, Русскимъ, чтобы мы *не ломали* готическую архитектуру, которой никогда у насъ не было, очень трогательно, и доказываетъ, что авторъ читалъ съ большою пользою романъ Виктора Гюгò. Но вообще средніе вѣка и готическіе зданія — любимыя куклы воображенія нашего писателя. Онъ бы все перестроилъ на манеръ готическаго. Онъ такъ и сыплетъ цвѣтными окнами, шпирями и «пересѣкаемыми одинъ другимъ» сводами — и по этой части надобно послушать его въ пьесѣ объ Архитектурѣ, — особенно гдѣ говорится о куполахъ древнихъ Аѳинянъ! Тутъ

есть вещи, о которых исторія искусства не имѣетъ и понятія. У него страсть къ куполамъ.

«Куполь, говоритъ онъ, это прелестьѣйшее созданіе вкуса, *сладострастный, воздушно-выпуклый*, который..... отдыхаетъ на масть зданія *бѣлою*, облачною своею поверхностью. Я люблю куполь, тотъ прекрасный куполь, который *возродилъ вкусъ Грековъ* (*τὴ ἐστὶ? che cosa è questa?*) въ вѣкъ..... наслажденій и эгоизма,.... въ вѣкъ *Антологіи легкой, душевной, дышащей сладострастіемъ, лѣтнію и роскошію.*»

Тутъ ужъ надобно привести Сфинкса, чтобъ онъ растолковалъ вамъ этотъ логогрифическій хаосъ. Такъ писаны сплошь всѣ серьезныя пьесы: въ нихъ вкусъ и логика изнасилованы (извините! начитавшись великаго писателя, мы тоже проговорили въ дурномъ тонѣ) — вкусъ и логика попораны почти на каждой страницѣ. Вообще было бы гораздо лучше, когда бъ статьи этого рода высказывались не изъ души, а изъ предварительной науки. Но ученость по видимому не далась великому писателю. Что касается до языка и слога, то читатели могли уже составить себѣ понятіе объ этомъ изъ приведенныхъ отрывковъ, гдѣ замѣтно что-то болѣе чѣмъ молодое. Мы можемъ взять еще нѣсколько мѣстъ, не касаясь даже Египта *повитаго* іероглифами, *помавающаго тонкими пальцами, жилищами своихъ равнинъ, понижающаго ниже* свои пирамиды, и тысячи другихъ вещей въ томъ же родѣ.

«Уже жизнь его (художника) коенулась тѣхъ лѣтъ, когда все дышащее порывомъ сжимается въ человѣкѣ, когда могущественный смычекъ слабѣе доходитъ до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновеніе красоты уже не превращаетъ дѣятельныхъ силъ въ огонь и пламя, но всѣ отгорѣвшія чувства становятся доступные звуку золота, вслушиваются внимательнѣе въ его заманчивую музыку, и, мало по малу, нехуэствительно, позволяютъ ей совершенно усыпить себя (стр. 137).» — Этотъ художникъ.... отъ раннихъ лѣтъ носилъ въ себѣ страсть къ некуевству, и съ пламенною силою труженика погрязъ въ немъ всею душою своею (стр. 138)» — «Вся его картина была мгновеніе, но то мгновеніе, въ которое вся жизнь человѣческая — есть одно приготовленіе (?! стр. 140).» — «Въ досадъ онъ принялъ прочь изъ своей комнаты всѣ труды свои, означенные бѣдностью поверхностной моды (стр. 142).» — «Наконецъ въ душѣ его возродилось самое адское намѣреніе, какое когда либо имѣ-

татъ человекѣ, и съ бѣшеною силою бросился онъ приводить его въ исполненіе. Купивши картину дорогою цѣною, осторожно приносилъ въ свою комнату, и съ бѣшенствомъ тигра на нее кидался, рвалъ, разрывалъ ее, изрѣзывалъ въ куски и топталъ ногами, сопровождая (?) ужаснымъ смѣхомъ адскаго наслажденія. (стр. 144).» — «Безчисленныя собранныя имъ богатства доставляли ему всѣ средства удовлетворять этому адскому желанію. Онъ развязалъ всѣ свои золотыя мѣшки. И люди... были лишены тѣхъ святыхъ прекрасныхъ произведеній, въ которыхъ великое искусство (живопись) приподняло покровъ съ неба и показало человѣку часть исполненнаго звуковъ и священныхъ тайнъ его же внутренняго міра (!!!!). На всѣхъ аукціонахъ, куда только показывался онъ, всякой зарпѣе отчаивался въ пріобрѣтеніи художественнаго созданія. Казалось какъ-будто разгнѣванное небо нарочно послало въ міръ этотъ ужасный бичъ, желая отнять у него (у бича, или у міра?) всю гармонію (стр. 145).» все идетъ о живописи.

Дѣло все идетъ о живописи.

Мы списали всѣ эти красоты со страницъ, слѣдующихъ непосредственно одна за другою, чтобы показать, что это не изытія, а общій характеръ слога, и оправдать судъ нашъ о неслыханной странности произведенія, которое явилось въ свѣтъ съ такою надменностью, подъ затѣйливымъ названіемъ «Арабесковъ». Быть-можетъ это арабски, — но это не литература. Немногія выписки достаточно показали степень ясности и обработанности мысли, предводительствовавшей сочиненію статей, относящихся къ предметамъ наукъ и художествъ. Что касается до еще несказанныхъ истинъ и до вѣрныхъ мыслей, о которыхъ говорится въ предисловіи, то желательно, чтобы ужъ авторъ самъ потрудился избрать ихъ, и напечаталъ бы ихъ особымъ собраніемъ: мы бы тогда по крайней-мѣрѣ узнали, что такое называетъ новыми истинами и вѣрными мыслями. Такъ мы ихъ не отыщемъ.

Но оставимъ эти несчастныя статьи. Мы бы даже не стали оценивать ихъ по достоинству, если бъ въ той самой книгѣ не примѣтили слѣдовъ таланта, который со-временемъ можетъ образоваться и сдѣлаться очень пріятнымъ въ нашей Словесности. Когда перо автора встрѣчаетъ предметы смѣшныя, фигуры карикатурныя, оно является исполненнымъ силы и жизни. Карикатура — преимущество и недостатокъ его дарованія. Недостатокъ, — когда онъ желаетъ

говорить какъ знатокъ о предметахъ важныхъ, потому что тогда статьи его выходятъ настоящія карикатуры то на бѣдную Исторію, то на архитектуру, музыку, живопись или скульптуру. Преимущество, — когда захочетъ онъ быть безъ притязаній, и занимается веселыми вещами. Нѣкоторые изъ страницъ его въ шуточномъ родѣ непритворно смѣшны, и развеселятъ самого угрюмага человѣка. Очень забавна исторія одного Нѣмецкаго носа, спасеннаго отъ неминуемой гибели поручикомъ Проговымъ. «Клочки изъ записокъ сумасшедшаго» отличаются тѣми же достоинствами, и были бы еще лучше, если бъ соединялись какою-нибудь идеей. Мѣсто не позволяетъ намъ ничего привести изъ этой статьи, о которой намъ пріятно отзываться съ похвалою. Читая эти страницы, очень не многочисленныя, но писанныя слогомъ пріятнымъ, чистымъ и живымъ, искренно сожалѣешь, что авторъ «Арабесковъ» обманываетъ себя до того, что хочетъ провозглашать какія-то новыя истины по части наукъ и художествъ, блистать какимъ-то юнымъ слогомъ, быть высокопарнымъ и заставлять безпристрастно читателя смѣяться надъ неловкостью своихъ начинаній, тогда какъ по роду своего дарованія онъ могъ бы смѣшнить его и писать хорошія сказки.

Ангарскіе пороги, *Сибирская быль. Сочиненіе Н. Щ. Сп.-бургъ, въ тип. Вунгебера, 1835, въ 12., стр. IV и 267.*

Г-нъ Н. Щ. покорилъ себѣ царство царя Кучума, и господствуетъ въ немъ бумажно и печатно. Мы знаемъ уже двѣ его повѣсти, въ которыхъ старался онъ представить картины живописной, романической и до-сихъ-поръ оригинальной Сибири. Теперь присоединяется къ нимъ третья повѣсть, носящая въ себѣ всѣ достоинства двухъ прежнихъ. Недостатковъ мы не считали ни въ прежнихъ его повѣстяхъ, ни въ этой: мы не любимъ недостатковъ, и мало занимаемся ими.

Достоинствъ въ повѣстяхъ Г-на Н. Щ. много, — по крайней-мѣрѣ два. Во-первыхъ, достоинство географическое: повѣсть его начинается обыкновенно съ селенія, въ которомъ сама

она случилась; потомъ переходитъ къ уѣздному городу и къ цѣлому уѣзду, отсюда къ свосму главному городу и ко всей своей области или губерніи; описываетъ горы, рѣки, рѣчки, произведенія всѣхъ трехъ царствъ природы; доставляетъ всѣ свѣдѣнія, какихъ только читатель можетъ желать отъ повѣсти. Во-вторыхъ, достоинство этнографическое: повѣсть описываетъ жителей, которые ее сѣиграли, — описываетъ ихъ съ возможными подробностями, внутренно и наружно, и особенно любитъ рассказывать про ихъ звѣриныя промыслы, про ихъ дѣла и обыкновенія.

Сдѣлавъ все угодное географіи и этнографіи Сибири, уступивъ имъ лучшія свои страницы, повѣсть пробирается потомъ, какъ можетъ, сквозь описанія мѣстъ и жителей, рвется, заплутывается, рассказываетъ вещи самыя неестественныя, чтобъ только выйти изъ этно-географической чащи, дѣлается неправдоподобною какъ быль, и, несмотря на всѣ усилія, не попадаетъ къ надлежащему концу. Это участь всѣхъ географическихъ повѣстей, писанныхъ притомъ географическимъ слогомъ!

Въ «Ангарскихъ Порогахъ» есть однако жъ десятокъ довольно забавныхъ страницъ, — очерки соперничества военной и гражданской властей въ маленькой крѣпости.

Осужденный. *Повѣсть. Сочинялъ, по Московскому преданію, А. Крыловъ, Москва, въ тип. Степанова 1835, въ-12. Четыре части; стр, 160—150—199—243.*

На бѣду критики и читателей въ Москвѣ пишутся и издаются романы въ четырехъ частяхъ. Легко набрать запутанныхъ происшествій, убійствъ и преступленій на нѣсколько сотъ страницъ: но не легко ли прочесть ихъ? «Осужденный» принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя пишутся какъ-нибудь, читаются какъ нибудь, и похваляются въ журналахъ какъ-нибудь, — что еще хуже порядочнаго — «Разругали!»

Новое не люблю не слушай, а лгать не мѣшай, или Любопытные стрывки изъ жизни Миши Миньича Евстра-

тенкова. Москва, въ тип. Пономарева, 1835, въ-16., стр. 32. № I.

Неужели это , въ самомъ дѣлѣ, № I? Такъ будетъ еще и второй? Нѣтъ, вы шутите, Мина Минычъ! Быть не можетъ! Вы только попустому насъ стращаете вторымъ номеромъ. Отецъ родной , Мина Минычъ, ну довольно перваго!

Рѣчь почетнаго попечителя Смоленской Губернской гимназій, камеръ-юнкера, Князя А. А. Голицына, къ благородному дворянству Смоленской губерній, Москва; въ тип. Университетской, 1835, въ-листъ, стр. 6

Рѣчь о положительномъ знаніи , произнесенная въ торжественномъ собраніи Ярославскаго Демидовскаго Лицея, 15 января, 1835 года, профессоромъ физики, химіи и технологіи, Василиемъ Смирновымъ. Москва, въ тип. Университета, 1835, въ-листъ, стр. 36.

О истинной мудрости. Твореніе , служащее продолженіемъ книги О подражаніи Господу нашему Иисусу Христу, выбранное изъ другихъ сочиненій автора оной книги, съ новымъ расположеніемъ главъ и книгъ. Переводъ съ Французскаго, исправленный по Латинскому подлиннику. Москва. Въ тип. Института Лазаревыхъ. 1834, въ-8, стр. 319.

Встрѣчая на каждомъ шагѣ въ современной Литературѣ произведенія кровавыя, часто вредныя, и нерѣдко совсѣмъ безполезныя , пріятно и утѣшительно приняться за переводъ книги , которой цѣль достойна всякой похвалы. По своей схоластической формѣ и по суровости изложенія, она привлечетъ вниманіе малаго числа читателей , но она достойна полного успѣха. Въ наше время , серьезныя книги читаются рѣдко и съ трудомъ ; мы любимъ пробѣгать книги, — а переводъ «О истинной мудрости» требуетъ чтенія и внимательнаго и неразвлеченнаго. Къ сожалѣнію, переводчикъ не старался дать своей работѣ форму изящную: слогъ его тяжелъ, языкъ мѣстами неправиленъ, и это можетъ отбить отъ книги и послѣднихъ читателей.

СКАЗАНИЕ О ПОБОИЩѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА ДОНСКАГО СЪ НЕЧЕСТИВЫМЪ ЦАРЕМЪ МАМАЕМЪ И СЪ БЕЗЧИСЛЕННЫМИ ТАТАРЫ НА ДОНУ, НА РѢКѢ НЕПРЯДВѢ, НА ПОЛѢ КУЛИКОВѢ, 1380 ГОДА 8 СЕНТЯБРЯ. Сочиненіе XV столѣтія. Издалъ Николай Головинъ. Москва, въ тип. Семена, 1835, въ-8, стр. 32.

Г. Головинъ имѣлъ прекрасное намѣреніе, быть полезнымъ историческимъ наукамъ, и заслуживаетъ за это благодарность: но отъ чего на свѣтъ все дѣлается на выворотъ? Передъ романами, передъ стихотворными поэмками, передъ прозаическими повѣстями, всегда находимъ длинное предисловіе, въ которомъ авторъ или издатель съ подробностью излагаетъ цѣль и средства изданія; а при ученыхъ изданіяхъ, передъ историческимъ памятникомъ — ни полслова, хотя тутъ-то предисловіе и нужно: безъ него почти не знаешь, что дѣлать съ книгою.

Г. Головинъ издалъ книгу безъ предисловія быть можетъ потому, что ему предисловія надобны: но это еще не законная причина. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, профессоръ Снегиревъ издалъ «Сказаніе о побоищѣ»; теперь Г. Головинъ дѣлаетъ тоже, и не говоритъ за чѣмъ. Нашелъ ли онъ новый списокъ? Или изданіе профессора Снегирева не исправно? На эти вопросы долженъ отвѣчать самъ, читатель. При изданіи историческихъ памятниковъ должно непременно, списокъ, служившій текстомъ, рассмотреть, оцѣнить критически, оцѣнить по достоинству, утвердить подлинность его историческими доказательствами и объяснить примѣчаніями, въ которыхъ бы читатель могъ найти разрѣшенія своихъ недоумѣній. Безъ этихъ необходимыхъ условій, изданіе памятника не можетъ служить пособіемъ для историка и не приносить ни какой прямой пользы.

О РОЖДЕНІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Преданіе. Съ присокупленіемъ стиховъ на единодержавіе и кончину сего Монарха, сочиненныхъ на Латинскомъ языкѣ Бургардомъ Адамомъ Селліемъ, и переведенныхъ на Славянскій при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, съ поднесеніемъ оныхъ сей Государыни Московскимъ архіепископомъ Амвросіемъ и бывшимъ митрополитомъ Кіевскимъ Гавріи-

ломъ Кременецкимъ. *СП.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1835, въ-8., стр. 47.*

Эту брошюрку, по словамъ автора, пріятно будетъ читать «когда вѣтеръ бушуетъ, мятель свищетъ, сидя передъ огонькомъ съ друзьями.» Мы непременно испытаемъ способъ чтенія, рекомендуемый авторомъ, и будемъ читать его книжку въ первую мятель, какая случится. Въ мятель она должна быть очень любопытна; въ хорошую погоду — не такъ. Въ этомъ «Преданіи» есть тма дуль, коврижекъ, сахарныхъ леденцовъ, конфетъ, смоквъ, финиковъ и разныхъ другихъ сластей. Это — цѣлый Милютиный Рядъ, выстроенный въ Исторіи. Но мы не совсѣмъ хорошо поняли, въ какомъ отношеніи состоятъ эти дули и сливы съ заглавіемъ книги.?

Записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ, *отъ Тарутинскаго сраженія до Кульмскаго боя. СП.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1834, въ-8. Двѣ части, стр. 158—103.*

Мы жаловались въ прошломъ мѣсяцѣ, что участвовавшіе въ безсмертной войнѣ, не рассказываютъ объ ней того, что знаютъ, — а вотъ и у насъ наступаетъ эпоха записокъ. Мы принимаемся тоже за нашу старую славу и стараемся высказать ее въ голой истинѣ, въ настоящемъ ея блескѣ. Два тома записокъ, плотной печати! Тѣмъ лучше. Сочинитель не сказываетъ своего имени. Это не по формѣ. Въ запискахъ имя автора — дѣло весьма важное. Но какъ бы то ни было, описанія его занимательны и живы; кажется, видишь передъ собою всю мѣстность дѣйствія, всѣ движенія массъ. Нѣкоторыя мѣста отдѣланы съ особеннымъ искусствомъ. Мы возвратимся къ этой любопытной книгѣ.

Руководство къ Исторіи политической системы Европейскихъ Государствъ и колоній ихъ, *отъ образованія оной, по открытіи обѣихъ Индій, до возстановленія оной, чрезъ низверженіе престола Французской Имперіи, и до освобожденія Америки. Сочиненіе Г. Герена. Переводъ съ четвертаго изданія. СП.-бургъ, въ тип. Гинце, 1834, въ-8. Часть III. стр. 377.*

Это послѣдняя, давно ожидаемая часть знаменитаго творенія. Хотя переводъ не вездѣ можетъ удовлетворить раз-

борчивому вкусу, однакожь переводчикъ тѣмъ не менѣе заслуживаетъ общую признательность за перенесеніе въ нашу литературу книги, которой отсутствіе было очень ощутительно. Переводчикъ, по совѣту знатоковъ и любителей исторіи, рѣшился составить примѣчанія къ «Руководству Герена.» Эти примѣчанія будутъ служить объясненіемъ разныхъ терминовъ изъ политическихъ наукъ, и содержать факты, касающіеся внутреннихъ переменъ въ государствахъ. Къ нимъ приложатся историческій словарь и хронологическія таблицы. Все это составитъ четвертый томъ, необходимый для употребленія Геренова руководства у насъ на Руси. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ четвертый томъ будетъ очень полезенъ..

Аналитическій обзоръ главныхъ соображеній Военнаго Искусства, *и отношеній оныхъ съ политикою государствъ. Сочинено Барономъ Жомини, генераломъ отъ инфантеріи и генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества. СП.-бургъ, въ тип. В. Д. Военныхъ Поселеній, 1833, въ-8., стр. 17 и 322.*

Хотя на заглавномъ листѣ выставленъ 1833 годъ, но книга принадлежитъ къ нынѣшнему, потому что вышла только въ прошломъ мѣсяцѣ.

Первое сочиненіе барона Жомини, «О Большихъ военныхъ дѣйствіяхъ», писанное имъ въ молодости, подверглось строгой критикѣ за недостатокъ методы; ученый авторъ рѣшился исправить его изданіемъ «Аналитическаго Обзора.» Первое сочиненіе, по волѣ Государя Императора, было переведено для употребленія учебнымъ пособіемъ въ военныхъ заведеніяхъ. Теперь и второе издано по-Русски съ тою же цѣлію. Твореніе это давно уже пользуется въ Европѣ заслуженною славою; надъ переводомъ, сколько намъ извѣстно, трудился Г. Языковъ и выполнилъ его съ успѣхомъ.

Практическое руководство къ произведенію изъ *фашиновъ* разнаго рода сооруженій, служащихъ для охраненія береговъ отъ вреднаго дѣйствія струи и для улучшенія ложбины *рыкъъ*, въ пользу судоходства. Составилъ Францъ Зеге, Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій инженеръ-полковникъ и членъ Ком-

мисіи Разсматриванія Проектовъ и Смптъ. СП.-бургъ, въ тип. Г. У. Путей Сообщенія, 1834, въ-8., стр. VI—237.

Авторъ руководствовался сочиненіями Эйтельвейна, Вибеккина, Шемерла и барона Пехмана, дополняя ихъ собственными своими наблюденіями и примѣняя ихъ къ нашимъ отечественнымъ потребностямъ. Долголѣтняя служба и безпрестанныя занятія сочинителя по описываемой части, суть лучшія поручительства въ достоинствѣ книги, составленной съ ученымъ тщаніемъ, и которой польза вполнѣ будетъ оцѣнена на самой практикѣ.

Руководство къ перспективѣ Г. Лавита, профессора Парижскаго Атеней (бывшаго Лицея). Переводъ съ Французскаго Елисаветы Клевецкой. СП.-бургъ, въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1834, въ-8. Томъ I, стр. 354.

Переводъ прекраснаго и полезнаго сочиненія Лавита напоминаетъ намъ о важномъ недостаткѣ въ нашей литературѣ живописи: у насъ доселѣ не было учебнаго пособія, годнаго къ изученію перспективы. Перспективѣ учились долгимъ, скучнымъ навыкомъ, и никто не думалъ о облегченіи труда юношеству. Дама рѣшилась услужить молодымъ живописцамъ, и перевела хорошее руководство. Г-жа Клевецкая издала его съ прекрасно гравированными рисунками, и съ той изящностью, которая тотчасъ свидѣтельствуешь о прикосновеніи бѣлой, прелестной и пахучей ручки. Если бѣ я былъ молодой живописецъ, я бы велѣлъ переплести это «Руководство» великолѣпно, въ красный сафьянъ, съ готическими *изузозо — изозу....зо — изузоровающими* (тфу, какое слово!) украшеніями; просилъ бы любезную мою благодѣтельницу позволить обогатить его своей миниатюрой, и всегда бы имъ руководствовался. О, если бѣ я былъ молодой живописецъ!....

Наставленіе о разведеніи Испанскихъ овецъ, и надлежащемъ смотрѣніи за ними. Сочиненіе Д. О. Шмальца. Переведено съ Нѣмецкаго языка на Россійскій и по полному замѣчаніямъ и прибавленіямъ для пользы эконо-мико-хозяевъ, занимающихся въ Россіи овцеводствомъ, съ-

описаніемъ ежемѣсячныхъ занятій и распоряженій, К. Бергштроссеромъ. *СП.-бургъ, въ тип. Деп. Вѣдѣній Торговли, 1834, въ-8., стр. IX и 261.*

Сочиненіе Шмальца пользуется отличною репутаціею въ чужихъ краяхъ, и нѣтъ сомнѣнія, что и у насъ заслужитъ такую же. «Россійскій языкъ» перевода Г. Бергштроссера не совсѣмъ Русскій, но этотъ бездѣльный недостатокъ, котораго Испанскія овцы вѣрно и не замѣтятъ, вполне покупается для ихъ хозяевъ вѣрностью перевода и любопытными примѣчаніями переводчика.

Записки перваго Комитета Сахароваровъ, составленнаго при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Прибавленіе къ Земледѣльческому Журналу. Москва, въ тип. Университетской, 1834 въ-8., стр. 125.

Московское общество Сельскаго Хозяйства признало полезнымъ учредить особый комитетъ изъ Гг. сахароваровъ и издавать его труды, въ видѣ прибавленія къ Земледѣльческому Журналу. Поводомъ къ учрежденію особаго комитета было полезное изобрѣтеніе Г. Давыдова по части свекло-сахарнаго производства, указавшее на многія улучшенія въ этой важной и прибыльной вѣтви отечественной промышленности. Занимающіеся выдѣлкою сахара обратятъ, безъ сомнѣнія, все свое вниманіе на способъ, изобрѣтенный Г. Давыдовымъ. Вотъ какъ описываетъ его выгоды самъ изобрѣтатель:

«Паровой способъ производства доставляетъ несомнительно важнѣйшія выгоды; но онъ принадлежитъ болѣе мануфактурамъ, нежели сельскому домоводству. Напротивъ того новый способъ, обезпечивая заведеніямъ большія выгоды, представляетъ также возможность каждому хозяину, безъ усиленныхъ издержекъ и безъ предварительныхъ свѣдѣній, производить сахаръ въ значительномъ количествѣ. Смѣю увѣрить, что съ сего времени сія промышленность, представляющая капиталъ 600 милліоновъ рублей, или ежегодный расходъ простирающійся до 30 милліоновъ, можетъ почитаться вѣрнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ любезнѣйшему нашему Отечеству, — дастъ новую цѣнность имѣніямъ, и доставитъ болѣе части помѣщиковъ неизвѣстныя еще доходныя средства.»

Новый способъ, котораго описаніе надобно читать въ самихъ «Запискахъ», въ холодной вымочкѣ истертой мезги свекловицы.

Общество поднесло Д. А. Давыдову благодарственный адресъ и золотую медаль — «За неутомимые труды и патриотическія пожертвованія, употребленныя имъ для достиженія важнаго открытія въ свеклосахарномъ производствѣ».

Краткій обзоръ нѣкоторыхъ частей Гимнастики и Калистиніи для дѣвицъ. Г. М. де Паули. *СП.-бургъ, въ тип. Видергольма, 1834, въ-8., стр. 48.*

Знаете ли, сударыни, какая миленькая вещь — Калистинія? Это ни лента, ни фермуаръ, ни шарфъ, — нѣчто еще милѣе ленты, фермуара и шарфа, — вещь чрезвычайно любопытная. Она приноситъ здоровье, даетъ прекрасный розовый румянецъ, сообщаетъ гибкость таліи, и прогоняетъ капризы. Очень весело! Познакомьтесь, сударыни, съ Калистиніею. Правда, она наука; но милая, не строгая наука, или правильнѣе, искусство; она не мѣшаетъ ни прогуливаться въ каретахъ, ни танцовать; она даже проситъ ѣздить верхомъ вмѣстѣ съ нею. Очень весело! Одно только въ ней несносно: она нападаетъ на корсеты. Но куда ей совладѣть съ ними! Корсеты всегда останутся побѣдителями.

Опытъ дѣленія нѣкоторыхъ угловъ на три, пять и семь равныхъ частей. Сочиненіе Теофилакта Малиновскаго. *СП.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1835, въ-8., стр. 12.*

Памятная Книжка на 1835 годъ. Въ-16., стр. 290.

Хотя здѣсь не означено ни города, ни типографіи, однако жъ извѣстно, что эта книжка ежегодно издается здѣсь въ Петербургъ отъ Главнаго Штаба, и печатается въ его типографіи. Ея наружность изящная и красивая. Ея содержаніе — коротенькій мѣсяцословъ, означеніе чиновъ Двора и главныхъ Мѣстъ и Управленій, росписи храмовымъ праздникамъ, гвардейскимъ полкамъ, извѣстія о приходѣ и отправленіи почтъ въ Петербургъ, формы одежды военныхъ въ праздники и на парадахъ, адреса министровъ, министерствъ, посланниковъ и другихъ важныхъ лицъ, и прочая. Для пріѣзжающихъ изъ провинцій, эта книжечка — сущій кладъ.

VII.

С М Ъ С Ъ.

КОРОЛЕВСКИЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ЛОНДОНѢ. *Открытія* Г. Меллони. Нынче всѣмъ извѣстно, что свѣтъ — тѣло не простое; лучъ свѣта состоитъ изъ семи цвѣтныхъ лучей, называемыхъ цвѣтами призмы или радужными, и совокупленіе ихъ образуетъ нашъ обыкновенный бѣлый свѣтъ. Не всѣ прозрачныя тѣла пропускаютъ эти семь лучей свѣта вмѣстѣ: нѣкоторые даютъ проходъ только извѣстному ихъ числу, иные останавливаютъ цѣлыхъ шесть лучей и пропускаютъ какой-нибудь одинъ. Прозрачныя тѣла вообще одни доступны только краснымъ, другія желтымъ, третьи голубымъ лучамъ, и такъ далѣе. На этомъ основана теорія цвѣтовъ. Такъ, напримѣръ, стекло бываетъ краснымъ или желтымъ, смотря по свойству его пропускать только красные или желтые лучи. То же самое разумѣется о поверхностяхъ тѣлъ непрозрачныхъ, не пропускающихъ, а отражающихъ свѣтовую матерію: онѣ бываютъ того цвѣта, какой цвѣтной лучъ исключительно отъ нихъ отражается, между-тѣмъ какъ остальные шесть лучей изсякаютъ или гибнутъ. Что сказано здѣсь о прозрачныхъ тѣлахъ относительно къ свѣту, то Г. Меллони открылъ въ нихъ вразсужденіи лучей теплоты. Этотъ искусный и ученый физикъ доказалъ весьма тонкимъ и остроумнымъ способомъ, что не всѣ даже прозрачныя тѣла одинаково пропускаютъ лучи теплоты, или лучистый теплотворъ, одного и того же источника. Свойство пропускать всѣ теплотворные лучи не всегда соразмѣрно съ прозрачностью; оно зависитъ отъ сущности вещества, подвергаемаго опыту. Есть тѣла, пропускающія свѣтъ и останавливающія лучи теплотвора, тогда какъ другія останавливаютъ лучи свѣтовые и пропускаютъ теплотворные.

И такъ, лучистый теплотворъ можно почитать состоящимъ изъ разныхъ теплотворныхъ лучей, которые частію останавливаются, частію пропускаются прозрачными тѣлами.

Въ одномъ изъ послѣднихъ заведеній Королевскаго Института въ Лондонѣ Г. Фаредѣ читалъ разсужденіе объ этихъ любопытныхъ открытіяхъ Г. Меллони. Давно было извѣстно, говоритъ знаменитый электро-химикъ, что солнечные лучи, проходя сквозь стекло, и, какъ замѣтили потомъ Парри и Фраплинъ, сквозь ледъ, не нагреваютъ пластинокъ, но теряютъ только часть своей теплоты. Гершель и Бранде сдѣлали нѣсколько важныхъ наблюденій о теплопроводности различныхъ тѣлъ, но за недостаткомъ тѣхъ инструментовъ, которые могъ употребить Г. Меллони, успѣхъ ихъ вообще былъ невеликъ. Единственный извѣстный прежде снарядъ для измѣренія съ нѣкоторой точностью различныхъ степеней тепла былъ дифференціальныи термометръ, но Г. Меллони, Италіанскій физикъ, живущій въ Парижѣ, умѣлъ приспособить къ этой цѣли инструментъ, устроенный по началу электрометра: онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ висмутовыхъ и сурьмяныхъ кружковъ, и по приближеніи къ которому-нибудь концу его малѣйшаго количества теплоты производитъ видимое уклоненіе магнитной стрѣлки подобно электрометру. Инструментъ этотъ даетъ способъ дѣлать опыты, казавшіеся дотолъ невозможными. Г. Меллони измѣрилъ имъ разныя степени теплопроводности великаго множества веществъ. Онъ нашелъ, что лучъ теплоты, пропущенный сквозь стекло, даетъ только 50 на сто на теплоуказатель, а пропущенный сквозь каменную соль, тотъ же лучъ даетъ 92. Г. Фаредѣ повторялъ эти опыты, пропуская лучъ обыкновенной лампы, и удостовѣрился, что стекло, флинтгласъ, истребляетъ 50 процентовъ тепла, а каменная соль только 8, и что толщина тѣлъ не причиняетъ здѣсь большой разницы: стекло употреблялъ онъ очень тонкое, а каменную соль около дюйма толщиною. Онъ также показываетъ, что теплопроводность вшестеро сильнѣе въ каменной соли, чѣмъ въ квасцахъ одинаковой толщины, хотя прозрачность и сила преломленія почти равностепенны въ обоихъ. Одно изъ самыхъ важныхъ и примѣчательныхъ обстоятельствъ этого открытія состоитъ въ томъ, что теплота низшаго источника едва ли не дѣйствительнѣе теплоты высшаго, то есть, что каменная соль почти равно проницаема для тепла всѣхъ степеней: теплота руки столь

же мало ослабѣваетъ, проходя сквозь данную толщину соли, какъ и всякій другой родъ высокой, сильной теплоты. Онъ пытался пропускать теплотворный лучъ изъ раскаленнаго желѣза, изъ ламповаго пламени, изъ горячей воды, — и результатъ былъ все тотъ же; изъ 100 долей падающаго луча 92 всегда проходило. Есть поэтому значительная разность между свѣтопрозрачностью и теплопрозрачностью тѣлъ, и каменная соль оказалась на опытѣ единственнымъ веществомъ, совершенно проницаемымъ для теплотвора, потому что всѣ другія испытанныя тѣла останавливали лучи его болѣе или менѣе. Г. Меллони, основываясь на этихъ наблюденіяхъ, утверждаетъ, что теплота и свѣтъ — двѣ вещи, совершенно различныя, но по мнѣнію Г. Фаредѣ, приводимыя имъ доказательства недостаточны. И прежде было извѣстно, что теплотворные лучи лишены цвѣта лучей свѣтовыхъ: поэтому каждый пойметъ, какъ трудно должно быть точное опредѣленіе свойствъ и дѣйствій лучей невидимыхъ сравнительно съ тѣми, которые доступны и для глаза. Многіе факты дѣлаютъ между-тѣмъ весьма вѣроятнымъ, что и эти видимые, цвѣтные лучи, и эти безцвѣтные и незримые, суть истечения одного и того же дѣятеля, то есть, что теплота быть-можетъ не что иное, какъ свѣтъ безцвѣтный для нашего глаза, который устроенъ для ощущенія только семи особенныхъ лучей его и не пропускаетъ другихъ. Ничто не даетъ намъ права думать, чтобы нашъ глазъ ощущалъ *всѣ* разноцвѣтныя линіи, изъ сліянія которыхъ состоитъ лучъ бѣлаго свѣта; онѣ могутъ быть гораздо многочисленнѣе семи и вовсе понятнаго для насъ цвѣтнаго вида; есть глаза, которые не пропускаютъ даже семи видимыхъ цвѣтныхъ лучей, а большая часть земныхъ прозрачныхъ тѣлъ пропускаютъ только одинъ изъ семи вполне, остальные же или они останавливаютъ или пропускаютъ очень несовершенно, отъ чего и происходятъ отливы ихъ цвѣта. То же самое очень возможно и въ сужденіи лучей свѣта незримыхъ, или безцвѣтныхъ, дѣйствующихъ своею совокупностью на чувства наши въ образѣ теплоты: смотря по особенному строенію своихъ частицъ, прозрачное тѣло властно избирать себѣ во множествѣ этихъ лучей только тѣ, которые сквозь него проходятъ болѣе или менѣе свободно, и останавливать

★

другіе, такъ же какъ оно избираетъ и между видимыми цвѣтными лучами, тоже одаренными теплотою, и довольно разнообразною при ощущеніи. Г. Меллони находилъ, что есть большія разности въ количествѣ теплотворныхъ лучей, пропускаемыхъ цвѣтными стеклами, и Г. Фаредѣ сдѣлалъ нѣсколько замѣчательныхъ опытовъ по этой части. Онъ говорилъ въ засѣданіи Института, что лупы и призмы каменной соли производятъ вразсужденіи тепла тѣ же самыя дѣйствія, какія оптический инструментъ производитъ надъ свѣтовыми лучами, и что всѣ свѣтопрозрачныя тѣла только отчасти или несовсѣмъ теплопрозрачны.

ГАЛЛЕЕВА КОМЕТА. Въ ожиданіи появленія знаменитой и слишкомъ рѣдкой гостии, любопытно слушать рассказы тѣхъ, которые состоятъ съ ней въ сношеніяхъ и ведутъ счетныя дѣла ея. Извѣстный Французскій астрономъ, Г. Понтекуланъ, о разысканіяхъ котораго въ этомъ отношеніи мы уже говорили по случаю книги Г-жи Сомервилль, напечаталъ теперь о Галлеевой кометѣ небольшое сочиненіе: мы должны привести изъ него нѣсколько подробностей.

«Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ кометъ, замѣчательнѣйшая по важности ея въ исторіи Астрономіи — безспорно Галлеева, появляющаяся черезъ промежутки времени отъ 75 до 76 лѣтъ. Прежнія явленія этой кометы были ознаменованы необычайными обстоятельствами, но въ послѣдствіи она постепенно утрачивала свои ужасы: объемъ ея уменьшился, свѣтъ ослабѣлъ и въ послѣдній возвратъ ея, въ 1759 году, она казалась обыкновенною кометою. Долго была она единственною, которой періодическое возвращеніе было намъ извѣстно. Съ недавнихъ поръ планетная система наша обогатилась двумя новыми феноменами этого рода, именно открытіемъ кометъ Энковой и Бѣловой, изъ которыхъ первая уностреляетъ на обтеченіе своего пути 5 года и 5 мѣсяца, а вторая 6 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ; но хотя онѣ доставляютъ астрономамъ и геометрамъ предметы для замѣчательныхъ изслѣдованій, однако жъ по кратковременности ихъ періода, по ограниченности пространства, въ которомъ заключено ихъ движеніе, по маловажности замѣшательства, которымъ они подвергаются и которыя весьма слабо измѣняютъ элементы ихъ орбитъ, — по всему этому, онѣ для

насъ не иное что, какъ двѣ новыя планеты. Онѣ не переходятъ, подобно другимъ кометамъ, за извѣстные намъ предѣлы нашей системы; приблизившись къ солнцу, онѣ не удаляются отъ него на разстоянія, подавляющія воображеніе; словомъ, въ нихъ нѣтъ того величія и неправильности, которыя невольно привязываютъ насъ ко всему, что какъ-будто выходитъ изъ обыкновеннаго порядка природы. Комета Ольберсова, бывшая въ 1815 году, возвратится только черезъ 1888 лѣтъ: ждать ее долго, и Богъ знаетъ, кто повѣритъ наши объ ней расчеты. Такъ, одна комета 1759 года имѣетъ преимущество быть для насъ совсѣмъ особеннымъ явленіемъ въ системѣ міра, и выставяетъ въ самомъ блестящемъ свѣтѣ могущество вычисленій, которыя слѣдуютъ за нею въ неизмѣримыхъ пространствахъ, и опредѣляютъ наконецъ съ точностію неравное продолженіе ея періодовъ, несмотря на сильныя и многочисленныя замѣшательства въ движеніи этого тѣла.

«По всѣмъ вѣроятностямъ, около половины ноября нынѣшняго года пройдетъ она черезъ ближайшую къ солнцу точку своей орбиты. Хотя надежность употребляемыхъ нами выкладокъ позволяетъ надѣяться, что на этотъ разъ настоящее время прохожденія будетъ разниться отъ предполагаемаго не болѣе какъ нѣсколькими днями, однако жъ нельзя увѣрять въ этомъ положительно. Дѣйствительно, множество количествъ, которыя должно пренебрегать въ вычисленіи, поправки, которымъ могутъ еще подлежать числовыя величины планетныхъ толщъ, и особенно Урановой, такъ мало намъ извѣстной; сопротивленіе весьма рѣдкаго посредства (*medium*), уже очевидно дѣйствующаго на ходъ Бѣловой кометы, и повидимому уменьшающаго большую ось кометныхъ орбитъ, а слѣдственно и время ихъ оборота, — всѣ эти обстоятельства могутъ какъ нарочно обмануть наши ожиданія и замедлить или ускорить срокъ возвращенія кометы, къ перигелію или ближайшему разстоянію ея отъ солнца.

«Она будетъ видна во всей Европѣ съ конца августа или начала сентября, то есть, мѣсяца за два до прохожденія чрезъ перигелій. Положеніе кометы будетъ весьма благо-

пріятствовать явленію ея въ полномъ блескѣ: она пройдетъ черезъ зенитъ Парижа 3 октября. Ее можно будетъ видѣть простымъ глазомъ и какъ звѣзду первой величины, но свѣтъ ея будетъ тусклѣе планетнаго, заслоненный блѣдною облачностью, которою она должна быть окружена. Къ исходу ноябрю комета исчезнетъ въ солнечныхъ лучахъ и выйдетъ изъ нихъ къ концу декабря. Быть-можетъ, она будетъ видна еще нѣсколько дней, но какъ разстояніе ея отъ солнца должно увеличиваться весьма быстро, то мы скоро потеряемъ ее изъ виду.

«Таковы будутъ физическіе признаки кометы 1759 года въ пывшій ея возвратъ, если только испареніе не уменьшило съ того времени толщи вещества, изъ котораго она состоитъ, какъ уже замѣчено въ другихъ кометахъ. Поэтому, въ 1855 году не должно ожидать появленія одного изъ тѣхъ *horribilis aspectu, horrendæ magnitudinis, страшныхъ видомъ, ужасной величины свѣтилъ*, которыя пугали народъ въ вѣкъ невѣжества.

»Физическіе признаки кометъ разнообразны до безконечности. Многія не имѣютъ примѣтныхъ хвостовъ; у другихъ видали ихъ по нѣскольку: комета 1744 года была о шести ясно видимыхъ хвостахъ. Очертаніе, длина и ширина кометныхъ хвостовъ, не подлежатъ, какъ и число ихъ, постояннымъ правиламъ. Есть кометы, которыхъ твердое и темное ядро отражаетъ блестящій свѣтъ, подобный планетному; есть кометы и безъ примѣтнаго ядра, которыя во всемъ своемъ пространствѣ сіяютъ одинакимъ свѣтомъ, и которыя безъ-сомнѣнія не что иное, какъ скопища паровъ. Видали кометы, которыхъ блескъ спорилъ съ солнечнымъ, другія потемняли луну, третьи были свѣтлѣе Сиріуса, самой лучезарной изъ звѣздъ, и рядомъ съ этими свѣтилами ежедневно являются такія тусклыя, что почти исчезаютъ предъ малѣйшимъ свѣтомъ въ пространствѣ, или подъ телескопа.»

Тогда какъ по вычисленію Г. Понтекулана, Галлесва комета станетъ быть видна въ Европѣ не прежде исхода августа или начала сентября, знаменитый астрономъ Ольберсъ, у котораго есть своя собственная комета, предсказываетъ

совсѣмъ другое. Онъ прислалъ въ Лондонское Астрономическое Общество разсужденіе, въ которомъ старается показать, что комета, говоря журнальнымъ слогомъ, ожидаемая съ такимъ нетерпѣніемъ, можетъ быть видна и въ мартѣ, до соединенія ея съ солнцемъ. Вѣроятность эту основываетъ онъ преимущественно на томъ обстоятельстве, что другія кометы, особенно комета 1811 года, были видны въ большихъ разстояніяхъ отъ солнца и отъ земли сравнительно съ тѣми, въ какихъ будетъ находиться Галлеева весною 1835 года. Докторъ Ольберсъ не полагаетъ ее такой величины, чтобъ, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, она могла быть видна столь же ясно, какъ блестящая комета 1811 года; однако жъ прежніе наблюдатели описываютъ ее довольно значительною. Сверхъ-того, она будетъ освѣщена солнцемъ сильнѣе, чѣмъ была комета 1811 года въ августъ 1812, когда Г. Висневскій наблюдалъ ее окончательно, употребляя къ тому телескопы гораздо слабѣе тѣхъ, какіе имѣемъ мы нынче. Опираясь на значительномъ блескъ Галлеевой кометы въ 1682 году, докторъ Ольберсъ, разумѣется, предполагаетъ, что съ той поры не потеряла она ни какой чувствительной убыли въ своей толщѣ. Многіе астрономы вѣрятъ, что вещество кометъ постепенно разсѣвается; но доселѣ не имѣемъ мы данныхъ для вывода подобнаго заключенія о Галлеевой кометѣ. Въ 1607 и 1759 годахъ казалась она блѣдною и тусклою, а въ 1682 году была весьма блестяща; и тусклость ея въ 1607 и 1759 годахъ можно объяснить тогдашнимъ положеніемъ кометы между солнцемъ и землею, не прибѣгая къ перемѣнѣ толщи. Еще одно важное замѣчаніе: комета Энке была видна въ гораздо большемъ разстояніи отъ земли и отъ солнца до прохожденія ея чрезъ перигелій, чѣмъ послѣ. Если то же будетъ и съ Галлеевою, то вѣроятность увидѣть ее нынѣшнюю весну еще болѣе усилится.

ВЛІЯНІЕ ОТПРАВЛЕНІЙ УМСТВЕННЫХЪ НА ТѢЛЕСНЫЯ.

Матерьялисты, вышедши изъ анатомическихъ школъ съ умами, наполненными дивнымъ строеніемъ человѣческаго тѣла, объясняютъ все организаціей, и говорятъ, что мысль такое же отправление мозга, какъ пищевареніе — желудка,

или, словами графа Дестюттъ-Траси, что «мыслесѣпле-
ніе просто механическая и химическая связь органическихъ
движеній.» Ихъ противники, по примѣру Беркеlea, впа-
даютъ въ другую крайность, и распространяютъ спери-
туализмъ даже на явленія совершенно вещественнаго на-
чала. И здѣсь, какъ вездѣ, истина гдѣ-нибудь находится
въ серединѣ. Присутствіе въ человѣкѣ двухъ жизней, жи-
вотной и духовной, которыхъ дѣйствія чрезвычайно пере-
путаны и сплетены другъ съ другомъ, очевидно для каж-
даго безпристрастнаго наблюдателя: по мнѣнію нашему,
вопросъ нынче состоитъ въ томъ, — которое именно дѣй-
ствіе принадлежитъ тому или другому началу? Философія,
вмѣсто восторженныхъ мечтаній объ отвлеченномъ *Я*, луч-
ше бы сдѣлала, если бѣ соединилась съ Физиологіей и Есте-
ственной Исторіей, и занялась при ихъ пособіи опытнымъ
изслѣдованіемъ, въ цѣлой цѣпи животнаго царства, этой
важной задачи одушевленнаго бытія. Г. Дюфуръ въ своемъ
новомъ «Опытѣ изученія человѣка относительно къ живот-
ной и умственной его жизни», старается опредѣлить вы-
водами изъ многочисленныхъ фактовъ явленія, принадлежа-
щія каждой изъ двухъ сторонъ, и потомъ изслѣдовать сущ-
ность ихъ несходства и связи. Мы не говоримъ, чтобы
изысканія его были вообще удовлетворительны, но онъ
представляетъ весьма оригинальныя и любопытныя доказа-
тельства различія между духовною и животною жизнью,
основываясь преимущественно на способности человѣка по-
вѣлывать посредствомъ ума и воли самыми пламенными же-
ланіями и самыми крайними пуждами тѣла: онъ приводитъ
нѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ въ этомъ отношеніи.

«Въ арміи знавалъ я одного молодого солдата, хла-
го сложеніемъ, который, несмотря на частыя наказанія,
упорно притворялся подверженнымъ падучей болѣзни. Чтобъ
преодолѣть его упрямство, рѣшились мы въ первый при-
падокъ кнать ему сургучъ на голое тѣло: плутъ, помощію
одной воли, вытерпѣлъ муку, продолжавшуюся нѣсколько
минутъ, безъ малѣйшаго признака чувствительности. Но
когда ему пригрозили еще жесточайшимъ наказаніемъ, онъ
сознался въ обманѣ.

«Другой солдатъ, въ пятнадцатомъ конномъ полку, такъ

искусно разыгрывалъ глухого, что ни какія испытанія не могли заставить его измѣнить себя. Полковникъ, надѣясь подстеречь его, спрятался однажды въ конюшню, гдѣ онъ съ нѣсколькими товарищами задавалъ лошадямъ сѣно; вдругъ когда этого никто не ожидалъ, полковникъ сдѣлалъ два пистолѣтные выстрѣла, которые всѣхъ перепугали, кромѣ глухого: видя, что солдатъ не дрогнулъ, онъ рѣшился уволить его въ отставку. На другой годъ полковникъ узналъ этого челоуѣка въ Фонтенебло, и къ великому удивленію нашель, что онъ превосходно слышитъ. Полковникъ не могъ надвинуться, когда уволенный сталъ просить прощенія въ томъ, что такъ славно обманулъ прежняго своего начальника.

« Недавно одинъ молодой челоуѣкъ, чтобъ выдать себя за законнаго наследника одного богатаго имѣнія, представлялся глухонѣмымъ. Постоянно сохраняя видъ дурака и всегда на-сторожѣ отъ хитростей, онъ уничтожалъ всѣ уловки, которыми хотѣли обличить его. Дѣйствительно, одною силою воли, онъ совершенно подавилъ чувствительность своихъ слуховыхъ нервовъ: даже во время сна, когда вдругъ выстрѣливали надъ самымъ его ухомъ, оставался онъ безчувственнымъ какъ камень. Онъ конечно успѣлъ бы въ обманѣ, если бъ не измѣнили ему другія, постороннія обстоятельства. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ дѣйствія воли совершенно различны отъ явленій физической жизни, и что даже смѣшно было бы относить ихъ къ одному и тому же началу. »

Другое доказательство, на которое сильно опирается Г. Дюфуръ, состоитъ въ томъ, что есть много случаевъ, гдѣ челоуѣкъ при смерти, — страждущій напริมѣръ апевризмою начальственной вѣпы, — сохраняетъ умственные способности во всей силѣ единственно помощію твердости духа.

« Я былъ очевидцемъ смерти одного старика, который за нѣсколько минутъ передъ кончиною убѣдилъ всѣхъ присутствовавшихъ точностью, силою и вѣрностью своихъ разсужденій, что, хотя видимое и ошутимое выраженіе мысли

не можетъ обойтись безъ дѣйствія нѣкоторыхъ органовъ; однако жъ начало, творящее мысль, не можетъ быть то же самое, которымъ поддерживаются эти органы.»

Книга Г. Дюфура заслуживаетъ вниманіе. Философія тогда только сдѣлается наукою истинно полезною, когда рѣшится быть наукою опытною, и станетъ собирать факты.

ДОЛИНА ПЕЩЕРЪ НА ОСТРОВѢ СВ. МИХАИЛА. Капитанъ Борнъ, посѣтившій въ прошломъ году эту прославленную долину, сообщаетъ объ ней примѣчательныя подробности въ сочиненіи своемъ — *Description of Azores, 1855*, — «Описаніе Азорскихъ Острововъ». Въ «Долинѣ Пещеръ» кромѣ множества ручейковъ и ключей, бьющихъ изъ земли во всѣ стороны, есть три большія вмѣстилища горячей воды, которая кипитъ безпрестанно и съ ужасною силою, иногда при отголоскѣ страшныхъ выстрѣловъ и другихъ родовъ шума подъ землею. Большой изъ этихъ водоемовъ имѣетъ около пяти аршинъ въ поперечникѣ. Температура воды бываетъ въ немъ отъ 22 до 80 градусовъ, тогда какъ вокругъ она не болѣе 17°. Другой водоемъ, или котелъ, не такъ великъ, но почти одинаковаго свойства.

«Саженьяхъ въ пяти къ сѣверу отъ большаго котла есть третій, называемый Педра Ботилья, въ низменномъ пещерномъ положеніи: вода кипитъ въ немъ очень сильно, какъ въ настоящемъ котлѣ, и также съ подземнымъ шумомъ. Онъ извергаетъ множество мыловатаго ила, котораго цѣлительность въ кожныхъ болѣзняхъ и нарывахъ доказана удивительными примѣрами. Но любопытнѣйшее явленіе, которымъ знаменита Педра Ботилья, или Скала-Бутылка, состоитъ въ томъ, что если громко закричать въ отверстіе этого котла, кипятокъ начнетъ бить далеко за предѣлы ключа, на разстояніе, соразмѣрное силѣ голоса. Признаюсь, рассказамъ объ этомъ я не слишкомъ вѣрилъ, но представьте мое удивленіе, когда крикъ нашего общества убѣдилъ меня въ ихъ справедливости, а бывший съ нами Бразилецъ увѣрялъ насъ, что ему случалось видѣть, въ отвѣтъ на голосъ, изверженіе сердитой воды съ огнемъ и дымомъ. Извольте, господа физики, объяснить это явленіе!»

Вблизи есть много другихъ цѣлительныхъ ключей. Нѣ-

которые изъ нихъ холодныя и содержатъ селитрянную стрѣнную и угольную кислоту съ желѣзомъ, квасцами и магнизіею. Одинъ сильно упитанъ углекислымъ газомъ, чрезвычайно пріятенъ на вкусъ, способствуетъ пищеваренію и производитъ почти тотчасъ же аппетитъ. Какъ жаль, что такое мѣсто остается въ совершенной неизвѣстности и почти безъ всякой пользы для свѣта?

ЗОДЧЕСТВО МУХОЛОВОВЪ. Природа ни въ чемъ такъ не удивительна, какъ въ средствахъ, которыми занимается она разумъ въ безразумныхъ тваряхъ. Наблюденіе изъ кабинета обыкновенно слѣпо въ этомъ случаѣ, или слишкомъ гордо для того, чтобъ отдать справедливость механизму мысли въ существахъ ниже человѣка. Надобно быть такому энтузіасту къ природѣ, какъ Г. Одюбонъ, чтобъ сдружиться всею душою съ мелкимъ, воздушнымъ ея хозяйствомъ, проникнуть въ самыя тайныя его подробности и согрѣть его тѣми же чувствованіями, какими человѣкъ облагораживаетъ въ глазахъ своихъ кругъ собственныхъ дѣйствій. Зато его наблюденія открываютъ на каждомъ шагу новый рядъ идей, и теплыя, одушевленные его рассказы переносятъ васъ въ семейную жизнь пернатыхъ, съ которыми вы готовы раздѣлять, подобно ему, и домашніе ихъ хлопоты, и житейскія соображенія.

«На тополь, который почти касался моего окна, говоритъ онъ, замѣтилъ я гнѣздо мухолововъ. Никогда не видалъ я его такъ низко и до-сихъ-поръ не имѣлъ случая подсмотрѣть такъ хорошо образъ жизни этой маленькой породы. Гнѣздо было почти такого же вида, какъ и другія, которыя удавалось мнѣ сбивать цулами съ вершинъ высокихъ деревьевъ; но оно не было повѣшено на вѣточкахъ, потому, что птички видя не опасались здѣсь змѣи, а прикрѣплено было къ самому стволу. Птички строили его дней восемь, работая больше по утрамъ и ввечеру. До выбора ими этого мѣста, и часто видалъ, какъ онѣ осматривали дерево и щебетали вмѣстѣ, какъ-будто поздравляя другъ друга съ находкою такого удобнаго и безопаснаго пристанища. Однажды утромъ я подсмотрѣлъ ихъ обихъ за работою; онѣ ужъ прикрѣпили нѣсколько тоненькихъ

травинокъ къ сучечкамъ и къ корѣ ствола и расположили ихъ въ кружекъ, лучеобразно. Потомъ продолжали онѣ работу до тѣхъ поръ, пока на этихъ лучахъ, служившихъ основою, выткали другими травинками родъ нѣжной ткани въ видѣ открытаго мѣшечка. Къ концу втораго дня, нанесли онѣ частицъ шершеныхъ гнѣздъ и пшеничной шелухи, и патыкали ихъ въ дырочки между рядами травинокъ своей ткани, которую подбили еще для прочности шелковистыми волокнами растений. На третій день, птичекъ не было: я думалъ, что кошка унесла ихъ, подкравшись съ кровли, и отчаявался увидѣться съ ними опять. Однако жъ на слѣдующее утро голосъ ихъ разбудилъ мое вниманіе, прежде чѣмъ я всталъ съ постели: онѣ опять прилежно трудились. Матерьялы, теперь ими употребляемые, состояли преимущественно изъ чрезвычайно тонкихъ травинокъ, которыми онѣ устилали внутренность гнѣзда. Машинки улетали и черезъ часъ возвращались вмѣстѣ съ носею травки: по-этому я полагалъ, что онѣ отправляются за ней куда-нибудь далско. Я вышелъ на улицу, чтобъ посмотреть, въ которую сторону онѣ пустятся, и слѣдовалъ за ними, пока онѣ порхали къ рѣкѣ съ дерева на дерево. Тутъ онѣ остановились и какъ-будто выжидали меня съ нетерпѣніемъ: когда я немного отошелъ, онѣ полетѣли далѣе, на большой лугъ, гдѣ стоялъ стогъ сѣна. Онѣ опустились на него, и въ нѣсколько минутъ выбрали по травинкѣ. Возвратясь тѣмъ же путемъ, онѣ такъ медленно порхали съ дерева на дерсво, что терпѣніе мое подверглось жестокому испытанію. Еще цѣлые два дня лстали онѣ за той же травкою, для выстилки своего дома. Въ седьмой я видѣлъ одну самку за работою: она употребляла шерсть и конскій волосъ. Во весь почти слѣдующій день обѣ птички только и дѣлали, что сглаживали внутренность. Онѣ входили въ гнѣздо, топтали, сажались, повертывались, и обмывали свою обшивку разъ посту въ часъ. Самецъ пересталъ чирикать: онѣ и его подруга были, кажется, въ большихъ хлопотахъ. Они чего-то боялись; можетъ подозрѣвали меня въ злонамѣренности; улетали и возвращались такъ часто, что этотъ урокъ въ гнѣздостроеніи наконецъ утомилъ меня нешутя. Но опасенія ихъ разстались со-временемъ.

«Въ теченіе пяти сутокъ положено было столько же яичекъ, — маленькнхъ, узкой продолговатой формы, бѣлыхъ, съ рѣдкими красновато-черными крапинками на широкомъ концѣ ихъ. Птички сидѣли на нихъ поочередно, хотя и безъ ерока, и въ двѣнадцатый день вылупились птенцы. Я замѣтилъ, что самецъ приносилъ самкѣ мошекъ, а она жевала и размачивала ихъ въ своемъ носикѣ и потомъ клала въ клювъ малюткамъ съ такой заботливостію и пѣжностью, что я не могъ на нихъ налюбоваться. Для черезъ три или четыре началъ кормить ихъ и самецъ, и каждый разъ, какъ я подходилъ къ нимъ, мнѣ казалось, что они подросли.

«Въ пятнадцатый день, около осьми часовъ утра, птенцы всѣ вышли на край гнѣздышка и клевали по обыкновенію. Они пробыли тутъ цѣлый день, и только передъ захожденіемъ солнца удалились во внутренность своего домика: старыя птицы часто садились на вѣткѣ немного повыше ихъ, и съ родительскою гордостью смотрѣли на свое потомство. Въ шестнадцатый день по выходѣ ихъ изъ скорлупы, они взмахнули крылышками, и съ удивительной ловкостью и сплѣй стали порхать по вѣткамъ. На слѣдующій день они клевали кормъ на томъ же деревѣ и сидѣли тѣсно вядѣ на маленькомъ суцѣ, а отецъ съ матерію надъ ними. На другое утро они перелетѣли черезъ улицу и потомъ пустились въ плодовой садъ, на нѣсколько сотъ сажень отъ моего дома. Самъ Гюберъ не подсматривалъ за своими пчелами такъ внимательнѣ, какъ я за этими милыми и смѣтливими птичками, но наконецъ я поневолѣ отсталъ отъ нихъ и признаюсь — съ крайнимъ сожалѣніемъ.»

НОЧЛЕГЪ ЛАСТОЧЕКЪ ВЪ АМЕРИКѢ «Извѣстно, что ласточки улетаютъ отъ насъ на зиму въ жаркія страны Африки. Можно судить по слѣдующему случаю, замѣченному въ Америкѣ о томъ, какъ онѣ проводятъ время безъ гнѣздъ и безъ отдѣльныхъ хозяйствъ въ своемъ Африканскомъ изгнаніи. «Въ Лунсвилѣ, говоритъ тотъ же авторъ, сказывали мнѣ, что неподалеку отъ города есть дерево, замѣчательное по множеству ласточекъ, пшущихъ въ немъ пристанища. Я пошелъ туда, и увидѣлъ дикую смоковни-

цу, почти безъ вѣтвей, до десяти сажень вышиною, и болѣе сажени въ поперечникѣ у корня. Саженьхъ въ семи отъ земли, гдѣ дерево имѣло еще слишкомъ два аршина поперечника, торчалъ сукъ сломленной, пустой вѣтви. Сюда-то входили ласточки. Осмотрѣвъ дерево, я пашель, что оно крѣпко, но внутри пусто почти до корней. То было въ июль мѣсяцѣ. Ласточки вились надъ Джефферсенвилемъ, Лунсвилемъ и окрестными лѣсами, но близъ дерева не было ни одной. Я пошелъ домой и скоро воротился пѣшкомъ. Солнце садилось за Серебряными Холмами; вечеръ былъ прекрасный; тысячи ласточекъ летали надо мною, и по три, по четыре, вдругъ впархивали въ отверстіе, какъ пчелы въ улей. Я прислонился головою къ дереву и слушалъ, какъ страшно онѣ шумѣли, усаживаясь по мѣстамъ, до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ стемнило: тутъ я удалился, хотя и зналъ, что еще многимъ оставалось войти въ дупло. Нельзя было и подумать перечестъ ихъ; онѣ врывались цѣлыми стаями. Только я успѣлъ воротиться въ Лунсвилъ, сильная гроза прошла надъ городомъ и заставила меня заключить, что ласточки отъ нея и торопились укрыться.

«Я всталъ такъ рано, что поспѣлъ туда до разсвѣта, и опять прислонился головою къ дереву. Все было тихо. Я простоялъ въ этомъ положеніи минутъ двадцать, какъ вдругъ показалось мнѣ, что дерево потряслось и на меня валится. Я невольно отскочилъ, но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что оно преспокойно стоитъ на мѣстѣ: только ласточки льются изъ него черной, непрерывной струею. Я бросился къ дуплу и съ изумленіемъ внималъ происходившему внутри шуму, который сравнится только съ гуломъ огромной мельницы, приводимой въ дѣйствіе быстрымъ потокомъ. Было еще такъ темно, что я едва могъ разглядѣть часы, но думаю, что ласточки вылетали по крайней-мѣрѣ полчаса непрерывно. Послѣ этого въ дуплѣ не было ни малѣйшаго шума, и быстро разлетѣлись онѣ во всѣ стороны.

«Тотчасъ же вздумалъ я осмотрѣть внутренность дупла, и для этого пригласилъ съ собою товарища. Мы пришли съ крѣпкимъ крюкомъ и канатомъ, и послѣ многихъ неу-

дачныхъ покушеній удалось мнѣ взобраться на дерево и свѣсть на сукъ; но я ничего не увидѣлъ въ отверстіе и ничего не дощупался палкою, хотя она была сажени въ двѣ длины. Наконецъ я слѣзъ утомленный и обманутый въ ожиданіяхъ.

« На другой день я нанялъ человѣка, который прорубилъ мнѣ отверстіе внизу дерева. Черепъ былъ не толще шести вершковъ, и топоръ скоро обнаружилъ толщѣ слипшихся и полусогнившихся перьевъ, насккомыхъ и нечистотъ, которую я также велѣлъ продолбить на сажень. Для этого потребовалось довольно времени. Я зналъ изъ опыта, что если птицы замѣтятъ отверстіе, онѣ совсѣмъ покинутъ дерево, и тщательно прикрылъ свою работу. Ласточки слѣтались въ этотъ вечеръ по прежнему и я не трогалъ ихъ нѣсколько дней. Наконецъ, взявъ потаенный фонарь, пришли мы съ товарищемъ часу въ девятomъ и рѣшились осмотрѣть внутренность дупла. Открыли отверстіе: я первый вскарабкался въ толщѣ перьевъ, товарищъ за мною. Типина была совершенная. Осторожно и исподоволь навелъ я свѣтъ на высшую часть дупла и увидѣлъ, что вся поверхность его унизана тысячами ласточекъ. Онѣ спали, уцѣпившись за стѣну, и плотно прижавшись другъ къ другу, но я не замѣтилъ, чтобы которая изъ нихъ сидѣла на другой. Довольный этимъ зрѣлищемъ, я затворилъ фонарь. Мы поймали и перебили какъ можно тише съ сотню ласточекъ, наполнили ими карманы и пазухи и вышли на свѣжій воздухъ. »

МЕДВѢЖЬЕ ЧАДОЛЮБІЕ. United Service Journal, «Журналъ морской и сухопутной службы», издаваемый въ Лондонѣ, напечаталъ воспоминанія одного офицера объ известной экспедиціи къ сѣверному полюсу, отправившейся подъ начальствомъ капитана Парри, въ 1824 году. Мы удовольствуемся выпиской любопытнѣйшихъ мѣстъ изъ этихъ немножко запоздалыхъ воспоминаній.

«Первый предметъ, приковавшій мое вниманіе за предѣломъ Атлантическаго Океана, была ледяная гора, которая показалась мнѣ сначала обыкновенною безплодною горою. Но черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ чудесныя башне-

образныя формы этой огромной толщи, и къ вечеру блѣдность западнаго небосклона извѣстила насъ о прибытіи въ царство льдовъ.

«Мы бросили якорь въ маленькой пристани у берега Гренландіи, гдѣ находится Датская колонія. Вдали разбросано было нѣсколько жалкихъ хижинъ. Губернаторъ этой колоніи, природный Датчанинъ, повелѣваетъ сотнею Эскимосовъ. Другое примѣчательное лицо Гренландіи — какой-то Питеръ, фактотумъ колоніи, или попросту человекъ на всѣ руки: онъ и плотникъ, и лоцманъ, и переводчикъ, и даже — пасторъ !

«Зимою случилось намъ видѣть трогательный примѣръ медвѣжьяго чадолюбія. Съ полмили отъ нашихъ кораблей показалась однажды медвѣдица съ двумя медвѣжатами. Наши Эскимосскія собаки погнались за нею. Когда она увидѣла, что берегомъ ей не уйти, то бросилась по льду ко входу въ пристань, гдѣ море еще не совсѣмъ замерзло. Собаки бѣжали скорѣе медвѣжатъ, и потому matka нарочно немного отставала, оспаривая у преслѣдователей каждый шагъ, и прикрывая отступленіе своихъ дѣтенышей. Наконецъ они кинулись въ воду, но старуха прехитро удерживала враговъ до тѣхъ поръ, пока медвѣжата были внѣ всякой опасности. Тогда только пустилась она въ воду и поплыла за ними. Но вскорѣ пришлось ей бороться съ непріателемъ другаго рода. Одна изъ нашихъ лодокъ шла ей на встрѣчу. Увидѣвъ ее, бѣдная matka перепугалась до смерти. Она забыла о собственной опасности, погружалась нѣсколько разъ въ воду, и старалась толкать впередъ своихъ дѣтенышей. Когда оба они были ранены выстрѣлами, она опять ныряла до тѣхъ поръ, пока они успѣли къ ней на спину. Наконецъ всѣ трое были убиты изъ нашей лодки.»

ЛѢСНЫЕ ПОЖАРЫ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Жители Европы съ трудомъ могутъ постигнуть ужасное впечатлѣніе, приводимое въ Америкѣ кликомъ—*Forest on fire!* «Лѣсъ горитъ!» Это — нашествіе военныхъ силъ природы на звѣрей и на человека. Картины этихъ страшныхъ сценъ опустошенія, помѣщенные въ двухъ повѣйшихъ частяхъ сочиненій — Исторіи Американскихъ Колоній, Г. Монтгомери-

Мертина, — Біографіи Птиць, Г. Одюбона, — о которыхъ уже говорили мы въ предъидущей книжкѣ, заставляютъ насъ дать понятіе о дѣйствіи огня на поверхности Новаго Свѣта.

Должно представить себѣ цѣлыя государства лѣсовъ дѣственныхъ, въ которыхъ тысячелѣтнее, сильное, богатое прозбѣніе, перѣдко сплетенное, или лучше сказать, слитое въ плотныя зеленныя массы, вдругъ поражается смертію на огромныхъ пространствахъ. Тучи особеннаго рода пастькомыхъ, прилетающія изъ неизвѣстныхъ гнѣздамищъ, въ одно лѣто пожираютъ всѣ листья, такъ, что остаются только остовы исполинскихъ деревьевъ; другія пастькомыя подтачиваютъ и съдаютъ корни, и первая буря опрокидываетъ на землю цѣлыя лѣсныя области. Эти великія развалины растительнаго царства, высушенныя солнцемъ, доставляютъ первый и превосходный матеріалъ пожарамъ, которыхъ огненные волны скоро разливаются во всѣ стороны. Между-тѣмъ, въ лѣсахъ находятся селенія и усадьбы; хижины ловцевъ разсыяны по всему ихъ протяженію; стада быковъ и коней пасутся на полянахъ, чащи населены тиграми, ягуарами, медвѣдями, оленями, дикими индѣйками, множествомъ всякаго рода звѣрей, дичины и пресмыкающихся. При первомъ появленіи пожара, отголоски охотничьихъ рожковъ раздаются съ разныхъ сторонъ, зеленые своды гремятъ гибельною вѣстью, и все это разнородное населеніе, бросивъ дома, логовища, вертепы, норы, вѣтви, бѣжитъ, летитъ, скачетъ или ползетъ въ степи и открытыя мѣста, погружается въ озера, и ищетъ спасенія отъ грозной стихіи, которая быстро преслѣдуетъ бѣгущихъ, заставляя ихъ иногда пробираться сквозь ея огненные валы и гибнуть въ вихрь пламени, дыму, стоновъ и треска.

Г. Мертинъ описываетъ пожаръ, случившійся въ 1825 году Майрамичи, одной изъ Ново-Брауншвейгскихъ колоній.

«Шестаго октября огонь очевидно приближался къ Ньюкастлю; по временамъ пламя клочьями прорывалось изъ чащи лѣса. Многіе слышали трескъ валящихся деревьевъ и вѣтвей, и какой-то рокоть, подобный отдаленному грому, раздавался отъ времени до времени, точно какъ залпы артил-

леріи. Седьмаго октября жаръ усилился, и сталъ такъ тяжекъ, что многіе чувствовали отъ него разслабленіе. Около двѣнадцати часовъ блѣдный туманъ съ легкимъ багрянымъ отливомъ поднялся изъ лѣсу и остановился надъ нимъ неподвижно.»

«Туча эта уступила мѣсто другой, черной, которая одѣла все небо саваномъ дыма и стояла въ одномъ положеніи до трехъ часовъ,—отчего жаръ сдѣлался мучителенъ до нестерпимости. Не было ни малѣйшаго дуновенія; атмосфера слишкомъ сгустилась; всѣми овладѣла тягость неодолимая, и страшное безмолвіе царствовало вездѣ кромѣ лѣсовъ, которые шипѣли, трещали, гремѣли и валились съ ужасными и безпрестанными взрывами. Въ это время вся окрестность казалась уже объятаю огненнымъ поясомъ, который постепенно стягивался и ничего не щадилъ на пути своемъ.

«Громъ за громомъ возвѣщали объ истребительныхъ успѣхахъ пламени, и каждый разъ наводили новый ужасъ. Съ алчною быстротою разливался огонь по чащамъ, ничего не обходилъ мимо, и восемь или девять сотъ верстъ испепеленной почвы означили грозный слѣдъ его.

«Чтобъ возымѣть хотя слабое понятіе о бѣдствіи, котораго ни какое перо описать не сильно, должно вообразить себѣ большую и быструю рѣку съ многочисленными селеніями по обоимъ берегамъ, верстъ на полтора пространства, и въ числѣ ихъ четыре цвѣтущіе города. Всѣ эти города и селенія состояли изъ деревянныхъ домовъ, сараевъ, амбаровъ и житницъ; всѣ эти житницы, сараи и амбары наполнены были хлѣбомъ, крѣпкими напитками, порохомъ и множествомъ другихъ горючихъ веществъ. Обработанная или заселенная часть берега образовала длинную полосу, не болѣе версты шириною, стѣсненную между рѣкой и почти безконечными лѣсами, которые отъ самаго предѣла этой полосы простирались во всѣ стороны, и покрывали болѣе двадцати шести тысячъ квадратныхъ верстъ своими непроходимыми чащами. Необыкновенные жары продолжительнаго лѣта превратили ихъ почти въ трутъ. Теперъ вообразите все это въ нѣсколько часовъ объятае пламенемъ, и безчисленное множество дикихъ и домашнихъ животныхъ, даже тысячи людей, которые напрасно ищутъ спасенія.»

«Ньюкастль, бывший еще накануне цвѣтущимъ, веселымъ, торговымъ городкомъ, превратился въ кучу дымящихся головень; Догласть-тоунъ подвергся той же участи. Изъ двухъ сотъ шестидесяти домовъ и амбаровъ, составлявшихъ первый, уцѣлѣло не болѣе двѣнадцати, а изъ семидесяти, заключавшихся въ последнемъ, только шесть. Разсѣянные толпы голодныхъ, полунагихъ, изувѣченныхъ и безпріютныхъ созданий бродили по пепелищу: кто оплакивалъ потерю всего имущества, кто дѣтей, кто друзей, кто сродниковъ. Нѣкоторые трупы валялись съ обнаженными внутренностями, другіе съ обгорѣвшимъ тѣломъ и черными, дымящимися костями; тамъ одно безглавое туловище и оконечности, здѣсь цѣлый человѣкъ, но превращенный въ золу: задохшіеся въ дыму посинѣли и отекли; многіе лежали въ страшномъ, последнемъ содроганіи муки. Быстръ и насильственъ былъ переходъ ихъ отъ жизни къ смерти, и какъ печально, какъ мрачно ихъ кладбище! Тысячи дикихъ звѣрей погибли въ лѣсахъ, и изъ гніющихъ тѣлъ ихъ поднялась туча заразительныхъ испареній и нависла надъ остатками селъ и городовъ, гдѣ валялись еще домашнія животныя. Мириады рыбъ, отравленныхъ щелочью золы, которую нанесло въ рѣку, лежали мертвыя или чуть дыша вдоль низменнаго берега: безчисленное множество птицъ и пресмыкающихся раздѣляли общую участь.»

Болѣе пятисотъ человѣкъ погибло въ этомъ бѣдствіи. Въ Майрамичи стояло полтораста большихъ судовъ; нѣкоторыя изъ нихъ сгорѣли вплоть до воды, другія только частію.

ІЕРУСАЛИМЪ ВЪ 1831 ГОДУ. Мы уже извѣстили о выходѣ въ свѣтъ пятаго тома «Восточной Переписки», *Correspondance d'Orient*, Гг. Мишю и Пужула: въ этомъ занимательномъ путешествіи находится очеркъ нынѣшняго Іерусалима.

«Іерусалимъ не обманываетъ взора: онъ не прекрасенъ ни издали, ни вблизи; отнимите немногіе памятники, немногія башни, и вамъ представится видъ самый скучный. Эта огромная куча каменныхъ домовъ, которыхъ плоскія крыши оканчиваются маленькими куполами, темнотой цвѣтъ этихъ однообразныхъ громадъ, печальное ихъ выра-

женіе, каменистая и безплодная почва, окружающая городскія стѣны, въ которыхъ кажется только и есть, что гробницы, надъ головою пустынное небо, гдѣ часто ни одна птица не продститъ на обширномъ пространствѣ,—все вмѣстѣ составляетъ такую картину, на которой грусть и одиночество рисуются въ самыхъ мрачныхъ оттѣнкахъ. Войдете въ Іерусалимъ, — какая мгла! Узкія, темныя улицы; развалины огромныхъ базаровъ, въ которыхъ мѣстами встрѣчается Еврейскій, Греческій или Армянскій купецъ; табачныя лавочки, содержимыя мусульманами; обвалившіяся гостиницы, гдѣ забѣжій Аравитянинъ спитъ на полу возлѣ своего коня; цѣлыя части города совсѣмъ пустыя; обрушенные дома, пустыри поросшіе травою или заваленные нечистотами и щебнемъ; плющъ и малорослыя пальмы, выходящія изъ расщелинъ; на улицѣ бѣлый или красный халатъ мусульманина, и за нимъ темная епанча райи или покрывала женщины, которыя спѣшаютъ какъ бѣглянки, — вотъ внутренность Іерусалима! Нѣтъ ни веселья, ни шума, ни движенія: точно обширная тюрьма, гдѣ дни такъ же безмолвны, какъ ночи ужасны,—или лучше необозримый монастырь, въ которомъ всѣ живущіе безпрестанно на молитвѣ.

«Части Іерусалима похожи на отдѣльные города, разлученные вѣрою и обычаями. Дѣтямъ Ісраиля, получившимъ въ удѣлъ самыя негодныя мѣста во всѣхъ городахъ востока, не привольнѣе и въ столицѣ Саломоновой. Вокругъ *Харатъ-эль-Бгудъ*, или Жидовской улицы, простирается большой пустырь, который можно было бы назвать стокомъ нечистотъ со всего Іерусалима: тутъ цѣлыя кучи лошадиныхъ, ослиныхъ и собачьихъ труповъ и костей, смѣшанныхъ съ черенками битой посуды, и вонючія испаренія поднимаются отсюда безпрестанно. Иноземецъ, проѣзжая этимъ полемъ истребленія, невольно спрашиваетъ,—за какое преступленіе заточенъ народъ въ подобное обиталище? Должно прибавить, что тутъ же вѣчно жить и прокаженнымъ, которыхъ часто видалъ я сидящихъ въ тѣни на жесткой циновкѣ или на голой землѣ передъ большою каменною хижинкой, служащею имъ убѣжищемъ: жалость никогда не облегчаетъ ихъ страданій; имъ даютъ скудную пищу, чтобъ только не уморить голодомъ, и, предоставляя ихъ снѣдаю-

щей болѣзни, все бѣгутъ отъ несчастныхъ..... Когда властителямъ вздумается сдѣлать произвольный сборъ, они всегда начинаютъ съ Евресвъ; угнетенія падаютъ на нихъ съ особеннымъ деспотизмомъ, потому что у этого бѣднаго племени нѣтъ ни царя, ни правителя, ни какой власти, чтобъ защитить его: Иерусалимскіе Жидаы отданы на произволъ самовластія безъ помощи и безъ надежды.»

Несмотря на бѣдствія, которымъ они здѣсь подвержены, первая забота каждаго Жида провести остатокъ дней въ Иерусалимѣ, сложить кости въ землѣ праотцевъ. Они стремятся туда изъ Россіи, изъ Польши, изъ Австріи, Германіи, Франціи, — отовсюду. Въ Яффѣ Г. Пужолъ повстрѣчался съ такими пилигримами.

«Туда прибылъ Сардинскій корабль съ двадцатью Жидовками изъ Смирны: младшей изъ нихъ было больше семьдесяти двухъ лѣтъ; одной до ста двадцати, а сто лѣтъ и многимъ. Эти почтенныя остатки Иسرائля намѣревались купить дорогой цѣною мѣстечко въ долину Іосафатской. Я видѣлъ также нѣсколькихъ Жидовъ изъ Алжира, пріѣхавшихъ съ Французскими видами: они находились подъ покровительствомъ Французкаго консула въ ожиданіи случая отправиться въ Іерусалимъ.

«Иерусалимскіе мусульмане составляютъ отдѣльную вѣтвь многочисленной семьи и магомѣтанской: паша обходится съ ними весьма осторожно и снисходительно, и дѣлаетъ имъ уступки, равно какъ степнымъ племенамъ. Въ послѣдствіяхъ Корана фанатизмъ всегда соразмѣренъ святости ихъ мѣстопребыванія: въ Іерусалимѣ, въ Дамаскѣ, Меккѣ, Мединѣ, больше нетерпимости, чѣмъ во всехъ другихъ частяхъ государства. Завоеваніе Алжира, такъ сильно подѣйствовавшее на всѣ народы востока, произвело могущественное впечатлѣніе въ Іерусалимѣ: мусульмане оказываютъ теперь меньше прежняго непріязни и насилій въ сношеніяхъ съ христіанами, и если еще поносятъ и проклинаятъ гяуровъ, то по-крайней-мѣрѣ шепотомъ, изподтишка. Однако жъ католику, греку или Армянину, нельзя безъ осторожности пускаться одному въ *Харатъ-эль-Мослеминъ*, или часть города, населенную «правовѣрными»: для христіанъ это чужой край, которымъ проходить всегда опасно, — тем-

ный, непріязненный городъ, полный сѣтей и тайныхъ мщеній. Здѣсь царствуетъ пустынное безмолвіе, и встрѣчные похожи на блуждающія тѣни.»

Вліяніе католиковъ примѣтно упадаетъ; деньги изъ Европы идутъ тихо, и западныя правительства не принимаютъ участія въ поддержкѣ своихъ монастырей. Греки многочисленнѣе и важнѣе католиковъ, которые прежде имѣли здѣсь рѣшительный перевѣсъ: они главные купцы и фабриканты, и въ послѣдніе годы стали даже заниматься литературою. Но взаимная ненависть между ими и католиками ни мало не ослабѣла. Армяне теперь быстро богатеютъ, и слѣдственно становятся сильнѣе: авторъ почти готовъ думать, что они скоро завладѣютъ всею Турецкою имперіей. Они подобно Оттоманамъ отличаются упорствомъ; ничто не отвратитъ ихъ отъ предположенной цѣли, а эта хитрая настойчивость всегда почти вѣнчается успѣхомъ. Послѣднее отдѣленіе жителей Іерусалима составляютъ Арабскіе католики: ихъ около восьми сотъ человекъ.

ПЫШНОСТЬ РЕНДЖИТЬ-СИНА. Мы сообщили въ прошломъ году мнѣніе покойнаго Жакмона объ этомъ знаменитомъ владѣльцѣ Лагора и Кашмира. Поступокъ его съ Кабульскимъ ханомъ, искавшимъ у него убѣжища, и средства, употребленныя Ренджить-Синомъ, чтобъ исторгнуть у несчастнаго изгнанника извѣстный яхонтъ *Куги-нуръ*, или «Гора блеска», были недавно предметомъ особой статьи этого отдѣленія. Поручикъ Борнсъ, съ путешествіемъ котораго мы уже познакомили нашихъ читателей, при вторичномъ проѣздѣ своемъ чрезъ Лагоръ по дорогѣ въ Бухару, тоже былъ принятъ магараджею, или великимъ царемъ, Ренджить-Синомъ, и принятъ чрезвычайно милостиво: онъ даже удостоился видѣть его спальню.

«На концѣ комнаты, говоритъ Г. Борнсъ, стояла походная кровать, заслуживающая описанія. Весь станъ ея, столбики и ножки были покрыты золотомъ, а мѣсто балдахина занималъ валяжный листъ того же металла. Она стояла на золотыхъ подножіяхъ, которыя возвышались на четверть отъ полу. Запавъсы были изъ Кашмирскихъ шалей. Подлѣ нея стоялъ круглый золотой стулъ. Подъ стѣнъ къ

этими украшеніями видѣли мы въ одной изъ верхнихъ комнатъ дворца другія. Свѣчи стояли здѣсь въ большихъ золотыхъ подсвѣчникахъ. Вся комнатка была богато вызолочена, и сторона, выходящая на дворъ, заставлена желтымъ, шелковымъ экраномъ. Здѣсь мы наслаждались обществомъ царственного хозяина, который самъ подливалъ намъ вина и ободрялъ насъ пить собственнымъ примѣромъ.»

Но пышность этого предприимчиваго Сейка въ Лагорѣ ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ великолѣпіемъ, какимъ, послѣ посольства поручика Борнса, блеснулъ онъ въ лагерь на берегахъ Сетледжа передъ Остъ-Индскимъ генераль-губернаторомъ, лордомъ Вильямомъ Бентинкомъ, пріѣхавшимъ къ нему въ гости. Множество слоновъ въ богатыхъ *гудъ* и длинные ряды конницы, пѣхоты и артиллеріи, въ желтыхъ шелковыхъ мундирахъ, образовали самое блистательное зрелище. Мы должны представить выписку изъ разсказа очевидца, который посмотрѣлся здѣсь на рѣдкости, превосходящія всѣ чудеса Тысячи Одной Ночи.

«Палатки были раскинуты на возвышеніи, саженьяхъ въ сорока отъ рѣки, и всѣ окрестныя поля превращены искусствомъ Лагорскихъ садовниковъ въ зеленыя лужайки, на которыхъ высѣяли пшеницею фигуры слоновъ, лошадей, оленей, птицъ, и прочая. Садъ этотъ былъ великолѣпно освѣщенъ и убранъ искусственными цвѣтами, деревьями, золотыми кипарисами, и такъ далѣе. Но внутренность павильона сіяла такимъ богатствомъ и великолѣпіемъ, которыя затмѣваютъ описаніе чертоговъ Гарунъ - Аль - Рашида, или Саломона во всей славу его. Полъ устланъ былъ золотой парчею, а въ чудесномъ павильонѣ стояли три круглыя сѣдалища, или трона, окованные золотомъ, удивительной отдѣлки. Средній назначенъ былъ для магараджи, а боковые для генераль-губернатора и леди Бентинкъ. За тронами стояло золотое ложе, осыпанное брилліантами, изумрудами, рубинами и другими камнями. Свѣчи горѣли въ золотыхъ кандебрахъ. Осмотрѣвъ этотъ *chef-d'oeuvre* восточнаго вкуса и великолѣпія, общество сѣло въ сквозной аркадѣ, и первостепенныя особы помѣстились подъ балдахиномъ, котораго богатство поистинѣ неизобразимо. Онъ состоялъ изъ множества драгоцѣнныхъ камней, алмазовъ,

жемчугу, рубиновъ, изумрудовъ, патканныхъ разными узорами такъ густо, что не видно было, на чемъ они укрѣплены.

«Вскортъ явился полкъ амазонокъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, и предводительствуемыхъ главною начальницей и тогдашнею любимицею Ренджитъ-Сина, которая отличалась кармазинною одеждою и бѣлымъ перомъ на чалмѣ. Три подручныя начальницы также были съ бѣлыми перьями. Когда онѣ проплясали передъ гостями, магараджа велѣлъ одной изъ нихъ спѣть пѣсню Гюли; передъ его высочествомъ поставили на скамьѣ сутокъ съ круглыми серебряными кубками, наполненными золотой и серебряной пылью, и вмѣстѣ съ пѣснью началась потѣха. Плясунья и магараджа усердно принялись перебрасываться золотымъ пескомъ. Не было пощады ни генералъ-губернатору, ни леди Бентинкъ, скоро битва сдѣлалась общею и прекратилась только опорожненіемъ серебряныхъ кубковъ, такъ, что все почтенное общество было осыпано съ ногъ до головы блестящей пылью. Магараджа потерпѣлъ пуще всѣхъ: когда онъ сражался съ амазанкою, плутовка влѣпила ему цѣлую горсть въ здоровый глазъ, такъ, что онъ не могъ протереть его весь вечеръ, и, изъ криваго, чуть было не сдѣлался слѣпымъ.»

ВРЕМЕНСКІЙ ГОРОДСКОЙ ПОГРЕБЪ. Въ блаженные и живописныя времена, когда вся Европа пила, когда радость, литература и слава расхаживали по землѣ съ бутылкой въ рукѣ, когда городскія думы, сидя на бочкахъ и потряхивая мѣшкомъ золота, играли роль Вакха - Покорителя съ величавостью владѣтельныхъ особъ и разгульнымъ радушіемъ зажиточнаго мѣщанства, — многіе города, состоявшіе въ связи съ Ганзою и обязанные заниматься политикою, учредили подъ своими ратушами погребасъ превосходными винами, чтобъ обстоятельнѣе разсуждать о дѣлахъ и придать себѣ видъ болѣе величественный.

Духъ времени сидѣлъ тогда въ бутылкѣ, какъ теперь сидитъ въ журналѣ. Войны XVIII столѣтія, которыя стоили Европѣ столько крови и столько стараго вина, по-несчастію истребили бѣольшую часть этихъ погребовъ, превратившихъ

ся въ теченіи вѣковъ въ святилища безцѣнной влаги и составлявшихъ предметъ гордости для тогдашнихъ обществъ. Однако погреба городскихъ думъ Кракова и Бремена пережили со славою всѣ перевороты, всѣ опасности пьющихъ вѣковъ, и пользовались знаменитостію еще въ началѣ текущаго столѣтія, славясь первый своими Венгерскими, второй Рейнскими винами. Важность, съ которою эти города приступали къ своимъ заветнымъ бочкамъ, можетъ показаться нынче карикатурною: бутылка вина вынималась изъ погреба неначе, какъ по приговору и письменному опредѣленію думы, и подвиги славныхъ мужей того времени часто награждались боченкомъ стараго токаю или рейнвейну, замѣнявшимъ для героя гражданскій вѣнецъ. Одинъ изъ прищевъ Зигенъ-Нассаускихъ, за весьма важную услугу, оказанную Кракову, получилъ отъ этого города бочку столѣтняго Венгерскаго, о которой потомъ его наследники вели процессъ съ думою. Нынче этотъ погребъ, кажется, не существуетъ: по-крайней-мѣрѣ невѣроятно, чтобъ онъ вынесъ послѣдній ударъ судьбы — нашествіе Французовъ. Когда Москва горѣла, Краковскія бочки должны были псушиться.

Винный погребъ подъ ратушею города Бремена — древнѣйшій въ цѣлой Германіи, и можетъ еще дать понятіе о старинныхъ этого рода учрежденіяхъ. Въ одномъ изъ его отдѣленій, называемомъ *die Rose*, «Розою», отъ бронзовыхъ барельефныхъ розъ, служащихъ ему украшеніемъ и вывѣскою, хранится знаменитый розенвейнъ, которому теперь двѣсти одиннадцать лѣтъ. Въ 1624 году поставили туда шесть большихъ бочекъ вина Іоганнисбергскаго и столько же Гохгеймскаго. Въ прилежащей части погреба сберегаются тѣ же вина, которыя хотя нѣсколькими годами и моложе, однако жъ не менѣе драгоценны: они содержатся въ двѣнадцати большихъ бочкахъ, изъ которыхъ каждая называется именемъ одного апостола. Вино Іуды, несмотря на позорность этого имени, предпочитается всѣмъ другимъ. Въ прочихъ отдѣленіяхъ погреба хранятся разныя вина позднѣйшихъ годовъ. Вынувъ изъ бочки нѣсколько бутылокъ розенвейну, произведенную въ пей пустоту тотчасъ наполняютъ старѣйшимъ виномъ изъ этихъ двѣнадцати бо-

чекъ, а убыль въ послѣднемъ замѣняется такимъ же количествомъ изъ младшей бочки, и такъ далѣе, переходя по порядку отъ первой до послѣдней, которой цѣлость возстанавливается уже лучшимъ виномъ изъ другихъ источниковъ. Бочка Данаидъ никогда не наполнялась, а здѣшнія никогда не перестаютъ быть полными: вотъ въ чемъ собственно состоитъ разница между мифологіею Грековъ и мудростію Бременской думы!

Каждая бутылка розенвейну обходится городу около одиннадцати милліоновъ рублей. Это покажется невѣроятнымъ; но легко повѣрить цѣну вычисленіемъ, которое въ концѣ прошлаго года сдѣлалъ одинъ «Нѣмецъ аккуратный». Бочка рейнвейну, содержащая пять оксофтовъ, въ двѣсти четыре бутылки каждый, стоила въ 1624 году тысячу двѣсти рублей, на нынѣшнія деньги. Расчитавъ содержаніе погреба, подати, пропенты и проценты на проценты, найдете, что оксофтъ стоитъ теперь 2,222,628,960 рублей, и слѣдственно каждая бутылка 10,895,240 рублей, — каждая рюмка, или восьмая часть бутылки, 1,361,904 рубля, — и наконецъ каждая капля, подавая тысячу капель въ рюмкѣ, около 1,362 рублей. Вино въ двѣнадцати бочкахъ хранящееся и особенно розовое не продается никому, кромѣ гражданъ Бремена или тѣхъ, кто имѣетъ право на это званіе. Однимъ бургомистрамъ дозволено выпимать по нѣскольку бутылокъ для ихъ собственнаго употребленія или для отсылки въ подарокъ государямъ и владѣтельнымъ князьямъ. Въ случаѣ тяжелой болѣзни, Бременскій гражданинъ можетъ, для спасенія жизни, получить бутылку розенвейну за двадцать рублей, но не иначе, какъ представивъ при прошеніи свидѣтельство врача и на основаніи опредѣленія, записаннаго въ журналѣ городской думы. Бѣднякъ можетъ получить бутылку и даромъ, но съ соблюденіемъ тѣхъ же законныхъ формъ. Гражданинъ въ правѣ просить бутылку еще въ такомъ случаѣ, когда у него обѣдаетъ какой-нибудь знаменитый гость, котораго имя славно въ Германіи или въ цѣлой Европѣ.

Городъ Бременъ посылалъ иногда бутылку розенвейну Гёте въ день его рожденія.

Во время Французскаго владычества, императорскіе генералы бросились съ неслыханнымъ ожесточеніемъ на этотъ драгоценный напитокъ : оттого Бременцы и утверждаютъ, что они одни заплатили Французамъ больше контрибуціи, чѣмъ всѣ Германскіе города вмѣстѣ.

ПРИМѢРЪ СУПРУЖЕСКАГО САМООТВЕРЖЕНІЯ. Мы колебались, по уваженію извѣстности именъ собственныхъ, сообщить въ прошломъ мѣсяцѣ одно изъ примѣчательнѣйшихъ нравственныхъ событій; но Англійскіе журналы не были такъ скромны, и предали его свѣдѣнію всей Европы. Теперь оно уже не частная тайна; однако жъ мы считаемъ себя въ правѣ рассказать его болѣе потому только, что оно относится къ судьбѣ одного знаменитаго литератора. Для весьма многихъ, напрасно станемъ мы умалчивать его имя, коль скоро скажемъ, что дѣло идетъ объ ученомъ хранителѣ Берлинской Королевской Библіотеки, издатель Пакувіева *Dulcrestes*, авторъ сочиненія *Bilder des Orients*, и поэтъ, доказавшемъ свое дарованіе въ Нѣмецкомъ переводѣ «Греческихъ пѣсней»; за всѣмъ тѣмъ, мы не назовемъ фамилии.

Докторъ Г. С***, женился въ Берлинѣ лѣтъ за пять на прекрасной и любезной дѣвицѣ В***. Они жили какъ нельзя счастливѣе, но не имѣли дѣтей. Поэтому все свое время, все вниманіе посвящала она мужу: его успѣхи, слава, счастье, постоянно занимали ея мысли. Лѣтомъ 1855 года предпріяли они путешествіе въ Россію, были въ Петербургѣ, и воротились въ Берлинъ восхищенные тѣмъ, что видѣли, полные энтузіазма и новыхъ литературныхъ предположеній. Вскорѣ потомъ мужъ занемогъ. Болѣзнь его была особеннаго рода, и врачи опасались, чтобъ онъ наконецъ не повредился въ умѣ. Осенью прошлаго года посѣтили они вмѣстѣ Риссипгенскія воды, но онъ не получилъ отъ нихъ пользы. Болѣзнь его задержала ихъ на возвратномъ пути въ Ганноверъ; и только-что пріѣхали они въ Берлинъ, онъ отказался отъ должности хранителя при Королевской Библіотекѣ, чтобъ безтревожно наслаждаться спокойствіемъ домашней жизни и по-возможности поправить свое здоровье. Одинъ его знакомецъ часто говорилъ о красивыхъ окрестностяхъ Іены, и они рѣшились провести будущее лѣто въ

этомъ городѣ. Ей особенно этого хотѣлось. Въ приготовленіяхъ, въ разговорахъ о переездѣ текло время, и случилось, что 29 прошлаго декабря докторъ отправлялся въ публичный концертъ. Онъ сказалъ, что не останется слушать симфонію Бетговена, опасаясь, что она слишкомъ сильно подѣйствуетъ на его слабые нервы. Нѣжная супруга усиленно совѣтовала ему остаться, и онъ послушался, — былъ очень доволенъ музыкой, и пріѣхалъ домой съ новыми предначертаніями къ будущему лѣту. Но вошедъ въ комнату, онъ засталъ всѣхъ въ крайнемъ смятеніи. Во время его отсутствія, жена надѣла бѣлое платье, принарядилась съ особеннымъ тщаніемъ, пошла въ свою комнату и поразила себя кинжаломъ въ сердце такъ рѣшительно и мѣтко, что умерла въ ту же минуту. Служанка, услышавъ ея паденіе и нашедъ обѣ двери запертыми, бросилась за хозяиномъ дома. Вломились въ комнату, и увидѣли ее мертвою. Тутъ пришелъ несчастный мужъ. На столѣ лежало письмо, написанное твердою рукою на листѣ простой бумаги:

«Несчастіе того какъ теперь, ты никогда не будешь, «милый другъ мой; ты можешь сдѣлаться счастливей при «предстоящей тебѣ печали. Горестъ бываетъ иногда чуднымъ благомъ; ты это на себѣ увидишь. Мы оба страдали одною скорбію: тебѣ извѣстно, сколько страдала я тайно о твоемъ положеніи; никогда ты не упрекнулъ меня, — «ты любилъ, любилъ! Тебѣ будетъ лучше, гораздо лучше. «Отчего? Я это чувствую; но словъ нѣтъ сказать, что чувствую. Послѣ мы соединимся свободнѣе, безъ оковъ. Но «ты долженъ выжить свое время на землѣ. Исполни же «свое предначначеніе и дѣйствуй. Поклонись отъ меня всѣмъ, «кого я любила, и кто любилъ меня взаимно. До свиданія въ вѣчности, твоя

Шарлотта.»

«P. S. Не обнаруживай слабости, будь твердъ, мужественъ, рѣшителенъ.»

Вотъ краткія подробности самоубійства, быть-можетъ, необычайнѣйшаго въ мірѣ. Эта необыкновенная душа съ дивною точностью проникла свойство болѣзни любимаго супруга; она чувствовала и знала, что одна глубокая печаль могла дать иное направленіе его мыслямъ и спасти его отъ вслѣ-

чайшаго несчастія, какое только человекъ можетъ испытать въ жизни, — сумасшествія, и добровольно пожертвовала собою для его спасенія. Но что, можетъ-быть, еще удивительнѣй, — съ этой минуты онъ выздоровѣлъ! Врачи говорятъ, что ни какое лекарство не властно было произвести и половины того дѣйствія. Онъ чувствуетъ себя крѣпкимъ, и способнымъ выполнить послѣднюю ея волю и осуществить тѣ обширныя предположенія, о которыхъ онъ всегда думалъ. Онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ стиховъ къ друзьямъ ея, гдѣ объясняетъ ея побужденія, ея поступокъ и то дѣйствіе, какое произвели они въ немъ самомъ.

Мы не станемъ дѣлать ни какихъ замѣчаній, и предаемъ это великодушное заблужденіе сердца благороднаго и чувствительнаго размышленію нашихъ читателей.

ЧУДЕСА И ДИВЫ. *Отличная ясновидящая.* «Въ Вирьё, мѣстечкѣ Изерскаго департамента, говоритъ газета *Courrier de l'Isère*, есть теперь тринадцатилѣтняя дѣвушка, хорошенькая собою, но подверженная необычайнаго рода каталепсін. Родители ея земледѣльцы. Осми лѣтъ была она лунатикомъ, и тогда день и ночь глаза были у ней закрыты, иногда завязаны; по это не мѣшало ей ходить по сосѣдямъ и отыскивать въ домахъ ихъ самыя скрытыя мѣста и наилучше спрятанныя вещи.

Перваго января 1854 года она занемогла и должна была лечь въ постель. Съ этихъ поръ стала она жертвою страшныхъ припадковъ каталепсін, и въ продолженіе ихъ удостовѣрились, что она ничего не слышитъ, и отвѣчаетъ, съ затворенными глазами, только въ такомъ случаѣ, когда вопрошающій направитъ голосъ къ концамъ ея пальцевъ. После припадка впадала она въ такое изнеможеніе, что, судя по совершенной безчувственности больной, можно было бы считать ее мертвою.

«Во время припадка каждый посторонній могъ получить отъ нея ясныя, точныя и вѣрныя отвѣты на все, что бы ни спросилъ. Если кто желалъ узнать о пріятель или родственникѣ, который давно былъ въ отсутствіи, она отвѣчала положительно и безъ замѣнательства. Нѣкоторые возду-

мали предлагать ей вопросы объ адѣ, раѣ, тайнахъ, покражахъ, другіе о политикѣ,—она не говорила ни слова.

«Въ нормальномъ состояніи больная читаетъ какъ нельзя лучше печатное, но писаннаго не разбираетъ. Въ припадкѣ же давали ей разныя рукописи, и къ удивленію зрителей она читала ихъ совершенно хорошо, води по строкамъ концами пальцевъ.

«Духовные и другіе свѣдущіе люди говорили съ пей по-Латыни: она не отвѣчала на этомъ языкѣ, но просила перевести сказанное, и когда ее, по обыкновенію, обманывали, она замѣчала это переводчикамъ до тѣхъ поръ, пока они скажутъ то, что должно. Часто спрашивали у ней значеніе многихъ Греческихъ словъ, и пикогда не замедлила она отвѣтомъ.

«Отвѣты этого ребенка такъ необыкновенны, что она приобрѣла ими славу, которую, разумѣется, преувеличивали до безконечности: изъ всѣхъ окрестностей собираются къ ней толпы любопытныхъ, кто, чтобы ее видѣть, кто, чтобы посоветоваться съ нею, и всѣ удаляются въ изумленіи отъ чудесныхъ дѣйствій ея болѣзни.

«Въ концѣ прошлаго года многіе врачи изъ Вьенны, Туръ-дю-Пена, Эшелли и Шанбера пріѣзжали для наблюденія этого страшнаго недуга. Ни одинъ не предписалъ способа леченія. Г. Пажѣ, Туръ-дю-Пенскій подпрефектъ, часто посѣщалъ больную и, сказываютъ, составилъ описаніе ея болѣзни, которое хочетъ предложить на разсмотрѣніе Парижскимъ врачамъ.

«Но съ 1 января припадки почти прекратились, а если и бываютъ, то весьма рѣдко и въ слабой степени.» Это ужъ всегда такъ случается, какъ скоро многіе станутъ разглядывать, чудо особенно магнитическое чудо! Нѣтъ ничего легче какъ сглазить ясновидящихъ.

2. *Музыкальные старики.* Уже всѣмъ наскучили музыкальныя дѣти: во-первыхъ это старая штука, а во-вторыхъ энтузіасты къ дѣтямъ вдругъ дѣлаются знатоками въ музыкѣ и пишутъ статьи о концертахъ. Это — большое неудобство! Въ избѣжаніе всего этого, теперь выдумали музыкальныхъ стариковъ, и въ Парижѣ появилась баба, которая,

составляя отвѣсъ славы Эйхгорновъ, должна перетянуть ее на свою сторону по-крайней-мѣрѣ столько, чтобы она пришла въ равновѣсіе, отъ чего и люди зрѣлаго возраста будутъ пользоваться ею понемногу. Одинъ Парижскій журналъ описываетъ музыкальную способность, внезапно обнаружившуюся въ шестидесятилѣтней старухѣ, которая съ молодыхъ лѣтъ содержалась въ домѣ сумасшедшихъ, Salpêtrière. Туда жъ поступила недавно молодая актриса съ одного изъ второстепенныхъ Парижскихъ театровъ; она воображала себя на сценѣ, пѣла, танцевала, декламировала. Однажды старушка вслушалась въ ея пѣніе, начала бить мѣру съ удивительной точностью и казалась чрезвычайно довольна. Съ тѣхъ поръ, услышавъ разъ какую-нибудь музыку, она удерживала ее въ памяти и могла потомъ пропѣть безъ ошибки, хотя и не знала словъ, — а что еще удивительнѣе, она тотчасъ затверживала и повторяла даже тѣ напѣвы, которые только-что успѣли при ней импровизировать. Когда ей сыграли что на фортепіано, она была въ совершенномъ восторгѣ, и замѣчала лучшія мѣста съ разборчивостью отличнаго музыканта. Потомъ вдругъ съѣла, и сама стала играть на фортепіано: въ нѣсколько недѣль она достигла до необыкновеннаго совершенства исполненія, и теперь не уступаетъ Гюммелю. Голосъ ея развился такъ, что его сравниваютъ съ прелестнымъ голосомъ Г-жи Гризи. Ежели въ Парижскомъ домѣ сумасшедшихъ вздумаютъ устроить театръ, — вотъ и примадонна! Сказываютъ, что голова этой женщины поставила въ тупикъ всѣхъ френологовъ: на ней нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ музыкальнаго желвака.

3. *Подземная рѣка.* Другая Французская газета рассказываетъ, что неподалеку отъ праваго берега рѣки, протекающей черезъ деревню Селонжѣ, близъ Дижона, открыта подземная рѣка. Этою находкой обязаны рабочимъ, которые вынимали тутъ известнякъ: они удостовѣрились, что направление его параллельно съ новооткрытымъ русломъ, надъ котрымъ онъ образуетъ родъ свода. Рѣка въ сажень глубиною, течетъ быстро, способна къ судоходству и вода въ ней чиста и пріятна вкусомъ.

4. *Морской эмль.* Каждые два три четыре года возобновляется въ Американскихъ газетахъ исторія о морскихъ

змѣяхъ въ четверть версты длиною: натуралисты обоихъ полушарій взволнуются, напишутъ нѣсколько статей, поспорятъ, и забудутъ. Нынче опять журналы Новаго Свѣта страшатъ ихъ ужаснымъ чудовищемъ, котораго не хотятъ они принять въ Естественную Исторію, и въ этотъ разъ дѣло пошло не на шутку. Вотъ что рассказываетъ объ немъ «Бостонскій Вечерній Журналъ»:

«Вчера около трехъ часовъ по полудни экипажъ и пассажиры Портсмутскаго почтоваго судна, шедшаго подъ начальствомъ капитана Гудрича, ясно видѣли морскаго змѣя миляхъ въ восьми отъ Неполя (Naraul). Изъ тридцати свидѣтелей, заслуживающихъ всякаго довѣрія, ни одинъ не сомнѣвается въ его дѣйствительности. Сначала показался онъ саженьхъ въ шестидесяти отъ судна, и голова его, величиною съ бочку, возвышалась надъ поверхностью воды аршина на два. Его какъ-будто испугалъ шумъ судна и восклицанія бывшихъ на немъ людей: онъ спряталъ голову подъ воду, и поплылъ далѣе такъ быстро, что сдѣлалъ бы узловъ пятнадцать или двадцать въ часъ. Длина его простирается повидимому до пятнадцати сажень.»

Пусть же теперь натуралисты опровергаютъ тридцати свидѣтелей, заслуживающихъ всякаго довѣрія. На это потребуется по-крайней-мѣрѣ шестьдесятъ статей. Журналы могутъ жить этимъ два года! Здѣсь кстати упомянуть еще объ одномъ Американскомъ днѣ.

4. *Паровыя повозки съ деревяннымъ прикащикомъ.* Во многихъ мѣстахъ Америки и Англіи, давно уже ходятъ на парахъ почтовыя кареты. Въ Массачуссетъ есть паровой дилижансъ для ѣзды по обыкновеннымъ дорогамъ, и опытъ доказалъ его удобство. Теперь еще устраиваютъ его такимъ образомъ, чтобъ онъ самъ упаковывалъ и распаковывалъ вещи и товары, самъ ихъ вѣсилъ, и самъ велъ счетъ числу взятыхъ пассажировъ и тюковъ. Посредствомъ очень замысловатаго механизма, указатели будутъ обозначать все это на градусникахъ, помѣщенныхъ въ ящикъ кареты, отъ котораго ключъ находится у директора конторы дилижансовъ. Кондукторъ и кучеръ тутъ ужъ не могутъ слуховать ни на одинъ волосъ: ящикъ все знаетъ, — сколько было вещей, сѣдоковъ, тюковъ, и какъ долго оставались они въ экипажѣ.

Содержатели наемныхъ каретъ, фаэтоновъ и дрожекъ въ Петербургъ и Москвѣ, узнавъ объ этой чудесной выдумкѣ, вѣроятно отправятъ посольство въ Америку. Мы видимъ здѣсь обоюдную выгоду: хозяева непремѣнно выиграютъ, а сѣдокамъ гораздо пріятнѣе будетъ торговаться съ ящникомъ въ дрожахъ, чѣмъ съ извозникомъ.

5. *Домовой*. Читатели наши, конечно не забыли умнаго разсказа В. А. Ушакова о «Громѣ Божиѣмъ.» Въ одномъ славномъ городѣ есть нѣчто, весьма похожее на описанный имъ случай, — и это отнюдь не повѣсть. Въ этомъ славномъ городѣ есть домъ, каменный, очень красивой наружности, котораго бельэтажъ стоялъ пустымъ восемь лѣтъ. Никто не хотѣлъ нанять въ немъ квартиры, потому что всѣ сосѣди знали и говорили, что въ немъ *нечисто*. Въ концѣ прошедшаго года, одинъ молодой человѣкъ, собираясь жениться, искалъ новой квартиры; примѣтилъ этотъ домъ, нашелъ покои прекрасными, и рѣшился нанять ихъ, несмотря на косвенныя предостереженія самого хозяина, который отдавалъ ихъ неохотно, показывая видъ, какъ-будто не хочетъ его обманывать. Должно знать, что кромѣ домового, — домовой каждую ночь расхаживалъ громкими шагами по всѣмъ покоемъ бель-этажа, — общая молва гласила, что когда ни войдешь одинъ въ первую гостиную, всегда увидишь сѣдинькаго старичка въ длинномъ коричневомъ сюртукѣ, который сидитъ тамъ на диванѣ и читаетъ *книжку*. Этотъ старичекъ, по словамъ преданія, нѣкогда жилъ въ этихъ покояхъ, и тутъ умеръ. Совѣстливый хозяинъ, которому все это было очень хорошо извѣстно, не могъ безъ ужаса подумать, что незнакомый господинъ подвергается опасности имѣть дѣло съ мертвецами. Но молодой человѣкъ, который не вѣрилъ такимъ пустякамъ, не испугался его намѣковъ: онъ нанялъ покои, отдѣлалъ ихъ съ отличнымъ вкусомъ, переехалъ, и неустрашимо женился на новосельѣ. Въ первую ночь, когда всѣ ушли спать, когда юная пара осталась только вдвоемъ, — онъ, она да оно, (оно — было счастье), — вдругъ изъ сосѣдней комнаты явственно послышались шаги существа, обутого — въ ботфорты, по-крайней-мѣрѣ! Супругъ вскакиваетъ съ постели

и съ ночникомъ въ рукѣ бѣжитъ въ ту комнату: здѣсь все пусто, — шаги слышны въ слѣдующей комнатѣ, — онъ идетъ далѣе, — тоже пусто, но стукъ шаговъ раздается за нимъ, въ комнатѣ, изъ которой онъ вышелъ. Можно себя представить, какъ долженъ быть пріятель подобный гость въ первую ночь брака, даже самымъ несуетливѣйшимъ супругамъ. Неподдѣльная ходьба по смежнымъ комнатамъ убѣдила бы хоть кого въ присутствіи чужаго человека, и явственность ея была иногда такъ рѣшительна, что они невольно порывались съ постели. На другой день супругъ взялъ чрезвычайныя мѣры. Къ вечеру, весь домъ былъ тщательно осмотрѣнъ, всѣ двери заперты и людямъ дано приказаніе быть въ готовности по первому зову. Приходитъ ночь, и опять та жъ потѣха: тяжелые шаги не даютъ покоя и утихаютъ только на то время, пока въ комнатѣ есть живая душа, удаляясь впередъ по мѣрѣ приближенія и отражаясь позади, когда двинешься въ ту сторону. Какъ ни наблюдалъ молодой жилецъ за таинственнымъ посѣтителемъ въ ботфортахъ, и какія ни придумывалъ средства, чтобъ поймать его, никакъ не могъ онъ открыть причины даже правдоподобной этого страннаго и безпокойнаго явления. Ходьба слышится не всякую ночь, — а старика, вздоръ! они никогда не видали: по-крайней-мѣрѣ въ ихъ время онъ не приходилъ читать книжку въ гостиной, — но когда она слышится, то, несмотря на философію мужа, не даетъ спать супругѣ, которая боится если не домового, такъ вора. Молодые жильцы, которыхъ первые дни благополучія были смущены столь страннымъ образомъ, принуждены были отказать хозяину, и ищутъ другой квартиры. «Я зналъ, что вы недолго будете здѣсь жить, отвѣчалъ хозяинъ. Вотъ уже семнадцать лѣтъ, какъ эта бѣда ведется въ домѣ, а въ послѣдніе восемь годовъ никто даже не являлся нанять. Вы одни были такъ смѣлы.»

Нѣтъ сомнѣнія, что это — явленіе акустическое, простое дѣйствіе эха, которое иногда бываетъ очень своеправно и загадочно. Гдѣ-нибудь ходитъ часовой или сторожъ котораго шаги отражаются въ покояхъ, и эхо его шаговъ можетъ происходить даже изъ отдаленнаго мѣста, но состоящаго съ этимъ этажемъ въ акустическомъ соотношеніи. Хо-

заявить рѣшился весною сломать несчастный домъ, который приносить ему столько неудовольствій, и выстроить на мѣсто его новый. Напрасно! Легко быть можетъ, что то же явленіе повторится и въ новомъ домѣ.

САМОСГАРАНІЕ ДЕРЕВА. Въ предпоследней книжкѣ Б. д. Ч. привели мы нѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ самосгаранія человѣческаго тѣла: это рѣдкое явленіе повидимому происходитъ иногда и въ существахъ растительнаго царства. «Ланкастерскій Журналъ» рассказываетъ примѣчательный случай о самосгараніи дерева. Одинъ изъ тамошнихъ жителей, Г. Стемекръ подарилъ другому брусочекъ дерева, повидимому кедра, найденный при проложеніи чугунной дороги въ Гепъ на тридцати футахъ глубины. Этотъ брусочекъ, вѣсившій не болѣе двухъ унцій, былъ расколотъ на двое и положенъ на некрашенную еловую полку. Послѣ того, случайно замѣтили, что одинъ изъ брусочковъ воспламенился, и огонь пошелъ отъ него такъ быстро, что въ нѣсколько минутъ вся полка была объята пламенемъ. Осмотрѣвъ ее, нашли, что часть одного брусочка превратилась въ золу темнодикаго цвѣта, и по всемъ признакамъ должно было полагать, что горѣніе началось не извнѣ, и даже не съ той стороны, которая была въ соприкосновеніи съ полкою, а въ самой серединѣ дерева. Полка была на сажень отъ полу и въ такомъ мѣстѣ, куда не могла попасть искра ни отъ свѣчи, ни отъ лампы, и огонь очевидно сообщился брусочку не снаружи. Можно предполагать, что подобные феномены бывають иногда и причиною пожаровъ, обыкновенно приписываемыхъ тайнымъ злоумышленникамъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАНЦУЖЕНОКЪ. Леди Влессингтонъ издала романъ: это—важное событіе въ романическомъ мірѣ. Мы спѣшимъ тотчасъ же удѣлнить изъ него отрывокъ: любопытство не терпитъ отсрочки. Въ одномъ мѣстѣ, эта умная писательница представляетъ очеркъ общаго характера Француженокъ: онъ можетъ служить превосходнымъ комментариемъ повѣсти Г. Бальзака, помѣщенной въ этой книжкѣ.

«Manière и esprit, — вотъ двѣ вещи, которыхъ добиваются всѣ Француженки. Первая, по ихъ понятіямъ, состоитъ въ развязности, то есть, совершенномъ отсутствіи робости въ пріемахъ и движеніяхъ, и умѣныи сохранять aplomb во всѣхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ, въ какія бы ни поставили ихъ случаи. Онѣ должны знать роль каждого характера, который вздумается имъ олицетворить, потому что Француженка всегда разыгрываетъ: жизнь ея — комедія или трагедія, смотря по обстоятельствамъ, но во всякомъ случаѣ Француженка готова на то и на другое. Не то, чтобъ она не могла чувствовать или не чувствовала какъ всѣ другія женщины; но съ дѣтства приучаютъ ее относить всѣ свои поступки и рѣчи къ дѣйствию, которое произведутъ они на другихъ: «что скажутъ,» всегда у нихъ въ памяти; слытъ милою въ горести и хорошаго тона въ счастіи для нихъ такъ же существенно, какъ быть прилично одѣтою въ томъ и другомъ случаѣ, и право гораздо важнѣе самой печали или радости. Для Француженки мало быть доброй женою и матерью, — ихъ конечно сотни во всѣхъ сословіяхъ, — она должна разыграть эту роль такъ, чтобъ произвести эффектъ театральнѣй. Домашняя добродѣтель и раждаемое ею счастье для нихъ безвкусны и недостаточны; здѣсь требуютъ рукописканий, и оттого каждая женщина — актриса. Ея гостиная — театръ, гдѣ она играетъ главную роль, а для блестящаго исполненія остроуміе, esprit, вещь необходимая. Все ея стараніе о томъ, чтобъ пріобрѣсти и высказать эту живительную потребность Французовъ: для того погружается она въ Метафизику, хватаетъ вершки Политической Экономіи, пробѣгаетъ всѣ новыя сочиненія, и что еще затруднительнѣе, выслушиваетъ иногда вялыя рѣчи членовъ обѣихъ палатъ и диссертации ученыхъ, которые бывають у ней на вечерахъ. За эту послѣднюю жертву вознаграждаетъ она сама себя удовольствіемъ высказывать свои мнѣнія о запутаннѣйшихъ узлахъ политики и отвлеченныхъ наукахъ такъ же самонадѣленно, какъ и о послѣдней модѣ. У ней всегда запасъ извѣстной болтовни и полу-забавныхъ, полу-серіозныхъ пересудовъ, которые слывуть за остроуту и пріобрѣтають ей лестное отличіе «умной женщины». Каждая Француженка *манерна* еще ребенкомъ, а съ лѣтами этотъ навыкъ

такъ укрѣпляется, что нельзя его искоренить. Кто не обладаетъ этимъ достоинствомъ, та не ловка, безъ воспитанія, gauche et mal élevée.

«Разъ мы слышали, какъ одна Французская дама отдавала предпочтеніе искусственной розѣ моднаго цвѣточника Натѣ передъ естественною, которую только-что срезали. Она говорила, что нѣтъ ни какого сравненія; что роза Натѣ гораздо красивѣе, лепестки ея нѣжнѣе, цвѣтъ мягче: «Enfin, прибавила она, произведеніе Натѣ подходитъ ближе къ моему идеалу розы!» Эта оцѣнка искусственнаго цвѣтка можетъ служить образчикомъ мнѣнія всѣхъ Француженокъ объ естественной красотѣ и пріятности въ сравненіи съ пріобрѣтенными, и благовоспитанная Англичанка, которая не захочетъ блистать умомъ въ гостинныхъ, непременно прослыветъ у нихъ глупою, неловкою и скучною.»

ПЕРВЫЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПАРОВЫХЪ МАШИНЪ. *Письмо Машиньки Делормъ къ Сенъ-Марсу.* Кто была Машинька Делормъ, кто былъ Сенъ-Марсъ,—это такъ извѣстно всѣмъ нашимъ читателямъ, что мы бы ихъ обидѣли, толкуя подобныя вещи. Но, быть-можетъ, не столько же хорошо, кто первый изобрѣлъ паровыя машины. Французы, которымъ досадно, что другіе прежде ихъ выдумали пароходы, утѣшаютъ себя тѣмъ, что открытіе могущества паровъ у нихъ украдено Англичанами. Въ прошломъ году, при разборѣ сочиненія Г. Пузыны, «Суевѣрія и Предразсудки», мы уже упомянули, что извѣстный Гербертъ, бывшій потомъ папою подъ именемъ Сильвестра II, зналъ еще въ X вѣкѣ расширительное свойство паровъ и устроилъ по этому началу машину для двиганія органическихъ тѣлъ. Следственно могущество паровъ очень давно извѣстно, и было поочередно открываемо всѣми, кто только заключалъ ихъ въ сосуды. Еще до Фультона, каждая Русская кухарка знала, что паръ подымаетъ крышку самовара. Но Французское тщеславіе сидитъ сдѣлать изъ этого простаго наблюденія преимущество народной славы, и безпрестанно открываетъ доказательства въ подтвержденіе того, что Французы первые свели знакомство съ парами. Теперь оно открыло гдѣ-то письмо, которое Парижскіе журналы перепечатаваютъ.

съ восторгомъ, и которое въ самомъ дѣлѣ очень любопытно, хотя и не докажетъ того, чтобы они когда-нибудь изобрѣли пароходы.

«Парижъ, Февраля 1641. Дражайшій Эффѳа! Вы забываете меня въ Нарбоннѣ и предаетесь веселіямъ Двора и удовольствію мѣшать кардиналу, а я между-тѣмъ, по желанію вашему, принимаю въ Парижъ Англійскаго лорда, маркиза Ворсстера, и вожу его, или лучше онъ меня водить, отъ рѣдкостей къ рѣдкостямъ, выбирая всегда самыя скучныя и серіозныя, говоря очень мало, слушая съ величайшимъ вниманіемъ и уставляя на тѣхъ, кого спрашиваетъ, большіе голубые глаза свои, которые какъ-будто проникаютъ въ глубину мысли. Впрочемъ, онъ никогда не доволенъ нашими объясненіями, и отнюдь не смотритъ на вещи съ той стороны, съ которой ихъ показываютъ. Такъ, напримѣръ, когда мы были съ нимъ въ Бисетръ, ему вздумалось утверждать, что онъ открылъ геніальнаго человѣка въ одномъ сумасшедшемъ. И если бѣ этотъ сумасшедшій не бѣсился, я право думаю, что вашъ маркизъ выпросилъ бы его съ собою въ Лондонъ, чтобъ слушать его бредни съ утра до ночи. Когда мы проходили дворомъ, и я, ни жива ни мертва отъ страха, жалась къ своему товарищу, отвратительное лицо показалось за толстою рѣшеткою, и кричало намъ сильнымъ голосомъ: — Я не сумасшедшій, я сдѣлалъ открытіе, долженствующее обогатить тотъ край, который приведетъ его въ исполненіе. — А что это за открытіе? спросила я того, кто показывалъ намъ заведеніе. — Ахъ! отвѣчалъ онъ, пожимая плечами: вещь самая простая, и вѣрно никогда не отгадаете, — употребленіе пара горячей воды.

«Я разохоталась. — Человѣкъ этотъ, продолжалъ смотритель, прозывается Саломономъ де-Ко (de Caus). За четыре года пріѣхалъ онъ изъ Нормандіи представить королю записку о чудесныхъ дѣйствіяхъ, которыя можно произвести его открытіемъ. Послушать его, такъ чего не сдѣлаешь парами: онъ заставитъ ими ходить кареты! Кардиналъ отослалъ дурака, даже и не выслушавъ.

«Саломонъ де-Ко не унывалъ; онъ всюду слѣдовалъ за кардиналомъ и надобѣлъ ему до такой степени своими бред-

ними, что тотъ велѣлъ запереть его въ Бисетръ. Здѣсь онъ теперь три года съ половиною, и не перестаетъ кричать каждому посѣтителю, что онъ не сумасшедшій и что сдѣлалъ удивительное открытіе. Онъ даже сочинилъ объ этомъ вотъ какую книгу. Милордъ Ворстеръ, давно погруженный въ задумчивость, попросилъ книгу, прочиталъ нѣсколько страницъ и сказалъ: — Этотъ человекъ не сумасшедшій, и у насъ его бы не заперли, а осыпали бъ золотомъ. Проводите меня къ нему; мнѣ хочется его спросить. — Маркизь пошелъ, но вскорѣ воротился печальный и задумчивый.

«Теперь онъ точно сумасшедшій, сказалъ онъ мнѣ: горе и заточеніе навсегда лишили его разсудка; вы свели его съ ума, но съ нимъ бросили вы въ эту темницу величайшій геній своего времени». — Послѣ этого мы отправились, и съ тѣхъ поръ у него только и рѣчей, что о Саломонѣ Ко. Прощайте, милый и вѣрнопопавшій мой Генрихъ! Воротитесь поскорѣе и не будьте тамъ счастливы до такой степени, что бъ у васъ не осталось немножко любви и для меня.»

КОЛИЧЕСТВО ВОДЫ, ПРОЛИВАЕМОЕ НЕВОЮ ВЪ МОРЕ.
Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Географическаго Общества въ Лондонѣ, полковникъ Джексонъ читалъ разсужденіе «О замерзаніи Невы.» Онъ разсуждалъ между-прочимъ и о количествѣ водъ, изливаемыхъ ею въ Балтійское Море. Нева единственный истокъ Ладожскаго Озера, величайшаго въ Европѣ и соединяющаго въ себѣ воды четырехъ гидравлическихъ системъ, именно, своей собственной, Онежской, Ильменской и Сайминской. Въ странѣ, покрытой льдомъ около пяти мѣсяцевъ въ году, количество испареній не можетъ быть значительно, и оттого водоизліяніе Невы, особенно зимою, весьма велико. Средняя ширина ея 1,500 футовъ; глубина фарватера 50; теченіе идетъ больше двухъ узловъ въ часъ, и по весьма точнымъ исчисленіямъ, сдѣланнымъ по повелѣнію правительства, когда занимались проектомъ обнесенія Петербурга валомъ для защиты отъ наводненій, она изливаетъ до 116,000 кубическихъ футовъ, или 540 сажень воды въ секунду. Если положить на человека одинъ кубическій футъ воды въ день, то все народо-

населеніе Петербурга потребляетъ въ сутки только то количество воды, которое Нѣва проливаетъ въ устьѣ свое въ три секунды времени. Слѣдственно въ сутки выходитъ изъ нея 29,576,000 кубическихъ сажень воды, а въ $4\frac{1}{4}$ сутокъ кубическая верста; въ годъ, 86 такихъ верстъ воды. Поверхность Ладожскаго Озера содержитъ около 25,000 квадратныхъ верстъ: считая глубину его 50 сажень, объемъ воды можно полагать въ немъ до 2,500 кубическихъ верстъ. Поэтому потребно не болѣе сорока лѣтъ для того, чтобъ цѣлое озеро перешло въ море Невую. Съ построенія Петербурга, уже три Ладоги вылились въ Балтійское Море; теперь выливается четвертая.

О ТОМЪ, КАКЪ Г. ГУСТАВЪ ПЛАНШЪ ОТДѢЛАЛЪ Г. ВИКТОРА ГЮГО. Г. Густавъ Планшъ по временамъ чело-вѣкъ очень умный, — это всѣмъ извѣстно. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала *Revue des deux mondes*, Г. Густавъ Планшъ разсуждаетъ довольно пространно о нравственности въ поэзіи. Высшимъ закономъ нравственности составляетъ онъ совокупное и стройное развитіе всѣхъ духовныхъ способностей чело-вѣка. Поэзія, какъ развитіе одной изъ нихъ, то есть, воображенія, принадлежитъ, по мнѣнію автора, къ числу нашихъ нравственныхъ обязанностей; по собственной; независимая цѣль ея — изображеніе и выраженіе красоты. Красота не что иное, какъ порядокъ въ движеніи. Это опредѣленіе такъ же неопредѣлительно, какъ и всѣ прочія; но авторъ находитъ основу его во всѣхъ произведеніяхъ искусства, единогласно признанныхъ изящными. Затѣмъ говоритъ онъ о красотѣ объективной, гдѣ преобладаетъ внѣшность формъ, и предпочитаетъ ей идсальную, гдѣ господствуетъ мысль художника. Это приводитъ автора къ разсмотрѣнію школы Виктора Гюго, которую называетъ онъ «эпическимъ реализмомъ» и новѣйшею представительницей объективной красоты.

«Этой школѣ, говоритъ онъ, не до политики, не до страстей, игравшихъ ея историческими героями; прежде всего должно знать, какой гербъ стоялъ на воротахъ замка, какая надпись была на знамени, какал ливрея увлеченнаго барона. Вотъ все, чего ея романъ требуетъ отъ Исторіи, а сцѣ-

иленіе эпизодовъ — вещь пустая и вовсе излишняя. Странная, неожиданная послѣдовательность несвязныхъ сценъ гораздо сподручнѣе смѣшной хвастливости этой надутой эпопеи. Занимательность, неослабная занимательность—это слишкомъ трудно; другое дѣло — забавлять читателя, и толпа безропотно пріемлетъ разсказъ въ тысячу страницъ, блестящій какъ шумный праздникъ, но какъ праздникъ же безъ завтра и безъ воспоминанія.

«На театрѣ, красота объективная, разумѣется, всегда въ барышъ; но машинистъ и костюмёръ здѣсь въ половинѣ. Передъ толпою зрителей, которыхъ побужденія ему знакомы, нашъ поэтъ, пустившійся въ живописную поэзію, не станетъ терять времени на очертаніе характеровъ, на искусную завязку дѣйствія. Нѣтъ, онъ изберетъ кратчайшій путь. Онъ возьметъ въ минувшемъ первое имя, которое ему попадется. Долгой перѣшимости тутъ быть не можетъ, потому что онъ не привязываетъ ни какой особенной цѣны къ достопамятнымъ событіямъ того или другаго вѣка. Въ случаѣ нужды, онъ готовъ надѣлать безстыднымъ непотребствомъ такую женщину, которая славилась дотолѣ одной чистотою своей пламенной набожности. Изъ хитраго политика, торгующаго ложью и играющаго съ неумолимымъ искусствомъ престолами Европы, онъ охотно сдѣлаетъ искаателя приключеній, соблазнителя дѣвицъ. Изъ прелестницы, оскверненной всѣми ужасами своего ремесла, онъ переплавить возраждающуюся дѣвственность, стыдливость могучую и высокую. Въ лакеѣ, обреченномъ смѣху и бубенчикамъ, посѣдѣвшемъ въ наглости и презрѣніи, онъ захочетъ воскресить мстящее чадолюбіе Виргинія. Ничего не пожалѣетъ онъ для исполненія своей прихоти. Въ уста Мессалины готовъ онъ вложить выраженіе божественной, чистѣйшей изъ страстей, — любви материнской. Собственные имена, не имѣющія для него ни какого смысла, служатъ только указаніемъ, какого времени должны быть костюмы актеровъ и декорационныя принадлежности.

«Запасшись забрамами и кольчугами, жемчугомъ и бархатомъ, стрѣльчатыми сводами и дугами, онъ ужъ очень поспешилъ свое дѣло. Такъ какъ главное для него не въ мысли,

а въ зрѣлищѣ, то безразсудно было бы съ его стороны стараться объ естественности въ разговоръ и правдоподобіи въ обстановкѣ. Если какое-нибудь дѣйствующее лице ему мѣшаетъ, онъ гонитъ его со сцены, не объясняя куда и зачѣмъ. Если понадобится ему *motseau d'ensemble*, — по первому его знаку, послушныя кулисы извергаютъ толпу придворныхъ въ золотѣ или шайку бѣшеныхъ заговорщиковъ. Не спрашивайте его объ ихъ намѣреніяхъ, о пружинахъ, которыя приводятъ ихъ въ дѣйствіе, о заблужденіяхъ, которыми они увлечены. Ему нѣтъ дѣла до этихъ мелочей, была бы у него королева, разбойникъ да палачъ, — на этихъ трехъ лицахъ натягиваетъ онъ свою драму, какъ геометръ проводитъ окружность черезъ три данныя точки. Въ драмѣ этой нѣтъ ни смѣха, ни слезъ, ни умиленности, ни чувства: это зрѣлище для толпы, и толпа ему рукоплещетъ.»

Все это весьма справедливо. Но должно замѣтить, что Г. Густавъ Планшъ, который такъ хлопочетъ о нравственности въ поэзій, когда дѣло идетъ о сочиненіяхъ Гюгё, очень недавно превозносилъ похвалами въ томъ самомъ журналѣ послѣдній романъ Г-жи Дюдеванъ, или Жоржа Занда, — *Jacques*. Г. Густавъ Планшъ однако жъ слыветъ однимъ изъ лучшихъ критиковъ во Франціи! Теперь очередь — разсмотрѣть вопросъ о нравственности въ критикѣ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Elle est folle, Она помѣшалась*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, Г. Мелевиля.

Честный и добрый дворянинъ, лордъ Гарлефъ живетъ въ самой уединенной части одного изъ Англійскихъ графствъ и скрывается отъ всѣхъ взоровъ подъ вымышленнымъ именемъ. Молодая жена, молоденькая племянница и вѣрный служитель составляютъ весь домъ Гарлефа. Вдругъ Лондонскій врачъ, докторъ Юллакъ, получаетъ письмо отъ лорда, который проситъ его пріѣхать какъ можно поскорѣе, потому что дѣло идетъ о жизни или смерти леди Гарлефъ. Докторъ пріѣзжаетъ, его принимаютъ съ распростертыми объятіями; онъ спрашиваетъ, и лордъ говоритъ ему, что жена его лишилась разсудка и что одинъ только онъ, докторъ Юллакъ, въ состояніи ее вылечить. Но вы можете во-

образить удивленіе бѣднаго доктора, когда онъ замѣчаетъ, что не леди Гарлейгъ лишилась разсудка, а что помѣшанъ мужъ ея, самъ лордъ Гарлефъ, который сейчасъ только говорилъ такъ умно и разсудительно. Да; лордъ Гарлефъ сумасшедшій. Любовь и ревность лишили его разсудка. Онъ былъ страстно влюбленъ въ жену свою, и не могъ снести мысли, что она ему невѣрна. Между-тѣмъ одинъ молодой человѣкъ преслѣдовалъ ее днемъ и ночью; въ Германіи, во Франціи, въ Италіи, въ Англіи, онъ нигдѣ не терялъ слѣдовъ леди Гарлефъ; тѣнь этого молодаго человѣка не отставала отъ супруговъ. Наконецъ, лордъ Гарлефъ, выведенный изъ терпѣнія, рѣшается избавиться отъ него во что бы то ни стало; оскорбляетъ его, вызываетъ на дуэль, но тотъ не хочетъ драться; Гарлефъ убиваетъ его, и бросаетъ въ море. Съ этого убійства началось помѣшательство лорда Гарлефа.

Подробности этого романа являются не вдругъ, но медленно, одна за другой, проходя сквозь всѣ мечты, всѣ облака, всѣ переменны ума и помѣшательства въ головѣ бѣднаго лорда, и то возбуждаютъ въ васъ смѣхъ, то извлекаютъ у васъ слезы. Эта драма собственно не что иное, какъ новое изученіе помѣшательства, изученіе полное и превосходное. Несчастный Гарлефъ попеременно, то самый разсудительный, то самый безумный изъ людей; онъ говоритъ умно, шутитъ мило, потомъ вдругъ воспламеняется страстію, потомъ плачетъ, потомъ приходитъ въ бѣшенство. Докторъ, безпрерывно наблюдая за своимъ больнымъ, видитъ, что помѣшательство его неизлечимо и что одно только обстоятельство можетъ придать силу этой разслабленной головѣ. Но какъ возвратить Гарлефу миръ души и спокойствіе сердца? Какъ доказать ему невинность жены его и его собственную? Къ счастью, молодой человѣкъ, убитый Гарлефомъ, не умеръ; этотъ молодой человѣкъ влюбленъ не въ леди Гарлефъ, а въ племянницу ея Нелли. Тогда все объясняется; Гарлефъ видитъ, что онъ напрасно терзался совѣстію и напрасно подозрѣвалъ жену свою въ невѣрности. Выздоровѣвъ, онъ соединяетъ молодаго человѣка, котораго убилъ, съ любезною его Нелли, и все семейство лорда съ ума слодитъ отъ радости; но это сумасшествіе не опасно.

2. Dolly, *Долли, или Сердце женщины*, драма-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Люрье и Рауля.

Миссъ Долли, юная и нѣжная Шотландка, избавляетъ отъ смерти молодаго Французскаго капитана, Шарля Фонтне: это было во время войны за претендента, послѣдняго изъ Стуартовъ. Миссъ Долли не только спасла жизнь Шарлю Фонтне, но еще вышла за него замужъ. А неблагодарный уѣхалъ во Францію и тамъ забылъ все, и благодарніе и благодѣтельница. Этого мало: онъ женился на другой женѣ, племянницѣ герцога, министра Людовика XV: чтобы ничего не компрометировать, мелодрама не сказываетъ, кто этотъ герцогъ.

Между-тѣмъ печальная Долли не знаетъ, что стало съ Шарлемъ Фонтне, неблагодарнымъ, которому она спасла жизнь и за котораго вышла замужъ. Долли покидаетъ свои родныя горы, и ѣдетъ въ Парижъ искать своего любезнаго. Въ Парижъ она попадаетъ прямо въ домъ новой, второй жены своего мужа. Но Шарль Фонтне перемѣнилъ имя и называется теперь графомъ Арманомъ Гравиньи. Всякому извѣстно, что жениться на двухъ живыхъ женахъ, ни въ Англіи, ни во Франціи нельзя. Положеніе графа довольно затруднительно. Какъ онъ изъ него выпутается? Вы уже угадали это, потому что у васъ, вѣрно, доброе сердце. Долли жертвуетъ собою. Сначала она хотѣла отмстить за себя: можно ли мстить человѣку, котораго любишь? Великодушная Долли разрываетъ документъ, доказывающій, что она законная супруга Шарля Фонтне. Въ этой драмѣ на расплѣвъ, есть маленькія, невинныя слезы. Она имѣла успѣхъ, и надобно сказать, заслуженный.

3. Les Pages de Bassompierre, *Пажи Бассомпьерра*, водевиль въ одномъ дѣйствіи Гг. Этьенна, Араго, Деверже и Варена.

Волокита Бассомпьерръ въ арміи, и съ нимъ два пажа, два прекрасныхъ пажа. Одинъ изъ этихъ пажей милая дама, за то другой изъ этихъ пажей прелестная дѣвушка. Король Людовикъ XIII, видя такихъ прекрасныхъ пажей, проситъ Бассомпьерра уступить ему обоихъ, или по-крайней-мѣрѣ одного. Но ни тотъ ни другой не хотятъ быть у него въ

услуженіи; они ссорятся, и дѣло доходитъ до того, что они выхватываютъ шпаги и начинаютъ драку не на шутку. А въ то время дуели были запрещены подѣ опасеніемъ смертной казни, и притомъ запрещены кардиналомъ Ришелье, который то же шутить не любилъ. И молодымъ нашимъ дуелистамъ не одобровать бы, если бы они были не такіе бѣленькіе, если бы у нихъ не было такихъ миленькихъ, кругленькихъ ножекъ, такихъ нѣжныхъ сердецъ, такихъ блестящихъ глазъ. Явно, что эти пажи не подходятъ подѣ общій законъ о дуеляхъ, хотя они и дрались. Такъ думаетъ и самъ король. Онъ прощаетъ обѣихъ дамъ съ тѣмъ, чтобы Бассомпьерръ уволилъ ихъ изъ пажей, и чтобы благородная дама вышла за самаго маршала, а дѣвушка за перваго своего любезнаго, который, какъ нарочно, тутъ же въ арміи. Вотъ почти вся пьеса, не важная, но довольно милая и остроумная.

4. *La Tour de Ganges, Башня Ганжесская, или Северная война*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ, Гг. Орнуа и Вильфранша.

Рѣчь идетъ о войнѣ Французскихъ католиковъ съ Французскими кальвинистами. Въ бѣдной хижинѣ въ Северныхъ скрывается графиня Отфоръ, дочь покойнаго великомощнаго и ясновельможнаго господина графа Отфора, кальвиниста, который былъ комендантомъ Ганжесской башни. Г-жа Отфоръ и единственная дочь ея, Матильда, одѣты крестьянками. Дѣвицу Матильду обольщаетъ одинъ знатный католикъ. Являются драгуны, чтобы взять ихъ подѣ стражу; мать умираетъ съ испуга; драгуны похищаютъ только дочь и зажигаютъ хижину. Хижина горитъ — первая картина.

Во второмъ дѣйствіи новый, католическій комендантъ Ганжесской башни поджидаетъ кальвинистовъ; но при наступленіи ночи ложится спать и кальвинисты благополучно проходятъ мимо. Вдругъ раздается громъ и молнія, зажигается лѣсъ. Занимательность пьесы возрастаетъ: въ первомъ дѣйствіи горѣла одна только хижина, во второмъ горитъ цѣлый лѣсъ. Что-то будетъ горѣть въ третьемъ?

Въ третьемъ дѣйствіи ничто не горитъ. Правда, что тутъ дерутся и рѣжутся; но это все не то. Въ первомъ

дѣйствія горѣла хижины, во второмъ горѣлъ лѣсъ; неужели трудно было сжечь какой-нибудь городъ, или по-крайней-мѣрѣ хоть деревушку. Удивительное неуваженіе къ публикѣ! Мудрено ли послѣ этого, что она не уважаетъ Гг. водевилистовъ и мелодраматистовъ? Нѣтъ пожара, слѣдственно интрига не развивается, интересъ не поддерживается, тѣмъ болѣе что и въ четвертой картинѣ нѣтъ пожара, а только вѣшаютъ дюжины двѣ кальвинистовъ: тутъ не пахнетъ ни сѣрою, ни смолистымъ деревомъ, а безъ этого что за драма!

Наконецъ въ пятомъ актѣ, зритель, утомленный бездѣйствіемъ авторовъ, отдыхаетъ. Во-первыхъ тутъ собственно лично является палачъ, и пытается молодого кальвиниста, который въ чемъ-то не признается; тѣло *испытаннаго* проносятъ по сценѣ на простыняхъ или на носилкахъ, на чемъ-то этакомъ. Дѣвица Матильда, которая въ четвертомъ дѣйствіи, во ожиданіи казни, заперлась съ позволенія коменданта въ склепѣ своихъ предковъ въ Ганжесской башнѣ, выпускаетъ кальвинистовъ; начинается всеобщее сраженіе, которое заключается, къ удовольствію публики, всеобщимъ пожаромъ и окончательнымъ опущеніемъ занавѣса.

5. *Au clair de lune, При лунномъ свѣтѣ*, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ.

Признаться сказать, луннаго свѣта тутъ нѣтъ; за то есть гризетка, дѣвица Флора, у которой лице —

.....Какъ полная луна,

Возсѣвшая надъ океаномъ, и проч

Эта гризетка преслѣдуетъ какого-то Г. Блондò; этотъ Г. Блондò дуракъ, а пріятель его, Г. Ремонъ, умищца; а въ концѣ пьесы Г. Ремонъ женится на Г-жѣ Флорѣ. Что дѣлать! дуракамъ счастье, говоритъ пословица. А сочинители этого водевиля, видно, умные люди: имъ не посчастливилось. Въ водевилѣ ихъ нѣтъ ни луннаго свѣта, ни здравого смысла.

6. *Les deux Nourrices, Двѣ кормилицы*, водевилъ.

Кормилица живетъ у какого-то господина; ей тепло, и сытно, и спокойно; да притомъ еще за нею привлекается аптекаръ. Да одна бѣда: мужа къ ней не пускаютъ. Та-

кимъ образомъ кормилица остается безъ мужа, мужъ безъ кормилицы, и оба скучаютъ. Наконецъ мужъ вздумалъ нарядиться кормилицей и пришелъ напиматься. Аптекарь, которому мужъ кормилицы позволилъ взять себя за подбородокъ (онъ въ тотъ день брился), совѣтуетъ взять новую кормилицу и отпустить старую. Тутъ все открывается. Во всей этой глупости въ сотни куплетовъ, пѣтъ ни словечка остроумнаго или даже забавнаго.

7. *Le fils de Triboulet, Сынъ Трибуле*, водевиль Гг. братьевъ Коньяръ.

Этотъ Трибуле совсѣмъ не такъ остроуменъ, какъ его почтенный батюшка. Видя, что Францискъ I задумался, молодой Трибуле тотчасъ догадывается, какъ развеселить его: приводитъ къ нему молоденькую крестьянку, въ которую король тотчасъ и влюбляется; а эта крестьянка не кто иная, какъ герцогиня Этампъ, съ которою король было поссорился. Такимъ образомъ Трибуле поддѣлъ, Франциска, а Гг. Коньяры публику.

8. *Le bal des Variétés, Балъ въ Театръ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Какой-то молодой провинціалъ попадаетъ прямо изъ дилижанса въ маскарадъ въ театрѣ *Variétés*, въ толпу пудличелей, Пьерро и Арлекиновъ, и его мистифируютъ самымъ забавнымъ образомъ. Это тоже масляничный водевиль, но по-крайней-мѣрѣ тутъ отъ души хохочешь.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. Величайшій обжора въ свѣтъ — Время. Съ неслыханною алчностью и поспѣшностью пожираетъ оно жизни, красоты, умы, славы, и человекъ напрасно силится облекать лучшіе свои подвиги въ мраморъ и мѣдь, чтобъ оно не могло сварить ихъ: оно оставить подвигъ, по выгрызетъ изъ него имя и высосетъ всю извѣстность. Бездыханные и оглодавшие подвиги торчатъ или валяются тогда на землѣ, и никто не обращаетъ на нихъ вниманія. Это трупы славъ, которыя были красны, шумны и блестящи. Греки изобразили Время въ лицѣ Сатурна, который пожираетъ родныхъ чадъ своихъ еще младен-

цами, и это самая остроумная изъ всѣхъ ихъ остротъ. Куда дѣвались всѣ эти красивыя и рѣзвыя дѣти нашего Времени, всѣ эти славы, роємъ высыпавшія на свѣтъ въ послѣдніе годы изъ чрева Французской Словесности, старой, наруганной Цибеллы, которая хотѣла прикинуться юною и завела развратную жизнь, чтобъ всѣ сочли ее за полную огня и силы? Гдѣ онѣ? Ихъ пожрало то самое Время, родной ихъ отецъ, который глотаетъ наши литературныя славы какъ пиллюли. Съ нѣкоторой поры, это его любимая пища, всегдашнее непремѣнное блюдо, какъ супъ и говядина въ нашемъ обѣдѣ. Оно къ ней пристрастилось. Каждый день надобно бросить ему хорошую, свѣжую и вкусную книгу, иногда дѣтъ и три. Оно сперва любитъся имъ, ворочаетъ съ гастрономическимъ наслажденіемъ, расхваливаетъ ихъ сочность, питательность, пользу для тѣла и души, отличную вкусность, называетъ ихъ объѣдѣньемъ, приглашаетъ всѣхъ отвѣдывать и восхищаться, и, составивъ ему громкую славу, само ихъ выкушиваетъ на здоровье. Выкушавъ, оно объ нихъ и забыло. Давайте новыхъ: вчерашнія были не такъ-то хороши, вялы, приторны, дрянъ, — вотъ эти, сегодняшнія, гораздо вкуснѣе! Одна и та же исторія повторяется каждыя сутки, а мы, добрые люди, отъ души вѣримъ всему, что Время говоритъ сегодня, не помня, что оно говорило такимъ же образомъ вчера и третьяго дня. Есть книги, которыхъ оно не ѣстъ, расхваливъ доброту ихъ сорта: оно тогда откладываетъ ихъ въ сторону, и хранитъ для большаго праздника, когда у него будутъ дорогіе гости, — невѣжество, потопецъ, великіе перевороты. Тутъ они выкупаютъ ихъ за общимъ столомъ, и еще пожалтуютъ, что люди не надѣлали такихъ побольше.

Но никогда еще Времени не было на свѣтъ такъ худо, какъ теперь. Оно съѣло свой прошлогодній запасъ славы, и всю зиму голодно какъ собака. Французская Словесность, на которую оно особенно надѣялось, которая вскормила и разлакомила его въ послѣдніе годы, — Французская Словесность ничего ему не доставляетъ! Мишель Ремонъ бросилъ ему романчикъ, *Le Secret*; Г. Бальзакъ хочетъ бросить новые два тома своихъ *Etudes Philosophiques*. Бѣд-

пое Время! Оно ворочаетъ Рсмоновъ романъ, и морщится, молча. Но оно съ нетерпѣніемъ ожидаетъ двухъ томовъ философіи Г. Бальзака: оно общаетъ расхвалить ихъ, и съѣсть тутъ же съ большимъ аппетитомъ.

Все это супъ и говядина! Изъ всего этого, что ни говорите, Время ничего не откладываетъ на праздникиъ.

— Новые два тома «Философическихъ Опытовъ Г. Бальзака» будутъ носить заглавіе — *Avantures administratives*. Мосѣ Бальзакъ! гдѣ вы покупаете вашу философію? Она настоящая Парижская; такой не растетъ въ другихъ обществахъ и въ другихъ головахъ. Онъ, вѣрно, гдѣ-нибудь открылъ забытый погребъ съ философіей, и изъ него каждый годъ вынимаетъ по нѣскольку бочекъ философическихъ взглядовъ на людей. Читая сочиненія этого писателя такъ, какъ читаются подобнаго рода сочиненія, большую частію не примѣчаешь ихъ нравственнаго безобразія, за блескомъ сценъ чисто повѣствовательныхъ и ловко подсмотрѣнными подробностями предмстовъ; но надобно поработать надъ которымъ-нибудь изъ нихъ, надобно заняться имъ внимательно съ цѣлію доставить хорошее чтеніе своей публикѣ, взвѣсивая каждое выраженіе, стараясь передать настоящій смыслъ каждаго обстоятельства, чтобъ увидѣть, какая бездна печистоты и ложности лежитъ на днѣ мысли этого забавнаго философа. Очищеніе ся не легче очистки конюшенъ царя Авгія. Мы узнали это на опытѣ, трудясь надъ его «Старикомъ Горіо», который однако принадлежитъ уже къ эпохѣ лучшаго поведенія философіи Г. Бальзака. Онъ былъ бы очень пріятный романистъ, если бъ, по-несчастію, не вообразилъ себѣ, что онъ философъ и что онъ знаетъ всего человѣка, тогда какъ онъ знаетъ только его спальню.

— Сочиненіе, о которомъ говорили мы въ прошломъ году, — *Feuilles détachées, tirées des papiers d'un homme d'état* — достигло уже девятаго тома. Его приписываютъ одному Нѣмецкому дипломату, оченъ извѣстному въ политическомъ свѣтѣ, и оно заключаетъ въ себѣ многіе важные акты.

— «Переписка генерала Дюмуріе», извлеченная изъ длинныхъ бумагъ, печатается. Герцогиня Абрантесъ събла-
Т. IX. — Отд. VII.

ла второе изданіе своихъ «Записокъ». Г. Кошуа издалъ свой *Annuaire chronologique* за 1854 годъ. Въ оставшихся по смерти Элизы Мёркёръ бумагахъ нашли много прекрасныхъ стихотвореній, которыя скоро будутъ напечатаны. Последнее отдѣленіе извѣстнаго историческаго творенія Г. Капфига уже вышло изъ печати.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Англійскіе писатели ничего не пишутъ, — то есть, пишутъ политическія брошюры. Литературные журналы никогда не были такъ пусты, какъ въ послѣдніе три или четыре мѣсяца. Дамы однѣ поддерживаютъ книжную торговлю. Благодаря изящному перу прекрасныхъ писательницъ, она еще продаетъ книги.

— Вышли стихотворенія леди Эмmeliны Стюартъ Вортли, *The Village Churchyard* и другія поэмы, — произведеніе восторженной души и поэтическаго чувства, богатое высокими мыслями, но вмѣстѣ и падуыми выраженіями. Леди Эмmeliна большая охотница до фантастическихъ эпитетовъ.

— Графиня Блессингтонъ, прославившаяся своими умными «Бесѣдами съ лордомъ Байрономъ», выдала романъ *The Two Friends*, изъ котораго заимствовали мы характеристику Француженокъ. Правда, что излишняя педовѣрчивость къ самой себѣ иногда напрасно удерживала перо сочинительницы, и что немножко болѣе живости не повредило бы нѣкоторымъ изъ ея дѣйствующихъ лицъ, но нельзя не отдать справедливой похвалы истиннѣ очерковъ, безпритязательной, милой непринужденности, съ которою запутывается и распутывается узелъ романа, и основательности и остроты замѣчаній, поражаемыхъ самымъ разсказомъ и отнодіе его не перебивающихъ. Это повѣсть характеровъ и приключеній: сцена переходитъ изъ Лондона въ Парижъ, изъ Парижа въ Италію, и вездѣ полна дѣйствующихъ лицъ, но безъ давки. Занимательность сосредоточена на двухъ герояхъ, Десбро и Арлингтонъ, и, разумѣется, на столькихъ же героиняхъ. Одна изъ нихъ, Цецилія де-Бегюнь, дочь Французскаго графа, женившася на Англичанкѣ, воспитывалась въ Англіи у богатой родственницы и только по смерти ея переехала въ Парижъ. Чтобъ довершить воспитаніе, старый графъ почелъ необходимымъ взять къ ней

опытную *dame de compagnie*. Мы выпишемъ для нашихъ читателей первое появленіе этой почтенной дамы: Французскія компаньонки, — вѣдь это необходимость!

«Послѣ завтрака доложили о прибытіи мадамъ де-ла-Рю, и когда Цецилія взглянула на свою будущую дуэнтну, она едва могла удержаться отъ улыбки.

«Мадамъ де-ла-Рю была женщина въ лѣтахъ, или, лучше сказать, безъ лѣтъ, потому что самому свѣдущему по этой части невозможно было узнать навѣрное, за сорокъ ли ей или за шестьдесятъ, такъ умѣла она пританяться подъ кучею бѣлилъ, румянъ и поддѣльныхъ локоновъ. Морщины и складки, которыми время изобразило лице ея, были заровнены краснотѣлымъ тестомъ, такъ толсто пальпированымъ, что лице больше походило на маску паяца, чѣмъ на подражаніе природѣ. Брови ея тянулись прямо самой черной полосой, и придавали какую-то любезную свирѣлость ея моргающимъ стрымъ глазамъ, а шелковые вороныя бровки нависли многочисленными трубами надъ лбомъ ея, котораго поверхность уподоблялась немзѣ. Только-что она отворяла свой маленькой ротикъ, онъ раздирался до ушей, и колебаніе вставныхъ зубовъ, которыми былъ унизанъ, напоминало деревянныхъ трясушекъ на пружинахъ. Она была высока ростомъ и худощава; одѣта по послѣдней модѣ, и видъ ея представлялъ странное смѣшеніе веселой живости, облагороженного подобострастія и сознающаго себя превосходства.

«Она впахнулась въ комнату съ тѣмъ невыразимымъ движеніемъ невинной дурочки и проворной кокетки, которое исключительно принадлежит Парижанкамъ; просила *mille pardons* Богъ-знаетъ въ чемъ, и объявила, что *monsieur le comte* и *mademoiselle de Béthune* слишкомъ добры и снисходительны, *mille fois trop bons*, только потому, что графъ предложилъ ей стулъ, а Цецилія приняла ее вѣжливо.

«Мадамъ де-ла-Рю была въ безпрестанномъ движеніи: то покусывала свои сухія губки, съ явной опасностью для вставныхъ зубовъ, то поправляла локоны или платье и по-

переменно старалась казаться вкрадчивою, живою или чувствительной, смотря по обороту графовыхъ рѣчей.

«Она объясняла, что осмѣлилась взять съ собою двухъ своихъ любимцевъ, съ которыми не можетъ перенести разлуки, — маленькую собачку, Бижу́, и попугая, Кокò : оба они, продолжала нѣжная мадамъ де-ла-Рю, спать со мною, ils partagent ma couche, — и при этомъ она какъ-будто покраснѣла и потупила глазки: они такъ къ ней привязаны, что не платить имъ за то страстною любовію, быма бъ самая черная неблагодарность, — порокъ неизвѣстный сердцамъ благородныхъ Французовъ, aux sœurs français bien-nés. Если бъ ей, какъ Римлянкѣ Корнелин, пришлось показать свои драгоценности, она представила бъ Бижу́ и Кокò, такъ какъ на дѣтей своихъ, — и тутъ вставные зубы оскалились по самые замочки отъ гримасы, которою мадамъ де-ла-Рю наградила себя за классическую ссылку.»

— Подъ названіемъ «Пантики», Г. Вильямъ Говиттъ, издалъ примѣчательное сочиненіе, въ которомъ съ патріархальнымъ простодушіемъ и необыкновенной роскошью воображенія воскрешаетъ онъ преданія самой глубокой древности и переноситъ читателя въ обѣтованную землю, къ Аммонитамъ, въ Тиръ и въ Сидонъ.

=

Н О В Ы Я К Н И Г И .

Французскія.

HISTOIRE DE LA RÉFORME, de la Ligue et du règne de Henri IV, par M. *Capefigue*. 2 vol., dernière édition.

SOUVENIRS DE LA FIN DU XVIIIe SIÈCLE et du commencement du dix-neuvième, ou Mémoires de M. le baron *Desgenettes*. 3 vol.

QUINZE ANNÉES D'UN PROSCRIT, par le général *Guillaume de Vaudoncourt*. 4 vol.

ITINÉRAIRE DE PARIS EN ESPAGNE, par M. *Vaysse de Villiers*. 1 vol.

JOASINE ou la Fille du prêtre, roman posthume, par *Victor Ducange*. 1 vol.

EL ATALAYA ou une ambassade à Madrid, par *Don Antonio de la Bi-guela*. 1 vol.

PEN-MARC'H, roman historique bréton, par *Ernest Mesnard*. 4 vol.
 LE BON VIEUX TEMPS, par *Paul L. Jacob*, bibliophile. 2 vol.
 LA SEMAINE DE PAQUES, roman, par *Ferdinand Dugué*. 1 vol.
 HISTOIRE D'UN SUICIDE, par *Félix Davin*. 2 vol.

Англійскія.

THE HISTORY OF GREECE. By *T. Keightley*.
 NAUTICAL AND HYDRAULIC EXPERIMENTS, etc. By Col. *Marc Beaufoy*.
 1 vol.
 THE ARCHITECTURAL DIRECTOR. By *John Billington*. 1 vol.
 TRANSACTIONS of the Society for the Encouragement of Arts. vol 4.
 Part I.
 REPORT FROM THE SELECT COMMITTEE of the House of Commons, on
 steam navigation to India, etc. 1 vol.

THE MANUSCRIPTS OF ERDELY, a romane. By *George Stephens*. 4 vol.
 THE VILLAGE CHURTHYARD and other poems. By lady *Emmeline Stuart Wortley*. 1 vol.
 THE TWO FRIENDS, a novel. By the countess of *Blessington*. 3 vol.
 PANTICA, or Traditions of the most ancient times. By *William Howitt*.
 2 vol.

М О Д Ы.

Парижск. Февраль.

Балы у насъ прекратились: слѣдственно мы не станемъ говорить о томъ, какъ Парижскія дамы одѣваются на балъ. Въ вечернія собранія являются онѣ большею частію, вмѣсто беретовъ, въ бархатныхъ Испанскихъ шляпкахъ съ крашеными перьями, или въ легкихъ турбанахъ à la juive. Носятъ много чепчиковъ à jour и изъ блондоваго кружева съ цвѣточною гирляндой и съ длинными концами, или бородами.

— Шелковые чулки нынче чрезвычайно богаты: углы въ нихъ блондовые.

— Перчатки обшиваются рюшемъ изъ лентъ или гирляндой изъ мелкихъ цвѣтовъ.

— На прически нѣтъ правила. Каждая причесывается какъ ей угодно, или какъ угодно ея парикмахеру. Самыя модныя головныя уборы— à la Berthe, точно такія же, какъ на

портретахъ королевы Берты; à l'anglaise, à la Sévigné, à l'antique, и прочая. Парижскіе парикмахеры раздѣлились на двѣ волосяныя секты, — матеріалистовъ и спикитуалистовъ. Парикмахеры-матеріалисты дѣлають уборки чистыя, прочныя, тяжелыя, придерживаясь фасона, принятаго извѣстною массою головъ. Напротивъ, парикмахеры спиритуалисты слѣдуютъ минутному вдохновенію: какъ всѣ великіе артисты, они видятъ въ причeskъ произведеніе творческой силы души, и на каждой головѣ создаютъ новую идею, новую поэтическую фантазію, соответственно чертамъ лица, объему тѣла, лѣтамъ и характеру особы, согласуя цвѣтъ лентъ съ драмою глазъ, румянца и блѣдности, букетъ съ эффектомъ цѣлаго. Геліо въ Петербургѣ принадлежитъ къ школѣ парикмахеровъ-спиритуалистовъ.

— Въ концертахъ и театрахъ видно много шторныхъ атласовъ, въ которыхъ грунть всегда свѣтлѣе узора. Бѣлая атласная шляпка съ розами—самая благородная для утреннихъ собраній.

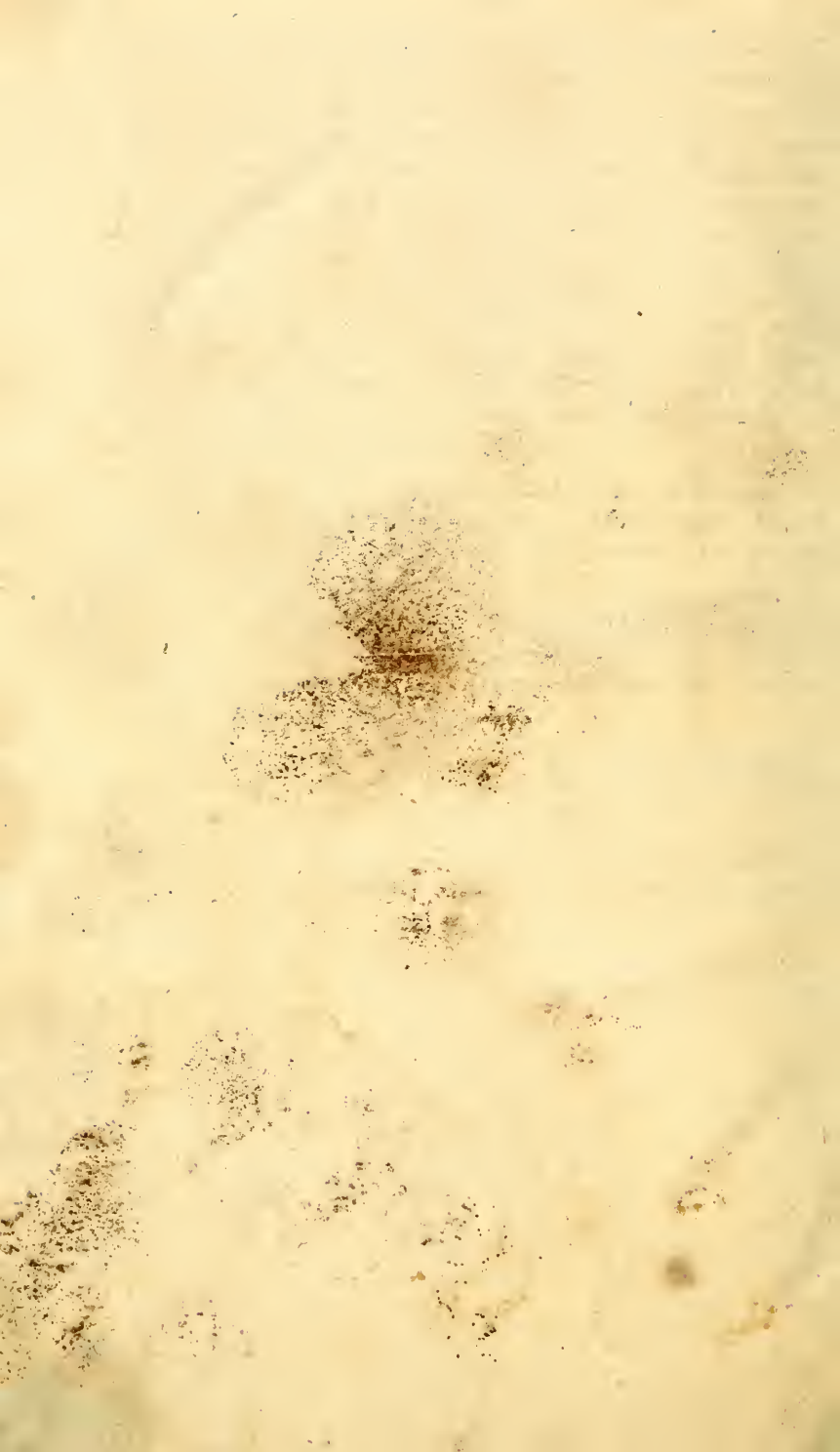
— Для прогулки пышкомъ, самая употребительнѣйшая матерія—атласъ съ такими же узорами, какъ на кисеяхъ. Свѣтло-зеленыя матеріи съ узорами темно-зеленаго цвѣта, или наоборотъ, суть самыя модныя.

— Для прогулки, въ открытомъ экипажѣ, обще-принятый цвѣтъ капотовъ — палевый или свѣтло-желтый; перья или цвѣты должны быть того же отлива.

— Шляпки Изабеллины дѣлаются изъ чернаго бархата съ тульей нѣсколько на-бекрень и съ бѣлымъ перомъ, приколотымъ прямо.

— Передники, самые новые, бываютъ атласные одного какого-нибудь цвѣта, съ печатною вокругъ гирляндой, которою узоръ повторяется и на кармазахъ.

Мужскія моды. Щеголи являются въ собранія въ черныхъ чулкахъ изъ шелковой тюли съ вышитымъ угломъ: шитье это бываетъ всегда оранжеваго цвѣта. Другіе употребляютъ обыкновенные черные чулки, но также съ однимъ оранжевымъ угломъ на каждой ногѣ.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
AP50
.B5
t.9
ch.1

